

A nighttime aerial view of Murmansk, Russia, showing illuminated buildings and a large illuminated structure on a hill in the background.

СОЦИАЛЬНЫЕ РИСКИ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Материалы Всероссийской
научно-практической онлайн-конференции
с международным участием
«Социальные риски в современном обществе»
г. Мурманск, 3-4 декабря 2020 г.

Научно-инновационный центр
Красноярск, 2020

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Мурманский арктический государственный университет
ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»
Социологический институт РАН – филиал ФГБУН Федерального научно-исследовательского
социологического центра Российской академии наук г. Санкт-Петербурга
Мурманское отделение Российского общества социологов
Мурманское региональное отделение Российского общества «Знание»

СОЦИАЛЬНЫЕ РИСКИ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Материалы Всероссийской научно-практической онлайн-конференции
с международным участием «Социальные риски в современном обществе»
г. Мурманск, 3-4 декабря 2020 г.

Научно-инновационный центр
Красноярск, 2020

УДК 314/316 (082)
ББК 60.52 я43
С69

Рекомендовано к печати кафедрой философии, социальных наук и права социального обеспечения ФГБОУ ВО «Мурманский арктический государственный университет» (протокол № 2 от 8 октября 2020 г.)

Научный редактор: Г.В. Жигунова, доктор социологических наук, доцент, заведующий кафедрой философии, социальных наук и права социального обеспечения ФГБОУ ВО «Мурманский арктический государственный университет»

Рецензенты: А.И. Виноградов, доктор философских наук, профессор;
В.В. Рябев, кандидат социологических наук

Социальные риски в современном обществе: материалы Всероссийской научно-практической онлайн-конференции с международным участием «Социальные риски в современном обществе», г. Мурманск, 3-4 декабря 2020 г., ФГБОУ ВО МАГУ [Электронный ресурс] / Научн. ред. Г.В. Жигунова. – Электрон. текстовые дан. – Красноярск: Научно-инновационный центр, 2020. – 338 с. – Режим доступа: <http://nkras.ru/arhiv/2020/SRMS2020.pdf> – Систем. требования: IBM PC; Internet Explorer и др.; Acrobat Reader 3.0 или старше. – DOI: 10.12731/978-5-907208-38-4

ISBN 978-5-907208-38-4

DOI: 10.12731/978-5-907208-38-4

Сборник материалов подготовлен по результатам работы Всероссийской научно-практической онлайн-конференции с международным участием «Социальные риски в современном обществе», проведенной 3-4 декабря 2020 г. в ФГБОУ ВО «Мурманский арктический государственный университет» при финансовой поддержке РФФИ (грант №20-011-22009\20).

В сборнике представлены результаты исследователей по актуальным проблемам развития современного общества. Материалы, вошедшие в сборник, предназначены для научных работников, преподавателей, аспирантов, студентов и всех, интересующихся данной проблематикой.

ISBN 978-5-907208-38-4

© ФГБОУ ВО МАГУ, 2020

© Коллектив авторов, 2020

© Оформление.

Научно-инновационный центр, 2020

Материалы
Всероссийской научно-практической
онлайн-конференции с международным участием
«Социальные риски в современном обществе»
г. Мурманск, 3-4 декабря 2020 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемые материалы подготовлены по результатам работы Всероссийской научно-практической онлайн-конференции с международным участием «Социальные риски в современном обществе» проведенной 3-4 декабря 2020 г. при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований.

Конференция по проблеме социальных рисков развития современного общества уже восьмой раз организуется кафедрой философии, социальных наук и права социального обеспечения Мурманского арктического государственного университета.

Соорганизаторами конференции в 2020 г. выступили ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации», Социологический институт РАН – филиал ФГБУН Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук г. Санкт-Петербурга, Мурманское отделение Российского общества социологов, Мурманское региональное отделение Российского общества «Знание».

Фокус конференции «Социальные риски в современном обществе» направлен на создание единого диалогового пространства научного сообщества, молодежи, государственных и общественных деятелей по обсуждению актуальных проблем социального развития в условиях социальных рисков.

В ходе конференции обсуждался широкий круг вопросов, связанных с рисками социально-экономического развития регионов, качества жизни граждан, социального здоровья населения, актуальных рисков жизнедеятельности молодежи и социально уязвимых категорий, вопросам методологии исследования рискогенных факторов, а также поиска действенных механизмов управления социальными рисками и роли социозащитных и добровольческих практик в предупреждении и минимизации социальных рисков. Особое внимание уделено проблемам социальных рисков в условиях процессов глобализации экономики и рисков развития Арктических территорий, имеющих особое геополитическое и стратегическое значение для Российской Федерации.

Тематика конференции привлекла внимание более 100 участников из более двух десятков регионов Российской Федерации: Архангельска, Барнаула, Белгорода, Волгограда, Вологды, Иркутска, Петрозаводска, Калининграда, Комсомольска-на-Амуре, Липецка, Пскова, Михайловска, Москвы, Мурманска, Нижнего Новгорода, Саратова, Санкт-Петербурга, Ставрополя, Тюмени, Хабаровска,

ПРЕДИСЛОВИЕ

Череповца, Якутска, а также стран Западной Европы и Скандинавии – Испании, Норвегии, Польши, Финляндии, Швеции.

Представленные материалы могут быть полезны для научных работников, преподавателей, аспирантов, студентов и всех интересующихся проблемой рисков развития современного общества.

Г.В. Жигунова,
доктор социологических наук, доцент,
председатель организационного комитета
Всероссийской научно-практической онлайн-конференции
с международным участием «Социальные риски
в современном обществе» (3-4 декабря 2020 г.)

УДК 614.2 / ББК 51.1

О.А. Александрова
НИИ Организации здравоохранения и медицинского менеджмента
Департамента здравоохранения Москвы;
Финансовый университет при Правительстве РФ
г. Москва, Россия

**ОТ СОЦИАЛЬНОГО БЛАГА К БИЗНЕС-МОДЕЛИ:
СОЦИАЛЬНЫЕ РИСКИ ГЛОБАЛЬНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ
ЗДРАВООХРАНЕНИЯ**

Аннотация. В статье раскрываются социальные последствия реализации глобального проекта, превращающего социальное благо в рыночный товар. На примере столичного здравоохранения показана неизбежность снижения доступности и качества медицинской помощи.

Ключевые слова: здравоохранение; медицинская помощь; население; доступность; качество; ВТО.

O.A. Aleksandrova
Research Institute for Healthcare Organization
and Medical Management of Moscow Healthcare Department,
Financial University under the Government of the Russian Federation
Moscow, Russia

**FROM SOCIAL GOOD TO BUSINESS MODEL:
SOCIAL RISKS OF THE GLOBAL HEALTHCARE TRANSFORMATION**

Abstract. The article reveals the social consequences of the implementation of a global project that turns a social good into a marketable product. Using the example of the capital's healthcare, the inevitability of a decrease in the availability and quality of medical care is shown.

Keywords: healthcare; medical care; population; availability; quality; WTO.

Беспрецедентные карантинные меры, принятые практически по всему миру в связи с пандемией новой коронавирусной инфекции, были направлены, как поясняли представители государства, а также специалисты в области здравоохранения, на сгла-

живание пика заболеваемости с целью недопущения превышения числа требующих госпитализации коронавирусных больных над имеющимися у медицинских организаций мощностями (койками, медперсоналом, медицинским оборудованием и т.д.).

Не столь громко и не на главных телеканалах, но, тем не менее, просачивалась информация и о том, что в тех или иных странах, испытывающих трудности в борьбе с коронавирусом, относительно недавно были проведены реформы систем здравоохранения, в рамках которых было резко сокращено число больничных коек и медперсонала, в том числе имеющих отношение к борьбе с инфекционными болезнями, сокращена подготовка специалистов-эпидемиологов и т.п.

Картина – хорошо знакомая россиянам, и особенно – жителям Москвы. В свое время Москва, нынче первой в России столкнувшаяся с COVID-19, стала лидером по «оптимизации» медицинских учреждений. Одними из первых «под нож» пошли инфекционные больницы: в 2010–2014 гг. количество инфекционных коек для взрослых было сокращено в 1,5 раза (с 4617 до 3084), для детей – в 1,6 раза (с 2556 до 1566 коек). Закрытие инфекционных больниц продолжалось и в последующие годы. Как пояснял тогда Минздрав России, «программа сокращения коечного фонда в инфекционных отделениях больниц в Москве обусловлена тем, что горожане стали реже страдать от инфекционных и паразитарных заболеваний». И вывод: «Учитывая положительные тенденции по снижению общей заболеваемости некоторыми инфекционными и паразитарными болезнями... подходы к оптимизации коечного фонда данного профиля в городе Москве можно считать эффективными»¹. Однако неангажированные специалисты полагали: причина того, что инфекционные больницы и отделения оказываются одними из самых пострадавших от «оптимизации», кроется в другом – инфекционные медучреждения сложнее коммерциализировать.

Заметной «оптимизации» подверглись медицинские учреждения и иного профиля. В этом случае сокращение сети учреждений и медперсонала обосновывалось необходимостью повышения зарплат медицинским работникам. Так, в декабре 2019 г., то есть, всего за 3 месяца до введения в городе связанных с пандемией экстраординарных мер, включающих вынужденное перепрофилирование неинфекционных медицинских организаций под лечение больных новой инфекцией, мэр Москвы С. Собянин во время своего отчета перед законодательным собранием столицы, не согласился с мнением депутатов от оппозиционных фракций о том, что радикальная оптимизация столичной системы здравоохранения снизила доступность медицинской помощи и заявил, что она, напротив, приносит пользу и медперсоналу, и пациентам: «Если бы мы не оптимизировали

¹ Минздрав считает сокращение инфекционных коек в больницах Москвы эффективным. URL: <https://tass.ru/obschestvo/2525899> (дата обращения: 29.08.2020).

количество коек, административного персонала, ненужных затрат, то заработная плата московских врачей была бы в два раза ниже»².

Справедливости ради надо заметить, что отчасти мэр Москвы не лукавит: поставленная в «майских указах» президента от 2012 г. задача повышения зарплат врачам до размера, равняющегося двум средним зарплатам в регионе, могла быть реализована только двумя путями: серьезным сокращением числа медицинских работников и ростом платности медицинских услуг, поскольку выделения каких-либо дополнительных ассигнований на ее решение «майские указы» не предусматривали. И, тем не менее, ссылка на необходимость повышения зарплат медицинским работникам это лишь часть правды. Фундаментальной причиной «оптимизации» является курс на радикальную коммерциализацию российского здравоохранения, получивший ускоренное развитие с принятием в 2010 г. закона №83-ФЗ³, по сути превращавшего государственные учреждения социальной сферы в коммерческие предприятия. Очевидно: заставить пациентов массово платить за медицинскую помощь можно лишь при условии сокращения доступности бесплатного здравоохранения.

Проведение такого курса – ни что иное как реализация глобального неолиберального проекта, направленного на ограничение роли государства в обеспечении социальных благ (образования, медицинской помощи) и трансформацию последних в коммерческие услуги с привлечением к их предоставлению частного бизнеса [1]. После крушения СССР эти неолиберальные идеи, ранее ассоциировавшиеся с реформами в Великобритании в период правления М. Тэтчер, были институционализированы через механизм Всемирной торговой организации (ВТО), что открыло возможность навязывания их реализации широкому кругу стран. Так, в 1995 году в рамках ВТО было принято Генеральное соглашение по торговле услугами (ГАТС), которое относит здравоохранение (как и образование, и социальное обслуживание) к услугам. От стран, являющихся членами ВТО, ГАТС требует постоянной либерализации социальных отраслей и сокращения их бюджетного финансирования. Кроме того, они обязаны информировать ВТО о законопроектах, касающихся социальных отраслей, и Суд ВТО может потребовать отказа от их принятия, если сочтет, что они будут мешать свободной конкуренции «поставщиков услуг» [2]. И чем слабее в стране-члене ВТО демократический контроль (контроль со стороны народа над выступающей от его имени властью), тем в большей мере интересы населения приносятся в жертву интересам стоящих за требованиями ГАТС корпораций.

² Собянин объяснил оптимизацию медицины высокими зарплатами врачей. URL: <https://regnum.ru/news/polit/2811200.html> (дата обращения: 29.08.2020).

³ Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием правового положения государственных (муниципальных) учреждений» от 08.05.2010 № 83-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_100193/ (дата обращения: 29.08.2020).

Россия, присоединившаяся к ВТО в 2012 году, заранее, еще до официального вступления в эту организацию, начала готовиться к выполнению требований ГАТС. Отсюда – неожиданная для непосвященных трансформация того, что всегда именовалось и действительно было социальным благом (образование, здравоохранение), в социальные ... услуги. К сожалению, в преддверии ратификации соглашения о присоединении России к ВТО возражения, связанные с неизбежной в этом случае радикальной коммерциализацией социальной сферы, не были слышны – как и оппоненты вступлению в ВТО из промышленного сектора, эти эксперты на вещающие на широкую аудиторию телеканалы не допускались.

При этом имевшийся к тому времени зарубежный опыт ясно свидетельствовал о тех проблемах, которые порождает безудержная коммерциализация здравоохранения и привнесение в работу медицинских организаций методов управления, характерных для бизнеса. Возникающий в этих условиях конфликт интересов внутри самого медицинского сообщества, а также столкновение организационных культур врачей и менеджеров приводит к тому, что страдает как население, которое либо лишается медицинской помощи, либо платит за навязанные медицинские услуги, так и сами медики, которых погоня руководства медицинских организаций за прибылью приводит к перегрузкам, стрессам и профессиональному выгоранию, что негативно сказывается на качестве медицинской помощи.

Все описанное теперь присутствует и в России. Проведенное нами за год до пандемии COVID-19 исследование условий труда медиков, работающих в государственных больницах и поликлиниках Москвы, показало очень высокий уровень нагрузки на медперсонал: половина респондентов отметила, что «очень устает», а каждый пятый – что «работает на пределе сил». При этом в структуре рабочей нагрузки лидирует не собственно врачевание, а работа с документацией, третье же место занимает выполнение функций недостающего или отсутствующего персонала (последствия «оптимизации»). При этом зарплата далеко не так высока, как о том рапортуют власти, в силу чего свыше 40% медиков имеют вторичную занятость. Отвечая на вопрос, что мешает качественному выполнению работы, сотрудники поликлиник в первую очередь отмечали завышенные нормы обслуживания пациентов (указаны каждым третьим врачом и медсестрой), а медперсонал больниц – недостаточную обеспеченность оборудованием и также завышенные нормы обслуживания пациентов (отмечены каждым пятым врачом и 17,3% медсестер).

Таким образом, глобальная трансформация здравоохранения, преобразующая медицинскую помощь в рыночный товар, неизбежно несет с собой риски резкого сокращения для широких слоев населения доступной и качественной медицины.

Список литературы

1. Александрова О.А. Социальная политика в условиях социально-экономической и идейной десувверенизации // Народонаселение. 2015. № 4. С. 17–32.
2. Гоулд Е., Ждановская А. Почему все же ГАТС ведет к коммерциализации общественных благ? URL: http://wto-inform.ru/experts/aleksandra_zhdanovskaya_vto_inform_ellen_gould_ekspert_po_gats_kanada_pochemu_vse_zhe_gats_vedet_k_k/ (дата обращения: 17.08.2020).

УДК 316.4.05 / ББК 60.54

Г.Г. Алексеева
ФГБОУ ВО «Чурапчинский государственный институт
физической культуры и спорта», с. Чурапча, Россия

**ВЗАИМОПОМОЩЬ КАК ФОРМА ДОБРОВОЛЬЧЕСТВА
(НА ПРИМЕРЕ С. ЧУРАПЧА)**

Аннотация. В статье рассматриваются взаимопомощь как форма добровольчества на примере регионального аспекта. Автор изучает влияние климатических условий, географического расположения региона на развитие специфики добровольчества.

Ключевые слова: взаимопомощь; добровольчество; сельское волонтерство; региональный аспект; экстремальные условия; солидарность.

G.G. Alekseeva,
Churapchinsky State Institute of Physical Education and Sports
Churapcha, Russia

**MUTUAL ASSISTANCE AS FORM OF VOLUNTEERITY
(ON THE EXAMPLE OF S. CHURAPCHA)**

Abstract. The article examines mutual assistance as a form of volunteerism on the example of the regional aspect. The author studies the influence of climatic conditions, the geographical location of the region on the development of the specifics of volunteering.

Keywords: mutual assistance; volunteering; rural volunteering; regional aspect; extreme conditions; solidarity.

Вот уже почти полгода как из-за пандемии коронавируса изменился ритм нашей повседневной жизни. Как никогда ранее стали актуальны волонтеры и их деятельность – это помощь добровольцев ежедневно оказываемая пожилым, маломобильным гражданам. В каждом регионе в рамках всероссийской акции «Мы вместе» созданы корпуса по волонтерской деятельности. Суть данной акции взаимная помощь во время пандемии коронавируса.

По утверждению О.А. Оберемко словам «волонтер» и «доброволец» приписываются сходные значения, различия отмечаются в эмоциональном, когнитивном, деятельном смыслах, амбивалентности узуса, что свойственно всем синонимам⁴. По федеральному закону №135 «О благотворительности и добровольчестве (волонтерстве)» данные понятия определены как синонимы⁵.

Волонтерство – это добровольное оказание безвозмездной общественно-полезной помощи, основанное на духовно-нравственных ценностях, формирующихся природно-климатическими условиями и традиционным наследием, имеющее определенную социальную структуру, состоящую из сообщества активных людей, общественных объединений, организаций, оказывающих разного рода безвозмездную помощь.

Взаимопомощь – это не взаимовыручка по принципу «ты мне – я тебе», а оказание безвозмездной помощи нуждающимся в целях спасения человеческой жизни в экстремальных условиях и приумножения добра в обществе⁶.

Ценности Добра, Справедливости и Равенства – идеалы человеческого сообщества. Каждое новое поколение людей испытывает новые вызовы, подвергающие их выбору между Добром и Злом, между Властью и Подчинением, между Выживанием сильнейшего и Взаимопомощью.

Особенности становления и развития волонтерства в Республике Саха (Якутия), обусловленные суровым климатом, этнокультурными традициями, низкой плотностью населения и обширной территорией объясняются экологическим подходом Э. Берждесса, Р. Парка. Значимость экологической составляющей волонтерства три группы ведущих мотиваций волонтерства: 1) личностные ценности; 2) общественно поощряемые ценности; 3) институционализованные ценности гражданского общества.

⁴ Оберемко О.А. Волонтер или доброволец: элементарные объяснения для самоопределения // Социологические исследования. № 6. 2016. С. 94-101.

⁵ О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве): Федеральный закон от 11.08.1995 N 135-ФЗ (ред. от 18.12.2018 г.). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_7495/ (дата обращения: 17.08.2020).

⁶ Алексеева Г.Г. Взаимопомощь: волонтерство в условиях холода. Человек. Культура. Образование. № 3 (33) Сыктывкарский государственный университет им. Питирима Сорокина (Сыктывкар). 2019. С. 209-222 URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_42666415_45577523.pdf (дата обращения: 17.08.2020).

Особенности волонтерства в Республике Саха (Якутия) связаны с географическим расположением региона и экстремальными климатическими условиями. Климатические условия являются одним из важных составляющих взаимоотношений членов общества между собой. Так, людям, живущим в холодных, суровых климатических условиях, холод способствует воспитанию таких качеств как взаимопомощь, отзывчивость, добрососедство, уважение.

Огромная малозаселенная территория Республики Саха (Якутии) со слабой дорожной и социальной инфраструктурой расположена в зоне вечной мерзлоты и Полюса Холода. Экстремальность холодного климата преодолевается благодаря следованию ценностям добра и свободного волеизъявления в помощи нуждающимся⁷.

Взаимопомощь – это необходимость для выживания в суровых холодных условиях. Издревле коренные жители Якутии помогают друг другу, будь то родственник, сосед или незнакомый человек, попросивший помощи. Зима в Якутии настолько долгая и холодная, что население, чтобы встретить и пережить грядущие морозы, уже с весны начинает готовиться к следующей зиме.

Так в селе Чурапча весной каждый сельский житель начинает строить, ремонтировать, утеплять дома, хозяйственные постройки и приводить в порядок приусадебные участки. Летом начинаются сельскохозяйственные работы: сенокос, работы в огороде, сбор ягод, грибов, лекарственных трав, заготовка запасов на зиму. Сенокос порой продолжается до тех пор, пока не выпадет первый снег.

В суровых климатических условиях человек должен уметь правильно вести хозяйство, распорядиться своим временем так, чтобы планомерно проводить сезонные работы, к которым относится заготовка льда. Поздней осенью сельчанам необходимо запастись льдом, так как в селах нет водопровода, чистую питьевую воду традиционно получают, растопляя лед. Также поздней осенью, когда земля замерзает и опадают листья деревьев, начинают заготавливать дрова. Заготавливают дрова из сухостоя, чтобы не повредить живые деревья. На зиму, на один дом необходимо 4-5 прицепов дров. На заготовку дров ездят коллективно – мужчины нескольких семей.

Природно-климатические условия региона обуславливают специфику видов помощи, в которой больше нуждаются пожилые люди, люди с ограниченными возможностями для того, чтобы они смогли благополучно перезимовать в своих домах. Людям пожилого возраста с каждым годом все труднее дается подготовка к перезимовке.

Особенно остро данный вопрос стоит перед пожилыми людьми, живущими в сельской местности в домах с печным отоплением, которые берут питьевую воду, расплавляя лед. В селах Якутии социальные волонтеры летом помогают

⁷ Алексеева Г.Г. Ресурсный потенциал волонтерства в Республике Саха (Якутия) // Вестник Северо-восточного федерального университета. 2018. № 3 (11). С. 44-51. URL: <http://escsvfu.ru/wp-content/uploads/2018/11/ЭСК-3-2018.pdf> (дата обращения: 30.08.2019).

пожилым людям в сборе засохшей бересты, которая очень хорошо подходит для разгорания топки печи, ведут ремонтные работы по утеплению, облагораживанию жилья, поздней осенью – участвуют в заготовке дров, льда для питьевой, хозяйственной воды на зиму, ловят рыбу в подледной рыбалке (мунха).

Все эти специфические виды деятельности традиционны среди добровольцев волонтерского центра ФГБОУ ВО «Чурапчинский государственный институт физической культуры и спорта», созданного в 2015 г. Каждый год студенты и преподаватели помогают пожилым людям, ветеранам и социальным семьям микрорайона «Спортивный». Участие студентов в традиционной деятельности коренных народов Якутии позволяет “помнить, что наши корни уходят глубоко в сельский традиционный образ жизни. Село – колыбель любой нации”, в этом смысл этнопедагогического волонтерства.

Взаимопомощь как форма добровольчества в настоящее время как никогда необходима. Сельские волонтеры помогают пожилым и маломобильным гражданам во время пандемии коронавируса помогают не только в покупке продуктов, выносе мусора, выгуле домашних животных, но также активно помогают в подготовке к перезимовке. В условиях природного холода развивается теплота социальных отношений.

Список литературы

1. Алексеева Г.Г. Взаимопомощь: волонтерство в условиях холода. Человек. Культура. Образование. № 3 (33) Сыктывкарский государственный университет им. Питирима Сорокина (Сыктывкар). 2019. С. 209-222. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_42666415_45577523.pdf (дата обращения: 26.08.2020).
2. Алексеева Г.Г. Ресурсный потенциал волонтерства в Республике Саха (Якутия) // Вестник Северо-восточного федерального университета. 2018. № 3(11). С. 44–51. URL: <http://escsvfu.ru/wp-content/uploads/2018/11/ЭСК-3-2018.pdf> (дата обращения: 30.08.2019).
3. Винокурова У.А. Экодуховное влияние холода на развитие спорта в условиях криолитозоны с экстремально низкими температурами воздуха // Международные спортивные игры «Дети Азии» – фактор продвижения идей Олимпизма и подготовки спортивного резерва: материалы международной научной конференции / под общ. ред. М. Д. Гуляева. Чурапча, 2016. 720 с.
4. Кропоткин П.А. Взаимопомощь как фактор эволюции. М.: Самообразование, 2007. 240 с.
5. Лукьянова Н.С. Волонтерское движение в Арктике: особенности, задачи, опыт // Журнал Института Наследия. 2016. № 1 (4). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/volonterskoe-dvizhenie-v-arktike-osobennosti-zadachi-opyt> (дата обр.: 22.04.2019).

6. Оберемко О.А. Волонтер или доброволец: элементарные объяснения для самоопределения // Социологические исследования. № 6. 2016. С. 94-101.
7. О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве): Федеральный закон от 11.08.1995 N 135-ФЗ (ред. от 18.12.2018 г.). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_7495/ (дата обращения: 26.08.2020 г.)
8. Чуйкова Л.Ю. Предпосылки экологического подхода к анализу социальных проблем // Астраханский вестник экологического образования. № 3 (41). 2017. С. 21–28.

УДК 316.422 / ББК 60.59

Lukas Allemann
Arctic Centre, University of Lapland
Rovaniemi, Finland

PROSPECTS AND WISHES OF YOUTH IN ARCTIC SINGLE-INDUSTRY TOWNS IN RUSSIA AND FINLAND⁸

Abstract. Based on a comparative, multi-disciplinary, Finnish-Russian research project on the youth's situation in single-industry towns of the Finnish and Russian North, this paper examines the wishes and prospects of youth (up to the age of about 20 years) in two nuclear energy cities: Pyhäjoki in Finland and Poliarnye Zori in Russia. The theoretical concepts of eudaimonic and hedonic well-being, originating from psychology, are applied to the presented cases.

Keywords: single-industry towns; Arctic; North; Russia and Finland; youth; well-being.

Лукас Аллеманн,
Арктический Центр, Университет Лапландии
г. Рованиеми, Финляндия

ПЕРСПЕКТИВЫ И ПОЖЕЛАНИЯ МОЛОДЕЖИ В АРКТИЧЕСКИХ МОНОГОРОДАХ РОССИИ И ФИНЛЯНДИИ⁹

Аннотация. Основываясь на сравнительном, междисциплинарном, российско-финском проекте исследования ситуации молодежи в моногородах российского и финского Севера, в данных тезисах представлены пожелания и стремле-

⁸ The research was funded by RFBR, project number 18-59-11001.

⁹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта 18-59-11001.

ния молодежи до 20 лет в двух городах атомной энергетики: Пюхяйоки в Финляндии и Полярные Зори в России. Применяются теоретические концепции, заимствованные у психологии, эвдемонического и гедонистического благополучия.

Ключевые слова: *моногорода; Арктика; Север; Россия и Финляндия; молодежь; благополучие.*

The project *Live, Work or Leave? Youth – wellbeing and the viability of (post)-extractive Arctic industrial cities in Finland and Russia, 2018-2020*, was funded jointly by the Finnish Academy (decision no. 314471) and the Russian Foundation for Basic Research (grant number 18-59-11001). Within this project, researchers from anthropology, sociology, political science and legal studies from the University of Lapland in Rovaniemi (lead institution), the University of Helsinki, the Petrozavodsk State University, and the North-Eastern Federal University in Yakutsk undertook a fieldwork-based analysis of the prospects and aspirations of youth (aged 15 to 30) in mono-industrial urban settings. The research revealed an array of commonalities and differences in the contemporary Arctic youth's situation across both countries and several regions. Towns and cities where the research was conducted were Nizhnii Kuranakh and Aldan in Yakutia, Revda, Poliarnye Zori, Kovdor and Kirovsk in the Murmansk Region, and Kemijärvi, Kolari and Pyhäjoki in the Finnish North. Our project aims at producing not only scholarly but also applicable results for policymakers and youth workers. We aim at contributing to youth well-being by tackling its embeddedness both in national policy frameworks and on a local level. For this reason, at the end of the project we will publish a best-practices guide in Finnish and Russian, both in printed and electronic form, which we will disseminate among authorities, youth work organisations and enterprises.

I will focus in this short paper on a few aspects of young peoples' (up to the age of 20) wishes and aspirations for leisure time activities, based on a comparison between one Finnish and one Russian town: Poliarnye Zori (henceforth PZ) and Pyhäjoki (henceforth PH).

PH and PZ may seem like an unusual pair for comparison, sharing ostensibly little beyond the fact that both places are connected with the nuclear energy sector. What unites them at a first glance is the nuclear power plant as the current (PZ) and prospective (PH) largest employer. The cities vary in size, in the political setting, in educational possibilities, in economic backgrounds and at the development stage of the industry. While in PZ Rosatom is the established “town-forming company” (*gradoobrazuiushchee predpriatie*), PH has the prospect to become an “atom-city”, as Rosatom is starting to build there a nuclear power plant in partnership with the Finnish corporation Fennovoima.

Young people both in PZ and in PH tend not to associate their futures with the (potential) strong presence of Rosatom/Fennovoima. Income is important to achieve a good life but it is not everything as Fischer suggests: “Increases in happiness level off dramatically after people reach a relatively low income threshold.” [2, p. 8]. Even if the salaries are satisfactory, in PZ, for many young people working at the power plant is not an attractive option because of the cumbersome structures and rigid workflows. In PH the final phase of building the actual power plant seems still distant for young people, as the process of obtaining permits and building has been going on for years with no concrete finishing date in sight. The outcome of our research confirms that income alone through possible work in the power plant is not enough reason or motivation for young people to stay in the towns of PH and PZ but that there are various factors, such as family ties, friends, educational and work paths that lead to an individual decision of either staying, leaving or returning.

While both towns offer an array of structured and supervised youth activities, such as different types of sports or creative hobbies, the majority of our informants in both towns addressed a need and wish for common places for young people to simply “hang out” without necessarily having to pursue goal-oriented, constructive activities. In terms of well-being theories, and putting moral values aside, we observed a heightened need by the youth for hedonic happiness, in contrast to leisure offers that pursue eudaimonic happiness. Hedonic happiness refers to everyday, short-term contentment, such as buying an longed-for item or to play, while eudaimonic happiness denotes a broader, overall life satisfaction [1–5]. While hedonic happiness is more ephemeral, also eudaimonic happiness is by far not a static condition nor a final goal: “Good life is not a state to be obtained but an ongoing aspiration for something better that gives meaning to life’s pursuits,” states Fischer [2, p. 2] Eudaimonic happiness consists of many trade-offs, often at the cost of hedonic happiness.

While there is no space here to describe the available leisure activities, our comparison shows that both in PZ and in PH young people wish to have more common, open spaces to meet up in their hometown. In both places, burger restaurants, new cafes or more shopping possibilities are on the wish-lists of young people.

An important common need of the youth both in PZ and PH are places to hang out. A place for “non-teleological” hanging out is what especially the PZ youth misses most. By contrast, the presence of a wide range of “educationally valuable” options to organize one’s leisure time is seen as something provincial. Many informants look at the bigger cities, which offer more opportunities for freer and idler pastime. For instance, some informants mentioned the municipal “Centre for youth initiatives” (Tsentr molodezhnykh initsiativ) [6] in the large city of Belgorod (southern Russia) as an example worth emulating. Similar to Finnish youth centres, this place offers a supervised but free space for spending time in ways that are not structured from above.

We suggest to take hedonic happiness more seriously as a factor for youth well-being. “Good-life” scholars like Fischer [2] tend to consider hedonic happiness as the less gratifying happiness because it is not long-lasting. They do so, however, from the vantage point of a mature, adult person. In this perspective, well-being is framed in terms of permanent and stable levels, and these levels can only be achieved through eudaimonic happiness (purposeful activities). Implicitly, the same attitude can be identified among many administrators who organize teenagers’ leisure time (an insight based mainly on observations from PZ). However, for the youth, the possibility to fulfil their needs for hedonic happiness seems to be a relevant factor for well-being and thus for staying in a single-industry town. Taking these wishes seriously implies creating more offers for short-term gratification that is interesting to the young people but is often dismissed as useless or even harmful by administrators and educators. Such “hedonic”, “useless” activities may include places to play computer games, to just “hang around” with peers. Based on direct interaction and interviewing with youth, we argue that enough possibilities for retrieving positive emotions from “hedonic” activities is very important for young people (especially teenagers), while ideas about “higher” goals, purposes and achievements have less priority before a personality is fully developed around the age of 20 [3, p. 8]. Therefore, it is important to differentiate between younger youth’s wishes (approximately under 20) and older youth. Youth above 18-20 years may have left their hometown in the search of work and new challenges, but may consider returning or did already return, valuing the peace, safety, nature, family-friendliness and thus eudaimonic well-being that a small Arctic single-industry town is able to offer them. Taking these different needs seriously has the potential to make small towns more liveable for their young population.

References

1. Edwards G.A.S., Reid L., Hunter C. Environmental justice, capabilities, and the theorization of well-being // *Progress in Human Geography*. 2016. № 6 (40), p. 754–769.
2. Fischer E.F. *The good life: aspiration, dignity, and the anthropology of wellbeing* / E.F. Fischer, Stanford: Stanford University Press, 2014.
3. Johnson S., Robertson I.T., Cooper C.L. *Well-being: productivity and happiness at work* / S. Johnson, I.T. Robertson, C.L. Cooper, 2nd ed-е изд., Cham, Switzerland: Palgrave Macmillan, 2018. 213 p.
4. Ryan R.M., Deci E.L. On happiness and human potentials: A review of research on hedonic and eudaimonic well-being // *Annual review of psychology*. 2001. № 1 (52), p. 141–166.
5. *Pursuits of happiness: well-being in anthropological perspective* под ред. G. Mathews, C. Izquierdo, New York: Berghahn Books, 2009. 278 с.
6. Tsentr molodezhnykh initsiativ. URL: <http://cmi31.ru/> (accessed 08.04.2020).

УДК 376 / ББК 88.9

*Ю.А. Афонькина
ФГБОУ ВО «Мурманский арктический
государственный университет, Россия*

**ПРОБЛЕМНОЕ ПОЛЕ
ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ ОБУЧАЮЩИМСЯ С ОВЗ
В УСЛОВИЯХ ИНКЛЮЗИВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ¹⁰**

***Аннотация.** Инклюзивное образование предполагает выстраивание принципиально новых отношений субъектов образовательной среды, вследствие чего требует серьезных преобразований профессиональная деятельность педагога-психолога в отношении оказания психологической помощи обучающимся с ОВЗ. Представлен авторский подход к решению данной проблемы с точки зрения формирования социально-психологической умелости на основе предложенной трехкомпонентной модели.*

***Ключевые слова.** Обучающиеся с ОВЗ; инклюзивное образование; субъекты образовательной среды; индивидуализация; социальные связи; развитие социально-психологической умелости.*

*Y.A. Afonkina,
Murmansk Arctic state University, Russia*

**«PROBLEM FIELD»
PSYCHOLOGICAL ASSISTANCE FOR STUDENTS
WITH DISABILITIES¹¹**

***Abstract.** Inclusive education involves building fundamentally new relationships between subjects of the educational environment, as a result of which it requires serious changes in the professional activity of a teacher psychologist in relation to providing psychological assistance to students with disabilities. The author's approach to solving this problem from the point of view of forming socio-psychological skills based on the proposed three-component model is presented.*

***Keywords:** Children with disabilities; inclusive education; subjects of the educational environment; individualization; social connections; development of socio-psychological skills.*

¹⁰ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-013-00811 А «Индивидуализация образовательной среды как фактор развития инклюзивных процессов в обучении и воспитании детей с ограниченными возможностями здоровья, проживающих на городских и сельских территориях».

¹¹ The research was funded by RFBR, project number 20-013-00811A.

Психологическая помощь составляет важное звено психолого-педагогического сопровождения обучающихся с ограниченными возможностями здоровья, значимость которой актуализируется в условиях инклюзивного образования, позволяя обеспечить индивидуализацию образовательной среды.

Инклюзивное образование предполагает выстраивание принципиально новых отношений субъектов образовательной среды (О.А. Курмышова¹², М.И. Матайс и Л.А. Хачатрян¹³ и др.). Анализ и обобщение результатов исследований позволяет нам утверждать, что такие отношения основаны на принципах социального взаимодействия, заключающегося не в установлении ситуативных контактов между субъектами, а в развитии социальных связей, реализуемых через социальные действия в комфортных и безопасных образовательных условиях. Осуществление данных действий предполагает их ориентированность на другого человека, пролонгированную рефлексивность их эффективности, а при необходимости быструю корректировку и перестройку.

Развитие социальных связей субъектов инклюзивной образовательной среды создает «проблемное поле» психологической помощи обучающимся с ограниченными возможностями здоровья.

Как показали результаты проведенного нами пилотного исследования с использованием неструктурированного интервью с участием 37 родителей обучающихся с ОВЗ, получающих образование в условиях инклюзии, 86,4% из них отмечают необходимость дальнейших усилий по обеспечению социально-психологической безопасности образовательной среды. Они указывают на неблагоприятный социальный статус ребенка и его отчуждение в группе сверстников, его чувство незащищенности, а также на недостаточность умений у него продуктивно контактировать с окружающими по причине небольшого социального опыта и своеобразия личностных качеств, например, застенчивости, замкнутости, пассивности.

Фокус профессиональной деятельности педагога-психолога должен сместиться с абсолютизации «исправления недостатков психических процессов», включающего, например, тренировку памяти, внимания, упражнения мыслительных процессов, на формирование у всех субъектов образовательной среды социально-психологической умелости, позволяющей им устанавливать продуктивные и позитивные социальные связи, что является действенным мотиватором развития (и саморазвития) психических функций обучающихся с ОВЗ. Так психиче-

¹² Курмышова О.А. Проблемы и направления совершенствования интрагруппового структурирования инклюзивных учебных групп // Современное педагогическое образование. 2019. № 11. С. 148-152.

¹³ Матайс М.И., Хачатрян Л.А. Психолого-педагогическое сопровождение обучения детей с ОВЗ // Историческая и социально-образовательная мысль. 2019. Т.11. № 6. С. 45-49.

ские функции складываются не сами по себе в искусственно созданных педагогом-психологом условиях, а в процессе социального взаимодействия. Тем самым обеспечивается единство познавательного и социального развития обучающихся.

Социально-психологическую умелость мы понимаем как набор умений субъекта, позволяющий ему компетентно, то есть на высоком уровне результативности, решать жизненные задачи разной степени сложности, возникающие не только в специально смоделированных с образовательными целями ситуациях, но и в повседневных, складывающихся спонтанно. Наличие социально-психологической умелости у субъектов образовательной среды выступает фактором обеспечения ее социально-психологической безопасности и условием ее индивидуализации, поскольку позволяет обучающемуся вырабатывать собственный репертуар поведения в микросоциуме, основанный на взаимосвязи групповых социальных процессов – дифференциации и интеграции.

Социально-психологическую умелость составляют следующие умения: объективное восприятие и интерпретация социально-образовательной ситуации на основе принципа разнообразия; оценка ситуации как проблемы, требующей решения; управление своими эмоциями путем осознания их проявлений и причин; выработка, анализ и отбор вариантов разрешения проблемы для определения стратегии эффективного поведения; установление социальных связей с другими субъектами ситуации; саморегуляция и рефлексивная самооценка.

С целью решения задачи по развитию социально-психологической умелости у обучающихся с ОВЗ в инклюзивном образовании мы предлагаем трехкомпонентную модель.

Первый компонент профессиональной деятельности педагога-психолога включает (аксиологический) предполагает формирование в школьном сообществе понимания ценности совместных социально-образовательных практик как способа реализации идеи инклюзии в коллективной деятельности.

Второй компонент (практический) отражает создание социально-образовательных ситуаций, побуждающих обучающихся к осмыслению социального взаимодействия, поиску способов установления социальных связей и их объективация в разнообразных форматах сотрудничества.

Третий компонент (рефлексивный) связан с обучением детей развернутому анализу и самоанализу эффективности совместной деятельности, выявлению причин ее недостаточной успешности и определению способов корректировки ситуации.

Принципами успешной реализации данной модели профессиональной деятельности педагога-психолога по формированию социально-психологической умелости у обучающихся с ОВЗ в инклюзивной образовательной среде, на наш

взгляд, выступают: интеграция социально-образовательного опыта; открытость образовательной среды для обогащения социально-образовательными практиками; вариативность в отношении способов и форм сотрудничества.

Список литературы

1. Курмышова О.А. Проблемы и направления совершенствования интрагруппового структурирования инклюзивных учебных групп // Современное педагогическое образование. 2019. № 11. С. 148-152.
2. Матайс М.И., Хачатрян Л.А. Психолого-педагогическое сопровождение обучения детей с ОВЗ // Историческая и социально-образовательная мысль. 2019. Т.11. № 6. С. 45-49.

УДК 316.4(045) / ББК 60.524.18

Е.И. Борковская
Финансовый университет при правительстве РФ
Москва, Россия

ЕСТЬ ЛИ SHARING ЗА ПРЕДЕЛАМИ МЕГАПОЛИСА?

Аннотация. В настоящее время *sharing economy* или экономика совместного потребления, активно развивается во всем мире, не обходя стороной и Россию. Целью данной работы является выявить основные перспективы развития *sharing economy* за пределами столичных мегаполисов. В тезисах рассматриваются примеры *sharing economy*, успешно функционирующие в российских городах.

Ключевые слова: *sharing; sharing-экономика; экономика совместного потребления; аренда; мегаполис; инвестиции; технологии; платформа; сервис.*

Ekaterina I. Borkovskaya
Financial University under the Government of the Russian Federation,
Moscow, Russia

IS THERE SHARING OUTSIDE OF THE MEGAPOLIS?

Abstract. Nowadays, the *sharing economy*, or the *economy of shared consumption*, is actively developing all over the world, not bypassing Russia. The purpose of this work

is to identify the main prospects for the development of the sharing economy outside the megapolis areas. The theses consider examples of sharing economy successfully operating in Russian cities.

Keywords: *sharing; sharing-economy; economy of shared consumption; rent; megapolis; investment; technology; platform; service.*

Активный процесс цифровизации экономики приводит к глобальным изменениям в потребительском поведении жителей развитых и развивающихся стран. Россия не является исключением. Расширение и укрепление горизонтальных социальных связей дает возможность людям оптимизировать потребительские расходы, а также повысить качество жизни, применяя принципы экономической модели совместного потребления¹⁴. Sharing economy, она же экономика совместного потребления или пользования, не лишает преимуществ обладания, а лишь сглаживает недостатки классического владения. Благодаря онлайн-сервисам sharing-economy потребителям нет необходимости приобретать товар для получения доступа к нему. Доступность товаров и услуг увеличивается и в отношении стоимости, и в отношении скорости их предоставления¹⁵. В современном мире становится выгоднее и удобнее платить за временный доступ к продукту, чем владеть им, единоличное владение имуществом теперь зачастую становится дорогим и невыгодным, а владение движимым и недвижимым имуществом как признак стабильности и статуса, уходит в прошлое¹⁶.

Один из популярных вопросов, имеющих резонансные точки зрения: «есть ли перспективы развития sharing-economy» за пределами крупных мегаполисов с развитыми транспортными системами, продвинутыми пользователями интернет-сервисов, крупными инвесторами и прочими необходимыми возможностями развития?». Ответ действительно не может быть однозначным, так как опыт зарубежных стран нельзя тотально транслировать на наше государство, имеющее огромные административно-территориальные границы, разделение на 85 субъектов, существенные различия в социально-экономическом развитии регионов и т.д.

Необходимо понимать, что помимо стандартных сфер аренды жилья (посуточная и долгосрочная аренда) и автотранспорта (каршеринг, карпулинг, райд-

¹⁴ РАЭК: «Экономика совместного потребления в России 2018». URL: https://tiarcenter.com/wp-content/uploads/2018/11/RAEC_Sharing-economy-in-Russia-2018_Nov-2018.pdf (дата обращения: 30.08.2020).

¹⁵ Botsman R., Rogers R. What's Mine Is Yours: The Rise of Collaborative Consumption. Tantor Media, 2010. 304 p.

¹⁶ Головецкий Н. Я., Гребеник В. В. Фундаментальные основы экономики совместного потребления // Вестник Московского университета имени С.Ю. Витте. Серия 1: Экономика и управление. 2017. № 4 (23).

шеринг) экономика совместного потребления ежегодно захватывает все новые и новые аспекты. Рассмотрим примеры, успешно функционирующие как в российских мегаполисах, так и за их пределами.

Исходя из вышеупомянутого, снять дом или квартиру на сутки или на год уже не является проблемой не только в крупном городе, но и почти в любой провинции нашей страны, для этого не надо искать объявление в газетах или нанимать риелтора, российские онлайн-платформы Суточно.Ру¹⁷, Квартирка¹⁸ успешно функционируют уже более 10 лет, а также развивают свою деятельность на просторах СНГ.

Фудшеринг – больше, чем просто направление sharing, это целая философия, рационализирующая потребление пищевых товаров и позволяющая избавиться от излишков продукции в пользу нуждающихся. Главная концепция “Фудшеринга” – распределение пищевых продуктов с истекшим сроком реализации. Этот сервис занимается распределением пищевых продуктов между малообеспеченными семьями, фондами помощи и приютами, благотворительными компаниями, нуждающимися категориями населения. Фудшеринг Россия¹⁹ – это проект, который помог спасти от выбрасывания более 550 тонн еще пригодной для употребления еды. Проект был организован в 2015 году на основе зарубежного опыта Германии²⁰ с учетом адаптацией к российским реалиям. Одним из главных направлений развития фудшеринга в данный момент является вовлечение новых населенных пунктов нашей страны в деятельность проекта.

Нестандартным, на первый взгляд, предметом для коллективного потребления являются растения, с помощью которых создают атмосферу и украшают интерьеры на многих мероприятиях. В данной сфере можно осветить успешно действующий региональный сервис sharing-экономики «Флора Ленд»²¹. Данный сервис находится в Симферополе и предоставляет растения напрокат по всему Крыму. Растения можно арендовать на срок от 1 суток до 3 лет. На весь период аренды клиенту гарантировано обслуживание растений в комплексе, дизайнеры и озеленители предоставляют бесплатные консультации.

Еще одна сфера sharing, которая активно расширяет аудиторию, является сфера совместного пользования книгами – booksharing. В качестве примера хочется привести сервис, не привязанный к конкретному городу или региону, именно данный признак шеринг-проектов дает возможность им развиваться автономно.

¹⁷ <https://sutochno.ru/>

¹⁸ <https://kvartirka.com/>

¹⁹ <http://www.foodsharingrussia.ru/>

²⁰ <https://foodsharing.de/>

²¹ <http://www.interflora.top/>

LiveLib²² – онлайн-сервис по обмену, продаже, предоставлению в дар книг. Каждый зарегистрированный пользователь может выкладывать бесплатные объявления с кратким описанием издания, указанием стоимости, состояния, года выпуска, личных контактов и предпочтительного места встречи. Все пользователи сайта могут ставить книгам оценки (их на сервисе уже около 15 миллионов), писать на них рецензии (около 940 тысяч). Всего в коллекциях хранится более 58 миллионов изданий.

Еще одним успешным sharing-сервисом, удачно адаптировавшимся к российским реалиям и имеющим широкую сеть, является сервис «Бери заряд»²³. Данная компания оказывает услуги проката зарядных устройств. Разработано приложение, которое позволяет быстро, просто и недорого взять в аренду зарядное устройство для телефона. Для этого необходимо зарегистрироваться на ресурсе, произвести оплату картой, находясь около ближайшего автомата, и взять свою зарядку. Для сдачи устройства следует убрать кабели, ввести номер автомата и сдать пауэрбанк. Кроме Москвы и Санкт-Петербурга, данный сервис успешно функционирует в Волгограде, Иркутске, Нижнем Новгороде, Сочи, Челябинске, Махачкале, Геленджике.

Влияние модели совместного потребления не ограничивается цифровизацией ряда отраслей, оно системно и многоаспектно. Развитие ЭСП в РФ вносит вклад в решение как минимум половины задач, зафиксированных в «майском указе» Президента²⁴. При этом ЭСП не просто улучшает показатели, а трансформирует экономические отношения, причем в самых разных сферах: городская среда, городской общественный транспорт, междугородные перевозки, туризм, аренда коммерческой недвижимости и оборудования. Развитие подобных направлений, несущих системные изменения и влияющих на развитие страны в целом, является критически важным для экономического роста страны, поскольку именно они обеспечивают так называемый Парето-эффект: 20% усилий, которые дают 80% результата²⁵.

Список литературы

1. Головецкий Н.Я., Гребеник В.В. Фундаментальные основы экономики совместного потребления // Вестник Московского университета имени С.Ю. Витте. Серия 1: Экономика и управление. 2017. № 4 (23).

²² <https://www.livelib.ru/>

²³ <https://berizaryad.ru/>

²⁴ Указ Президента РФ от 07.05.2018 № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года».

²⁵ Botsman R., Rogers R. What's Mine Is Yours: The Rise of Collaborative Consumption. Tantor Media, 2010. 304 p.

2. РАЭК: «Экономика совместного потребления в России 2018». URL: <https://tiarcenter.com/wp-content/uploads/2018/11/RAE>. (дата обращения: 30.07.2020).
3. РБК. Передай другому: что такой экономика шеринга: РБК Тренды. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/sharing/5e73fbc29a794707>. (дата обращения: 30.07.2020).
4. Указ Президента РФ от 07.05.2018 № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года».
5. Botsman R., Rogers R. What's Mine Is Yours: The Rise of Collaborative Consumption. Tantor Media, 2010. 304 p.
6. <https://foodsharing.de/>
7. <http://www.foodsharingrussia.ru/>
8. <http://www.interflora.top/>
9. <https://www.livelib.ru/>
10. <https://kvartirka.com/>
11. <https://sutochno.ru/>

УДК 316.4 / ББК 60.54

Л.А. Брушкова
ФГОБУ ВО Финансовый университет при Правительстве
Российской Федерации, г. Москва, Россия

ЛЕГАЛИЗАЦИЯ САМОЗАНЯТОСТИ МОСКОВСКОЙ МОЛОДЕЖИ: ФАКТОРЫ ДЕМОТИВАЦИИ²⁶

Аннотация. Предметом статьи является анализ факторов, препятствующих легализации самозанятости московской молодежи. Эмпирической базой работы послужили статистические данные и данные социологических исследований, включая собственное исследование автора. Автор отмечает новые факторы роста самозанятости в России и ее преимущественно неформальный характер. На основании проведенного анализа делается вывод, что поведение самозанятой молодежи, не желающей легализовываться, может быть охарактеризовано как рациональное.

Ключевые слова: самозанятость; неформальная экономика; легализация; молодежь; российское общество.

²⁶ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00519 А «Вызовы и риски формирования нового гендерного порядка и социальный механизм управления им в России».

L.A. Brushkova
Financial University under the Government of the Russian Federation
Moscow, Russia

**LEGALIZATION OF SELF-EMPLOYMENT OF MOSCOW YOUTH:
DEMOTIVATION FACTORS²⁷**

Abstract. The subject of the article is the factors, preventing legalization of self-employment of Moscow youth. The empirical base of the research is statistic data and data of sociological surveys including the author's one. Author emphasizes new factors of self-employment growth in Russia and its mostly informal character. On the base of the analysis conducted the author made conclusion that the economic behaviour of Moscow self-employed youth is rational.

Keywords: *self-employment; informal economy; legalization; youth; Russian society.*

Самозанятые, как особая группа занятого населения, существовали в России всегда. Даже во времена планово-директивной экономики СССР были частно-практикующие специалисты (врачи, репетиторы, адвокаты, риэлторы и др.), уличные торговцы и другие категории занятых, ведущие свою деятельность в обход налогового учета.

В настоящее время отмечается рост самозанятости в стране, связанный как с традиционными (узость рынка труда), так и с абсолютно новыми факторами технологического и культурного свойства. Информационно-коммуникационные технологии открывают поистине безграничные возможности для различных видов самозанятости всех групп населения. Одновременно происходит утверждение постмодернистских ценностей, что особенно характерно для молодежи, когда на первый план выходят ценности самореализации, свободного времени, мобильности и др. И с этими ценностями самозанятость подчас согласуется лучше, чем работа по найму.

Абсолютное большинство самозанятых в России находятся «в тени», т.е. ведут свою деятельность в обход государственного учета и налогообложения, что является серьезной проблемой как для государства (недополучение налогов), так и для самих самозанятых, которые, не делая пенсионных и других социальных отчислений со своих доходов, могут столкнуться с проблемами бедности, потери трудоспособности и другими рисками.

В настоящее время государство предпринимает активные действия по легализации самозанятых. Одной из таких мер является вступивший в силу с 1 января

²⁷ The research was funded by RFBR, project number 20-011-00519 A.

2019 г. Федеральный закон № 422 «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «налог на профессиональный доход», который с 1 июля 2020 г. действует по всей стране.

Согласно этому закону, самозанятые – это физические лица, ведущие самостоятельную трудовую деятельность, выполняющие работы и оказывающие услуги для физических и юридических лиц. Для них характерно отсутствие формального работодателя и трудового договора; отсутствие наемных работников; получение регулярного дохода от профессиональной деятельности и годовой доход не более 2,4 млн рублей²⁸.

Хотя на 5 марта 2020 г., по данным ФНС, количество зарегистрированных самозанятых составило более полумиллиона человек, а суммарный доход, получаемый самозанятыми, около 60 млрд. рублей, это лишь небольшая доля реально занятых в этом секторе²⁹. Ведь по различным статистическим оценкам, приблизительное число самозанятых в стране составляет от 4,7 до 15,25 млн. человек³⁰. Социологические замеры дают еще большие цифры – примерно 16–17 млн. самозанятых на 2019 г., что составляло примерно четверть всех занятых в экономике³¹.

В то же время панельные опросы показывают, что около 30% самозанятых оценили проходящий в стране эксперимент по введению нового налога на профессиональный доход положительно и хотели бы воспользоваться данным режимом в будущем³².

Одной из целей социологического исследования, проведенного нами весной 2020 г., было выявление мнений московской самозанятой молодежи относительно легализации своей деятельности.

В ходе исследования было проведено 22 глубинных интервью с самозанятыми в возрасте от 18 до 30 лет, ведущими свою деятельность в Московском регионе на постоянной основе. Средний стаж самозанятости – 5,5 лет. Сферы самозанятости опрошенных (в порядке убывания частоты): репетиторство, маркетинг и SMM, блогинг, дизайн, фотография, бьюти-услуги, IT-услуги, курьерские услуги.

²⁸ Федеральный закон «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход» в городе федерального значения Москве, в Московской и Калужской областях, а также в Республике Татарстан (Татарстан)» от 27.11.2018 N 422-ФЗ (последняя редакция).

²⁹ Официальный ресурс Федеральной налоговой службы. Пресс-релиз ФНС «Более полумиллиона человек зарегистрировались в качестве самозанятых в России» // Официальный сайт ФНС. URL: https://www.nalog.ru/rn77/news/activities_fts/9653700/ (дата обращения: 15.04.2020).

³⁰ Официальный ресурс РБК. Пресс-релиз «Росстат сообщил о росте неформальной занятости в России» // 05 сентября 2019 года. URL: <https://www.rbc.ru/economics/05/09/2019/5d6e74fb9a794709eeba4f8c> (дата обращения: 10.03.2020).

³¹ В опросе методом личного интервью приняло участие 1215 человек.

³² Новостной портал «Коммерсант». Неучтенный ресурс: Почему государству вряд ли удастся в ближайшее время заработать на самозанятых // 9 сентября 2019 года. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4080088> (дата обращения: 10.11.2019).

В результате исследования выяснилось, что примерно половина опрошенных не рассматривают возможности легализации своей занятости.

Проведенный анализ полученных данных позволил нам сделать следующие выводы относительно причин нежелания самозанятой молодежи легализовывать свою деятельность.

1) Недоверие к государству. Среди издержек легализации самозанятости респондентами назывались высокие ставки налогов и отчислений, усложненные процедуры отчетности, а также сам факт того, что государство их будет «видеть». Это говорит о недоверии многих молодых самозанятых к государству и нежелании с ним сотрудничать.

2) Отсутствие каких-либо неудобств, связанных с неформальным статусом самозанятых. Практически все респонденты заявляли, что не сталкивались в этой связи с каким-либо требованиями или недоверием к себе со стороны заказчиков, так как этот аспект не является для них значимым. Заказчиков волнует сама организация предоставления услуги, а не ее статус (формальный или неформальный). Это свидетельствует о хабиутализации (опривычивании) неформальной экономической деятельности не только среди самозанятых, но и во внешнем социальном окружении (среди потребителей предоставляемых ими услуг и товаров).

3) Отсутствие желания расширять свой бизнес, когда преимущества легализации были бы реально ощутимы. Например, респонденты отмечали, что не собираются обращаться за институциональной финансовой поддержкой (в банки и другие организации) и им вполне хватает тех средств, которые им предоставляются по неформальным каналам. Микромасштабы деятельности многих самозанятых делают также ненужными для них услуги рекламных и страховых компаний.

Таким образом, поведение самозанятой московской молодежи можно назвать вполне рациональным, когда сопоставление преимуществ и издержек легализации своей деятельности, приводит их к выводу, что преимущества для них не столь ощутимы, а издержки могут быть слишком высоки. Отсутствие реальных выгод от легализации самозанятости, а также недоверие к государству являются основными факторами, демотивирующими самозанятых молодых людей легализовывать свою деятельность.

Список литературы

1. Федеральный закон «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход» в городе федерального значения Москве, в Московской и Калужской областях, а также в Республике Татарстан (Татарстан)» от 27.11.2018 N 422-ФЗ (последняя редакция).

2. Новостной портал «Коммерсант». Неучтенный ресурс: Почему государству вряд ли удастся в ближайшее время заработать на самозанятых // 9 сентября 2019 года. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4080088> (дата обращения: 10.11.2019).
3. Официальный ресурс РБК. Пресс-релиз «Росстат сообщил о росте неформальной занятости в России» // 05 сентября 2019 года. URL: <https://www.rbc.ru/economics/05/09/2019/5d6e74fb9a794709eeba4f8c> (дата обращения: 10.06.2020).
4. Официальный ресурс Федеральной налоговой службы. Пресс-релиз ФНС «Более полумиллиона человек зарегистрировались в качестве самозанятых в России» // Официальный сайт ФНС. URL: https://www.nalog.ru/rn77/news/activities_fts/9653700/ (дата обращения: 10.06.2020).

УДК 316.35 : 316.44 / ББК 60.54

В.В. Бубликов
Белгородский государственный национально-исследовательский
университет, г. Белгород, Россия

БИЭТНИЧНЫЕ РУССКО-УКРАИНСКИЕ МИГРАНТЫ-«СЕВЕРЯНЕ» В СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ СРЕДЕ ЮЖНЫХ РЕГИОНОВ РОССИИ (НА ПРИМЕРЕ БЕЛГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ)³³

Аннотация. Распад СССР и коренное изменение социально-экономической модели развития привел к массовым миграционным потокам на постсоветском пространстве, одним из наиболее массовых из которых стала миграция из регионов Севера в южные регионы Европейской России. Среди этих регионов Белгородская область стала одной из наиболее привлекательных территорий для переселенцев-северян, а одной из специфических групп мигрантов-северян стали выходцы из Украины. По оценке автора в 2010-е гг. в Белгородском регионе проживало около 200 тыс. бывших жителей регионов Севера Европейской России, Сибири и Дальнего Востока, из которых не менее 25 тыс. имеет двойную русско-украинскую этноидентичность.

Ключевые слова: биэтничность; русско-украинское население; Белгородская область; миграция из регионов Севера; северяне.

³³ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00676\20 «Множественная русско-украинская этническая идентичность в России и ее региональные особенности».

V.V. Bublikov

Belgorod State University, Belgorod, Russia

**BIETHNIC RUSSIAN-UKRAINIAN
MIGRANTS - “NORTHERNES” IN THE SOCIOCULTURAL
ENVIRONMENT OF THE SOUTHERN REGIONS OF RUSSIA
(ON THE EXAMPLE OF THE BELGOROD REGION)³⁴**

Abstract. The collapse of the USSR and a radical change in the socio-economic model of development led to massive migration flows in the post-Soviet space, one of the most massive of which was migration from the regions of the North to the southern regions of European Russia. Among these regions, the Belgorod region has become one of the most attractive territories for migrant northerners, and immigrants from Ukraine have become one of the specific groups of migrant northerners. According to the author, in the 2010s. in the Belgorod region lived about 200 thousand former residents of the regions of the North of European Russia, Siberia and the Far East, of which at least 25 thousand have a double Russian-Ukrainian ethnic identity.

Keywords: bi-ethnicity; Russian-Ukrainian population; Belgorod region; migration from the regions of the North; northerners.

После десятилетий массовой миграции жителей «южных» регионов России и Украины в «северные» приарктические российские регионы в советский период, после распада СССР миграционные потоки развернулись в обратном направлении. Постсоветские десятилетия для регионов Европейского Севера, Сибири и Дальнего Востока стали периодом масштабной депопуляции³⁵, в первую очередь в связи с массовым выездом в южные регионы европейской части России. Соответственно население южных регионов Центральной России стало активно пополняться «северянами».

Один из наиболее массовых миграционных притоков из регионов Европейского Севера, Сибири и Дальнего Востока после 1991 г. пришелся на регионы Центрального Черноземья, лидером среди которых по этому показателю стала Белгородская область. Так, если в 1989 г. в области проживало 58,7 тыс. лиц, рожденных в «северных» регионах, то к 2002 г. их число выросло до 88,8 тыс. и до 94,4 тыс. чел. в 2010 г. (табл. 1).

³⁴ The research was funded by RFBR, project number 20-011-00676\20.

³⁵ Например, численность населения Мурманской области сократилась с 1147 тыс. чел. в 1989 г. до 893 тыс. в 2002 и до 795 тыс. чел. в 2010 г.

Численность лиц, рожденных в регионах Европейского Севера, Сибири и Дальнего Востока, проживающих в Белгородской области по данным переписей населения 1989, 2002, 2010 гг.³⁶

	1989 г.	2002 г.	2010 г.	Прирост 1989-2010, %
Северо-Западный ФО	14 436	20 227	21 701	50%
в т.ч. Респ. Коми	1 589	3 427	5 057	218%
в т.ч. Мурманская обл.	1 497	3 247	3 888	160%
Уральский ФО	13 809	18 470	19 210	39%
в т.ч. Тюменская обл. с А.О.	1 244	3 098	4 300	246%
Сибирский ФО	20 131	30 547	30 961	54%
в т.ч. Красноярский край	3 467	6 470	6 088	76%
Дальневосточный ФО	10 329	19 564	22 506	118%
в т.ч. Сахалинская обл.	1 540	3 078	3 799	147%
в т.ч. Магаданская обл.	769	2 507	2 977	287%
Всего «Северяне»	58 705	88 808	94 378	61%

Более того, в реальности бывших «северян» в Белгородской области значительно больше, т.к. вышеприведенные цифры включают только уроженцев регионов Севера и не учитывают тех лиц, которые прожили в них многие годы и десятилетия, но сами были рождены в других регионах и республиках. По всей видимости в реальности число бывших жителей регионов Севера в Белгородской области составляет около 200 тыс. чел. или около 15% всего населения региона.

Переселенцы-северяне в Центральном Черноземье представляют большой интерес и в связи с их этническим происхождением. Поскольку освоение и заселение северных регионов России в советский период осуществлялось в значительной мере за счет демографических ресурсов Украины, то среди «северян» значительный процент составляют люди украинского этнического происхождения³⁷.

Распад СССР осложнил для украинцев возможности возвращения на Родину, прежде всего даже не с правовой точки зрения, сколько с финансово-материальной. Проработав в северных российских регионах, выходцы из Украины заработали более высокую российскую пенсию, которую они теряли в случае возвращения на постоянное место жительства в Украину.

О социально-экономической мотивации переселения северян-украинцев пишет Н.Ю. Замятина: «В Белгород, Старый Оскол и Краснодар едут те, “родина предков” которых эти области, а также те, кто связан с Украиной <...> В последние два десятилетия уровень жизни на Украине в целом был значительно ниже, чем в России, поэтому большинство приехавших на заработки в Россию украинцев предпочитали не возвращаться на родину, а оседать в России – по возмож-

³⁶ <http://www.demoscope.ru/weekly/pril.php>

³⁷ Например, в Мурманской обл. в 1989 г. проживало 120 тыс. лиц, рожденных в Украине (для сравнения число выходцев из иных регионов России составляло 512 тыс.); в Коми – 94 тыс. (российских мигрантов – 409 тыс.). Соответственно доля украинцев по национальности в северных регионах России была одной из наиболее высоких в РСФСР (в Магаданской обл. – 15,4%, в Мурманской обл. – 9,0%, республика Коми – 8,3% и т.д.).

ности все же поближе к родным местам. Благодаря норильским интервью стало понятно, что именно украинцы формируют те беспримерные потоки с Севера в Белгород, которые фиксировались ранее»³⁸.

Учитывая эти обстоятельства, одним из альтернативных направлений миграции для «северян»-выходцев из Украины стало не возвращение на Родину, а переезд в один из южных российских регионов, с относительно хорошими природно-климатическими условиями, более дешевой жизнью и, не маловажное обстоятельство, территориально близко расположенный к Украине, где у таких людей остались родственники, недвижимость и пр.

Именно поэтому Белгородская область стала наиболее привлекательным для жителей российских северных регионов с украинскими корнями направлений переселения. Относительно хорошая социально-экономическая ситуация в регионе и развитая транспортная инфраструктура, в т.ч. и близость второго по величине города Украины – Харькова, который расположен всего в 80 км от Белгорода – все эти факторы стали ключевыми в выборе этого региона и, в меньшей степени, иных регионов Центрального Черноземья для переселения украинцев-северян.

«Белгородская область стала местом массового вселения людей, ранее уехавших на Север с территории Украины. Если бы Украина и Россия оставались в составе единого государства, население области было бы меньше»³⁹.

Длительное проживание в России, широкое распространение этнически смешанных браков привели к тому, что численность лиц, идентифицирующих в переписях населения себя украинцами в России все последние десятилетия, неуклонно сокращалась. Однако, на практике мы наблюдаем скорее не процесс «исчезновения» украинской этноидентичности, сколько добавления к ней этничности русской, которую в силу общественно-политической ситуации биэтнические жители декларируют более часто (т.к. в анкете переписи населения и в некоторых документах мы пока можем указывать только одну национальность).

Этносоциологические исследования в Белгородской области, проведенные автором, показывают, что биэтническое русско-украинское население составляет значительную величину и многократно превосходит число тех, кто в последней переписи назвал себя украинцем. Так, в целом в Белгородском регионе при массовом опросе двойную русско-украинскую национальность указали 16,2%, а в приграничных районах – 22,7%⁴⁰.

³⁸ Замятина Н.Ю. Расслоение пространства. Миграция с Севера как индикатор статусных различий городов России // Отечественные записки. 2014. № 3 (60). С. 175.

³⁹ Замятина Н.Ю. и др. Особенности миграционной ситуации в Белгородской области: факторы повышенной привлекательности территории для мигрантов из Северных регионов России // Вестник Московского университета. Серия 5: География. 2019. № 5. С. 105.

⁴⁰ См.: Бубликов В.В. Уровень распространения множественной русско-украинской этноидентичности в Белгородской области // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. 2019. Т. 44, № 4. С. 562-574.

Причем от всей совокупности биэтнических респондентов выходцы из других российских регионов (прежде всего, так называемые «северяне») составляют значительную часть. По данным опроса 2018 г. уроженцы иных субъектов РФ составляли 12,8% от всей совокупности населения с двойной русско-украинской этничностью, для сравнения выходцы из Украины – 14,4%. К этому числу следует добавить еще 9,8% респондентов, которые в анкете выбрали вариант «я проживаю в этой местности с рождения, но мои родители приезжие» – это дети мигрантов. То есть, примерно каждый пятый биэтнический русско-украинский житель Белгородской области – выходец из других регионов РФ и более половины из них уроженцы регионов Севера Европейской части, Сибири и Дальнего Востока.

В абсолютных числах биэтническая русско-украинская этнокультурная группа в Белгородской области, по нашей оценке, насчитывает около 250 тыс. чел. (исходя из доли в населении 16,2%), из которых не менее 25 тыс. – бывшие жители северных российских регионов.

Таким образом в постсоветский период массовая миграция из регионов Севера, Сибири и Дальнего Востока не только стала значительной демографической «подпиткой» для регионов юга европейской части страны, фактором их социально-экономического развития, но и существенно повлияла на социокультурную и этнокультурную ситуацию в этих регионах. Наличие в этом миграционном потоке большой доли лиц украинского происхождения существенно пополнило группу биэтнического русско-украинского населения. Причем эти мигранты имеют как правило тесные гуманитарные контакты со своими родственниками в Украине, в т.ч. и в ее западных областях.

Вместе с этим, приток мигрантов-северян в последние годы в Белгородскую область (особенно после 2014 г.) значительно сократился. Территориальная близость Украины из позитивного фактора при выборе региона-переселения для мигрантов-северян, превратилась в отрицательный, т.к. стала отпугивать потенциальных переселенцев, опасаящихся возможности «перекидывания» вооруженного конфликта на востоке Украины на соседние российские регионы. Да и сам демографический, миграционный потенциал регионов Севера в значительной степени исчерпан. По всей видимости приток переселенцев из этих регионов будет снижаться.

Список литературы

1. Бубликов В.В. Уровень распространения множественной русско-украинской этноидентичности в Белгородской области // Научные ведомости Белгородского государственного ун-та. С.: Философия. Социология. Право. 2019. Т. 44. № 4. С. 562-574.
2. Замятина Н.Ю. и др. Особенности миграционной ситуации в Белгородской области: факторы повышенной привлекательности территории для мигрантов из Се-

верных регионов России // Вестник Московского университета. Серия 5: География. 2019. № 5. С. 97-107.

3. Замятина Н.Ю. Расслоение пространства. Миграция с Севера как индикатор статусных различий городов России // Отечественные записки. 2014. № 3 (60). С. 165-177.

УДК 316.4 / ББК 60.524

А.В. Бурцева
Санкт-Петербургский политехнический университет
Петра великого, Санкт Петербург, Россия

ВРЕМЯ ПО МУРМАНСКУ⁴¹

Аннотация. В статье анализируется временная составляющая хронотопа Кольского Севера, понимаемого как проекция системы пространственно-временных координат территории в сознании жителей Мурманской области. Материалом для статьи послужили исследования, проведенные авторами в ноябре 2018 (опрос 444 жителей региона) и феврале-марте 2020 г (20 интервью). Хронос рассматривается как в его циклическом аспекте (восприятие северянами ритма жизни и перспектив), так и в линейном (формирование населения на Севере, восприятие истории северянами), что позволяет выявить отношение населения к региону.

Ключевые слова: хронотон; топофилия; топофобия; хронос; социальное; миграция; оседлость.

A.V. Burtseva
St. Petersburg politechnical University Peter the Great,
Saint Petersburg, Russia

TIME IN MURMANSK⁴²

Abstract. Chronos is considered both in its cyclical (attitude to changing seasons, polar day and night, the northerners perception of the rhythm of life), and in a linear aspect (population formation in the North, perception of history by the northerners).

Keywords: chronotope; topophilia; topophobia; chronos; migration; settledness.

⁴¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-05-60088 «Устойчивость развития Арктических городов в условиях природно-климатических изменений и социально-экономических трансформаций».

⁴² The research was funded by RFBR, project number 18-05-60088.

Введение и постановка проблемы

Феномен северных городов все чаще обращает на себя внимание исследователей, что обусловлено значимостью арктической тематики как в современном научном дискурсе, так и политико-экономическом контексте.

Одно из ключевых противоречий современной ситуации связано с приоритетностью освоения Арктики, что предполагает наличие обжитого пространства и развитой инфраструктуры, и, одновременно, миграционным оттоком из северных городов⁴³. Данное противоречие ставит на первый план проблему жизнестойкости арктических городов, их социально-культурной подсистемы, особенно с учетом того, что большая часть жителей Арктики (в России, по данным Росстата – 89%) живет именно в городах.

При несомненной значимости объективных факторов жизнестойкости, к которым относят «гибкость связей между отдельными подсистемами, возможность гибкой перенастройки режима «завоз / самообеспечение» в системе внешних связей и возможность инновационного развития как отдельных компонентов, так и системы в целом»⁴⁴ [Замятина, 2020], нельзя игнорировать субъективный фактор, а именно отношение к городу, во многом определяющее стойкость населения, готовность жителей к преодолению трудностей. Выявление жизнестойкости Кольского Севера как самого урбанизированного северного региона, и прежде всего Мурманска, как самого крупного города за Полярным кругом, является целью данного исследования. Ее достижение предполагает решение следующих задач: обоснование подхода к изучению жизнестойкости социально-культурной подсистемы города; отбор маркеров, определяющих отношение жителей к городу в градации от топофилии до топофобии. В основу исследования была положена гипотеза, согласно которой топофилия свойственна населению городов с более высокой жизнестойкостью, а топофобия – с ослабленной.

Методология

Методологической основой исследования являются трактовки феномена жизнестойкости в психологии⁴⁵, согласно которым жизнестойкость, понимаемая как обретение смысла через принятие решений в пользу будущего, складывается из таких

⁴³ Zamyatina N., Goncharov R.. Population mobility and the contrasts between cities in the Russian Arctic and their southern Russian counterparts. *Area Development and Policy* 2018, 3, 293–308; Шарова Е.Н. Миграционные установки молодежи Мурманской области // *Проблемы развития территории*. Вып. 3 (77). 2015. С. 88–103; Шарова Е., Бурцева А. Современная демографическая ситуация на Кольском Севере: к вопросу о присутствии человека в Арктике. Теория и практика общественного развития. 2020 (1) // <https://doi.org/10.24158/tipor.2020.1.9/>. (дата обращения: 07.04.2020).

⁴⁴ Замятина Н.Ю., Медведков А.А., Поляченко А.Е. Жизнестойкость арктических городов: анализ подходов // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Науки о Земле*, 2020.

⁴⁵ Тиллих П. Мужество быть // П.Тиллих. *Избранное*. М.: Юрист, 1995. С. 7-13. URL: <http://psylib.org.ua/books/tillp01/index.htm> (дата обращения: 07.04.2020).

компонентов, как вовлеченность, контроль, трактуемый как возможность влиять на ход событий, и вызов – стремление к приобретению опыта. Концепция топофилии Г. Башляра и И-Фу Туана оказываются достаточно близки психологическим изысканиям Тиллиха и Фромма, так как любовь населения к городу – своего рода фундамент его жизнестойкости в аспекте функционирования социальной подсистемы города.

В свою очередь, хронотоп М.М. Бахтина и во многом созвучная хронотопу идея этоса К. Лалива Д'Эпинэ как специфической комбинации отношений человека со временем и пространством, может выступить в качестве инструмента для измерения отношения к городу. Определяя понятие хронотопа как «существенную взаимосвязь временных и пространственных отношений», М.М. Бахтин в работе «Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике»⁴⁶ рассматривает две составляющие романа: время и пространство. Подход М.М. Бахтина представляется достаточно универсальным, чтобы распространить его на город или иное социальное пространство⁴⁷.

Материалом для статьи послужили исследования, проведенные авторами в ноябре 2018 и феврале-марте 2020 г (20 интервью) в городах Мурманской области. Был использован метод полужформализованного интервью. Отбор информантов осуществлялся согласно принципам восьмиоконной выборки И.Я. Штейнберга⁴⁸.

Исследование содержит также анализ данных, полученных в результате опроса 444 жителей региона в 2018 г. Использовалась стратифицированная по месту жительства модель выборки, совмещенная с квотами по полу и возрасту (ошибка репрезентативности не превышает 4%). Опрос проводился в форме онлайн-анкетирования и включал в себя как закрытые, так и открытые вопросы, в том числе следующие: «Что привлекает Вас в городе, где Вы проживаете?», «Что отталкивает?». Ответы респондентов были распределены на группы: пространственные, антропологические (социальное окружение, социальные типы и поведенческие модели населения городов) и временные (развитость и перспективность города, стиль и ритм жизни, история региона, личные планы на будущее, сезонность) составляющие хронотопа. Последние и рассматриваются в данной статье.

Хронос рассматривается как в его циклическом аспекте (восприятие северянами ритма жизни), так и в линейном (формирование населения на Севере, восприятие

⁴⁶ Бахтин М.М. *Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике*. М. 1975. Вопросы литературы и эстетики. М., 1975. С. 234-407.

⁴⁷ Волосникова Е.А. Хронотоп северного города // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2014. № 2 (29). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/hronotop-severnogo-goroda> (дата обращения: 07.04.2020).

⁴⁸ Штейнберг И.Я. Логические схемы обоснования выборки для качественных интервью: «восьмиоконная» модель // Социология: методология, методы, математическое моделирование (4М), 2014. № 38. С. 38-71.

северянами истории и перспектив), что в совокупности позволяет оценить, какое же оно, время по Мурманску.

Стереотипные представления о размеренном, спокойном стиле и ритме жизни в нестоличных городах отразились в представлениях и наших респондентов, и неудивительно, что спокойствие и наличие свободного времени осознается жителями городов Кольского Севера как особая ценность: *относительное общественное спокойствие, возможность быть ближе к друзьям и семье, не тратить время и деньги на дорогу, длительность отпуска*, все это явления одного порядка, обусловленные стремлением к уюту, теплу, дому в зимнее время, и природе в летнее. Успеть «поймать погоду», «захватить солнце / лето» – стремление северян, обусловленное переменчивостью погоды и определяющее специфическое отношение ко времени: *Анекдотичная фраза – «Как ты провел лето? – «Прошло мимо меня, я в этот день работал», это же классика жанра для всех северян. В Мурманске к ней относятся как к серьезному моменту, что упустил сегодня, не факт, что будет завтра.*

Респонденты отмечают местный ритм жизни как ценность, но не только из-за спокойствия и размеренности, но и своеобразного динамизма: *Более современный и динамичный, чем в регионах средней полосы и юга, уклад жизни; **современный** регион с хорошими северными традициями.*

Цикличность – это, безусловно, и полярные ночь и день. Если восприятие полярного дня может быть положительным (ряд респондентов отметили, что любят полярный день, обратив внимание на то, что в это время *повышается работоспособность, улучшается настроение*), то с полярной ночью – иная ситуация (значительное число респондентов считают ее основным негативным фактором жизни на севере). Устойчивость словесной конструкции «пережить полярную ночь» говорит сама за себя, причем под «пережить» вовсе не предполагается щадящий режим работы: *согласитесь, одно дело, когда ты работаешь на двух-трех работах в средней полосе или где-то на юге – это одна ситуация при иных условиях жизни. И совершенно другая ситуация, когда ты себя загоняешь в этот нездоровый рабочий ритм с удвоенной-утроенной нагрузкой в ситуации полярной ночи.*

Приведем в качестве комментария фрагмент экспертного интервью, где весьма наглядно еще одна составляющая восприятия времени, связанная с полярной ночью как периодом депрессии:

*После того, как заканчивается полярная ночь, после того, как проходит знаменитый «Праздник солнца» в последнее воскресенье января, неважно, будет видно в этот день солнце, или будет, как в этом году, слегка туманно и снежно, некое ощущение – всё, завтра уже весна. Это мы **пережили**, завтра весна, надежда на лучшее, на новое. Зима и лето, при этом, с одинаковой частотой оцениваются респондентами как позитивно, так и негативно.*

Если судить по числу ответов, более значима для жителей севера все-таки линейная составляющая времени, причем обращенность в будущее (уверенность в завтрашнем дне, осознание перспектив), эмоционально важнее осознания прошлого: из 50 «линейных» ответов 48 – характеризуют будущее, и только 2 – прошлое Кольского Севера, причем если прошлое характеризуется как «славное», то будущее видится неоднозначным. 36 респондентов (8% опрошенных) не видят перспектив ни для себя, ни для региона, считая это основным фактором, способствующим оттоку населения: *Нет развития в таких сферах как ИТ технологии, полный упадок производства. Нет перспектив развития; Отсутствие духовного и творческого развития и возможностей для этого; Нет возможности для роста и реализации после 35-40 лет. Твой опыт не нужен; В городе ничего не развивается кроме супермаркетов и торговых центров. Ничем не привлекательный город, скоро станет городом-призраком. Сочетание неблагоприятных природно-климатических условий, плохой экологии и нарастающей стагнации экономики и социальной сферы.* Наиболее пронзительная характеристика региона отражена одним из информантов в развернутой метафоре болезни города: *Мне кажется, что Север сейчас болеет. Он болен. Дай бог, чтобы это было не онкологическое заболевание, или не его последняя стадия. Если метафорически, мне очень хочется, чтобы Север когда-нибудь начал выздоравливать. Это регион, в котором я сейчас не вижу перспектив. Ни для населения в целом, и к сожалению, для себя лично.*

Столь безотрадное видение будущего севера в целом и Мурманска в частности во многом обусловлено положением дел в рыбной отрасли, с конца 90-х находящейся в кризисном состоянии. Продажа судов, упадок рыбного порта, цены на рыбу – все это в совокупности воспринимается как трагедия всего региона:

... еще в 1991 году корабли не успевали разгрузаться, борт к борту терлись, один отдал – другой встал, очередь была постоянная, порт кипел, круглые сутки, не закрываясь. Как же не было, если до Урала вся рыба наша была на прилавках? То, что это забыто, и то, что мы тут покупаем рыбу из Владивостока, это не значит, что этого не было!

Дело состоит в том, что одна из ключевых сфер, рыбная, составляла особую гордость для жителей края, была своего рода миссией, идеей региона, формировавшей и понятные всем образы, и ценности. Утрата понятной роли (*мы же рыбой всю страну кормили!*), на наш взгляд, достаточно больно ударила по региону, а особенно по Мурманску. Оставшиеся компоненты стратегического назначения, такие как горнодобывающая отрасль и флот, с Мурманском напрямую не связаны, туризм пока тоже не воспринимается большинством как то, чем город может жить. Попытки же обозначить продуктовую сеть как градообразующее предприятие восприняты болезненно:

У нас градообразующим предприятием назван супермаркет. Три года назад, во время предвыборной кампании Филиппова, курсировало, что градообразующее предприятие – это Евророс, это было даже в СМИ, это говорили с официальной точки зрения. Областной центр, у которого градообразующее предприятие – магазин, – обречен. Когда деньги и товар кончатся – магазин закроют. В такой ситуации – это, правда, потеря потерь, потому что мы потеряли свою идентичность, люди сюда ехали работать. Единственное, что у нас осталось из отраслей – это оборонка, и люди едут работать на военные заводы, я встречаю таких людей из Саратова, они приезжают из Пензы, со Смоленска, потому что мизерные зарплаты там, и они находят здесь что-то получше.

Позитивное восприятие будущего свойственно значительно меньшему числу респондентов: *«Мурманск – настоящий европейский город. Немного обиженный в 90-е, но с развитием транспортного узла и Севморпути все наладится. Славная история и достойное будущее у нашего региона».*

Малое число ответов о ценности исторического прошлого обусловлено не только объективной молодостью большинства городов региона, но и тем, что один из наших интервьюируемых, историк П.В. Федоров, назвал «надорванным освоением» территории, естественный ход которого неоднократно прерывался либо глобальными, либо национальными катастрофами. В результате сформировался урбанизированный регион, где культурный слой чрезвычайно тонок и хрупок⁴⁹, где история не определяет культуру городов, но во многом влияет на стиль жизни их жителей и определяет их поведенческие модели и миграционные стратегии.

Список литературы

1. Zamyatina N., Goncharov R., 2018. Population mobility and the contrasts between cities in the Russian Arctic and their southern Russian counterparts. *Area Development and Policy* 3, p. 293–308.
2. Бахтин М.М. *Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике* // Бахтин М. М. *Вопросы литературы и эстетики*. М.: Худож. лит., 1975. С. 234-407.
3. Волосникова Е.А. *Хронотоп северного города* // *Вестник Сургутского государственного педагогического университета*. 2014. № 2 (29). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/hronotop-severnogo-goroda> (дата обращения: 07.04.2020).
4. Тиллих П. *Мужество быть* // Тиллих П. *Избранное*. М.: Юрист, 1995. С. 7-13. URL: <http://psylib.org.ua/books/tillp01/index.htm>. (дата обращения: 07.04.2020).
5. Шарова Е. Н. *Миграционные установки молодежи Мурманской области* // *Проблемы развития территории*. Вып. 3 (77). 2015. С. 88–103.

⁴⁹ Федоров П.В. *Между Белым и Баренцевым. Путеводитель по культурному пространству новых кочевников эпохи урбанизации*. Санкт-Петербург: Изд-во МБИ, 2018. 181 с.

6. Шарова Е., Бурцева А., 2020. Современная демографическая ситуация на Кольском Севере: к вопросу о присутствии человека в Арктике. Теория и практика общественного развития. 2020 (1) // <https://doi.org/10.24158/tipor.2020.1.9/>. (дата обр.: 07.04.2020).
7. Штейнберг И.Я., 2014. Логические схемы обоснования выборки для качественных интервью: «восьмиоконная» модель // Социология: методология, методы, математическое моделирование (4М). 2014. № 38. С. 38-71.
8. Федоров П.В. Между Белым и Баренцевым. Путеводитель по культурному пространству новых кочевников эпохи урбанизации. С.-Петербург: Изд-во МБИ, 2018. 181 с.

УДК 316.42 / ББК 60.524

Ю.В. Веселов

*ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет»
г. Санкт-Петербург, Россия*

ДОВЕРИЕ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ КАК РЕШЕНИЕ ПРОБЛЕМЫ РИСКА⁵⁰

Аннотация. Если современное общество – это общество риска, то какие социальные механизмы призваны решать проблему риска? Как утверждал Никлас Луман, доверие решает проблему риска. Как трансформируется доверие в современном цифровом обществе; какие функции оно выполняет; что препятствует развитию доверия в России? Все эти вопросы в центре внимания данной статьи.

Ключевые слова: общество риска; доверие; цифровое доверие; межличностное доверие; сетевое доверие; цифровое общество.

Yu. V. Veselov

St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

TRUST IN A CONTEMPORARY SOCIETY: HOW TO SOLVE A RISK PROBLEM⁵¹

Abstract. If modern society is a risk society, then what social mechanisms are designed to solve the risk problem? According to Niklas Luhmann, trust is designed

⁵⁰ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00155 А «Доверие в цифровом обществе и экономике».

⁵¹ The research was funded by RFBR, project number 20-011-00155 A.

to solve the risk problem. How trust is transformed in a modern digital society; what functions it performs; What hinders the development of trust in Russia? All of these issues are in the very focus of this article.

Keywords: *risk society; confidence; digital trust; interpersonal trust; network trust; digital society.*

Современное общество по определению Ульриха Бека – общество риска. Индустриальное общество “незаметно покидает сцену” мировой истории, а общество постмодерна предполагает имманентные ему риски, которые производятся этой системой вместе с производством товаров и услуг⁵². Это техногенные риски (загрязнение окружающей среды, возможные техногенные катастрофы, изменение климата и т.д.), это глобальные биологические риски (примером глобальных рисков может служить случившаяся пандемия коронавируса в 2020 г.); риски вооруженных конфликтов, терроризма и т.д. Мы в данной работе будем говорить только о социальных рисках – это социально опасные ситуации неравенства; общественной агрессии; эксклюзии; отчуждения; одиночества; массовых протестов и т.д.

Если в эпоху раннего модерна риск выступал просчитанной опасностью (то есть рационализацией потенциально опасного действия, само слово риск пришло из словаря испанских мореходов, как утверждает Энтони Гидденс), то сегодня риск становится неконтролируемым социальным явлением. Например, в случае терроризма жертвами становятся случайные люди. Риски также становятся глобальными, не существует теперь “чужих” социальных проблем, теперь все они мгновенно становятся “нашими”. Однако есть и социальные механизмы, способные противостоять возрастанию социальных рисков. Можно назвать общественный активизм и распространение социальных движений в качестве таких механизмов; большую роль играют международные общественные организации (такие как Всемирная Организация Здравоохранения; Врачи без границ и т.д.). Мы хотим в данной статье показать роль общественного доверия (людей другу другу; общественным институтам; правительству) в решении проблем риска.

В традиционном, аграрном обществе круг доверия (или то, что называется радиус доверия) узок – люди доверяют членам семьи или соседской общины; поскольку все свои и нет чужих, то нет и риска взаимодействия с ними. Это доверие личностного типа (персонализированное доверие); традиционное и патриархальное. В городских сообществах в эпоху модерна появляется фигура

⁵² Бек У. Общество риска: на пути к другому модерну. М.: Прогресс, 2000. 384 с.

чужого – по каким правилам с ним взаимодействовать? Возникает риск обмана или агрессии, для решения этой проблемы и появляется социальный механизм доверия. Доверие решает проблему риска, – утверждает Никлас Луман⁵³. В отношениях между людьми возникает разделение институционализированных ролей – один выступает в роли trustor (тот, кто оказывает доверие); другой – в роли trustee (тот, кто принимает доверие)⁵⁴. Как именно доверие решает проблему риска? Функционально доверие снижает издержки взаимодействия – в экономике транзакционные издержки (измеряемые в деньгах); в социальной жизни – издержки межличностного взаимодействия (например, измеряемые в затратах времени).

Современное российское общество не отличается высоким уровнем доверия. Вот данные международных сравнительных исследований (World Values Survey): Китай – 60,3%; Швеция – 60,1%; Новая Зеландия – 55,3%; Германия – 44,6%; США – 34,8%; Россия – 27,8%; Турция – 11%; Руанда – 16,6%; Эквадор – 7% (уровень генерализированного доверия – это ответ на стандартный вопрос “Большинству людей можно доверять?”)⁵⁵. Уровень институционального доверия также не высокий: Индия – 79%, Китай – 75%, США – 52%, Россия – 45%⁵⁶. Все это говорит о высоких уровнях риска и потенциальной социальной опасности. Уровень агрессии в отношениях россиян запредельный (посмотрите, например, отношения водителей на дорогах или уровень домашнего насилия). Почему так происходит? Дело в низкой эффективности работы социальных институтов – судам россияне вообще не доверяют, соответственно, для решения своей проблемы они туда не обращаются, нет выхода – поэтому и возрастает межличностная агрессия. Значит, совершенствование работы социальных институтов – одна из самых важных задач для повышения уровня доверия и снижения социальных рисков.

В современном цифровом обществе уровень рисков еще более возрастает – это возможное мошенничество в цифровой среде (фишинг и хищение денежных средств); утечка персональной информации; распространение фейковых новостей и т.д. Не только граждане не доверяют поставщикам цифровых услуг, но и сами-интернет магазины не доверяют клиентам (например, 56% покупа-

⁵³ Luhmann N. Familiarity, Confidence, Trust: Problems and Alternatives // Gambetta, Di. (ed.) Trust: Making and Breaking Cooperative Relations. Oxford : Basil Blackwell, 1996, pp. 94-107.

⁵⁴ Coleman J. Foundations of Social Theory, Cambridge, MA : CUP, 1990, p. 91.

⁵⁵ Источник: World Values Survey, Wave 6: 2010-2014. URL: <http://www.worldvaluessurvey.org/WVSDocumentationWV6.jsp> (дата обращения 22.04.2020).

⁵⁶ Источник: Edelman Trustbarometer 2015. URL: <https://www.edelman.com/research/2015-edelman-trust-barometer> (дата обращения 22.04.2020).

телей чаще всего вносят предоплату)⁵⁷. Получается замкнутый круг: 63% опрошенных в России не считают, что их базовые цифровые потребности (доступ к цифровому контенту и доверие к информации) удовлетворяются должным образом; 52% россиян считают, что цифровой мир не служит для улучшения общества; почти 70% россиян считают, что цифровой мир не предоставит им возможность карьерного роста⁵⁸.

Что нужно сделать для укрепления доверия и снижения уровня рисков в цифровой среде? Прежде всего, необходимо совершенствовать цифровую грамотность населения, ведь работать с текстовым редактором умеют только 41.1% россиян (для возраста 55–64 лет – 28%); отправить электронную почту с прикрепленными файлами – 36.8% (для возраста 55–64 лет – 24,7%); копировать или перемещать файл – 34,5% (для возраста 55–64 лет - 20,5%)⁵⁹.

Список литературы

1. Абдрахманова Г. И., Вишневецкий К.О., Гохберг Л.М. Индикаторы цифровой экономики: 2019: статистический сборник. М.: НИУ ВШЭ, 2019.
2. Бахарев И. Уровень доверия интернет-магазинам в России. URL: <https://e-pepper.ru/news/uroven-doveriya-internet-magazinam-v-rossii-issledovanie.html> (дата обращения: 22.04.2020).
3. Бек У. Общество риска: на пути у другому модерну. М. : Прогресс, 2000.
4. Coleman J. Foundations of Social Theory, Cambridge, MA : CUP, 1990.
5. EdelmanTrustbarometer 2015. URL: <https://www.edelman.com/research/2015-edelman-trust-barometer> (accessed 22.04.2020)
6. Luhmann N. Familiarity, Confidence, Trust: Problems and Alternatives // Gambetta, Di. (ed.) Trust: Making and Breaking Cooperative Relations. Oxford: Basil Blackwell, 1996.
7. World Values Survey, Wave 6: 2010-2014. URL: <http://www.worldvaluessurvey.org/WVSDocumentationWV6.jsp> (accessed 22.04.2020).

⁵⁷ Бахарев И. Уровень доверия интернет-магазинам в России. URL: <https://e-pepper.ru/news/uroven-doveriya-internet-magazinam-v-rossii-issledovanie.html> (дата обращения 22.04.2020).

⁵⁸ Human Needs in a Digital World. Digital Society Index, 2019. URL: <https://www.oxfordeconomics.com/recent-releases/digital-society-index-2019-human-needs-ina-digital-world> (дата обращения 22.04.2020).

⁵⁹ Абдрахманова Г. И., Вишневецкий К. О., Гохберг Л. М. Индикаторы цифровой экономики: 2019: статистический сборник. М.: НИУ ВШЭ, 2019. С. 130.

УДК 316.4 / ББК 60.5

У.А. Винокурова
ФГБОУ ВО «Арктический государственный институт культуры
и искусств», г. Якутск, Россия

ПРИНЦИПЫ СТРАТЕГИИ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ САХА (ЯКУТИЯ)

Аннотация. В статье аргументируется необходимость смены парадигмы устойчивого развития в пользу приоритетности экологической культуры. Автором разработаны шесть принципов в признании правосубъектности планеты Земля, вносимых в Стратегию экологического образования.

Ключевые слова: Правосубъектность Земли; экологическое образование; индигенизация; экоцентризм; цели устойчивого развития; эконософия.

U.A. Vinokurova,
Arctic State Institute of Culture and Arts, Yakutsk, Russia

ENVIRONMENTAL EDUCATION STRATEGY PRINCIPLES AND EDUCATION IN THE REPUBLIC OF SAKHA (YAKUTIA)

Abstract. The article argues for the need to change the paradigm of sustainable development in favor of the priority of ecological culture. The author has developed six principles in the recognition of the legal personality of the planet Earth, introduced into the Strategy for Environmental Education.

Keywords: Legal personality of the Earth; environmental education; indigenization; ecocentrism; ecosophy.

Указом Президента РФ от 19 апреля 2017 года принята «Стратегия экологической безопасности Российской Федерации до 2025 года»⁶⁰. В этом документе отмечается низкий уровень экологического образования и экологической культуры населения и предусматривается развитие системы экологического образования и просвещения, повышения квалификации кадров в области обеспечения экологи-

⁶⁰ Указ Президента Российской Федерации «О Стратегии экологической безопасности на период до 2025 года». URL:<http://static.kremlin.ru/media/acts/files/0001201704200016.pdf> (дата обращения: 10.09.2020).

ческой безопасности. Данная Стратегия является основой для формирования и реализации государственной политики в сфере обеспечения экологической безопасности на федеральном, региональном, муниципальном и отраслевом уровнях.

На основе данного Указа разрабатывается проект пролонгирования Стратегии экологического образования и просвещения в Республике Саха (Якутия), срок действия которой завершается 2020 годом.

2020 год стал своеобразным рубликоном в смене парадигм устойчивого развития человечества. Среди 17 Целей ООН по содействию устойчивому развитию человечества, благосостоянию и защите планеты были сформулированы: Цель №13 – борьба с изменениями климата и его последствиями; Цель №14 – сохранение морских экосистем; Цель №15 – сохранение экосистем суши⁶¹. COVID-19 способствовал осознанию вызовов и рисков эко-социальных отношений, более глубокой взаимосвязи в парности «Человек-Природа», осознанию ценностей развивающейся экономики XXI века как чистой, зеленой, здоровой на благо как людей, так и планеты.

Таким образом, первая четверть XXI в. – время научной революции, формирования новой парадигмы осознания жизни на планете Земле в связи с глобальным изменением климата, экономическими и духовными последствиями общемировой пандемии Ковида-19. Как отмечает известный российский цивилизовед Ю.В. Яковец, «стремительно приближается глобальная экологическая катастрофа, что требует выработки и реализации новой глобальной энергоэкологической стратегии, направленной на оптимизацию коэволюции общества и природы. Переход к ноосферным принципам развития цивилизаций становится неотвратимым и потребует значительного сокращения уровня потребления природных ресурсов и ущерба, наносимого окружающей среде»⁶².

За прошедшее десятилетие в сфере экологического благополучия населения Республики Саха (Якутия) произошли чрезвычайно важные события и приняты основополагающие документы международного, российского и регионального значения, на основе которых осознана необходимость разработки следующего этапа Стратегии экологического просвещения и образования.

Во-первых, указанный период характеризуется осознанием деградации качества окружающей среды и повышением экологической культуры населения республики, его самоорганизации в форматах движения за экологическую безопасность производств, среды обитания и здоровья человека, за развитие «зеленой

⁶¹ Цели устойчивого развития URL: <https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/sustainable-development-goals/> (дата обращения: 10.09.2020).

⁶² Яковец Ю.В. Глобальный цивилизационный кризис, 2020. Старь новой исторической эпохи. М.: МИСК, 2020. С. 140.

экономики», зеленых технологий, удаленных видов трудовой занятости, позитивно влияющих в борьбе с антропогенным загрязнением, потреблением природных ресурсов, объемом отходов, мусора и т.д.

Во-вторых, приняты руководящие документы, регулирующие отношения экосистемы «Человек и Природа» в изменяющихся условиях климата и испытания пандемией COVID-19, что усилило понимание того, что между природой и человеком существует теснейшая взаимосвязь и взаимозависимость, и что Земля является непреходящей уникальной ценностью общего блага. Стало ясно, что подобные пандемии могут быть побеждены только здоровой волей, питающейся энергиями здоровой хозяйственной и экогармоничной жизни.

Человечество стоит перед неумолимо надвигающейся задачей – найти гармонические формы коэволюции с природной средой, со стремительно сужающимся пространством жизни природы. Существующая в настоящее время система регулирования окружающей среды не обеспечивает сохранения или выживания природных сообществ и экосистем. Мероприятия по сохранению и защите природы не приносят желаемого результата, поскольку они подразумевают борьбу с неблагоприятными последствиями для окружающей среды и не затрагивают их причин. Природные сообщества и экосистемы рассматриваются в качестве собственности, частной или государственной. Человечество не воспринимает себя как ответственного хранителя или попечителя планеты обитания, судьба которого полностью зависит от ее состояния. Практически все неживые элементы Земли с точки зрения закона считаются «природными ресурсами», которые могут эксплуатироваться человечеством, а точнее корпорациями, которые нацелены, прежде всего, добиваться более высоких прибылей для своих акционеров. Человек оставляет за собой неотъемлемое право распоряжаться жизнью на планете. Никаких норм о праве Земли на естественную живую жизнь, самоограничении потребления ее ресурсов посредством специальной экологической этики во «Всемирной Хартии планеты» не установлено. Дикие животные воспринимаются как биомасса, встроенная не в биосферу, а в технический порядок прав человека.

ООН постепенно приближается к признанию правосубъектности Матери-Земли. ООН стала заниматься проблемами окружающей среды и экологическим просвещением с 1972 года, когда была учреждена Программа ООН по окружающей среде (ЮНЕП), задача которой заключается в «обеспечении руководства и поощрении партнерства в области охраны окружающей среды путем пропаганды, информирования и расширения возможностей стран и народов в деле повышения качества их жизни без ущерба для качества жизни будущих поколений». В 22 декабря 2005 года ООН провозгласила 2008 год Международным годом планеты Земля, затем 22 апре-

ля – Международным днем Матери-Земли. Затем, Постоянный форум по вопросам коренных народов на девятой сессии в Нью-Йорк, 19–30 апреля 2010 года рассмотрел итоги исследования по вопросу о необходимости учета и признания прав Матери-Земли. В 2015 году принято Парижское климатическое соглашение 2015 года – одна из ключевых основ стратегии глобального устойчивого развития в XXI веке.

Есть прогнозы цивилизованных, что наступающую девятую по счету мировую цивилизацию можно охарактеризовать как гуманистически-ноосферную и космическую интегральную мировую цивилизацию. Эта цивилизация будет создана на основе экофильных культур народов с космическими технологиями жизнеобеспечения.

Якутия, как биорегион, занимающий часть планеты, покрытую криолитозоной, и испытывает последствия глобального изменения климата на катастрофическом таянии многолетнемерзлых грунтов. Усиливается антропогенная нагрузка на территорию, что ухудшает состояние биосистемы и биоразнообразия. Здесь ведется активная разработка недровых ресурсов, и пока сохраняется живая экофильная культура коренных народов. Это противоречие вызова, риска и возможностей создает комплекс оснований, чтобы разработать Стратегию экологического просвещения и образования на экофильных принципах коренных народов. Нами разработаны принципы данной Стратегии, дополняющие 16 принципов Хартии планеты с позиций прав Земли.

1-й принцип – Принцип экологического императива, осознания человеком своего места на планете Земля. Европейское сознание видит в человеке, прежде всего, animalitas, а не humanitas как обязанность перед человечностью. Осознавать – значит отождествлять себя с болью и ранами живой планеты, признавать целостность и единство всего сущего на земле через призму гуманитарного осознания ценности жизни всех существ как общину всего сущего на Земле. Животные, экосистемы, ландшафты уважаются в соответствии с двумя принципами: уважать их решает человек, и уважение это проявляется иначе, чем уважение к человеку. Приходит осознание того, что ресурсы Земли исчерпываются, и что Земля способна самовосстанавливаться, что показали каникулы COVID-19.

2-й принцип – признание правосубъектности Матери-Земли. Экологическое сознание может быть антропоцентричным и эоцентрическим. Антропоцентрический тип видит целью в отношении к природе удовлетворение тех или иных прагматических потребностей человека, и по этому типу человечество живет на планете до настоящего времени. Эоцентрический – оптимальное удовлетворение как потребностей человека, так и потребностей всего природного сообщества. Его радикальное выражение: Earst First! То есть природа как она есть сама по себе и вмещает человека в той мере, в какой человек не угрожает жизни

планеты. Этому принципа придерживаются коренные народы планеты, стремящиеся к гармонизации природного космоса с бытием человека и соучастию в непрерывном творении на планете.

3-й принцип – ответственности каждого за сохранность и благополучие планеты, установление климатического правосудия, природно-социальных условий достойного сосуществования. Начиная с международных актов и в каждом государстве должны быть разработаны акты климатического правосудия, нацеленные против разграбления и уничтожения жизни на Земле, на защиту прав планеты, биосферы, биорегиона и экосистемы. Эти акты должны стать основой экологического просвещения и образования.

4-й принцип всеобщей солидарности предполагает создание условий справедливого и устойчивого преодоления экологического кризиса и недопущения таковых по вине человека.

5-й принцип – индегенизация культуры уважения и поклонения по отношению к Земле. Это принцип обеспечивает духовное воскрешение человека в человеке, обитающего во всех нишах планеты, создающего ее ноосферу и стремящегося сохранить первозданность природы.

6-й принцип – разнообразие экологической культуры на больших пространствах разнообразных экосистем. Якутия занимает несколько природно-географических зон в условиях «сдвоенного холода» (температуры многолетнемерзлой почвы и воздуха на Полюсе холода), где требуются соответствующие формы и содержание экологического просвещения и воспитания.

Экологическая культура становится приоритетной в наступающей эпохе постграмотности, точнее, множественной грамотности. Постграмотность включает 5 основных компонентов: Экологическая культура; IT-грамотность; Художественная грамотность; Культура здоровья; Иностранный язык. Все данные виды множественной грамотности могут иметь место быть лишь при условии сохранения живой планеты Земля.

Список литературы

1. Указ Президента Российской Федерации «О Стратегии экологической безопасности на период до 2025 года». URL: <http://static.kremlin.ru/media/acts/files/0001201704200016.pdf> (дата обращения: 10.09.2020).
2. Цели устойчивого развития URL: <https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/sustainable-development-goals/> (дата обращения: 10.09.2020).
3. Яковец Ю.В. Глобальный цивилизационный кризис, 2020. Старь новой исторической эпохи. М.: МИСК, 2020.

V.K. Vladimirova
Uppsala University, Uppsala, Sweden

TRADITION OR STATE CARE? SECURITY STRATEGIES OF INDIGENOUS WOMEN IN NENETS AUTONOMOUS REGION

***Abstract.** The article discusses two Nenets women and their choices how to take care of children and family. It builds on contemporary anthropological perspectives of social security and care as interrelated through a complex web of relations and emotions. It shows that traditional arrangements and state-provided care are seen as alternatives among which a Nenets woman can make a strategical choice, and not as dichotomous.*

***Keywords:** care; social security; Nenets women.*

Theoretical Framework

The increased interest in social security in anthropological studies of postsocialism emphasized that the Western concept of social security (as tied to health, old age, and unemployment) is not universally applicable, but ethnocentric and reductionist. Socialist and post-socialist societies relied on diverse arrangements of care-provision, provided both through personal and state institutions. The notion of social security thus is broadened to embrace institutions such as kinship, friendship, and neighborhood, that are central to the provision of social security in many contexts (Read & Thelen, 2007). This understanding is also based on a perspective of the state that problematizes simplistic dichotomies of state/nonstate such as public/private, formal/informal and modern/traditional types of provision. These dichotomies obscure the multifaceted and contradictory nature of state bureaucracies (Benda-Beckmann, 1994).

Anthropological research on social security has also revealed that social security does not end in the provision of material resources. For most people, social security implies social relations and feelings, in which they find also moral, emotional, and psychological support during hard times. Within this framing of social security, care is an important dimension. Care becomes an important link between everyday social practices within small social units, such as the family, and state policy and institutions. In other words, the personal and emotional dimensions of caring relationships are imbedded in broader historical and socioeconomic developments. Viewing care as part of social security draws attention to the complex web of social relations involved, including new organizations and ideologies of care and state institutions (Thelen & Alber, 2017).

Ethnographic Study

Historically, Nenets have been predominantly reindeer herding nomads. Reindeer herding is culturally specific and important ethnic symbol, even though only 14% of Nenets are actively involved in it today. Nenets people lived in groups of few nuclear families residing in a close proximity and nomadizing together. They practiced exogamy and were patrilocal (Khomich, 1950). Nenets family underwent significant transformation in Soviet time, especially in terms of women emancipation. At present, many Nenets women are in a position to make strategic life choices within a range of professions and life-styles. Using the example of Yamal Peninsula, Liarskaya shows, that Nenets culture has at least two variants today – tundra and village (urban culture), each of them with a specific set of elements and values. These cultures are not in opposition or exclusive of each rather. They are rather complementary and the majority of Nenets (especially women) are free to join whichever they choose, and also move between tundra and village culture as they want (Liarskaya, 2010).

The empirical data for this paper has been collected during a one-month field study in Nenets Autonomous Region in April 2013. Interviews and participant observation took place in the village of Karataika and tundra reindeer herding camps belonging to the Cooperative *Friendship of Peoples (Druzhiba Narodov)*. The names of the research participants have been changed for reasons of personal integrity.

Care in Tradition

Agafia was already twenty five and still refusing to marry the candidates asking her hand, mostly because they came from distant villages. Her older sister took responsibility and appointed as Agafia's groom her own oldest son, who had just turned seventeen. According to old Nenets tradition, lineage transmits along males: since the groom's family affiliation is determined after his father, he is not considered a relative to the bride and hence such marriage is acceptable.

Agafia and her husband got five children. Unfortunately, the marriage was not a happy one, according to rumors. Agafia's husband died young of a disease caused by alcoholism. The same village rumor attributes his short marriage and life to the big age difference between the spouses. The close biological relation, on the other hand, was pointed out as the reason for their children's health problems and low education. This said, I have to point out that Agafia's second son, who hosted us for the interview, is a reindeer herder, and his home was a newly built big house, so I have difficulty to judge the truth behind such opinions. What they point to, is rather the syncretic character of contemporary Nenets ideas of kinship and marriage.

After her husband died in the late 1970s, Agafia moved to the reindeer herding camp in the tundra, where her late husband's two younger brothers worked. They also helped her receive a salaried job as a camp worker (*chumrabortnica*). There she received help

from her relatives to raise her five children. While I did not ask for more details about her relation to her husband's brothers, it is common knowledge that women who live and work in the tundra are close relatives to reindeer herders. On rare occasions, they can be unmarried daughters, nieces, or sisters to herders. So, I would see Agafia's decision to move to live with her children in the tundra as an indication of a close family relationship to her husbands' brother(s), as well as in the context of Nenets customary ideas of kinship ties. According to ethnographic evidence, Nenets have practiced the custom of levirate, which encourages a widow to marry one of her deceased husband's (younger) brothers.

State Provision and Innovative Strategies

Elena is an attractive young woman in her mid-twenties. She is a member of Yamb-To, a unique Nenets group that had escaped from the collectivization in the 1930s and managed to preserve fully private reindeer husbandry and nomadic way of life during the Soviet age. Yamb-To received official status as Russian citizens and passports in the late 1990s. Still nomads at the present, Yamb-To show a slow tendency toward sedentary life as well as pronounced economic segregation.

Elena and her husband own a small reindeer herd of two hundred head, which provides the necessary minimum for a moderate nomadic existence. Elena gave birth to their third child only a few months before I met her. The baby, she explained, is still in town, because he is not well enough. It was obvious that Elena is not at ease in providing more details about the baby. Only later, in the village of Karataika, we heard that it is becoming a trend among nomadic Nenets women to leave their newborn children for some time in the orphanage in the city of Narian-Mar. When babies become a few months old and stronger, their mothers take them to the tundra.

Since the topic was avoided in the nomadic camp, I cannot provide direct evidence of the way Elena and mothers like her think and speak of this practice. I however think that this is related to a consideration about the health and well-being of the babies and their older siblings in the tundra, for whom mothers would also have more time. Ethnographic accounts of Nenets child care practices, as well as my field observations raise no doubts to such a conclusion. Nenets people who live in the tundra have many children, and, according to ethnographers they attribute strong values and emotion to parenthood (Khariuchi, 2010).

The desire of Yamb-To to modernize have been noticed already by scholars (Valikivi, 2008). Other Nenets communities, who underwent Soviet collectivization and modernization processes, are actively involved in many state organized social institutions, among which boarding schools, and health care. It is relevant to this study, that hospitalization at childbirth has become a rule. In Soviet times, a helicopter would be sent to pick up a pregnant woman from a reindeer herding camp and transport her to a hospital (Khomich, 1950). Liarskaya mentions that among Yamal Nenets most women

try to give birth in a hospital. Nevertheless, most mothers strive to return with their newly-born babies in the tundra in the course of a month, depending mostly of weather conditions, transport availability, and the child's health condition (Liarskaya, 2010). In this light, Yamb-To's practice to leave newly born babies in the city seems unusual. It however is explicable in the context of the account of an indigenous ethnographer, who mentions Nenets mothers preference for village-located boarding schools against nomadic schools as a way for their daughters to spend the winter in better living conditions than the tundra camp could provide (Serpivo, 2013).

Applying Liarskaya's insights, one should not interpret this latter reasoning as an interruption in or rapture with nomadic life in the tundra. Rather, it is a temporary choice among different possibilities. In this light, I interpret Elena's and other young mothers' strategy to leave their babies in town in better living conditions for the first months of their life as a good decision to use the social security that the state offers. This decision by itself does not represent a radical rupture with Nenets culture or nomadism. Even though among European Nenets the number of women among nomadic reindeer herding families is decreasing (Tuisku, 2001), such is not the case in Yamal, where women's presence has been stable for the last forty years (Liarskaya, 2010). So, the reasons for this decrease should be sought somewhere else. According to a member of the Yamb-To, the reason for decay in Nenets culture should be seen in the lack of enough educated Nenets people to take jobs such as medical staff and administration in NAO. The positive developments in Yamal is thus attributed to the better education of indigenous people there and their ability to run organizations and services in the interests of local people.

Conclusions

The two life choices, discussed above, are separated in time and certainly illustrate historically evolving ideas in Nenets women of familial links, care and security, as well as state institutions. Nevertheless, I doubt that the analysis should be limited to history, social change, and cultural adaptation. Neither should the respective choices be solely attributed to the different historical paths of the groups of settled collectivized Nenets, whom Agafia represents, and the private reindeer owners, among which Elena lives. The presented empirical illustrations undermine such a simple dichotomy.

Both the cases of Elena and Agafia can be inscribed in a complex process of dynamic and evolving Nenets culture and social life, but these changes can hardly be demarcated into notions such as tradition and modernity. All the more so because both these concepts have been questioned and are nowadays seen in processual sequences. To illustrate this, I would insist that for Agafia her choice to insure care for her children following an old customary way did not have the same meaning and consequences that it would have had for some of her female ancestors.

Elena's insecurity in the social propriety of her decision to live her babies in an orphanage for a short time shows the innovative character of this adaptation within Yamb-To. Her choice indicates a new and different relation of Yamb-To Nenets to the state and its social institutions. State social institutions can have a role in remodeling Nenets ideas and practices of kinship and family relations, while at the same time close group relations, affections, and empathy can influence the fashioning and functioning of state institutions and the central organization of care. In this respect, the mutually evolving patterns of indigenous family, kinship, and community care and that offered by the Russian state deserve further research. This article attempts to promote such analysis with two examples of women securing care for their young children through mobilization of available combinations of social and state offered resources. The interplay between dynamic state policy influence and resistant but flexible cultural social forms appears to create an environment where re-negotiation of socially acceptable norms and practices is an ongoing process.

References

1. Benda-Beckmann K. V. *Social security in developing countries; A mixed blessing*. Retrieved from The Hague, 1994.
2. Khariuchi G. P. Nenetskaia zhenshchina v nauke: k voprosu ob osobennostiakh issledovaniya sakral'noi sfery [Nenets Woman in Research: Studying the Sacred]. *Etnograficheskoe obozrenie*(3), 2010. 44-53.
3. Khomich L.V. *Nenetskaia zhenshchina do i posle Oktiabr'skoi socialisticheskoi revoliucii* [Nenets Woman before and after the October Revolution]. (PhD), Leningrad State University, Leningrad, 1950.
4. Liarskaya E. *Zhenshchiny i tundra. Genderny sdvig na Iamale?/Women and the Tundra. Gendre Shift in Iamal?/. *Antropologicheskii Forum*, 2010, 13, 3-37. Retrieved from*
5. Read R., & Thelen, T. Social security and care after socialism: Reconfigurations of public and private. *Focaal*, 2007 (50), 3-18.
6. Serpivo S.E. Processy izmeneniia social'no-ekonomicheskoi roli nenetskoii zhenshchiny [Processes of Transformation among Nenets Women]. *Nauchnyi vestnik Yamalo-Nenetskogo avtonomnogo okruga*, 2013. 79 (2), 98-100.
7. Thelen T., & Alber E. *Reconnecting State and Kinship*: University of Pennsylvania Press. 2017.
8. Tuisku T. The displacement of Nenets women from reindeer herding and the tundra in the Nenets Autonomous Okrug, northwestern Russia. *Acta Borealia*, 2001. 18 (2), 41-60.
9. Vallikivi L. Christianization of Words and Selves: Nenets Reindeer Herders Joining the State through Conversion. In M. Pelkmans (Ed.), *Conversion After Socialism: Disruptions, Modernities and the Technologies of Faith* (pp. 59-83). Oxford, New York: Berghahn Books, 2008.

УДК 332.1 : 338.2 / ББК 65.050.2

А.Д. Волков

*ОП ФГБУН ФИЦ «КарНЦ РАН» Институт экономики
Карельского научного центра РАН, г. Петрозаводск, Россия*

**ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ В СИСТЕМЕ РЕСУРСНЫХ
ОГРАНИЧЕНИЙ РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ КАРЕЛЬСКОЙ
АРКТИКИ: МЕТОДОЛОГИЯ ПРОВОДИМОГО ИССЛЕДОВАНИЯ
В УСЛОВИЯХ НОВЕЙШИХ РЕАЛИЙ⁶³**

Аннотация. В статье рассматривается инструментарий социологического исследования, примененный в исследовании состояния и перспектив развития человеческого капитала Арктической Карелии, как фактора экономического развития региона. Отдельное внимание уделено причинам выбора миграции из региона проживания, как формы инвестиций в человеческий капитал.

Ключевые слова: человеческий капитал; ресурсные ограничения; Карельская Арктика; опорная зона; миграция.

A.D. Volkov

*OP FGBUN FRC “KarRC RAS” Institute of Economics Karelian Scientific
Center of the Russian Academy of Sciences, Petrozavodsk, Russia*

**HUMAN CAPITAL IN THE SYSTEM OF RESOURCE REGIONAL
REALITIES OF THE DEVELOPMENT OF THE KARELIAN ARCTIC:
THE METHODOLOGY OF THE CONDUCTED RESEARCH
IN THE CONDITIONS OF THE LATEST REALITIES⁶⁴**

Abstract. The article is a study of sociological research, applied in the study of the state and prospects for the development of human capital in Arctic Karelia, as a factor in the economic development of the region. Special attention is paid to the choice of direction from living as a form of investment in human capital.

Keywords: human capital; resource limitations; Karelian Arctic; support zone; migration.

⁶³ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-010-00245 А «Современное состояние и прогнозирование эколого-экономического развития Арктической зоны Российской Федерации».

⁶⁴ The research was funded by RFBR, project number 20-010-00245 A.

Развитие Арктической зоны России является сегодня одним из приоритетов государственной политики [1]. Исключительно важное значение данного региона как для внутреннего развития страны, так и во внешнеполитических и хозяйственных отношениях требуют взвешенных государственных решений, имеющих под собой крепкую научную основу. Исследования пространственного развития АЗРФ имеют давнюю историю, оживающую перед нами в работах Татаркина А.И. [2], Агаркова С.А. [3], Порфирьева Б.Н. [4], Селина В.С. [5] и других экономистов. Новейшие экономические, экологические и политические вызовы, а также изменение контуров самой Арктической зоны, превратившейся за последние годы в отдельный объект государственного управления [6] определяют необходимость новых исследований пространственного развития экономики региона и совершенствования их инструментария.

Объектом настоящего исследования является территория Карельской Арктики, сформировавшаяся за счет последовательного вхождения в Арктическую зону России (АЗРФ) шести муниципальных образований Республики Карелия: 27 июня 2017 года в состав АЗРФ вошли Лоухский, Кемский и Беломорский районы, 7 июля 2020 года – Калевальский и Сегежский районы, а также Костомукшский городской округ.

Предметом: отношения составляющие процесс воспроизводства человеческого капитала, возникающие в рамках хозяйственных процессов в регионе.

Целью: выявление места и значения человеческого капитала в системе ограничений регионального развития Карельской Арктики.

Для реализации поставленной цели был разработан комплексный инструментарий, включающий специализированную методику, характеризующуюся синтезом качественных и количественных методов.

В целом, данный инструментарий отражает этапы реализации указанной цели и применяется соответственно в выполнении следующих поставленных задач:

1. Выявление основных тенденций регионального развития Карельской Арктики 2008–2020 гг. (сбор, приведение к сопоставимому виду и анализ статистических данных – методы статистического анализа).
2. Анализ существующего целеполагания в развитии Карельской Арктики и АЗРФ в целом (анализ программных документов регионального развития на уровне Карельской Арктики и АЗРФ, нормативно-правовой базы экономического развития, государственных целевых программ, особых налоговых режимов на указанных территориях и др.).
3. Анализ опыта реализации особых экономических режимов в АЗРФ и Карельской Арктике в частности, а также хода реализации проекта «Опорных зон развития Арктики», средств направляемых на реализацию этого проекта

из федерального бюджета (анализ официальной информации о ходе реализации проектов особых экономических режимов).

4. Экспертный опрос представителей МСУ и региональной власти Республики Карелия о существующих тенденциях социально-экономического развития муниципалитетов Республики Карелия, входящих в АЗРФ, развитии основных отраслей, ситуации на рынке труда в сфере занятости, востребованных специальностях, динамики рабочей силы; а также информированности представителей МСУ о проектах и программных мероприятиях развития АЗРФ. Экспертный опрос представителей ведущих предприятий Карельской Арктики о перспективах эколого-экономического развития данных предприятий и моногородов, эффективности мер поддержки со стороны субъектов регулирования, ограничений развития и способах решения проблем с нехваткой кадров и др. (метод полуструктурированного интервью, расшифровка аудиозаписей, аналитическая обработка и, в ряде случаев, контент-анализ транскрипций).
5. Социологический опрос местного населения Карельской Арктики с целью дополнения количественной информации об основных тенденциях развития человеческого капитала региона информацией о индивидуальных стратегиях развития человеческого капитала, экономических практиках и формах инвестирования в человеческий капитал, миграционных настроениях, образовании и квалификации респондентов, а также соответствии текущего рабочего места работы и должности профилю образования (метод структурированного интервьюирования, разработка макета и внесение данных в систему SPSS).
6. Построение типологии поведения населения в области инвестирования в человеческий капитал и его развития (одномерный и многомерный анализ полученных в результате социологического опроса данных).
7. Выявление существующих предпосылок развития, потенциала, сильных и слабых сторон региональной социально-экономической системы Карельской Арктики с точки зрения интеграции в процесс комплексного развития АЗРФ, в т.ч. в формате «Опорных зон развития» (SWAT-анализ территориального образования Карельской Арктики на основе данных экспертных опросов МСУ и представителей предприятий, статистической информации о региональном социально-экономическом развитии).
8. Определение системы ограничений регионального развития Карельской Арктики, разработка мер по их преодолению, в т.ч. за счет активизации использования человеческого капитала региона и перехода к его расширенному воспроизводству (обобщение результатов выполнения предшествующих задач, экономический анализ).

Последовательное выполнение данных задач и применения соответствующего инструментария позволит качественно расширить и улучшить имеющиеся научные знания о регионе Карельской Арктики, его человеческого капитала, существующих тенденциях развития региона, потенциале, сильных и слабых сторонах с точки зрения перехода к инновационной модели развития и включения в комплексные проекты развития АЗРФ.

Список литературы

1. Подоплёкин А.О., Бустужева К.Г. Арктическая стратегия России как политика нового типа: региональный потенциал, вызовы и научное обеспечение // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2014. № 6. С. 36-46.
2. Татаркин А.И., Литовский В.В. Россия в Арктике: стратегические приоритеты комплексного освоения и инфраструктурной политики // Вестник МГТУ. 2014. Т. 17. № 3. С. 573-587.
3. Агарков С.А., Богачев В.Ф., Богоявленский В.И. [и др.] Геоэкономические процессы в Арктике и развитие морских коммуникаций / под ред. С. Ю. Козьменко, В. С. Селина. Апатиты : Изд-во КНЦ РАН, 2014. 266 с.
4. Лексин В.Н., Порфирьев Б.Н. Российская Арктика: логика и парадоксы перемен // Проблемы прогнозирования. 2019. № 6. С. 4-22.
5. Комков Н.И., Селин В.С., Цукерман В.А., Горячевская Е.С. Проблемы и перспективы инновационного развития промышленного комплекса Российской Арктики // Проблемы прогнозирования. 2017. № 1. С. 41-49.
6. Скуфьина Т.П. Российская Арктика как объект государственного управления и нормотворчества // Арктика: инновационные технологии, кадры, туризм : материалы международной научно-практической конференции / под общ. ред. В. И. Прядкина. Воронеж, 2018. С.173-176.

УДК 316.354:351:354 / ББК 60.5

Ю.А. Гайдунко, С.П. Макарова
ФГБОУ ВО «Череповецкое высшее военное инженерное училище
радиоэлектроники», г. Череповец, Россия

СРЕДСТВА, ИСПОЛЬЗУЕМЫЕ СОЦИАЛЬНЫМИ ПЛАТФОРМАМИ, ДЛЯ УПРАВЛЕНИЯ БОЛЬШИМИ МАССАМИ ЛЮДЕЙ

Аннотация. В статье рассматриваются средства, используемые социальными платформами для формирования общественного мнения. Актуальность вопроса объясняется возможностью перехода от индивидуального оценочного суждения к коллективному, а в дальнейшем и к активным действиям. В случае вовлеченности в деятельность многочисленных групп возможна угроза общественной стабильности.

Ключевые слова: социальные платформы; интернет; социальное управление; влияние; общественное мнение; фейк; сообщества.

Yu.A. Gaidunko, S.P. Makarova,
Cherepovets Higher Military Engineering School of Radio Electronics,
Cherepovets, Russia

FACILITIES USED BY SOCIAL PLATFORMS FOR MANAGEMENT BIG MASSES OF PEOPLE

Annotation. The article discusses the tools used by social platforms to shape public opinion. The relevance of the issue is explained by the possibility of a transition from an individual value judgment to a collective one, and in the future to active actions. If involved in the activities of numerous groups, a threat to social stability is possible.

Keywords: social platforms; Internet; social management; influence; public opinion; fake; community.

Управление значительными социальными группами, государствами всегда было прерогативой и компетенцией отдельных личностей, немногочисленных групп (элит), обладающих влиянием и ресурсами для его осуществления. И такой порядок вещей сохранялся на протяжении столетий.

Однако, на этапе информационного общества эта данность получила альтернативные направления развития: помимо привычных и устоявшихся акторов, появились новые субъекты воздействия [5].

Сегодня мы становимся очевидцами зарождения и развития феномена виртуализации механизмов управления, осуществляемых с использованием ресурсов интернета, а, точнее – социальных платформ.

Социальные платформы сегодня необходимый атрибут нашей жизни. Стало обыденностью начинать день с просмотра электронной почты, захода в свои аккаунты в мессенджерах и соцсетях, репоста контента и пр. По данным We Are Social и Hootsuite численность активных пользователей (тех, кто заходил в сеть один раз в день и чаще) постоянно растет: в январе 2020 года в мире насчитывалось 3,80 миллиарда пользователей социальных сетей, аудитория соцмедиа выросла на 9% по сравнению с 2019 годом (это 321 миллион новых пользователей за год) [2].

На настоящий момент не полностью еще изучены возможности социальных платформ в качестве источника формирования и трансформации общественного мнения – отношения различных социальных групп к проблемам общественной жизни, проявляющееся сначала в эмоциях и суждениях, а затем и в действиях. Вместе с тем именно в выработке отношения к тому или иному вопросу авторы видят значительный потенциал социальных сетей и мессенджеров.

Феномен формирования общественного мнения знаком нам еще по воздействию телевидения и прессы, когда в ответ на то или иное информационное сообщение у реципиентов вырабатывается оценочное суждение, которое потом обсуждается и сопоставляется со взглядами и мнениями других людей, при необходимости корректируется, уточняется и систематизируется по наиболее значимым для данного сообщества проблемам.

Схожий алгоритм наблюдается и в ответ на информацию, в том числе и фейковую, осуществляемый посредством социальных платформ. Наиболее яркими примерами могут быть сведения о количестве погибших в результате пожара ТЦ «Зимняя вишня» (Кемерово, март 2018 г.) [1], информация о переполненных больницах и множестве вывозимых трупов в самом начале пандемии Covid-19 в нашей стране [4]. Вспомним: информационные вбросы оказались настолько впечатляющими, что произошло стремительное и массовое «информационное заражение» значительного числа пользователей. На основании только этих ситуаций можно утверждать, что недостаточные навыки по анализу адекватности и состоятельности информации у пользователей, их низкая критичность, усугубляемая доверием к сведениям, получаемым в социальных сетях (и, наоборот, недоверие к государственным СМИ), провоцирует целый ряд негативных социальных последствий от беспокойства до массовой паники. И это речь идет только об эмоциональных реакциях.

Однако, на этом возможности социальных платформ не исчерпаны. В последних числах мая мы являлись очевидцами взрывной и распространяющейся ре-

акции на гибель в США афроамериканца под коленом белого полицейского. В данном случае интернет-сообщество не ограничилось только вербальным негодованием, оно выплеснулось в уличные протесты.

Стало уже очевидным, что новость (в том числе и информационный вброс), размещенная в сети, проходит классические стадии формирования общественного мнения: яркое впечатление → эмоциональный отклик → обсуждение → выработка общих взглядов, мнений, оценок → действия для снятия эмоционального напряжения или решения проблемы с опорой на собственное (или коллективное) представление о рациональности.

Такая ситуация наглядно показала, что общественное мнение может не ограничиться только выработкой мнения, оно способно стать спусковым механизмом для актуализации деятельности.

Необходимо отметить, что государство, реагируя на появление нового субъекта, влияющего на общественные мнения и настроения, начинает правовое регулирование этого сегмента: блогеры с большим числом подписчиков приравниваются к СМИ, регламентируется юридическая ответственность за различные нарушения при распространении информации.

Вместе с тем, авторы убеждены, что такие меры не способны остановить выработку общественного мнения в формате социальных платформ. Человеку невозможно запретить думать, оценивать, делиться важным с другими. Однако, принимаемые правовые нормы создают серьезные барьеры для злоупотреблений в информационном поле.

Рассмотренные выше примеры подтверждают, но не исчерпывают те возможности, которыми обладают социальные платформы в качестве инструмента для управления значительными социальными массами.

Выделим, какими средствами располагают социальные сети для работы с восприятием информации у своих пользователей. Прежде всего, это так хорошо себя зарекомендовавшие еще в эпоху традиционных СМИ избирательность в подаче сведений, фрагментарность; не раз доказала эффективность стратегия навешивания ярлыков и создания социальных мифов.

Помимо этого, социальные платформы создают новые возможности по обработке информации в необходимом для автора (источника) публикации ракурсе. Информационные технологии обладают множеством ресурсов, позволяющих предложить целевой аудитории информацию в наиболее предпочтительном, ожидаемом, более того – специально подобранном формате.

Кратко охарактеризуем некоторые. Прежде всего, это чувство сопричастности, возникающее у потенциального пользователя контента. Возможность опублико-

вать собственные комментарии к происходящему, наблюдения, записи реальных событий – все это позволяет каждому пользователю стать сотворцом истории [3].

Интерактивность не только в режиме офф-лайн, но и он-лайн дает чувство актуального присутствия, когда особенно ярко ощущается острота жизни, ее событийность и собственная включенность в этот живой и изменчивый поток. Как следствие – очевидный рост самооценки, понимание собственной значимости и уникальности.

Исследователи отмечают активное использование маркетинговых приёмов не только для продвижения товаров и услуг, но и для продвижения информации, сайтов, сообществ. Больше того, отмечается высокая эффективность такой стратегии. Безусловно, предлагаемый пользователям социальными платформами контент не ставит жёстких рамок на пути доступа к другой информации, но уже способен сформировать определенное видение мира.

Ограничимся только упоминанием о возможности проявлять социальное одобрение и осуждение, реализуемое через лайки, пересылки, комментарии, подарки, дизлайки, удаления постов, блокировку и т.п.

Перечень возможностей далеко неисчерпывающий. Важно понимать, что именно благодаря рассмотренным средствам социальные платформы становятся сегодня тем действенным инструментом, с помощью которого можно эффективно воздействовать на социальные процессы.

Список литературы

1. Борзенко А., Дмитриев Д. Говорят, что в Кемерово погибли сотни людей, а власти скрывают. Это правда? URL: <https://meduza.io/cards/govoryat-что-v-kemerovo-pogibli-sotni-lyudey-a-vlasti-skryvayut-eto-pravda> (дата обращения: 30.05. 2020).
2. Вся статистика интернета на 2020 год – цифры и тренды в мире и в России. URL: <https://www.web-canape.ru/business/internet-2020-globalnaya-statistika-i-trendy/> (дата обращения: 30.05. 2020).
3. Ефимова Г.З., Зюбан Е.В. Влияние социальных сетей на личность // Мир науки: интернет-журнал. 2016. Т. 4. № 5. URL: <http://mir-nauki.com/PDF/20PSMN516.pdf> (дата обращения: 25.05.2020).
4. СК возбудил дело за фейк о вывозе трупов умерших от COVID-19 в Москве. URL: <https://iz.ru/1002201/2020-04-20/sk-vozbudil-delo-za-feik-o-vyvoze-trupov-umershikh-ot-covid-19-v-moskve> (дата обращения: 30.05. 2020).
5. Сморгун Л.В. Институционализация управляемости и проблема контроля в пространстве цифровых коммуникаций // Южно-российский журнал социальных наук. 2019. Т. 20. № 3. С. 62-75.

УДК 316.354 / ББК 60.9

А.Э. Геринг

*Министерство труда и социального развития Мурманской области,
г. Мурманск, Россия*

**РАЗВИТИЕ СИСТЕМЫ КОМПЛЕКСНОЙ
РЕАБИЛИТАЦИИ ИНВАЛИДОВ КАК РЕШЕНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ
ПРОБЛЕМ ИНВАЛИДНОСТИ**

Аннотация. Проблема реабилитации инвалидов остаётся одной из самых сложных, требующих от общества не только её понимания, но и участия в этом процессе многих специализированных учреждений и структур. В статье рассматривается перспективы развития системы реабилитации инвалидов, в условиях исполнения положений Конвенции о правах инвалидов.

Ключевые слова: инвалидность; социальная защита; власть; реабилитация.

A.E. Gering

*Ministry of labor and social development of the Murmansk region,
Murmansk, Russia*

**DEVELOPMENT OF THE SYSTEM
OF COMPREHENSIVE REHABILITATION OF DISABLED PEOPLE
AS A SOLUTION TO SOCIAL PROBLEMS OF DISABILITY**

Abstract. The problem of rehabilitation of disabled people remains one of the most complex, requiring society not only to understand it, but also the participation of many specialized institutions and structures in this process. The article considers the prospects for the development of the system of rehabilitation of disabled people, in the conditions of implementation of the provisions of the Convention on the rights of persons with disabilities.

Keywords: disability; social protection; power; rehabilitation.

В период сложного социально-экономического положения страны, спада экономики вследствие пандемии коронавируса охрана здоровья населения, профилактика тяжести заболеваний и инвалидности приобретают существенную социальную значимость.

Реализация государственных гарантий по социальной защите инвалидов, по улучшению качества жизни, социальной адаптации в значительной степени зависят от деятельности медицинских организаций по профилактике тяжести заболевания и медицинской реабилитации, взаимодействия с учреждениями медико-социальной экспертизы в выявлении граждан, имеющих ограничения жизнедеятельности вследствие нарушения здоровья и нуждающихся в социальной защите, от качества медико-социальной помощи, медико-социальной экспертизы и медико-социальной реабилитации и правового регулирования.

В России проживает около 12 миллионов инвалидов, и эти люди нуждаются в особой поддержке со стороны государства и общества в связи с ограничениями здоровья.

Отношение к инвалидам – это важнейший показатель зрелости общества, его консолидации и жизнеспособности. Здоровое общество никогда не допустит пренебрежительного, поверхностного отношения к инвалидам и к людям, которые нуждаются в поддержке со стороны государства в связи с ограничениями здоровья. И камертон этого отношения, конечно, государство и правительство, прежде всего.

По сведениям ФГИС «Федеральный реестр инвалидов» по состоянию на 01.01.2020 в Мурманской области проживает 31 215 инвалидов, в том числе детей-инвалидов – 2 716 человек.

Эффективная и результативная организация реабилитации инвалидов может быть обеспечена при наличии достаточного числа учреждений, осуществляющих деятельность по реабилитации инвалидов, обладающих для этого необходимыми материальными, информационными, кадровыми и другими ресурсами.

В Мурманской области в системе реабилитации инвалидов задействовано 6 ведомств федерального и регионального значения (ГУ – Мурманское региональное отделение Фонда социального страхования Российской Федерации, ФКУ «Главное бюро медико-социальной экспертизы по Мурманской области» Минтруда России, министерства труда и социального развития, образования, здравоохранения, спорта и молодежной политики).

Стоит отметить усложненность современной организации реабилитации инвалида, вынуждающая его посещать различные социозащитные учреждения для получения необходимых услуг. Одним из основных направлений повышения социального самочувствия инвалидов является создание условий, позволяющих инвалидам получить комплексную реабилитацию, как можно ближе к месту их непосредственного местожительства.

Поэтому руководители общественных организаций инвалидов Мурманской области, являющиеся активными участниками создания полноценных условий для успешной интеграции инвалидов в общество, указывают на необходимость создания в регионе реабилитационного центра для инвалидов.

Создание такого центра позволит повысить доступность реабилитационных услуг, а также их своевременное и качественное предоставление с учетом индивидуальных потребностей инвалидов.

Заключительными замечаниями Комитета по правам инвалидов ООН по первоначальному докладу Российской Федерации о ходе выполнения Конвенции о правах инвалидов (пункт 43) рекомендовано пересмотреть действующее законодательство и практику в целях обеспечения равного доступа к реабилитации, основанной на услугах и качественных товарах, предоставляемых государственными и региональными фондами.

На федеральном уровне подготовлен проект концепции функционирования современной системы комплексной реабилитации и абилитации инвалидов, в которой будет предусмотрено формирование соответствующей нормативной правовой и методической базы, определен механизм межведомственного взаимодействия в целях организации эффективного исполнения мероприятий ИПРА, создана система контроля за исполнением ИПРА.

Кроме того, разработан отдельный законопроект, определяющий базовые принципы системы комплексной реабилитации и абилитации инвалидов и детей-инвалидов.

Такой набор стратегических инструментов должен стать стимулом дальнейшего развития системы комплексной реабилитации инвалидов как на федеральном, так и на региональном уровнях.

Список литературы

1. Латухина К. Снимаю барьеры. Вопрос поддержки граждан с инвалидностью касается всего общества // Российская газета. 2019. № 115 (7873), 29 мая. С. 3.
2. Официальный сайт Президента Российской Федерации. URL: <http://kremlin.ru>. (дата обращения: 13.08.2020).
3. Официальный сайт Министерства социального развития Мурманской области URL: https://minsoc.gov-murman.ru/activities/dost_sreda/konv_oon.php (дата обращения: 13.08.2020).

М.Е. Глухова
АНООВО «Европейский Университет в Санкт-Петербурге»
Санкт-Петербург, Россия

**РОЛЬ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ
В ПРОЦЕССЕ ПЕРЕЖИВАНИЯ ДЕПРЕССИИ: НА ПРИМЕРЕ
СТУДЕНТОВ ИЗ УНИВЕРСИТЕТОВ ХЕЛЬСИНКИ⁶⁵**

Аннотация. В статье обсуждается роль цифровых технологий в процессе переживания депрессии. Целью работы является описание практик использования различных цифровых технологий (в частности, интернета, мобильных приложений и социальных сетей) студентами Хельсинки, столкнувшимися с депрессией. В результате проведения исследования были выявлены три главные функции цифровых технологий в процессе преодоления депрессии: предоставление доступа к информации о здоровье, организация платформы для поиска поддержки, а также создание новых способов управления и отслеживания симптомов депрессии.

Ключевые слова: депрессия; цифровые технологии; интернет; мобильные приложения; социальные сети.

M.E. Glukhova
European University in Saint Petersburg
Saint Petersburg, Russia

**THE ROLE OF DIGITAL TECHNOLOGIES
IN THE PROCESS OF SUFFERING DEPRESSION: ON THE EXAMPLE
OF STUDENTS FROM HELSINKI⁶⁶**

Abstract. The article discusses the role of digital technologies in the process of suffering from depression. The aim of the work is to describe the practices of using various digital technologies (in particular, the Internet, mobile applications and social networks) by Helsinki students who faced depression. The study identified three major functions of digital technology in coping with depression: providing access to health information, organizing a platform for seeking support, and creating new ways to manage and track depression symptoms.

Keywords: depression; digital technologies; internet; mobile applications; social media.

⁶⁵ Исследование выполнено при поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-013-00770 А «Цифровые и биомедицинские технологии в практиках заботы о здоровье: российский контекст».

⁶⁶ The research was funded by RFBR, project number 20-013-00770 А.

В настоящее время депрессия становится одним из самых распространенных заболеваний. Согласно данным ВОЗ, более 300 миллионов человек всех возрастов страдают от депрессии во всем мире [5]. Она была названа второй по величине причиной временной нетрудоспособности, а также одной из основных причин глобального бремени болезней [5]. Данная тенденция сохраняется и в Финляндии. Несмотря на то, что Финляндия занимает первое место в рейтинге, составленном во «Всемирном докладе о счастье» (“World Happiness Report”) [1], примерно 5,6% населения Финляндии страдают от депрессии, что немного выше среднего показателя по ОЭСР (4,5% в 2016 году) [4]. Более того, предыдущие исследования показали, что риск развития депрессии среди студентов высших учебных заведений выше, чем среди остальных категорий населения [2]. Было установлено, что экономические потери, вызванные последствиями депрессии у молодых людей, могут быть особенно высоки: молодежь рассматривается как ресурс трудоспособного населения, а депрессия в молодости может оказать негативное влияние на всю жизнь человека [2].

В то же время, в последние годы цифровые технологии получают все более широкое распространение по всему миру, предлагая новые возможности для поддержания своего здоровья. Появление и последующее глобальное распространение интернета стало значительным культурным изменением, трансформировавшим повседневные практики людей, в том числе практики заботы о здоровье [3].

Таким образом, целью данного исследования является определение практик использования цифровых технологий (в частности, Интернета, мобильных приложений и социальных сетей) студентами высших учебных заведений Хельсинки, столкнувшимися с депрессией.

Основной метод исследования – полуструктурированное интервью (на английском языке). Однако, впоследствии, из-за негативного влияния языкового барьера, был введен дополнительный метод сбора информации – сбор письменных рефлексивных нарративов студентов. Всего были собраны нарративы 14 студентов, которые перенесли депрессию во время учебы в университете. В исследовании приняли участие 3 мужчины и 11 женщин в возрасте от 20 до 35 лет. Большинство информантов на момент проведения интервью все еще учились в университете, и лишь двое уже закончили обучение. Все участники исследования были этническими финнами и получили медицинский диагноз «депрессия».

Результаты проведенного анализа показали, что цифровые технологии стали неотъемлемой частью процесса переживания депрессии. Так, они выполняют три основные функции: предоставление доступа к огромному массиву информации, организация площадки для поиска поддержки, а также создание новых способов отслеживания и управления симптомами депрессии.

Так, интернет для финской молодежи является важным источником информации о депрессии и психическом здоровье в целом. С помощью него студенты получали доступ к медицинской информации различного рода, начиная с симптомов депрессии и способов их лечения и заканчивая личным опытом других людей, столкнувшихся с депрессией. Медицинская информация о депрессии и других психических расстройствах, полученная в интернете, использовалась студентами с целью переопределить свой собственный опыт в медицинских категориях. Также многие студенты проходили онлайн-тесты для определения депрессии.

Другой востребованной категорией информации о депрессии было описание личного опыта других людей, столкнувшихся с депрессией. Подобные блоги или интервью людей с депрессией, по мнению информантов, имеют большое преимущество перед информацией, созданной профессионалами в сфере медицины: они создают условия для большей эмоциональной вовлеченности и часто вызывают больше доверия.

Также, практически для всех опрошенных студентов, интернет становился средством для поиска психотерапевта. Разные сайты предоставляют возможность обращения к специалистам в соответствии с потребностями и возможностями каждого клиента. В основном, информанты использовали веб-сайт, авторизованный Институтом социального страхования Финляндии Kela, где представлена информация о частных психотерапевтах, услуги которых могут быть компенсированы. Это объясняется высокой стоимостью психотерапии в Финляндии и низкими доходами студентов, которые не могут позволить себе оплачивать терапию самостоятельно. Однако одна из опрошенных, (ИНФ. 2) также упомянула веб-сайт с информацией об LGBT-friendly (толерантных по отношению к ЛГБТ) психотерапевтах, на котором она искала врача, так как испытывала потребность в психотерапевте с более глубоким пониманием ее опыта. При выборе психотерапевта на сайте, респонденты опирались на информацию об их интересах и пройденном обучении, а также на их фотографии.

Цифровые технологии часто становились платформой для поиска социальной поддержки. Например, одна из информанток (ИНФ. 1) упоминала сайт, который позволяет пользователям оставлять анонимные объявления – запросы о помощи, на которые другие пользователи могут откликаться. Социальные сети часто становились платформой для поиска поддержки в тематических онлайн-группах.

Анализ практик использования мобильных приложений не дал значительных результатов. Так, никто из информантов не использовал специальные мобильные приложения для лечения депрессии. Большинство из них никогда не слышали о них, а те, кто знал об этих приложениях, мало им доверяли. Тем не менее, некоторые из информантов упомянули, что используют некоторые мобильные приложения, чтобы справиться с определенными симптомами депрессии. Примеча-

тельно, что двое из опрошенных участвовали в онлайн-психотерапии с помощью специально созданного мобильного приложения. Их терапия была кратковременной (занятия проходили 1 раз в неделю на протяжении трех недель) и, по мнению информантов, не отличалась значительно от классической «оффлайн»-терапии.

В заключение, следует упомянуть, что, несмотря на значительное присутствие цифровых технологий в жизни современной молодежи, для студентов Хельсинки они не смогли полностью заменить обращение к врачу и лечение в реальной жизни. Цифровые технологии оставались дополнением к основному курсу лечения, определенному врачом, и в ряде случаев помогали распознать свое психическое состояние до обращения к специалисту. Более того, несмотря на широкое использование неформальных каналов для получения информации о депрессии, определяющими для людей все равно оставалась медицинская информация – медицинские и публицистические статьи, размещенные в интернете на специализированных порталах о здоровье или агрегаторах научных статей, а также консультации с психиатрами и психотерапевтами в реальной жизни.

Список информантов

- НФ. 1, женщина, 24 года
- ИНФ. 2, женщина, 26 лет
- ИНФ. 3, женщина, 23 года
- ИНФ. 4, женщина, 25 лет
- ИНФ. 5, женщина, 26 лет
- ИНФ. 6, женщина, 24 года
- ИНФ. 7, женщина, 26 лет
- ИНФ. 8, женщина, 20 лет
- ИНФ. 9, женщина, 31 год
- ИНФ. 10, мужчина, 28 лет
- ИНФ. 11, мужчина, 35 лет
- ИНФ. 12, женщина, 21 год
- ИНФ. 13, мужчина, 25 лет
- ИНФ. 14, женщина, 23 года

Список литературы

1. Helliwell J.F., Huang H., Wang S. The social foundations of world happiness // World happiness report. 2017. Т. 8.
2. Ibrahim A.K. et al. A systematic review of studies of depression prevalence in university students // Journal of psychiatric research. 2013. Т. 47. №. 3. С. 391-400.

3. Katz J.E., Rice R.E., Acord S. E-health networks and social transformations: Expectations of centralization, experiences of decentralization // Castells M. The Network Society: A Cross-cultural Perspective. Cheltenham, UK: Edward Elgar. 2004. С. 293-318.
4. OECD/EU: [Сайт]. URL: https://doi.org/10.1787/health_glance_eur-2018-en (accessed 10.09.2020).
5. WHO: [Сайт]. URL: <https://www.who.int/> (accessed 10.09.2020).

УДК 314.7 : 316.65 / ББК 60.527

*Н.П. Гончарова, А.А. Короткова
Алтайский филиал РАНХиГС, г. Барнаул, Россия*

**ОТНОШЕНИЕ К ЖИЗНИ В РЕГИОНЕ КАК ФАКТОР
ТРУДОВОЙ МИГРАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ АЛТАЙСКОГО КРАЯ
(ПО МАТЕРИАЛАМ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)⁶⁷**

Аннотация. В статье представлены результаты социологического исследования миграционных установок и настроений местного населения Алтайского края. Анализируется отношение населения к жизни в регионе как фактор трудовой миграции. Показано эмоционально-личностное отношение респондентов к Алтайскому краю. Раскрываются основные направления миграции населения Алтайского края.

Ключевые слова: трудовая миграция, отношение к жизни в регионе, социальное самочувствие населения, миграционные установки.

*N.P. Goncharova, A.A. Korotkova
The Altai Branch of RANEPA, Barnaul, Russia*

**ATTITUDE TO LIFE IN THE REGION AS A FACTOR
OF LABOR MIGRATION OF THE POPULATION OF THE ALTAI KRAI
(ACCORDING TO THE SOCIOLOGICAL RESEARCH)⁶⁸**

Abstract. The article presents the results of a sociological research of migration intentions and attitudes of the local population of the Altai Krai. The attitude of the pop-

⁶⁷ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 17-33-01073-ОГН «Трудовая миграция в приграничных регионах России: траектории, масштабы и социальные хронотопы».

⁶⁸ The research was funded by RFBR, project number 17-33-01073-ОГН.

ulation to life in the region as a factor of labor migration is analyzed. The emotional and personal attitude of respondents to the Altai Krai is shown. The main directions of migration of the population of the Altai Krai are revealed.

Keywords: *labor migration; attitude to life in the region; social feeling of the population; migration intentions.*

Социальное самочувствие населения в регионе выступает как интегральная характеристика удовлетворенности или неудовлетворенности человека своим социальным положением, а, следовательно, изучение этого показателя позволяет вскрыть истинное и актуальное отношение населения к жизни в регионе, определить его миграционные установки, намерения изменить место жительства.

О масштабах трудовой миграции в Алтайском крае свидетельствуют данные мониторинга, результаты которого были приведены в 2019 г. на заседании общественного совета при Алтайкрайстате по проблемам трудовой миграции⁶⁹. Так, в крае выявили 88,9 тысяч международных мигрантов. Их доля в общей численности населения в возрасте 15 лет и старше составила 4,6%. Основная масса мигрантов приехали из бывших советских республик. Из Казахстана в Алтайский край переехало 61,2% от общей численности международных мигрантов, Киргизии – 9,8%, Узбекистана – 8,6%, Украины – 2,8%. При этом, только 3% мигрантов переехали с целью найти работу. Это существенно ниже, чем в целом по России (19,7%). При этом на момент обследования работу в Алтайском крае имел каждый второй мигрант (49,3%).

Для эмпирического анализа миграционных установок и настроений местного населения Алтайского края авторами использованы данные социологического опроса, проведенного в 2018 г. (N=404)⁷⁰.

Анализируя миграционные установки жителей региона необходимо отметить, что большая часть населения (71%) не планирует переезжать в другой регион или страну. Совсем небольшой процент респондентов (1,8%) хотели бы переехать в более крупный город, не покидая территорию края. Однако, 15,4% планируют сменить место жительства и перебраться в другой регион России, а 2,4% в другую

⁶⁹ В Алтайский край приехало почти 90 тысяч мигрантов... URL: <https://www.alt.kp.ru/online/news/3790645/> (дата обращения: 19.05.2020).

⁷⁰ В опросе приняли участие 404 респондента из Алтайского края. География опроса включает 9 городов и больше половины сельских муниципальных районов (33 из 60). Половозрастная структура выборочной совокупности представлена 42,2% мужчин и 57,8% женщин. Число опрошенных в возрасте до 25 лет составляет 20%, от 26 до 35 лет 39,4%, 36-45 лет 20,6%, 46-55 лет 12,1% и старше 55 лет 7,9%. Данная структура выборочной совокупности обусловлена целью и задачами исследования, а также особенностями половозрастной структуры Алтайского края.

страну. Свой переезд респонденты связывают с желанием улучшить свое материальное положение, обеспечить будущее детей, найти работу или сделать карьеру.

Характеризуя эмоционально-личностное отношение респондентов к Алтайскому краю можно выделить целый ряд привлекательных факторов:

- фактор комфортной городской среды, позитивное восприятие культурной инфраструктуры края (респонденты отмечают красивую архитектуру, наличие культурно-развлекательных объектов, возможность организации досуга);
- фактор коллективной идентичности жителей, которая проявляется через формирование социальной установки относительно восприятия Алтайского края как малой родины (респонденты демонстрируют собственные ассоциации их глубокой духовной связи с местом жительства через такие категории как «мой город», «мой край», «мои корни», «воспоминания о детстве»);
- красивая природа, близость к туристическим местам как на территории края, так и в Республике Алтай – еще один из факторов, позволяющих респондентам положительно воспринимать свое место жительства;
- фактор «спокойного ритма жизни», характеристика достаточно типичная для восприятия провинциального региона;
- фактор «устроенной жизни», вербализированный через такие суждения как «устроенный быт», «наличие жилья и работы», «дети в школе» и т.п.;
- фактор «близких семейных и дружеских связей»;
- фактор безопасности в восприятии территории (представлен рядом установок, фиксируемых в восприятии респондентов, как безопасная экологическая ситуация, выраженная в категориях «чистая экология», «экологически чистые продукты» и т.д.; безопасное географическое положение с точки зрения природных катаклизмов (землетрясения, цунами, потопа и т.п.); безопасное географическое положение края относительно «опасных», «политически нестабильных» регионов на территории страны).

Наименее привлекательные стороны жизни в Алтайском крае в оценках опрошенных выглядят следующим образом:

- сложная социально-экономическая ситуация («бедность», «низкие зарплаты», «отсутствие работы», «высокие цены» и т.п.);
- коррупция («зарвавшиеся чиновники», «коррупционные схемы»);
- плохая инфраструктура («плохие дороги», «разруха» и т.п.);
- сложности профессиональной самореализации («нет возможности построить карьеру», «нет возможности найти работу по профессии», «династичность в устройстве на работу на престижные должности»);
- сложная экономическая обстановка в регионе («трудности в развитии бизнеса», «сокращение производственных предприятий» и т.п.);

- географическая удаленность края от центра России;
- тяжелый климат («холодные зимы», «вечный холод» и т.д.).

Большая часть опрошенных (59,6%) не планирует искать работу в других регионах России или населенных пунктах Алтайского края, но часть респондентов (15,6%) хотели бы сделать это в будущем, и данный показатель относительно высок, что может говорить о потенциально высокой трудовой миграции населения. Тем более, что у 16,6% населения в той или форме такой опыт был: они уже ездили на заработок в другой город, регион или даже страну. Среди основных направлений для поиска работы жители края называют Дальний Восток, Республику Тыва, Республику Алтай, Москву и Московскую область, Новосибирскую и Кемеровскую области.

По результатам исследования условно мы можем выделить четыре основных направления миграции населения Алтайского края:

- внутрирегиональная миграция, связанная с поиском работы в крупных населенных пунктах края;
- межрегиональная миграция населения в ближайшие территории и субъекты Российской Федерации;
- межрегиональная миграция населения в пределах страны, которая имеет два направления – миграция в северные районы страны, связанная с поиском временной вахтовой и низкоквалифицированной работы и миграция в центральные регионы и крупные города, подразумевающая поиск постоянной высококвалифицированной работы;
- миграция с другими государствами.

Таким образом, в представлениях мигрантов и исконных жителей Алтайский край предстает с одной стороны, как безопасная со всех точек зрения территория со спокойным ритмом жизни, дающая возможность построить стойкие социальные контакты, найти работу, обустроить быт, получить образование. Вероятно, именно эти факторы являются привлекательными для трудовых мигрантов при выборе места переезда. С другой стороны, объективные факторы, связанные с трудностями социально-экономического положения в крае, ограниченными возможностями самореализации, суровым климатом, удаленностью от Москвы, Санкт-Петербурга и других центральных районов страны тревожат респондентов и сподвигают к изменению места жительства и переезду в более привлекательные регионы.

Список литературы

1. В Алтайский край приехало почти 90 тысяч мигрантов... URL: <https://www.alt.kp.ru/online/news/3790645/> (дата обращения: 19.05.2020).

О.В. Гребняк
Институт социально-политических исследований
Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН
г. Москва, Россия

ЦИФРОВИЗАЦИЯ ПОСТПАНДЕМИЧЕСКОГО ПЕРИОДА КАК ФАКТОР СОЦИАЛЬНОЙ ТРЕВОЖНОСТИ РОССИЯН⁷¹

Аннотация. Борьба с распространением вируса COVID-19 стала катализатором нового рывка цифровизации. Автор рассматривает неоднозначность актуальных цифровых трендов в глазах граждан. Проблемные аспекты допандемического периода усугубляются новыми, превращая цифровые инновации в фактор социального риска и причину роста уровня тревожности в обществе.

Ключевые слова: пандемия коронавируса; цифровизация; социальные риски; риски цифровизации; безопасность данных; тревожность.

O.V. Grebnyak
Institute of Socio-Political Research of Theoretical & Applied Sociology
of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia

DIGITALIZATION OF THE POST-PANDEMIC PERIOD AS A FACTOR OF SOCIAL ANXIETY OF RUSSIANS⁷²

Annotation. Fighting the spread of the COVID-19 virus has become the catalyst for a new burst in digitalization. The author examines the ambiguity of current digital trends in the sight of citizens. The problem aspects of the pre-pandemic period are compounded by new ones, turning digital innovations into a factor of social risk and a reason for increasing the level of anxiety in society. The article uses the results of the scientific project, which was conducted with the financial support of the RFBR.

Keywords: coronavirus pandemic; digitalization; social risks; digitalization risks; data security; anxiety.

⁷¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-011-31142 опп.

⁷² The research was funded by RFBR, project number 19-011-31142 опп.

Всеобъемлющая цифровая трансформация, затрагивающая все сферы функционирования государства и общества, никогда не воспринималась однозначно. Наряду с упрощением жизни во многих бытовых вопросах и формах взаимодействия с государственными структурами, отмечался ряд тревожащих россиян «подводных камней». К ним относятся:

- опасения по поводу возможной безработицы из-за расширения автоматизации и роботизации рабочих мест (отрицательной считают тенденцию замещения человеческих кадров цифровыми технологиями 46,2% россиян⁷³);
- проблема безопасности личных данных (число утечек персональных данных и платежной информации в России за 2019 год выросло на 40%⁷⁴);
- сложность верификации растущих объемов информации (многократные прецеденты уже привели к принятию в 2019 году блока федеральных законов, направленных на противодействие распространению недостоверной информации⁷⁵).

Весной 2020 года борьба с распространением коронавируса на территории РФ и длительный период самоизоляции сместили акценты техногически ориентированных тревог на актуальные сложности, вызванные экстренным расширением пропускной способности сетей, многократным увеличением нагрузки на обучающие платформы и площадки онлайн-конференций. Это моментально обострило уже существующие проблемы. Выросло число действий, требующих ввода персональных данных (оформление цифровых пропусков, рост платежей онлайн), резко подскочил и объем информации, посвященной коронавирусу (СМИ перенасыщены новостями о пандемии, сочло 74% респондентов в мае 2020 года⁷⁶).

⁷³ Данные эмпирического исследования по проекту «Политическая культура российского общества в условиях перехода к новому технологическому укладу и реализации Указа Президента Российской Федерации от 07.05.2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года»», проведенного при финансовой поддержке РФФИ и АНО ЭИСИ в рамках научного проекта № 19-011-31142 опн» в мае-июне 2019 г. N=1800.

⁷⁴ «Наталья Касперская: утечки данных все чаще используют, чтобы навредить репутации компаний». – Интервью руководителя рабочей группы по информационной безопасности нацпроекта «Цифровая экономика» Н.И. Касперской ИА ТАСС, 28.01.2020. URL: <https://tass.ru/interviews/7617441> (дата обращения: 23.08.2020).

⁷⁵ Подписан закон, устанавливающий административную ответственность за распространение заведомо недостоверной общественно значимой информации: сайт Президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/news/60082> (дата обращения: 23.08.2020).

⁷⁶ Опрос Роскачества совместно с Online Market Intelligence. Май 2020. N=1047 по квотной выборке среди онлайн-аудитории России в возрасте старше 18 лет в городах с населением более 100 000 человек по полу, возрасту, Федеральному округу и размеру населенного пункта. URL: <https://rskrf.ru/news/kachestvo-zhizni-vo-vremya-pandemii> (дата обращения: 20.08.2020).

Отсутствие возможности фильтрации достоверных сведений от «хайповых» и конспирологических привело к тому, что представители ВОЗ назвали «пандемией фейков», введя позже термин инфодемии – избытка информации, часть которой может вводить в заблуждение или даже наносить вред⁷⁷.

Тревога граждан усиливается и новыми масштабными проектами российского правительства, заявленными как меры по улучшению жизни граждан и эффективного противодействия новым волнам заболевания. Общественный резонанс вызвали принятые в кратчайшие сроки законы о едином реестре персональных данных (№ 168-ФЗ⁷⁸) и об экспериментальном внедрении технологий искусственного интеллекта (ИИ) на территории Москвы (№ 123-ФЗ⁷⁹). Последний подразумевает практическое обучение ИИ через идентификацию лиц с камер слежения, распознавание речи, обработку сведений о передвижениях и состоянии здоровья граждан. Новости вызвали поток теорий о наступлении тотального цифрового контроля.

Представители власти признают неизбежность роста объемов собираемой информации о жизни граждан. По словам главы Счетной палаты РФ А. Кудрина, «...будет усиливаться цифровизация и знание государства о том, чем занимается гражданин». В свою очередь усиление кибербезопасности преподносится как вопрос неопределённой перспективы: «риски утечки персональных данных, подробностей о личной жизни увеличиваются. Здесь придется находить технические решения, которые будут решать эти проблемы. Но, думаю, этому будет посвящено очень много работы, и пройдут не одни политические дебаты»⁸⁰.

Практика массового контроля за контактами и мониторинга передвижений заболевших не уникальна, в период пандемии ее успешно реализовал ряд стран.

⁷⁷ «Бороться с инфодемией вместе». Сайт Европейского регионального бюро ВОЗ. URL: <https://www.euro.who.int/ru/health-topics/Health-systems/e-health/news/news/2020/6/workingtogether-to-tackle-the-infodemic> (дата обращения 20.08.2020).

⁷⁸ Федеральный закон от 8 июня 2020 г. № 168-ФЗ «О едином федеральном информационном регистре, содержащем сведения о населении Российской Федерации». Информационно-правовой портал «Гарант.Ру». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/74132857/> (дата обращения 20.08.2020).

⁷⁹ Федеральный закон от 24.04.2020 N 123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации – городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_351127/ (дата обращения 20.08.2020).

⁸⁰ «Алексей Кудрин: карантин ускорил цифровизацию Счетной палаты». – интервью главы Счетной палаты А.Л. Кудрина ИА ТАСС, 09.06.2020 г. URL: <https://tass.ru/interviews/8682869> (дата обращения 20.08.2020).

Так, власти Южной Кореи использовали данные GPS (затребованные у мобильных операторов), эта практика характерна для большинства азиатских стран. Власти Израиля оперативно приняли закон, допускающий отслеживание телефонов граждан без судебного разрешения. Большинство европейских стран также заключили договора с крупнейшими операторами связи для отслеживания распространения коронавируса.

Использование приложения российского производства для контроля за соблюдением карантина («Социальный мониторинг») отозвалось многочисленными сложностями и привело скорее к повышению уровня тревожности заболевших. Пользователи отмечали технические проблемы в работе приложения и фиксировали многочисленные неправомерные штрафные санкции.

Еще одним важным моментом стало массовое нежелание россиян использовать российскую вакцину от коронавируса «Спутник V»: 52% респондентов ответили «нет, не будем прививаться», сообщил глава ВЦИОМ В. Федоров на форуме «Территория смыслов»⁸¹. Отметим, что на три месяца ранее – в мае 2020 – потенциальную готовность вакцинироваться выразили 59% россиян, и лишь 35% отметили, что не стали бы делать прививку от коронавируса⁸². Таким образом, за три месяца количество нежелающих вакцинироваться выросло на 17 п.п. Откуда такое недоверие? Помимо аргументов о недостаточности клинических исследований новейшей российской вакцины и, как следствие, отсутствии доказанной эффективности, активно звучат аргументы, напрямую связанные с развитием цифровых технологий. Широкий резонанс в период самоизоляции получила теория чипирования населения через вакцинацию, с дальнейшей возможностью влияния при помощи еще одной технологической новинки – вышки 5G. Цитируя в подтверждение известных и авторитетных в своих отраслях специалистов, теория получила немало сторонников, что могло повлиять и на отношение к идее прививки от коронавируса.

К концу лета 2020 года градус напряженности общественных настроений вновь повысился. Причиной стали разнонаправленные заявления от властей, с одной стороны (об отсутствии перспектив «второй волны» изоляции осенью), и от «инсайдерских» источников (об обязательном карантине с середины сентября), с другой. В целом, транслируемая гражданами реакция сигнализирует о росте социально-по-

⁸¹ «Диалог на равных с Валерием Федоровым», - Всероссийский молодежный образовательный форум «Территория смыслов», 22 августа 2020. URL: <https://youtu.be/V3LE9qFfKeE> (дата обращения 23.08.2020).

⁸² Всероссийский опрос проведен ВЦИОМ 13 мая 2020 г. В опросе приняли участие 1600 россиян в возрасте от 18 лет. Метод опроса – телефонное интервью по стратифицированной двухосновной случайной выборке стационарных и мобильных номеров. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=10284> (дата обращения 23.08.2020).

литической тревожности и возможном снижении уровня доверия к действующей власти и предпринимаемым (или не предпринимаемым) ею действиям.

Список литературы

1. Федеральный закон от 8 июня 2020 г. № 168-ФЗ «О едином федеральном информационном регистре, содержащем сведения о населении Российской Федерации». Информационно-правовой портал «Гарант.Ру». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/74132857/> (дата обращения 20.08.2020).
2. Федеральный закон от 24.04.2020 N 123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации - городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_351127/ (дата обращения 20.08.2020).
3. Алексей Кудрин: карантин ускорил цифровизацию Счетной палаты : интервью главы Счетной палаты А.Л. Кудрина ИА ТАСС, 09.06.2020 г. URL: <https://tass.ru/interviews/8682869> (дата обращения 20.08.2020).
4. Борьтсья с инфодемией вместе: сайт Европейского регионального бюро ВОЗ. URL: <https://www.euro.who.int/ru/health-topics/Health-systems/e-health/news/news/2020/6/working-together-to-tackle-the-infodemic> (дата обращения 20.08.2020).
5. Всероссийский опрос проведен ВЦИОМ 13 мая 2020 г. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=10284> (дата обращения 23.08.2020).
6. Диалог на равных с Валерием Федоровым // Всероссийский молодежный образовательный форум «Территория смыслов», 22 августа 2020. URL: <https://youtu.be/V3LE9qFfKeE> (дата обращения 23.08.2020).
7. Наталья Касперская: утечки данных все чаще используют, чтобы навредить репутации компаний: интервью руководителя рабочей группы по информационной безопасности нацпроекта «Цифровая экономика» Н.И. Касперской ИА ТАСС, 28.01.2020. URL: <https://tass.ru/interviews/7617441> (дата обращения: 23.08.2020).
8. Опрос Роскачества совместно с Online Market Intelligence. Май 2020. N=1047 по квотной выборке среди онлайн-аудитории России в возрасте старше 18 лет в городах с населением более 100 000 человек по полу, возрасту, Федеральному округу и размеру населенного пункта. URL: <https://rskrf.ru/news/kachestvo-zhizni-vovremya-pandemii> (дата обращения: 20.08.2020).
9. Подписан закон, устанавливающий административную ответственность за распространение заведомо недостоверной общественно значимой информации: сайт Президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/news/60082> (дата обращения: 23.08.2020).

УДК 316.472.4 / ББК 60.524.222

Т.А. Гужавина, Д.А. Ластовкина
ФГБУН Вологодский научный центр Российской академии наук
г. Вологда, Россия

**ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ
В РЕГИОНАЛЬНОМ СООБЩЕСТВЕ⁸³**

Аннотация. В статье рассматривается вопрос функционирования социальных сетей в региональном сообществе. В качестве основных индикаторов социальных сетей используются следующие: вовлеченность в межличностные связи и включенность в социальные ассоциации, общественные организации, группы.

Ключевые слова: социальные сети; межличностные связи; социальная активность.

T.A. Guzhavina, D.A. Lastovkina
Vologda Scientific Center of the Russian Academy of Sciences
Vologda, Russia

**FUNCTIONING OF SOCIAL NETWORKS
IN THE REGIONAL COMMUNITY⁸⁴**

Abstract. The article discusses the issue of the functioning of social networks in the regional community. The following are used as the main indicators of social networks: involvement in interpersonal relationships and involvement in social associations, public organizations, groups.

Keywords: social networks; interpersonal connections; social activity.

Исследование социальных сетей является активно развивающимся направлением в теоретической социологии. Это связано с тем, что концепция социальных сетей является наиболее естественной в описании и построении социальной структуры. В широком смысле под социальной сетью понимается множество точек (членов

⁸³ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-011-00724/20 «Барьеры гражданского участия и механизмы их преодоления на региональном уровне».

⁸⁴ The research was funded by RFBR, project number 19-011-00724/20.

социальной системы) в той или иной степени связанных друг другом. Сети обеспечивают социальные коммуникации, играющие важную роль в развитии и функционировании современного общества. Под социальными сетями принято понимать устойчивые социальные связи и отношения, которые существуют между акторами. Относительно функционала самих связей, важно отметить, что кроме коммуникационного взаимодействия, они могут быть использованы для обмена различными ресурсами, а также выступать площадкой конфликтных ситуаций.

Определенную информацию для изучения функционирования социальных сетей в Вологодской области дает исследование, проведенное коллективом ВолНЦ РАН в 2019 году. Опрос проводился в Вологде и Череповце, также в 12 малых городах области, являющихся центрами муниципальных образований. Репрезентативность выборки обеспечивалась квотированием по половозрастным признакам в соответствии с половозрастной структурой взрослого населения городов – участников опроса. Объем выборки – 1918 человек. Цель данного исследования проанализировать состояние социальных сетей населения двух крупных городов Вологодской области – Вологды и Череповца. Города сопоставимы по численности населения, демографической структуре. Вологда является административным и культурно-образовательным центром области, Череповец ее промышленный центр, один из крупнейших на Северо-Западе.

Для определения индикаторов, характеризующих социальные сети мы обращаемся к индикаторной модели социального капитала [1], позволяющей на основе интегрального индекса социального капитала оценить его объемы. Одним из элементов интегрального индекса являются сети, в которых на основе доверия, норм и ценностей, и формируется социальный капитал. По мнению исследователей, к основным показателям, характеризующим социальные сети следует отнести: сформировавшиеся межличностные связи и вовлеченность в социальные ассоциации, общественные организации, группы. Полученные данные позволяют выявить факторы, оказывающие влияние на состояние социального капитала населения Вологодской области.

Для оценки межличностных связей в качестве индикаторов используются ответы респондентов на вопросы:

1. «К кому Вы сможете обратиться при возникновении проблемной жизненной ситуации?»
2. «Если Вам вдруг понадобится некоторое количество денег (достаточное, чтобы оплатить расходы Вашей семьи в течение одной недели), сколько людей вне Вашей семьи в принципе готово одолжить Вам эти деньги?»

В случае возникновения проблемной жизненной ситуации, вологжане склонны обратиться за помощью прежде всего к членам своих семей и родственникам. Об

этом заявили чуть более 90% опрошенных, что вполне объяснимо. Семейные связи достаточно прочны среди россиян и именно там мы стремимся найти поддержку и оказываем ее сами. Еще около двух третей респондентов готовы прибегнуть к помощи друзей. Но здесь среди населения различных поселений наблюдается порой значительная разница. Так, например, среди респондентов-череповчан всегда и часто обращаются в трудной ситуации к друзьям 67%, тогда как в Вологде данный показатель на порядок выше и составляет 76 %. Можно предположить, что такой тип социальных связей как дружеские отношения среди жителей Вологды выражены сильнее. Однако, причина выявленных различий требует дополнительного исследования. Тем не менее этот фактор оказывает влияние на интегральный индекс социального капитала указанных населённых пунктов.

Среди опрошенных жителей города Череповца 16% заявляют о том, что в их окружении нет ни одного человека, который смог бы оказать финансовую поддержку для жизнеобеспечения семьи в течение недели. В Вологде о таком положении дел заявили почти в 2 раза меньше респондентов, т.е. 9% соответственно. Более двух третей опрошенных имеют в своем окружении от одного до четырех человек, которые способны одолжить денег на недельное содержание семьи. В среднем только 6% процентов респондентов имеют возможность рассчитывать на финансовую поддержку семи и более человек.

О том, что никогда или только в редких случаях смогут обратиться за помощью к единоверцам, представителям интернет сообществ и прохожим на улице заявляют свыше 90% опрошенных в обоих городах. Соседи, коллеги по работе и руководители так же непопулярны у респондентов в качестве субъектов, на которых можно рассчитывать в сложной ситуации, но, тем не менее, в среднем 23% рассматривают возможность обращения именно к этим людям.

Межличностные связи и отношения являются важной характеристикой социального капитала. Они, с одной стороны, есть условие его возникновения, а с другой – результат наработанного социального капитала. В этих сетях находятся те ресурсы, к которым может человек обратиться в определенных ситуациях. Чем шире сети, тем большим доступом к ресурсам, входящих в них акторов, может обратиться индивид, и, тем самым, он обладает большим социальным капиталом.

Второй индикатора связан с социальной активностью акторов сетей. Участие в деятельности различных НКО позволяет создавать новые контакты, выстраивать новые цепочки отношений, получать доступ к ресурсам новых акторов, делиться своим и увеличивать социальный капитал всего сообщества. Не случайно на роль общественных ассоциаций обратил внимание еще А. де Токвиль. Осведомленность об общественных (некоммерческих) организациях, наличие членства в

таких структурах, а также участие в мероприятиях, которые они проводят являются следующими индикаторами, которые характеризуют социальные сети, как элемент социального капитала.

Более двух третей опрошенных заявляют, что не знают о существовании никаких общественных (некоммерческих) организаций. Наиболее известными для респондентов являются организации, деятельность которых связана с благотворительностью, а также экологией и защитой животных. О таких организациях знают в среднем около 30% опрошенных.

По данным опроса порядка 80% жителей Вологды и Череповца не состоят ни в одной общественной организации и не участвуют в их мероприятиях. Следует отметить, что в Вологде процент респондентов, которые подтверждают свое членство в той или иной общественной организации несколько выше, разброс значений находится в пределах от 1,3 до 5 процентов, в Череповце от 1 до 2 процентов соответственно. В тоже время жители Череповца несколько более активно участвуют в мероприятиях, проводимых данными организациями. Например, около 7% череповчан участвуют в благотворительных мероприятиях, в Вологде это показатель в пределах 5%. В обоих городах чуть более 5% респондентов подтвердили участие в мероприятиях, связанных с экологией и защитой животных. Полученные данные позволяют сделать следующие выводы. Во-первых, данные исследования показали имеющиеся уязвимости в ситуации с социальным капиталом городов, а, во-вторых, мы имеем в расширении привлечения и вовлечения населения этих городов значительные резервы роста социального капитала сообществ.

Таким образом, по итогам первичного анализа данных опроса, можно говорить о низком уровне социальной активности среди жителей Вологды и Череповца. Межличностные взаимодействия имеют довольно ограниченный характер (семья, друзья, родственники). Для того чтобы более детально проработать причинно-следственные связи сложившейся ситуации требуется проведение разностороннего корреляционного анализа, который позволит проследить более глубокие тенденции и зависимости в функционировании и развитии социальных сетей.

Благодарности. Тезис подготовлены при поддержке гранта РФФИ «Барьеры гражданского участия и механизмы их преодоления на региональном уровне». Проект № РФФИ № 19-011-00724/20.

Список литературы

1. Гужавина Т.А. Региональный социальный капитал в условиях кризиса: монография // Череповец. гос. ун-т. Череповец: Изд-во ЧГУ, 2018. 220 с.

УДК: 316.013 / ББК: 60.54

*Т.А. Гужавина, Н.Н. Ясников
Вологодский научный центр РАН, г. Череповец, Россия*

**ВЗАИМОСВЯЗЬ ИННОВАЦИОННЫХ ПРАКТИК
И СОЦИАЛЬНОГО КАПИТАЛА НЕЗАНЯТОГО НАСЕЛЕНИЯ
КРУПНЫХ ГОРОДОВ ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ
(НА ПРИМЕРЕ ВОЛОГДЫ И ЧЕРЕПОВЦА)⁸⁵**

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена тем фактом, что сегодняшний мир предоставляет такое количество разнообразных возможностей, какое было немыслимо в любую предыдущую эпоху. Однако, для того чтобы воспользоваться всей полнотой предлагаемого миром спектра, человеку необходимо свободно оперировать современными инновационными практиками, в своей повседневной деятельности. В ходе исследования мы опирались на данные полученные в ходе массового опроса общественного мнения в Вологодской области и обратили своё внимание, на такую группу респондентов как незанятое население (студенты, учащиеся, пенсионеры, инвалиды, официально зарегистрированные безработные). В качестве примеров крупных городов использовались Вологда, являющаяся административным центром области и Череповец, являющийся промышленным центром области.

Ключевые слова: Социальный капитал; Инновационные практики; Вологодская область; Цифровизация; Нематериальные ресурсы; незанятое население.

*T.A. Guzavina, N.N. Yasnikov
Vologda Scientific Center RAS, Cherepovets, Russia*

**INTERCONNECTION OF INNOVATIVE PRACTICES
AND SOCIAL CAPITAL OF THE UNEMPLOYED POPULATION
IN LARGE CITIES OF THE VOLOGDA REGION (ON THE EXAMPLE
OF VOLOGDA AND CHEREPOVETS)⁸⁶**

Abstract. The relevance of the study is due to the fact that today's world provides such a variety of opportunities that were unthinkable in any previous era. However, in

⁸⁵ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-011-00724/20 «Барьеры гражданского участия и механизмы их преодоления на региональном уровне».

⁸⁶ The research was funded by RFBR, project number 19-011-00724/20.

order to take advantage of the full spectrum offered by the world, a person needs to freely operate with modern innovative practices in his daily activities. In the course of the study, we relied on data obtained during a mass poll of public opinion in the Vologda Oblast and turned our attention to such a group of respondents as the unemployed population (students, pupils, pensioners, disabled people, officially registered unemployed). Vologda, which is the administrative center of the region and Cherepovets, which is the industrial center of the region, were used as examples of large cities.

Keywords: *Social capital; Innovative practices; Vologda region; Digitalization; Intangible resources; unemployed population.*

В последние десятилетия исследователи начали активно заниматься изучением такого феномена как социальный капитал. Как идея социальный капитал возник достаточно давно. Ее отголоски встречаются в трудах К. Маркса, М. Вебера, Э. Дюркгейма. А. де Токвиля и многих других. Как концепция социальный капитал сформировался благодаря трудам Р. Патнема, Д. Коулмана, П. Бурдье, Ф. Фукуямы и др. Данная концепция позволяет анализировать самые различные сферы человеческих отношений. А ее развитие идет в ширь и охватывает все новые и новые аспекты. В результате, с каждым новым исследованием понимание социального капитала расширяется и углубляется, и каждый автор вносит свой вклад, в развитие, ставшей столь привлекательной в последнее время, концепции.

Одним из направлений в изучении социального капитала является исследование его влияния на освоение различных практик, порождаемых цифровыми трендами и воплощаемых в повседневной деятельности акторов. Цифровая современность радикально меняет социальную реальность, что проявляется в изменениях доступа к информационным ресурсам, способам получения образования и повышения квалификации. Особенно остро изменения касаются сфер труда и быта. Связано это во многом с внедрением в нашу жизнь цифровых устройств или гаджетов, использование которых требует от человека определенных компетенций технического и когнитивного характера. Но пользование гаджетом требует и понимания возникновения новых рисков, таких, например, как сужение приватного пространства, новые формы мошенничества, основанные на социальных технологиях, и т.п. Но с другой стороны цифровые устройства создают новые возможности в получении информации, в доступе к произведениям искусства, достижениям науки, к новым сферам жизнедеятельности и коммуникации. В своей совокупности цифровизация порождает новые потребности и потребительские практики, новые формы занятости, новые информационные возможности. Это требует уже не только компетенций, но и оценки рисков, а это уже сфера

цифровой безопасности. Цифровые компетенции в совокупности с цифровым потреблением и цифровой безопасностью формируют цифровую грамотность населения [1]. Обладая подобными навыками, индивиды могут взаимодействовать с принципиально новыми инструментами, открывающими доступ к использованию различных онлайн служб и ресурсов. Отсутствие же таких компетенций может сдвинуть индивида на обочину жизни.

Цель нашего исследования оценить некоторые аспекты цифровой грамотности населения Вологодской области на основе самооценки. Источником эмпирических данных стало исследование, проведенное на территории Вологодской области учеными ВолНИЦ РАН. Опрос проходил в 2019 г. по многоступенчатой квотной выборочной совокупности. Объем выборки составил 1918 человек старше 18 лет. В рамках данного исследования мы сосредоточились на такой группе носителей социального капитала как неработающее население крупных городов Вологодской области (студенты, учащиеся, пенсионеры, инвалиды, официально зарегистрированные безработные). Данная группа весьма пестрая по своему составу. Но у ее представителей есть ряд общих черт. В нее входят люди, занимающие пограничные социальные позиции. Одни из них только готовятся к вступлению в экономически активную деятельность, другие завершили трудовую деятельность или оказались в группе вытесненных на некоторое время из сферы трудовых отношений, что может привести к потере трудовой квалификации. В любом случае условием вхождения в цифровую среду является обретение ими цифровой грамотности.

В ходе анализа данных была использована индикаторная модель измерения социального капитала [2], с помощью которой рассчитан его индекс для каждого респондента. В индекс вошло более 40 показателей. Это позволило выделить группы носителей социального капитала в зависимости от уровня его накопления. Люди с самым низким уровнем социального капитала при ответе на вопросы в основном выбирали позицию типа «не доверяю» / «не участвовал» / «никак не могу повлиять» и т. п., вошли в первую группу, обозначенную как обладатели минимального социального капитала. Во второй группе оказались люди с более высоким индексом, обозначенные как люди с социальным капиталом низкого уровня. В третью группу вошли респонденты с социальным капиталом среднего уровня, в четвертую – носители относительно высокого уровня социального капитала. Респонденты с социальным капиталом высокого уровня попали в пятую группу.

В первую очередь нами был изучен состав неработающего населения крупнейших городов Вологодской области, на предмет соотношения обладателей социального капитала различного уровня. Анализ показал, что в этой группе

почти половина опрошенных (48,8%) обладает социальным капиталом «низкого» (40,7%) или «минимального» (8,1%) уровня. Ещё около трети респондентов, обладают социальным капиталом «среднего» уровня (31,6%), и всего пятая часть демонстрирует обладание социальным капиталом более высокого уровня, «выше среднего» (15,8%) или «максимального» (3,8%).

Мы проанализировали ответы респондентов, связанные непосредственно с частными случаями применения конкретных инновационных практик. Отметим, что применение некоторых практик не было специфичным для групп с различным уровнем социального капитала (распределение ответов было более-менее равномерным во всех), поэтому ниже представлены только те варианты ответа, в которых прослеживается некоторая групповая специфика.

Таблица 1.

**Распределение ответов респондентов на вопрос
«Скажите, что из перечисленного вам доводилось делать за последние два-три года?»
(в зависимости от уровня социального капитала, в %)**

Вариант ответа	Уровень социального капитала				
	1	2	3	4	5
Брать кредит	6	9	33	30	25
Пользоваться смартфоном/мобильным телефоном	29	75	89	79	75
Расплачиваться пластиковой карточкой	18	46	61	76	88
Пользоваться услугой доставки товаров на дом	6	17	36	42	75
Получать дополнительное образование, повышать квалификацию	0	4	12	6	25
Использовать интернет для получения информации, покупок, заказа билетов	6	13	41	33	63
Пользоваться Личным кабинетом на Госуслугах, налоговой инспекции, сайтах ЖКХ	6	7	44	42	75
Ничего из перечисленного	53	19	6	0	0

Источник: Опрос общественного мнения «Барьеры гражданского участия и механизмы их преодоления на региональном уровне». 2019 год.

Обращает на себя внимание тот факт, что существует крайне заметный разрыв, в том числе и среди тех практик, которые в настоящее время называть «инновационными» уже нужно с осторожностью. С современным миром, использование смартфона, оплата покупок банковской картой или приобретение товаров с доставкой на дом, уже не просто становится нормой, но и зачастую объединяет все три названные практики в одном действии (покупка товара на дом через телефон, с мгновенной оплатой по привязанной карте). Однако, как мы можем заметить, среди лиц с минимальным и низким уровнем социального капитала, реализация подобных практик минимальна. В целом, почти во всех случаях, когда проявляется специфика групп с различным уровнем социального капитала, респонденты

с высоким его значением заметно более активны в реализации инновационных практик. В тех же случаях, когда даже обладатели высокого уровня социального капитала сравнительно редко осуществляют конкретные практики, они всё равно делают это чаще относительно других групп.

Таким образом, мы можем заключить, что социальный капитал достаточно тесно связан с использованием различных инновационных практик. Высокий уровень социального капитала сопряжен с увеличенными возможностями по использованию современных информационных ресурсов и пространств, что представляют собой базу современного информационного общества, а частные примеры проявления инновационных практик чаще наблюдаются именно среди подобных респондентов.

Также, считаем необходимым отметить, что большую часть группы составляют люди с низким уровнем социального капитала, которые продемонстрировали достаточно слабую готовность к применению инновационных практик, что говорит об имеющихся рисках, присущих сообществам с низким уровнем социального капитала.

Благодарности. Тезисы подготовлены при поддержке РФФИ, проект № 19-011-00724\20 «Барьеры гражданского участия и механизмы их преодоления на региональном уровне»

Список литературы

1. Берман Н.Д. К вопросу о цифровой грамотности // Современные исследования социальных проблем. 2017. Т. 8. № 6-2. С. 35-38.
2. Гужавина Т.А. [и др.] Региональный социальный капитал в условиях кризиса. Череповец: Изд-во ЧГУ, 2018. 220 с.

*А.А. Дупак
Санкт-Петербургский государственный университет
г. Санкт-Петербург, Россия*

ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ПРАКТИКАХ ЗАБОТЫ О ЗДОРОВЬЕ В СОЦИОЛОГИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ⁸⁷

Аннотация. Последние годы в России, как и во всем мире, растет число пользователей цифровых медицинских и фитнес-технологий. Разработчики подчеркивают перспективность их использования в практиках заботы о здоровье, в то время как социальные исследователи критически рассматривают внедрение новых технологий в сфере здравоохранения.

Ключевые слова: Цифровой селф-трекинг; дискурсы о здоровье; цифровое здравоохранение.

*A.A. Dupak
Saint Petersburg State University
St Petersburg, Russia*

DIGITAL TECHNOLOGIES IN HEALTHCARE PRACTICES IN SOCIOLOGICAL DISCOURSE⁸⁸

Abstract. During the last years, the worldwide popularity of self-tracking technologies has been growing. Adopters and supporters of self-tracking are highlighting its wide opportunities for self-monitoring and self-empowerment. At the same time, social scientists are critically analyzing self-tracking, describing it as a tool of biopower which contributes to social inequality and development of surveillance society.

Keywords: digital self-tracking; eHealth; digital healthcare.

Цифровизация общества, наиболее активно наблюдаемая в последнее десятилетие, затрагивает многие стороны человеческой жизни, в том числе и сферы меди-

⁸⁷ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-013-00770 А «Цифровые и биомедицинские технологии в практиках заботы о здоровье: российский контекст».

⁸⁸ The research was funded by RFBR, project number 20-013-00770 A.

цины и здравоохранения. В практику внедряются новые программы и устройства для онлайн коммуникации врачей и пациентов, электронного назначения лекарств, дистанционных консультаций и т. д. Значительная часть нововведений призвана облегчить работу врачей и повысить эффективность работы медицинских учреждений. Вместе с тем популярность набирают и устройства, ориентированные на неспециалистов, предоставляющие им возможность самостоятельно следить за своим здоровьем. Эту роль могут выполнять, например, “носимые” устройства (wearables) – фитнес-трекеры, умные часы, умная одежда и т. д., а также датчики, встраиваемым в домашнее или уличное пространство – в мебель, зубные щетки и др. Разработчики позиционируют данные гаджеты как электронных “ассистентов”, помогающих пользователям поддерживать здоровый образ жизни через само-мониторинг и самоконтроль. Возможность делегации процессов отслеживания и обработки показателей цифровому “помощнику” способствует вовлечению в селф-трекинг даже тех, кто ранее, в нецифровую эпоху, не чувствовал потребности в самонаблюдении и постоянном сборе информации о своем здоровье.

В связи с этим возникает вопрос о роли трекинга в меняющихся практиках заботы о здоровье, а также о преимуществах и недостатках этого элемента цифрового здравоохранения. Растущая популярность селф-трекинга ведет к формированию целого ряда дискурсов, описывающих это явление с разных (иногда противоположных) точек зрения. Ниже описаны основные аргументы как сторонников, так и противников трекинга, участвующие в дебатах о роли трекинга в процессах заботы о здоровье.

Сторонники трекинга подчеркивают его широкие возможности для самоконтроля и расширения прав пациента в системе здравоохранения. Зачастую пользователи отмечают желание наблюдать за собственным телом с целью его улучшения, само-оптимизации⁸⁹. Кроме того, практики селф-трекинга ассоциируются с повышением производительности человека и, как следствие, с достижением определенных целей. Согласно Elliott⁹⁰, стремление к само-оптимизации и контролю над собственной жизнью вытекает из «нового индивидуализма» поздней современности, который характеризуется процессами переосмысления себя и тела. Селф-трекинг в этой ситуации является инструментом сбора личных данных, которые можно использовать для принятия последующих решений относительно своего здоровья. Таким образом, сторонники трекинга рассматривают

⁸⁹ Groot M. Quantified Self, Quantified Us, Quantified Other. Quantified Self Institute // Published 15 January 2014. URL: <http://www.qsinstitute.org/?p=2048> (дата обращения 07.05.2019).

⁹⁰ Elliott A. The theory of new individualism, in Tafarodi R. W. (ed.). Subjectivity in the Twenty-First Century. Cambridge University Press. 2013. pp. 190-209.

практики самоконтроля и их цели как добровольные, приносящие пользу и расширяющие его возможности пользователей⁹¹.

Кроме прочего, речь идет об изменяющейся роли неспециалистов в современной системе здравоохранения, о демократизации медицинской сферы⁹². Если раньше отношения между врачом и пациентом носили преимущественно патерналистский или авторитарный характер, то сегодня люди могут приходить к врачам с уже собранной информацией о своем здоровье. Благодаря наличию широкого спектра инструментов для сбора и анализа персональных данных, пациенты могут не только получать, но и предоставлять информацию. Таким образом, технологии способствуют изменению моделей отношений врача и пациента, делая их более демократичными⁹³.

В это же время социальные исследователи критически анализируют феномен селф-трекинга, рассматривая его как инструмент биовласти, способствующий социальному неравенству и перекладывающий на пациентов ответственность за их собственное здоровье^{94,95}. Селф-трекинг понимается как социальная практика, выходящая за рамки индивидуального образа жизни. Благодаря инструментам геймификации и возможностям обмена личными данными, пользователи становятся общественными наблюдателями, контролирующими поведение друг друга. Как следствие, неспециалисты все активнее вовлекаются в процессы укрепления и осуществления биовласти. Кроме того, с развитием технологий на пользователей перекладывается полная ответственность за их собственное здоровье, т. е. предполагается, что они должны самостоятельно отслеживать свое состояние, собирая и анализируя данные о своей жизни и своем теле⁹⁶. Подобный подход к организации общественного здравоохранения вытекает из неолиберальных идей современных западных обществ, базирующихся на индивидуальной ответственности граждан.

⁹¹ Lupton D. Self-tracking cultures: towards a sociology of personal informatics // Proceedings of the 26th Australian computer-human interaction conference on designing futures: The future of design. 2014. pp. 77-86.

⁹² Sharon T. Self-tracking for health and the quantified self: Re-articulating autonomy, solidarity, and authenticity in an age of personalized healthcare // Philosophy & Technology. 2017. Vol. 30. №. 1. pp. 93-121.

⁹³ Sharon T. Self-tracking for health and the quantified self: Re-articulating autonomy, solidarity, and authenticity in an age of personalized healthcare // Philosophy & Technology. 2017. Vol. 30. №. 1. pp. 93-121.

⁹⁴ Bol N., Helberger N., Weert J. C. M. Differences in mobile health app use: A source of new digital inequalities? // The Information Society. 2018. Vol. 34. №. 3. pp. 183-193.

⁹⁵ Lupton D. Health promotion in the digital era: a critical commentary // Health promotion international. 2014. Vol. 30. №. 1. pp. 174-183.

⁹⁶ Lupton D., Smith G. J. D. A much better person: the agential capacities of self-tracking practices // Metric culture: Ontologies of self-tracking practices. 2018. pp. 57-75.

Иное направление критики селф-трекинга связано с его ролью в развитии цифрового неравенства^{97,98}. В первую очередь, речь здесь идет о социальных группах, не имеющих возможности принимать участие в цифровом здравоохранении в связи с ограниченным доступом к технологиям и/или интернету. Эти группы могут быть охарактеризованы такими факторами, как возраст (пожилые люди), низкий доход, низкий уровень образования (отсутствие навыков использования цифровых технологий), географическое положение (сельская местность, бедные регионы и страны), ограниченный доступ в интернет⁹⁹. Кроме того, социологи указывают на такие факторы, как грамотность в области электронного здравоохранения (способность находить, оценивать и анализировать информацию о здоровье в интернете и применять ее для решения собственных проблем) и отношение к конфиденциальности данных¹⁰⁰. Несмотря на то, что получаемые компаниями персональные данные могут стать прибыльными только в агрегированных формах, ученые подвергают сомнению этический аспект сбора данных¹⁰¹. Опасность потери контроля над личной информацией относится, прежде всего, к случаям, когда люди не хотят делиться своими результатами, а сбор данных происходит помимо их воли. Причем речь здесь идет не только о страхе распространения личной информации, но и боязни использования таких данных против самих пользователей, что может негативно влиять на их возможности, например, в сфере трудоустройства¹⁰². Так, в одном из блогов о селф-трекинге описывается, как некоторые американские компании ограничивают людям в доступе к получению работы, кредитов и страховых полисов, на основании данных их трекинга¹⁰³. Риск получения личной информации налоговыми органами, кредитными организациями, потенциальными работодателями или страховыми компаниями создает у пользователей ощущение отсутствия контроля над собственными данными, связанными со здоровьем.

⁹⁷ Bol N., Helberger N., Weert J. C. M. Differences in mobile health app use: A source of new digital inequalities? // *The Information Society*. 2018. Vol. 34. №. 3. pp. 183-193.

⁹⁸ Robinson L. et al. Digital inequalities and why they matter // *Information, communication & society*. 2015. Vol. 18. №. 5. pp. 569-582.

⁹⁹ Lupton D. M-health and health promotion: The digital cyborg and surveillance society // *Social Theory & Health*. 2012. Vol. 10. №. 3. pp. 229-244.

¹⁰⁰ Bol N., Helberger N., Weert J. C. M. Differences in mobile health app use: A source of new digital inequalities? // *The Information Society*. 2018. Vol. 34. №. 3. pp. 183-193.

¹⁰¹ Lupton D. Health promotion in the digital era: a critical commentary // *Health promotion international*. 2014. Vol. 30. №. 1. pp. 174-183.

¹⁰² Lupton D. You are your data: Self-tracking practices and concepts of data // *Lifeloggng*. – Springer VS, Wiesbaden, 2016. pp. 61-79.

¹⁰³ Carney, M. You are your data: the scary future of the quantified self movement // *PandoDaily*, Published 20 May 2013. URL: <http://pando.com/2013/05/20/you-are-your-data-thescary-future-of-the-quantified-selfmovement/> (дата обращения 18.02.2020).

Таким образом, как показал обзор литературы по теме, феномен селф-трекинга как элемент цифрового здравоохранения является достаточно спорным, имеющим как свои достоинства, так и недостатки. При этом, как утверждает Sharon¹⁰⁴, большая часть аргументов обеих сторон дебатов носит исключительно теоретический характер и не имеет под собой существенных эмпирических оснований. Можно отметить, что в связи с отсутствием единого мнения и недостатком эмпирической информации, поле цифрового здравоохранения и практики селф-трекинга для заботы о себе представляют значительный интерес для социальных исследователей.

Список литературы

1. Groot M. Quantified Self, Quantified Us, Quantified Other. Quantified Self Institute // Published 15 January 2014. URL: <http://www.qsinstitute.org/?p=2048> (accessed 07.05.2019).
2. Lupton D., Smith G. J. D. A much better person: the agential capacities of self-tracking practices // *Metric culture: Ontologies of self-tracking practices*. 2018. pp. 57-75.
3. Elliott A. The theory of new individualism, in Tafarodi R. W. (ed.). *Subjectivity in the Twenty-First Century*. Cambridge University Press. 2013. pp. 190- 209.
4. Lupton D. Self-tracking cultures: towards a sociology of personal informatics // *Proceedings of the 26th Australian computer-human interaction conference on designing futures: The future of design*. 2014. pp. 77-86.
5. Sharon T. Self-tracking for health and the quantified self: Re-articulating autonomy, solidarity, and authenticity in an age of personalized healthcare // *Philosophy & Technology*. 2017. Vol. 30. №. 1. pp. 93-121.
6. Bol N., Helberger N., Weert J. C. M. Differences in mobile health app use: A source of new digital inequalities? // *The Information Society*. 2018. Vol. 34. №. 3. pp. 183-193.
7. Robinson L. et al. Digital inequalities and why they matter // *Information, communication & society*. 2015. Vol. 18. №. 5. pp. 569-582.
8. Lupton D. M-health and health promotion: The digital cyborg and surveillance society // *Social Theory & Health*. 012. Vol. 10. №. 3. pp. 229-244.
9. Lupton D. Health promotion in the digital era: a critical commentary // *Health promotion international*. 2014. Vol. 30. №. 1. pp. 174-183.
10. Lupton D. You are your data: Self-tracking practices and concepts of data // *Lifelogging*. – Springer VS, Wiesbaden, 2016. pp. 61-79.
11. Carney M. You are your data: the scary future of the quantified self movement // *PandoDaily*, Published 20 May 2013. URL: <http://pando.com/2013/05/20/you-are-your-data-the-scary-future-of-the-quantified-selfmovement/> (accessed 18.02.2020).

¹⁰⁴ Sharon T. Self-tracking for health and the quantified self: Re-articulating autonomy, solidarity, and authenticity in an age of personalized healthcare // *Philosophy & Technology*. 017. Vol. 30. №. 1. pp. 93-121.

УДК 332.8, 316.4 / ББК 65.05, 60.56 Е73

А.В. Ермишина
ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет»
г. Ростов-на-Дону, Россия

**СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ РИСКИ
РОССИЙСКОЙ МОДЕЛИ ОРГАНИЗАЦИИ КАПИТАЛЬНОГО
РЕМОНТА МНОГОКВАРТИРНЫХ ДОМОВ¹⁰⁵**

Аннотация. Статья посвящена отражению социально-экономических рисков современной российской системы организации и финансирования капитального ремонта многоквартирных домов в российских средствах массовой информации. Выявлено, что публикации СМИ придают большее значение рискам краткосрочного характера, а также информации с более доступным для понимания читателя контентом.

Ключевые слова: ЖКХ; капитальный ремонт; общественное благо; «провалы» государства; контент-анализ; СМИ; коррупция.

A.V. Ermishina
Southern Federal University
Rostov-upon-Don, Russia

**SOCIO-ECONOMIC RISKS
OF THE CAPITAL REPAIRS ORGANIZATION SYSTEM
IN APARTMENT BUILDINGS AT RUSSIA¹⁰⁶**

Abstract. The article is devoted to the reflection of the socio-economic risks of the modern Russian system of organization and financing of capital repairs of apartment buildings in the Russian mass media. It was revealed that mass media publications attach more importance to short-term risks, as well as information with more accessible content for the reader's understanding.

Keywords: housing economics; housing repairs; public good; state failure; content analysis; media; corruption.

¹⁰⁵ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-010-00503.

¹⁰⁶ The research was funded by RFBR, project number 20-010-00503.

Капитальный ремонт многоквартирных домов как совокупность сложных и дорогих строительных работ, в результате которых инженерно-технические системы (крыши, подвалы, электро-, водо- и газокоммуникации и пр.) многоквартирного дома (МКД) приобретают технические характеристики, сравнимые с аналогичными новыми системами, как правило проводится редко и требует значительных финансовых вложений. После приватизации большей части жилья, построенного в Советском Союзе, вопросы организации и финансирования этих работ долгое время оставались неурегулированными в системе управления жилищным фондом России. До 2014 г. большая часть капитальных ремонтов МКД осуществлялась в основном за счет бюджетных средств разных уровней, выделяемые объемы которых не позволяли привести стареющий жилищный фонд к должному состоянию. Введение новой системы организации капитального ремонта МКД было призвано в первую очередь аккумулировать средства собственников жилья и создать устойчивую систему организации капитального ремонта МКД на региональном уровне.

Российская модель финансирования капремонтов МКД включает следующие элементы:

- 1) обязательность ежемесячных взносов собственников жилья в МКД, минимальный размер которых регулируется на уровне региона;
- 2) разработка региональных долгосрочных (до 2049 г.) и краткосрочных (годовых и трехлетних) программ капитальных ремонтов конструктивных элементов всех МКД региона, кроме ветхих и аварийных;
- 3) выбор способа накопления средств собственников для проведения капитального ремонта из двух вариантов:
 - а) в «общем котле» на счету регионального оператора, уполномоченного организовывать капитальные ремонты МКД из общего фонда и в порядке очереди в соответствии с региональной программой;
 - б) на специальном счету дома, которым распоряжаются собственники жилья в МКД, а держателем выступает региональный оператор, товарищество собственников жилья или управляющая компания.

Функционирование российской модели организации капремонта МКД связано с рядом социально экономических рисков, часть которых генерируется самой природой модели и является системными, а часть связана с особенностями институциональной среды в стране. Экономико-теоретический анализ капитального ремонта в МКД позволяет отнести капитальный ремонт как экономическое благо к числу локальных общественных, производимых в условиях «дилеммы заключенных», для которого характерна «проблема безбилетника». Кроме того, в ситуации капитального ремонта МКД присутствует высокая степень асимме-

тричности информации, генерирующая проблему «принципала- агента». Значительная роль органов государственного управления в регулировании отношений в данной сфере в свою очередь приводит к углублению «провалов государства». Экономически эффективный подход в таких ситуациях предполагает поиск решения, минимизирующего и «провалы рынка», и «провалы государства». Риски, связанные с этими провалами, зависят от особенностей институциональной среды, в которой заинтересованные субъекты принимают решения.

Риски российской системы организации капитального ремонта МКД так или иначе находят отражение в публикациях СМИ, оказывающих влияние на формирование общественного понимания проблем и рисков в данной сфере. Обзор литературы, проведенный Семеновой А.В. и Корсунской М.В., позволил авторам выделить современный подход к взаимодействию СМИ и общества, который состоит в том, что «СМИ определяют значимость повседневных событий, не столько что думать, сколько о чем, т. е. СМИ задают «вектор» интерпретаций, а не сами интерпретации»¹⁰⁷.

Целью нашего исследования является анализ социально-экономических рисков, связанных с реализацией принятой в России системы капитального ремонта многоквартирных домов с помощью качественного контент-анализа российских СМИ.

Эмпирической базой исследования стали публикации крупнейшего российского медиаресурса «Комсомольская правда»¹⁰⁸, который в рейтинге российских СМИ, составленном компанией «Интегрум», занимает с огромным отрывом первое место (критерии рейтингования – количество сообщений и показатель IndEx, оценивающий заметность объекта в медиaprостранстве)¹⁰⁹.

Запрос по ключевому слову «капремонт» позволил найти на общероссийской версии сайта «Комсомольская правда» примерно 489 тыс. упоминаний. Далее в выборке были сформированы отдельные подвыборки сообщений, со значительным содержательным доминированием материалов, связанных с определенными рисками. В каждой подвыборке оказалось около 100 релевантных сообщений с 2013 по 2020 гг. Контент-анализ сообщений в подвыборках позволяет выявить степень важности и осознаваемости тех или иных рисков российской системы финансирования и организации капитального ремонта в представлениях журналистов и читателей ресурса.

95,5% сообщений по теме капитального ремонта МКД касались проблем и рисков существующей системы. Однако только 11,2% упоминаний были связаны с понятием несправедливости. 22,49% текстов содержали позитивную информацию о проведенных или ожидаемых работах.

¹⁰⁷ Семёнова А.В., Корсунская М.В. Контент-анализ СМИ: проблемы и опыт применения / Под ред. В.А. Мансурова. М.: Институт социологии РАН, 2010. С. 32.

¹⁰⁸ Комсомольская правда. www.kp.ru

¹⁰⁹ Рейтинг российских СМИ за 2019 Источник: <https://integrum.ru/ratings/smi/media/2019> © Интегрум (дата обращения 10.09.2020).

Первое место по числу упоминаний (43,5%) в выборке занимают сообщения, отражающие социальные риски существующей системы, а именно риски, связанные с неспособностью собственников жилья нести все бремя расходов по проведению капремонтов и необходимостью субсидирования работ за счет бюджетных средств.

Второе место принадлежит рискам собираемости взносов на капремонт, росту задолженности собственников (42,7%).

На третьем месте – риски коррупции в данной сфере (35,4%). В подвыборку вошли сообщения о мошенничествах и нецелевом расходовании средств, штрафах за нарушения при проведении госзакупок, присвоении денег подрядчиками, коммерческом подкупе сотрудников региональных операторов, возбуждении уголовных дел в отношении участников капремонта и т.п.

Четвертая важная группа рисков (32,9% упоминаний) связана с низкой степенью активности и сознательности собственников как участников отношений в системе организации капитального ремонта МКД. Однако понятия жилищной самоорганизации встречается намного реже, а такой непосредственный индикатор уровня самоорганизации как специальный счет для накопления денежных средств для проведения капитального ремонта упоминается всего в 3% случаев.

Достаточно высоко в сообщениях оцениваются также риски инфляции при накоплении средств на капитальный ремонт (21,2% упоминаний в текстах).

Существенно меньшее отражение в СМИ находят риски, отмечаемые экспертами: риски планирования и невыполнения региональных программ капитального ремонта, недостатка надежных подрядчиков, цифровизации и прозрачности системы¹¹⁰. В незначительной степени в СМИ отражаются и долгосрочные риски существующей системы, связанные с эффектами «ухудшающего отбора», снижением капитализации и инвестиционной привлекательности капитально ремонтируемого жилья, его энергозатратностью.

Таким образом, функционирование российской системы финансирования и организации капитального ремонта МКД связано с рядом социально-экономических рисков, которые находят отражение в публикациях российских СМИ. Однако отражение рисков и проблем в СМИ в определенной степени смещено, с одной стороны, на риски краткосрочного характера, а с другой, на риски, информация о которых более понятна широкому кругу читателей вне связи с их действительной значимостью.

Список литературы

1. Комсомольская правда. URL: www.kp.ru (дата обращения 10.09.2020).
2. Рейтинг российских СМИ за 2019 URL: <https://integrum.ru/ratings/smi/media/2019>
© Интегрум (дата обращения 10.09.2020).

¹¹⁰ Эксперты назвали 5 проблем реализации программы капремонта в России. 23.08.2019
Подробнее на РБК: <https://realty.rbc.ru/news/5d5fbbb99a79470ddfcd1aee>

3. Семёнова А.В., Корсунская М.В. Контент-анализ СМИ: проблемы и опыт применения / Под ред. В.А. Мансурова. М.: Институт социологии РАН, 2010.
4. Эксперты назвали 5 проблем реализации программы капремонта в России // РБК, 23.08.2019. URL: <https://realty.rbc.ru/news/5d5fbbb99a79470ddfed1aee> (дата обращения: 10.09.2020).

УДК 316.334/55 : 303.1 / ББК 60.5

Г.В. Жигунова

Мурманский арктический государственный университет, Мурманск, Россия

РИСКИ ФОРМИРОВАНИЯ ИНКЛЮЗИВНОГО ПРОСТРАНСТВА АРКТИЧЕСКИХ ТЕРРИТОРИЙ¹¹¹

Аннотация. Создание инклюзивного пространства для людей с инвалидностью на территориях АЗРФ является актуальной задачей современного времени. Ее решение осложняется экстремальными погодно-климатическими условиями, удаленностью территорий, низкими темпами социальных преобразований.

Ключевые слова: инвалидность; Арктические территории; социальная инфраструктура; доступная среда; инклюзия; социальные барьеры.

Galina V. Zhigunova,

Murmansk Arctic State University, Murmansk, Russia

RISKS OF FORMATION OF THE INCLUSIVE SPACE OF THE ARCTIC TERRITORIES¹¹²

Abstract. The creation of an inclusive space for people with disabilities in the territories of the Russian Arctic is an urgent task of modern times. Its solution is complicated by extreme weather and climatic conditions, remoteness of territories, low rates of social transformations.

Keywords: disability; Arctic territories; social infrastructure; accessible environment; inclusion; social barriers.

Арктические территории Российской Федерации имеют особенное геополитическое и стратегическое значение. В этой связи не случайно российская политика

¹¹¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФИ в рамках научного проекта № 18-011-00712.

¹¹² The research was funded by RFBR, project number 18-011-00712.

направлена на социально-экономическое развитие АЗРФ, усиление человеческого присутствия в Арктике и создание необходимых социальных условий хозяйственной деятельности.

Однако в АЗРФ долгое время наблюдаются негативные процессы, сопровождающиеся неудовлетворенностью жителей АЗРФ условиями жизни, отрицательной миграцией, снижением человеческого потенциала территорий и низкими темпами развития экономики арктических регионов.

Природно-климатические условия Арктики обусловили низкую плотность населения (0,5 человека и менее на 1 кв. км) и особенный тип расселения жителей. Всего на территории Российской Арктики, по оценке, проживает около 2,5 млн. человек. Поэтому проблема создания комфортной среды в арктических поселениях не является надуманной¹¹³.

Уровень благоустроенности и комфортности среды особенно важен для людей с инвалидностью, нуждающихся в специальных инклюзивных решениях для равноправного участия в жизни социума. Однако созданию инклюзивных пространств арктических территорий препятствуют, с одной стороны, экстремальные природно-климатические условия, которые не дают возможность перемещаться инвалидам-колясочникам, людям с ОПД и сенсорными нарушениями по территории из-за непогоды, особенно в зимнее время, из-за снежных заносов, сугробов, наледи, короткого светового дня. А с другой – невысокие темпы строительства и преобразований инфраструктуры данных территорий.

По мнению Васильева Ю.С. и Диденко Н.И., арктические территории России обладают целым набором рисков, среди которых отмечаются, помимо прочего, отсутствие или недостаточное количество объектов жилищно-гражданского строительства, торгового, бытового, медицинского, культурного, образовательного назначения; недостаточное развитие транспортно-логистической, энергетической и информационно-коммуникационной инфраструктуры; недостаток государственного финансирования и другие¹¹⁴. А удаленность Арктических территорий от центра и суровые климатические условия создают дополнительные проблемы в жизнеобеспечении и жизнедеятельности жителей.

По результатам исследования по выявлению уровня доступности объектов социальной инфраструктуры в Мурманской области, полностью входящей в АЗРФ, прове-

¹¹³ Грица О.Е. Благоустройство в арктическом климате // Агентство стратегического развития «Центр»: сайт. 10.04.2019. URL: <https://www.centeragency.org/ru/blog/91> (дата обр.: 23.09.2020).

¹¹⁴ Васильев Ю.С., Диденко Н.И. Анализ рисков Арктических регионов // Арктика: история и современность: Труды международной научной конференции. 20–21 апреля 2016 г. Санкт-Петербург / отв. ред. доктор исторических наук, проф. С.В. Кулик. М.: Издательский Дом «Наука», 2014 С. 21. С. 9-39.

денного автором в 2018–2019 гг., было установлено, что в обследуемых населенных пунктах Заполярья доступно для людей с инвалидностью всего 20,4% объектов инфраструктуры, условно доступно – 14,6%, недоступно – 65% объектов (см. рис. 1)¹¹⁵.

Наблюдаемые объекты относились как к приоритетным (учреждения социальной защиты и социального обслуживания населения, образовательные учреждения, учреждения дополнительного образования, здравоохранения, культуры, объекты физической культуры и спорта, транспорта и путей сообщения), так и к «неприоритетным» сферам деятельности, среди которых – магазины, супермаркеты, торговые центры, банки, учреждения сервиса и сферы услуг (парикмахерские, гостиницы и т.п.), заведения общественного питания, почтовые отделения, прочие учреждения (здания администрации, различных ведомств и организаций, ЗАГС, полиции, нотариальных контор и т.д.), детские площадки, пешеходные дорожки и тротуары.

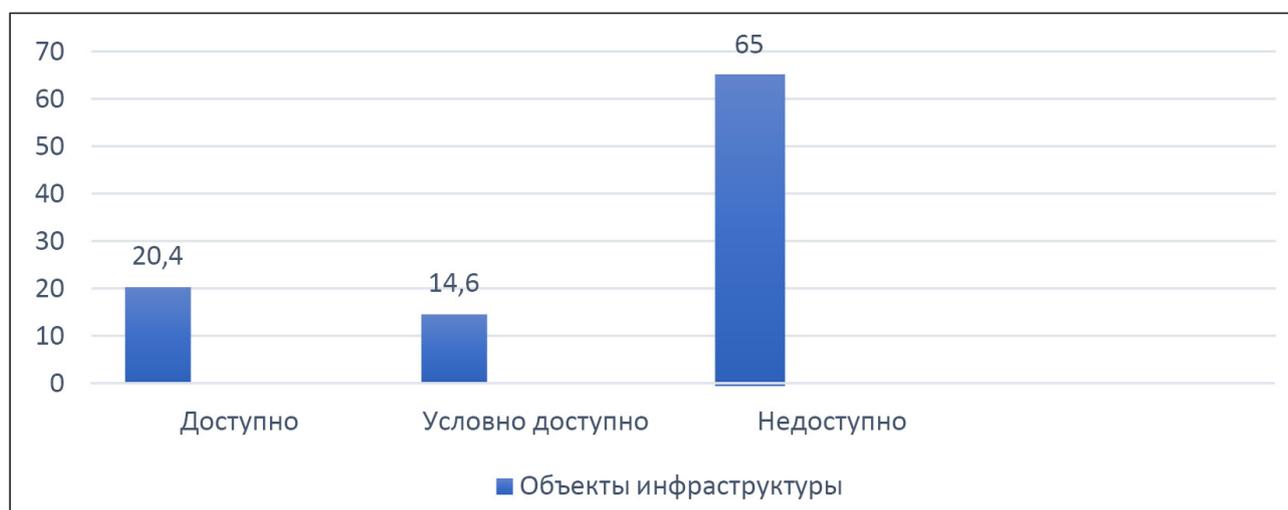

Рис. 1. Уровень доступности объектов инфраструктуры для людей с инвалидностью в Мурманской области, %

Основная часть доступных объектов отвечает требованиям доступности лишь для людей с опорно-двигательными нарушениями и инвалидов-колясочников. Для лиц с нарушениями зрения и слуха доступно не более 6% объектов.

Общий индекс барьеризации объектов инфраструктуры в регионе составил -0,44 (где 1 – абсолютно доступно, -1 – абсолютно недоступно).

¹¹⁵ Наблюдение проводилось в 7 городах и городских поселениях региона: Апатиты, Заполярный, Кандалакша, Кола, Мончегорск, Никель, Североморск, и в 6 сельских поселениях: Алакуртти, Варзуга, Корзуново, Ловозеро, Пушной, Териберка, расположенных в разных частях области и в совокупности представляющие все муниципальные образования. Выборка объектов наблюдения целенаправленная, в сельских поселениях сплошная, в городах – с охватом от 70 до 90% объектов. Всего был осмотрен 701 объект, из которых в городских поселениях – 569 объектов, в сельских поселениях – 132 объекта. Из них 266 объектов относилось к приоритетным (216 – в городских поселениях, 50 – в сельских).

Результаты наблюдения показали, что состояние инфраструктуры в плане ее доступности для инвалидов в настоящее время в Мурманской области неудовлетворительное во всех сферах деятельности.

Из объектов инфраструктуры в большей мере для людей с инвалидностью подготовлены учреждения социальной защиты населения (приоритетная сфера в соответствии с программой «Доступная среда»), почтовые отделения и банки (не относятся к приоритетным). В половине случаев доступны парки и скверы и авто- и железнодорожные вокзалы. Все остальные сферы жизнедеятельности для инвалидов в большей мере недоступны (см. рис. 2).

Основной проблемой инфраструктуры Мурманской области является неудовлетворительное состояние пандусов и несоблюдение требований к их установке, несоответствие требованиям доступности ширины дверных проемов, дверей и дверных ручек, площадок перед входом в здания, отсутствие перилл, кнопок вызова, тактильных полос и тактильных табличек со шрифтом Брайля, наличие препятствий на пути следования от пандусов к дверям.

Рис. 2. Рейтинг объектов социальной инфраструктуры по доступности для инвалидов (индексы)

По результатам интервью людей с инвалидностью¹¹⁶ и экспертного опроса¹¹⁷, проведенных под руководством автора в 2018–2019 гг., в регионе были вы-

¹¹⁶ Опрос проводился в 2019 г. методом полуструктурированного интервью среди людей с инвалидностью в возрасте от 16 до 71 лет (N=30, 16 муж., 14 жен), имеющих инвалидность в связи с опорно-двигательными нарушениями (60%), общим заболеванием (26,7%), нарушением слуха (6,7%), нарушением зрения (6,7%). См. подробнее: Жигунова Г.В. Условия для независимой жизни людей, имеющих инвалидность (по результатам исследования) // *Vaikal Research Journal*. 2019. Т. 10. № 4.

¹¹⁷ Экспертный опрос проводился в 2018 г. среди руководителей и специалистов социальных сфер деятельности в 18 населенных пунктах Мурманской области. Опрошено 184 эксперта. Метод – неформализованное интервью. Основная возрастная группа респондентов – от 31 до 49 лет.

явлены, помимо недоступной инфраструктуры, такие барьеры инклюзии, как недоступность транспорта и медицинского обслуживания; социально-психологическая неготовность общества к взаимодействию с инвалидами; проблемы трудоустройства; низкое качество жизни и материального обеспечения инвалидов и др.

Опрошенные инвалиды и эксперты сошлись во мнении, что сегодня в Мурманской области еще не выстроено инклюзивное пространство для людей с инвалидностью. При этом готовность морально-психологической среды информанты оценили в два раза хуже по сравнению с материально-техническими барьерами.

По мнению опрошенных, все категории инвалидов, испытывающих потребность в инклюзии из-за физических, сенсорных, ментальных и иных дефектов, могут более-менее успешно включаться в социум в Мурманской области в основном только при организации сопровождения и оказания помощи в перемещении.

Результаты проведенных исследований указывают на необходимость формирования инклюзивной социальной среды во всех сферах жизнедеятельности. При этом, наряду с созданием специальных инклюзивных общественных пространств на улицах и в закрытых помещениях, необходимо особое внимание обратить на развитие сопровождающих практик, которые в арктических условиях выступают одним из самых действенных инклюзивных ресурсов, позволяющих людям с инвалидностью находиться в социуме.

Список литературы

1. Грица О.Е. Благоустройство в арктическом климате // Агентство стратегического развития «Центр»: сайт. 10.04.2019. URL: <https://www.centeragency.org/ru/blog/91> (дата обращения: 23.09.2020).
2. Васильев Ю.С., Диденко Н.И. Анализ рисков Арктических регионов // Арктика: история и современность: Труды международной научной конференции. 20–21 апреля 2016 г. Санкт-Петербург / отв. ред. доктор исторических наук, проф. С.В. Кулик. М.: Издательский Дом «Наука», 2014 С. 21. С. 9-39.
3. Жигунова Г.В., Афонькина Ю.А. Барьеры и ресурсные возможности социальной среды для независимой жизни людей с инвалидностью (по материалам экспертного опроса в Мурманской области) // Общество: социология, психология, педагогика. 2018. 12 (56). С. 60-65. DOI: 10.24158/spp.2018.12.9
4. Жигунова Г.В. Условия для независимой жизни людей, имеющих инвалидность (по результатам исследования) // Baikal Research Journal. 2019. Т. 10. № 4.

Профессиональные статус экспертов: 5,4% – руководители организаций, 12% – муниципальные служащие, 55,4% – специалисты, 27,2% – иные. См. подробнее: Жигунова Г.В., Афонькина Ю.А. Барьеры и ресурсные возможности социальной среды для независимой жизни людей с инвалидностью (по материалам экспертного опроса в Мурманской области) // Общество: социология, психология, педагогика. 2018. 12 (56). С. 60-65.

*А.С. Захарова
Санкт-Петербургский государственный университет
г. Санкт-Петербург, Россия*

**ЦИФРОВОЙ СЕЛФ-ТРЕКИНГ В ПРАКТИКАХ ЗАБОТЫ О ЗДОРОВЬЕ:
РОССИЙСКИЙ КОНТЕКСТ¹¹⁸**

Аннотация. В статье рассматриваются особенности интеграции носимых и мобильных устройств для селф-трекинга в повседневные практики заботы о здоровье. На примере глубинных интервью с российскими студентами приводятся основные категории, характеризующие их опыт использования цифровых технологий для отслеживания показателей здоровья.

Ключевые слова: социология здоровья; практики заботы о здоровье; цифровые технологии; селф-трекинг; интервью; дискурс-анализ; студенты.

*A.S. Zakharova
Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia*

**DIGITAL SELF-TRACKING IN HEALTHCARE PRACTICES:
RUSSIAN CONTEXT¹¹⁹**

Abstract. The article discusses the specificity of integrating wearable and mobile devices for self-tracking into everyday healthcare practices. The main categories characterizing the experience of using digital technologies for self-tracking of some health indicators were identified based on in-depth interviews with Russian students.

Keywords: sociology of health; healthcare practices; digital technology; self-tracking; interview; discourse analysis; students.

Современные концепции медицины предполагают все более активное участие человека в вопросах сохранения и поддержания своего здоровья¹²⁰. Это становит-

¹¹⁸ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-013-00770 А «Цифровые и биомедицинские технологии в практиках заботы о здоровье: российский контекст».

¹¹⁹ The research was funded by RFBR, project number 20-013-00770 A.

¹²⁰ Богомякова Е.С., Орех Е.А. Современные концепции здоровья: от качества жизни к ее наполненности // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2019. №. 51. С. 129-139.

ся возможным благодаря проникновению цифровых технологий в практики заботы о здоровье. Значительная часть цифровых технологий в данной сфере предназначена для селф-трекинга – самостоятельного отслеживания информации о физическом состоянии, эмоциональном состоянии, активности и любых других повседневных практиках. Использование носимых устройств (умные часы, фитнес-браслеты) и мобильных приложений предоставляют широкие возможности для сбора, визуализации и анализа личных данных, делая измерения более подробными и точными.

В силу отсутствия достаточного количества российских социологических исследований, посвященных изучению характера и степени интеграции цифровых технологий в повседневные практики заботы о здоровье, цель представленного исследования заключалась в описании особенностей использования цифрового селф-трекинга в практиках заботы о здоровье в российском контексте. Под практиками заботы о здоровье мы понимаем целенаправленные и/или рутинные действия людей, связанные с наблюдением, поддержанием и улучшением их физического, эмоционального и социального благополучия.

К исследованию были привлечены студенты из г. Санкт-Петербург, имеющие опыт использования носимых или мобильных устройств для мониторинга своего здоровья. Студенты были выбраны нами как наиболее активные пользователи девайсов и гаджетов, будучи представителями социальной группы, в основном представленной молодежью. Молодежь наиболее восприимчива к инновациям в любых сферах жизни и имеет высокий потенциал для активного участия в процессах внедрения технологий.

На начальном этапе масштабного исследования было проведено 14 глубинных интервью с российскими студентами, ключевые вопросы касались периода и интенсивности использования устройств для селф-трекинга, мотивации для занятия селф-трекингом, аспектов интимности и безопасности измеряемых данных, а также восприятия роли селф-трекинга в практиках заботы о здоровье в целом. Анализ интервью был осуществлен посредством осевого кодирования и дискурс анализа.

По результатам анализа глубинных интервью были выделены категории, которые респонденты чаще всего использовали в процессе описания своего опыта использования цифрового селф-трекинга:

1) *физическая активность как неотъемлемый элемент здорового образа жизни*: быть физически активным и больше двигаться – одна из основных мотиваций для селф-трекинга. Несмотря на то, что респонденты отмечали разные ежедневные или ежемесячные цели и ссылались на разные нормы в отношении количе-

ства необходимой физической активности, желание больше двигаться объединяло их всех. Респонденты не стремятся к физической активности осознанно, они выполняют ее, скорее, как некую повседневную рутину. Несмотря на то, что потребность в физической активности также воспринималась студентами как основной элемент здорового образа жизни, почти никто из опрошенных не проводил прямой взаимосвязи между селф-трекингом и заботой о здоровье;

2) *конфиденциальность и безопасность наблюдаемых данных*: отношение респондентов к вопросам безопасности данных варьируется - некоторые подозрительно относятся к этому процессу и пытаются ограничить его, другие совершенно не обеспокоены и даже убеждены в неизбежности сбора личной информации цифровыми устройствами (не обязательно в области здоровья). В процессе дискурс-анализа было выявлено, что отношение к вопросу конфиденциальности отслеживаемых данных с точки зрения их публикации в открытый доступ зависит от двух факторов: 1. типа данных (некоторые аспекты более конфиденциальны (количество часов сна, количество дней цикла), чем другие (дистанция бега и ходьбы); 2. получателя данных (пользователи более охотно делятся информацией с близкими друзьями и родственниками, и менее охотно с людьми, которых они знают лично, но не слишком близко общаются с ними);

3) *селф-трекинг как средство самоконтроля*: описывая главные преимущества селф-трекинга, российские студенты часто упоминали о том, что электронные девайсы и гаджеты способствуют их самоорганизации и самоконтролю. Чувство самоконтроля респондентов основывалось не столько на конкретных числовых показателях, сколько на самом процессе их отслеживания. Некоторые респонденты подчеркнули, что отслеживая свои привычки или активность, они формируют собственный режим и поддерживают самодисциплину, которые позволяют более эффективно противостоять «хаосу» повседневной жизни и существовать в быстро меняющемся мире;

4) *коллективный трекинг*: респонденты воспринимают мониторинг показателей своего здоровья в качестве индивидуальной практики, при совершении которой они не нуждаются в поддержке или одобрении со стороны других людей. Хотя многие мобильные приложения обычно предоставляют собственные типы встроенных сетей, где пользователи могут делиться своим прогрессом друг с другом, ни один из опрошенных не сообщил об участии в подобном. Также ни один из респондентов не был знаком со всемирным сообществом трекеров “*Quantified Self (QS)*”¹²¹ или другими сообществами в социальных сетях, поддерживающими

¹²¹ Ним Е.Г. Студенческий дискурс о цифровом селф-трекинге: риторики и практики // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 2. С. 193-194.

практики селф-трекинга и продвигающими их. Привычка использовать устройства для отслеживания показателей здоровья была сформирована у респондентов преимущественно за счет опыта людей из их собственного окружения;

5) *недостатки селф-трекинга*: в своем большинстве, респонденты положительно отзываются о своем опыте селф-трекинга, рассматривая его как полезный инструмент для достижения определенных целей. Среди негативных аспектов цифрового селф-трекинга были упомянуты технические проблемы (например, с зарядным устройством для девайса), физический дискомфорт от ношения трекера, навязчивые уведомления, а также незащищенность данных. Несколько респондентов отмечали одержимость результатами трекинга или самим процессом самоотслеживания в качестве негативного последствия, сообщая о слишком сильной сосредоточенности на числах, стремлении к постоянной проверке своих результатов и ссылаясь на дискомфорт при неиспользовании девайсов. Подобная одержимость зачастую выступала причиной отказа от привычки селф-трекинга.

Таким образом, на примере анализа глубинных интервью со студентами из Санкт-Петербурга были выявлены основные категории дискурса, связанного с особенностями использованием цифрового селф-трекинга в целях отслеживания, поддержания и улучшения показателей здоровья в повседневной жизни. Выявленные тенденции будут использованы в качестве ориентиров для дальнейшего, масштабного изучения процесса внедрения цифровых технологий в практики заботы о здоровье, их влияния на представления о здоровье и заботу о здоровье в целом.

Список литературы

1. Богомякова Е.С., Орех Е.А. Современные концепции здоровья: от качества жизни к ее наполненности // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2019. №. 51. С. 129-139.
2. Ним Е.Г. Студенческий дискурс о цифровом селф-трекинге: риторики и практики // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. №. 2. С. 191-211.

*Ю.А. Зубок, А.С. Любутов
Институт социально-политических исследований
Федерального государственного бюджетного учреждения науки
Федерального научно-исследовательского социологического центра
Российской академии наук
г. Москва, Россия*

РИСК В САМОРЕГУЛЯЦИИ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ МОЛОДЕЖИ¹²²

Аннотация. В статье рассматривается социологический подход к исследованию риска и его места в саморегуляции жизнедеятельности молодежи. Обоснованы социокультурные особенности саморегуляции риска, показано место риска в смысловом поле молодежи и его связь с другими смыслами. В основу анализа положены данные таксономического анализа результатов всероссийского социологического исследования молодежи, проведенного Центром социологии молодежи ИСПИ ФНИСЦ РАН.

Ключевые слова: молодежь; риск; саморегуляция; жизнедеятельность.

*Yu.A. Zubok, A.S. Lubutov
Institute of Socio-Political Research – Branch of the Federal Center
of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences
(ISPR FCTAS RAS),
Moscow, Russia*

RISK IN SELF-REGULATION OF YOUNG PEOPLE'S LIFE ACTIVITY¹²³

Abstract. The article considers a sociological approach to the study of risk and its place in the self-regulation of young people's life activity. The socio-cultural features of risk self-regulation are substantiated. The place of risk in the semantic field of youth and its connection with other meanings are shown. The analysis is based on data of taxonomic analysis results of nationwide sociological research of youth conducted by the Center for Youth Sociology ISPR FCTAS RAS.

Keywords: youth; risk; self-regulation; life activity.

¹²² Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00585 «Саморегуляция жизнедеятельности молодежи в изменяющейся социальной реальности».

¹²³ The research was funded by RFBR, project number 20-011-00585 "Self-Regulation of young people's life in a changing social reality".

Нарастающий динамизм социальных изменений влияет не только на отдельные стороны жизнедеятельности молодежи, но и на механизм ее саморегуляции. С одной стороны, общественное развитие расширяет возможности молодежи, процессы либерализации создают основания для расширения социальной субъектности молодых людей. С другой стороны, ускоренный темп изменений, хаотичность и кризисы в российском обществе расширяют зону риска. Эти явления взаимосвязаны и выражаются в том, что риск выступает способом конструирования реальности в ситуации перехода от существующих способов жизнедеятельности к новым. И, наоборот – от неопределенности в жизнедеятельности к поиску новых оснований определенности и относительного равновесия через ситуацию смысловизменного выбора.

Если достижение определенности означает переход множества потенциальных возможностей, открывающихся перед молодежью, в действительность на основе жестких, однозначных и предсказуемых связей, то неопределенность – выстраивается на многозначности и проявляется не как неизбежность, а как случайность. Это проявляется в непредсказуемости, неустойчивости и нелинейности в жизнедеятельности молодежи. В точке перехода от определенности к определенности вследствие действия различных аттракторов и в обратном направлении от неопределенности к определенности возникает и проявляется риск.

Риск является частью механизма саморегуляции жизнедеятельности молодежи, детерминирующим направленность и интенсивность этого процесса. Вместе с тем, сам риск как форма саморегуляции находится под влиянием более широкого спектра факторов, среди которых главную роль играют социокультурные. В целом социокультурный механизм саморегуляции жизнедеятельности включает не только осознаваемые элементы, но бессознательные.

На индивидуально-личностном уровне риск отражается в системе социальных установок (диспозиций). На каждом уровне диспозиционной структуры образуется горизонтальный срез, отражаемый крайними установками (аттитюдами) безопасности и опасности. Их реализация отвечает за противоположные состояния в жизнедеятельности социального субъекта – самосохранение и изменение. В индивидуальном сознании риск (то, что воспринимается как риск) является мерой между ними, регулируя индивидуальное поведение. В зависимости от степени риска изменяется положение индивида на шкале между экстремальными состояниями. Деятельностная форма риска проявляется на каждом уровне в стереотипной, стереотипно-личностной и активно-личностной форме.

Саморегуляция риска происходит на основе сочетания рефлекслируемых и не-рефлекслируемых образцов. Их проявление варьируется в разных смысловых по-

лях и социальных группах. Смысловое поле понимается как способ функционирования значения, придаваемого тому, или иному феномену. В зависимости от его попадания в то, или иное смысловое поле и сочетания с другими смыслами, определяется роль и место риска в механизме саморегуляции.

На основе авторской концепции социокультурного механизма саморегуляции жизнедеятельности¹²⁴ и опыта применения таксономического анализа для изучения смыслового пространства молодежи¹²⁵ установлено, что в молодежной среде риск находится в тесной связи с *габитусами расчётливости и изменения*. В таком сочетании риск входит в более общую группу смыслов, где обнаруживаются следующие элементы социокультурного механизма: «*стремление к истине*» как смысложизненная ценность и архетип «*правоты власти*», соединенные со смысложизненными ценностями «*продолжения себя в будущих поколениях*» и «*борьбы за справедливость*». Выявленное смысловое поле является отражением пассионарного, деятельного типа, уравновешенного архетипическими установками на доверие к власти. Однако необходимо учитывать два обстоятельства. Во-первых, базовая (архетипическая) установка на доверие способна ситуативно уступать влиянию непосредственного жизненного опыта и роста недоверия конкретной власти; во-вторых, в молодежной среде архетип правоты власти наименее выражен в сравнении с другими архетипами и балансирует на уровне неопределенности со средневзвешенным коэффициентом чуть выше 4 по семибалльной шкале. Это означает, что сдерживающая роль этого фактора неустойчива и зависит от состояния ГМП. Локализация неопределенности и расширение возможностей молодежи способствуют укреплению доверия, что в свою очередь, позитивно отразится на саморегуляцию риска в рамках институциональных форм.

Что касается самой установки на риск как жизненной позиции молодежи, то она значительно уступает противоположной установке на стабильность. Такое соотношение является достаточно устойчивым, свидетельствуя о характере социальных ожиданий современного поколения молодежи. Однако установки на стабильность и устойчивость не следует отождествлять с удовлетворенностью молодежью нынешним социально-экономическим и социально-политическим положением, а скорее как запрос, адресуемый органам ГМП. При этом механизмами стабилизации являются возможности достижения «спокойной и безбедной жизни» и «самореализация» как ключевых смысложизненных ценностей.

¹²⁴ Зубок Ю.А., Чупров В.И. Молодежь в культурном пространстве: саморегуляция жизнедеятельности. М.: Норма, 2020.

¹²⁵ Зубок Ю.А., Чупров В.И., Любутов А.С. Опыт структурно-таксономического исследования самоорганизации жизнедеятельности молодежи // Вестник Томского Государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2020. № 53. С. 59-75.

Список литературы

1. Зубок Ю.А., Чупров В.И., Молодежь в культурном пространстве: саморегуляция жизнедеятельности. М.: Норма, 2020. 304 с.
2. Зубок Ю.А., Чупров В.И., Любутов А.С. Опыт структурно-таксономического исследования самоорганизации жизнедеятельности молодежи // Вестник Томского Государственного ун-та. Философия. Социология. Политология. 2020. № 53. С. 59-75.

УДК 316.346.32 / ББК 60.992

И.С. Карпикова
ФГБОУ ВО «Байкальский государственный университет»
г. Иркутск, Россия

**ПРИЕМНАЯ СЕМЬЯ ДЛЯ ПОЖИЛОГО ЧЕЛОВЕКА:
ОЦЕНКА ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ В АСПЕКТЕ
СОЦИАЛЬНЫХ РИСКОВ**

Аннотация. В статье рассмотрены некоторые аспекты развития социальной технологии приемной семьи для пожилых граждан. Проанализированы позитивные последствия реализации технологии. Определены возможные социальные риски в ходе внедрения технологии и способы их минимизации.

Ключевые слова: пожилые граждане; технология приемной семьи; стационарозамещающая технология; форма жизнеустройства; социальная работа.

I.S. Karpikova
Baikal State University, Irkutsk, Russia

**FOSTER FAMILY FOR THE ELDERLY:
ASSESSMENT OF FUNCTIONING IN TERMS OF SOCIAL RISKS**

Abstract. The article discusses some aspects of the development of social technology for foster families for senior citizens. The positive consequences of the technology implementation are analyzed. Possible social risks during the implementation of the technology and ways to minimize them are identified.

Keywords: senior citizens; foster family technology; inpatient replacement technology; life form; social work.

Отличительной чертой современной демографической ситуации является постоянное устойчивое возрастание числа пожилых граждан при увеличении средней продолжительности жизни, что предопределяет повышение внимания общества и государства к вопросам создания благоприятных условий жизнедеятельности пожилого населения.

Сфера социальной работы в последние годы характеризуется активным развитием социальных услуг, предоставляемых гражданам пожилого возраста, при этом наряду с традиционными формами социальной помощи и социального обслуживания появляются все новые виды социальных услуг и технологий, призванных наиболее полно удовлетворять потребности пожилых людей, обеспечивать им условия для полноценной жизни. К их числу относится стационарозамещающая технология «Приемная семья для пожилых граждан и инвалидов», появление которой в России на рубеже 1990–2000-х гг. позволило обеспечить в дальнейшем тысячам граждан преклонного возраста привычную семейную среду их проживания, избежать размещения пожилого человека в стационарное учреждение социального обслуживания.

Проведенный автором анализ опыта применения и развития данной технологии в российских регионах отразил тот факт, что технология приемной семьи для пожилых людей в регионах развивается достаточно быстрыми темпами. Данные региональных органов социальной защиты населения показывают, что число семей, принявших на проживание пожилого человека, в Российской Федерации составляет уже более 5 тыс., при этом в работу по реализации данной стационарозамещающей технологии вовлечено около 40 регионов¹²⁶. Наибольшая востребованность технологии приемной семьи для пожилых наблюдается в сельской местности и малых городах.

Изучение опыта регионов, применяющих и развивающих технологию приемной семьи в социальной работе с пожилыми людьми, анализ результатов исследований, в том числе проведенных автором, позволяют оценить позитивные стороны и результаты ее внедрения.

Экономические выгоды от применения данной технологии очевидны как для сферы социального обслуживания, так и для принимающих семей. Финансовая нагрузка на региональные бюджеты хоть и незначительно, но снижается по причине уменьшения потребности в местах в стационарных учреждениях социального обслуживания пожилых, а приемным семьям обеспечивается небольшой, но стабильный дополнительный доход¹²⁷.

¹²⁶ Карпикова И.С., Канунникова А.А. Развитие социальных технологий для пожилых граждан: проблемы внедрения и оценки (на примере стационарозамещающей технологии «Приемная семья для пожилого человека») // Социодинамика. 2020. № 6.

¹²⁷ Васильчиков В.М., Чикарина Л.Я. Приемные семьи для граждан пожилого возраста и инвалидов: вопросы терминологии и правового регулирования // Современное общество и власть. 2018. № 1 (15).

Социальные аспекты полученных позитивных результатов актуальны, прежде всего, для пожилых людей, которые обрели возможность проживать в семейном окружении, своевременно получая необходимую помощь, всестороннюю поддержку, внимание и уход, улучшая свое социальное самочувствие. В то же время, как показывают результаты исследований, проведенных в разных регионах, для принимающей семьи подобный опыт зачастую формирует основу проявления лучших человеческих качеств, реализации воспитательных функций семьи по отношению к младшему поколению¹²⁸. Высока степень значимости нравственного компонента при реализации приемными семьями своих функций в отношении принятых к себе пожилых людей¹²⁹, содержание которого можно выразить простой формулой: старость настигает каждого, и, помогая пожилым людям сейчас, мы можем надеяться на то, что и нам в старости протянут руку помощи.

Положительный опыт внедрения технологии приемной семьи для пожилых указывает на ее перспективный характер и возможности для расширения масштабов применения, вовлечения в ее реализацию новых регионов и увеличения количества пожилых граждан, проживающих в приемных семьях. В свою очередь, актуализируется вопрос оценки социальных рисков, которые несет с собой расширенное внедрение рассматриваемой нами социальной технологии. В связи с этим отметим, что в аспекте социальных рисков технология приемной семьи для пожилых граждан имеет двойственный характер: применение данной технологии, с одной стороны, уменьшает влияние ряда социальных рисков, существующих в обществе, а с другой стороны – формирует собственные социальные риски.

Влияние технологии на снижение социальных рисков обусловлено теми позитивными результатами, о которых говорилось ранее. В частности, применение технологии позволяет снизить уровень проявления следующих социальных рисков:

- невозможности полноценного финансирования интернатного содержания пожилых людей в условиях увеличения числа пожилых граждан, нуждающихся в постоянной заботе о них;
- ухудшения морально-психологического климата в обществе, связанного с нежеланием представителей молодых и средних возрастных групп нести ответственность за благополучие и позитивное социальное самочувствие представителей старшего поколения.

¹²⁸ Долгова Т.М. Особенности развития приемной семьи для граждан пожилого возраста в республике Бурятия // Вестник Бурятского государственного университета. 2013. № 5; Новоженина Е.А. Приемные семьи для пожилых людей. Из опыта Астраханской области // Социальная работа. 2011. № 1.

¹²⁹ Бутуева З.А. Развитие семейных форм социального обслуживания людей старшего возраста // Вестник Бурятского государственного университета. 2015. № 5; Голубева Е.Ю., Хабарова Л.Г., Соловьев А.Г. Приемная семья как новая технология ухода в политике активного старения в отдаленных северных территориях // Экология человека. 2017. № 11.

Риски, вызываемые реализацией данной технологии, определяются теми проблемами ее внедрения, которые были выявлены в ходе исследования. Рассмотрим основные из указанных социальных рисков, а также основные направления работы по их минимизации.

Одна из наиболее острых проблем реализации данной технологии лежит в плоскости упорядочения нормативно-правового обеспечения. На сегодняшний день законодательская работа по формированию и внедрению технологии приемной семьи для пожилых реализуется исключительно на региональном уровне, поскольку рассматривается в качестве направления социального обслуживания. Отсутствие федерального законодательства в данной сфере не позволяет обеспечить единообразие нормативных требований для регионов, разработать и утвердить национальные стандарты с требованиями к условиям функционирования подобных приемных семей¹³⁰, что формирует риски, связанные с качеством проживания и контролем качества проживания в приемных семьях. Поэтому необходимость формирования федерального законодательства в области приемных семей для пожилых граждан очевидна.

Также к рискам функционирования приемных семей отнесем возникающие сложности социально-психологического характера, приводящие нередко к отказу семьи от своего подопечного. Подобные негативные последствия в значительной степени являются следствием организационных просчетов в процессе отбора, подготовки и сопровождения приемных семей, принявших на проживание пожилого человека. Соответственно, для минимизации подобного рода рисков необходимо выстраивать четкий алгоритм работы с приемной семьей на всех этапах ее жизнедеятельности, что особенно актуально в условиях расширения масштабов применения рассмотренной нами стационарозамещающей технологии.

Список литературы

1. Бутуева З.А. Развитие семейных форм социального обслуживания людей старшего возраста // Вестник Бурятского государственного университета. 2015. № 5. С. 96-101.
2. Васильчиков В.М., Чикарина Л.Я. Приемные семьи для граждан пожилого возраста и инвалидов: вопросы терминологии и правового регулирования // Современное общество и власть. 2018. № 1 (15). С. 19-26.
3. Голубева Е.Ю., Хабарова Л.Г., Соловьев А.Г. Приемная семья как новая технология ухода в политике активного старения в отдаленных северных территориях // Экология человека. 2017. № 11. С. 42-46.

¹³⁰ Васильчиков В.М., Чикарина Л.Я. Приемные семьи для граждан пожилого возраста и инвалидов: вопросы терминологии и правового регулирования // Современное общество и власть. 2018. № 1 (15).

4. Долгова Т.М. Особенности развития приемной семьи для граждан пожилого возраста в республике Бурятия // Вестник Бурятского государственного университета. 2013. № 5. С. 110-114.
5. Карпикова И.С., Канунникова А.А. Развитие социальных технологий для пожилых граждан: проблемы внедрения и оценки (на примере стационарозамещающей технологии «Приемная семья для пожилого человека») // Социодинамика. 2020. № 6. С. 19-32.
6. Новоженина Е.А. Приемные семьи для пожилых людей. Из опыта Астраханской области // Социальная работа. 2011. № 1. С. 34-36.

УДК 316.4 / ББК 60.5

*Miguel Ángel Julián Carrillo,
National Association of the Arctic and the Antarctic
Barcelona, Spain*

DISAPPEARANCE OF THE INDIGENOUS BRIGADES IN THE RUSSIAN ARCTIC AS A CONSEQUENCE OF SOCIAL DEVELOPMENT POLICIES

***Abstract.** In recent years, reindeer herding brigades have been steadily disappearing. Educational and social policies are promoting a not very positive view of this activity, having a devastating impact on most of them. In this article we are going to present their own vision of the future, how some educational and social policies could be implemented to improve this critical situation, and we will present some exceptions to this disappearance.*

***Keywords:** brigades; reindeer herders; boarding schools; nomadic schools; ethno-tourism.*

Introduction

“*This life will disappear in 5 or 10 years*” is one of the most listened sentences in our expeditions to the reindeer herding brigades of the Russian Arctic.

In the last 10 years we have visited dozens of these brigades from the Russian Arctic, interviewing their workers, reminiscing about past times, and discussing about the future. In general, their vision of their own future is negative, with the exception of some brigades located in very specific territories, with very particular situations.

What is causing the disappearance of these reindeer herding brigades? What has changed so that they are now doomed to disappear? Which ones of these brigades will survive? Through a long journey that took us from the autonomous region of Chukotka to the region of Murmansk, passing through the different Arctic regions of Russia, we are going to expose the factors that would be causing this decline in the brigades of reindeer herders of the Russian Arctic.

Methodology

Methodologically, we created a questionnaire that we used for our interviews with the members of the brigades visited in the different territories, as well as interviews – recorded on video – discussing different topics. In the same way, another series of questionnaires have been delivered in schools and boarding schools in nearby villages, with the aim of analyzing the future prospects of the youngest. We finally applied the qualitative comparative method (QCA) to compare the results across the different subjects of the research. This combination of personal interviews and questionnaires, gave us an interdisciplinary approach of the topic.

Common issues

Analyzing the results obtained in these questionnaires and interviews carried out in the different brigades, we see that there are two main reasons that stand out above the rest when it comes to explaining the disappearance of the reindeer herding brigades:

– **Young people no longer want to continue this lifestyle.**

Certainly, this is the most common answer in all brigades. The average age in the brigades visited is over 40 years old, and generational turnover is very scarce. Only a few brigades located west of the Taymyr Dolgano-Nenets AO, in the Yamalo-Nenets AO region and in the Murmansk Oblast are exceptions to this rule.

The results of the questionnaires carried out in the boarding schools state that only 1 in 10 students has some kind of interest in continuing the lifestyle of their parents, and only 1 in 30 – approximately 1 student per class – shows a real interest in returning to the tundra or the taiga and continuing that lifestyle after finishing his/her studies.

After following up with some of those students who showed an interest in continuing that lifestyle after finishing their education, we have seen that none of them have returned to the tundra or taiga with their parents, and they have stayed in the villages or have continued their studies in the cities.

– **Reindeer herding is no longer profitable.**

Another problem added to the fact that young people do not join the brigades, is the null benefit that is currently obtained from the practice of reindeer herding. To the

question “*why do you think this lifestyle has few years left?*” more than 80% responded that it is a lifestyle that is no longer profitable. Reindeer meat is being sold well below the real cost, and the reindeer skins are hardly available in local markets anymore, to the detriment of the most modern equipment.

The average cost of production of reindeer meat can vary between 500-700 rubles per kg. Wholesale prices for beef and pork, imported from the rest of the nation, can be around 200 rubles per kg. Indigenous ethnic groups cannot sell reindeer meat for 800-900 rubles, and are forced to set the price at around 300 rubles, that is, at a loss.

Some exceptions

Although the problems discussed above seem common to many regions of the Russian Arctic, there are some exceptions that deserve to be highlighted:

– Nenets of the Yamalia Peninsula and the Taymyr Peninsula

Without a doubt, the Nenets are the ones with the most promising future. And, paradoxically, this has a practical explanation: the proliferation of the oil and gas industry in their territories.

Many authors give a very negative view on the impact that these industries have on the traditional lifestyle of reindeer herders, and on the environmental impact they produce, but at the same time, they may be the key to their future survival.

In recent years, studies by authors who consider these industries essential for the survival of these reindeer herders have already begun to emerge. As a consequence of the flow of people to these territories produced by the development of these industries, the demand for meat and skins also increases. This has led to certain agreements between these industries and the reindeer herders; the industries need an increase in the production of meat and skins to be able to supply their employees and the herders obtain in return an economic benefit that makes their activity profitable.

We have seen this mutual benefit first-hand in regions such as the Ust-Yeniseysky district (Taymyr Dolgano-Nenets AO) and the Yamalskiy district (Yamalo-Nenets AO).

– Saami and Komi of the Kola Peninsula

Another region where reindeer herding brigades appear to be stable for the future is the Kola Peninsula, where the Saami and Komi seem to benefit from the proliferation of the mining industry.

During our visit to the brigades in the Lovozerskiy district (Murmansk Oblast), we were surprised to see that an important part of the brigades were young apprentices who were learning the profession. In no other territory that we have visited we have found such a proliferation of young people working in the brigades.

Improvements for the future survival of the russian arctic brigades

– Implementation of nomadic schools

Why do even those few students who showed interest in following the lifestyle of their ancestors end up working and living in towns and cities? Do the educational policies of boarding schools have something to do with it? Debating with some experts on educational policies of the indigenous ethnic groups of the Russian Arctic, it seems that the answer is yes.

In boarding schools, education is focused on children continuing their lives with some useful profession in towns and cities. It is not encouraged – in a real and effective way – the return to a lifestyle that is considered “outdated”. Children are educated with the sole objective of entering the “modern” labor market.

An alternative that is being implemented in recent years is nomadic schools. Educational centers where students are not detached from their environment and the skills necessary to live and develop in these environments are promoted in a positive way. Good social policies to promote a positive image of this type of teaching can be essential for future reindeer herders.

– Consumption of local products

A more positive view among the citizens of the villages and nearby cities of the local products that these reindeer herders produce – meat, skins ... – by reducing the consumption of imported products, would help to promote this traditional activity among the youngest.

This process would have a positive synergy, creating a population flow that would go from living in the city to settle in the towns near the brigades, and thus promoting the authorities to create new infrastructures and routes to connect these towns with the main population centers. This process would cause a cost reduction in all products.

– Ethno-tourism

Could controlled tourism be a source of extra income for reindeer herders? Under our experience in recent years, there is no doubt. A controlled tourism, promoting traditional values and respecting the environment as much as possible, would provoke in the population a more positive view of these brigade members.

In recent years, in Spain, tourism promotion in these regions has led to a shift from absolutely zero demand to a slow – but constant – increase of people interested in visiting and learning the lifestyle “*of those people who live there in the cold*”.

Conclusion

The results obtained in our study are not positive in most cases. Some of the brigades visited in our field work have already disappeared, and others will do so in the coming

years. An effort is required to try to change this trend, educational and social policies must be promoted to improve the lives of these reindeer herders, and the vision that citizens living in urban centers have of them. It is a task that cannot wait, since each year one brigade after another disappears, incessantly...

References

1. Baskin L.M. Reindeer husbandry/hunting in Russia in the past, present and future. 2000. *Polar Research*, 19:1, 23-29, DOI: 10.3402/polar.v19i1.6526
2. Henrik O, Mathiesen S.D., Corell R.W., Oskal A. Reindeer herding, traditional knowledge and adaptation to climate change and loss of grazing land. A project led by Norway and Association of World Reindeer Herders (WRH) in Arctic Council, Sustainable Development Working Group (SDWG).
3. Klovov K.B. Reindeer husbandry in Russia. 2007. *International Journal of Entrepreneurship and Small Business (IJESB)*, Vol. 4, No. 6.
4. Lavrillie A. 2013. *Anthropology and Applied Anthropology in Siberia: Questions and Solutions Concerning a Nomadic School among Evenk Reindeer Herders. Sustaining Indigenous Knowledge: Learning Tools and Community Initiatives for Preserving Endangered Languages and Local Cultural Heritage*, ed. E. Kasten, T. de Graaf. Fürstentberg: Verlag der Kulturstiftung Sibirien, pp.105–127.
5. Mamontova N.A. 2013. Na kakom yazyke govoriat nastoiashchie evenki? Diskussii vokrug kochevogo detskogo sada. *Etnograficheskoe obozrenie*, no. 2, pp. 70–91.
6. Teryokhina A.N. Kochevye shkoly: ogranicheniia ili vozmozhnosti? 2017. *Etnograficheskoe obozrenie*, no. 2.
7. Volkovitskiy A.I., Teryokhina A.N. The contemporary issues of Yamal reindeer herding: discussions and perspectives. 2020. *Etnografia*. DOI: 10.31250/2618-8600-2020-2(8)-152-169.

Д.В. Катаев
ФГБОУ ВО «Липецкий государственный педагогический университет
имени П.П. Семенова-Тян-Шанского»
г. Липецк, Россия

УСКОРЕНИЕ КАК ПРОБЛЕМА ОБЩЕСТВА РОСТА

Аннотация. В статье освещается концепция ускорения немецкого социолога Хартмута Розы, автора нашумевшей новой критической теории резонанса и «социологии отношения к миру», как главный фактор кризисных тенденций модерна.

Ключевые слова: ускорение; патология; критическая теория; отношение к миру.

D.V. Kataev
Lipetsk State Pedagogical University
named after P.P. Semenov-Tyan-Shanskiy
Lipetsk, Russia

ACCELERATION AS A PROBLEM OF THE GROWTH SOCIETY

Abstract. The article highlights the concept of acceleration by the German sociologist Hartmut Rosa, the author of the sensational new critical theory of resonance and the “sociology of attitudes towards the world”, as the main factor in the crisis trends of modernity.

Keywords: acceleration; pathology; critical theory; world-relations.

Хартмут Роза в последние десятилетие предложил широко обсуждаемую, и дискутируемую критическую теорию. Ключевым концептом этой теории является ускорение как диагноз проблем современного общества. Под ускорением автор понимает «рост объемов в единицу времени»¹³¹. Ускорение таким образом представляет собой «всеохватывающий процесс роста» (*Steigerungsprozess*) или необратимую тенденцию эскалации (*Eskalationstendenz*).

В русле критической теории Роза видит основную причину в том, что общественная формация модерна может лишь динамически стабилизироваться. Современные капиталистические общества нуждаются в постоянном расширении, росте и инновациях,

¹³¹ Rosa H. (2020). Resonanz: eine Soziologie der Weltbeziehung. 3. Aufl. Berlin: Suhrkamp Verlag. S. 13.

увеличении производства и потребления. Т.е. они должны постоянно ускоряться, чтобы воспроизводить самих себя и сохранить культурное и структурное Status quo.

Ускорение ведет, согласно Розе, к проблемному, нарушенному и даже патологическому отношению к миру. Выражается это в кризисных тенденция современности известных как экологический кризис (отношение к природе), демократический кризис (отношение к социальному миру) и психологический кризис (самоотношение).

Выделим четыре структурных элемента современных обществ, связанных с ускорением:

- 1) открытый этический горизонт;
- 2) этическая приватизация
- 3) динамическая стабилизация
- 4) конкуренция как модус распределения¹³².

Ускорение всегда связано с требованием постоянной активизации материального, социального и духовного мира¹³³. Этот длительный процесс динамической стабилизации выработал собственную логику: современные общества, их социальная структура и сферы являются стабильными только в процессе движения и такое движение должно определяться движением вперед. Общество является современным, если оно способно к динамической стабилизации, если оно направлено систематически на экономический рост, инновации и ускорение. Трио: рост, инновации и ускорение составляют временное (ускорение), материальное (рост), и социальное (инновации) измерения процесса динамической стабилизации¹³⁴. Такое видение модерна, считает Роза, позволяет преодолеть как ограниченность нормативных «проектов современности», так и квазителеологических классических теорий модернизаций как рационализации, индивидуализации, дифференциации и покорения природы¹³⁵.

Предложенная Розой и его коллегами концепция «общества после роста»¹³⁶ позволяет инклюзию «множественных модернов» (multiple modernities)¹³⁷. В действительности модерн может быть бразильским, японским, индийским, российским или же социалистическим или фашистским, если он направлен или был направлен на воспроизводство своей структуры через ускорение, экономический рост и инновации.

¹³² Ibid.:44.

¹³³ См. подробнее: Rosa H. (2013). Beschleunigung und Entfremdung – Entwurf einer kritischen Theorie spätmoderner Zeitlichkeit. Frankfurt/Main: Suhrkamp.

¹³⁴ Ibid.: S. 115.

¹³⁵ Rosa H. (2020). Op. cit. S. 674.

¹³⁶ Dörre K., Rosa H., Becker K., Bose S., Seyd B. (Hrsg.) Große Transformation? Zur Zukunft moderner Gesellschaften: Sonderband des Berliner Journals für Soziologie (German Edition). Wiesbaden: Springer VS.

¹³⁷ Joas H. (2013). Vielfalt der Moderne – Ansichten der Moderne. Frankfurt/M: Fischer.

Решение проблемы ускорения в обществе динамической стабилизации Роза видит в резонансе: «Если ускорение является проблемой современного общества, то резонанс, – возможно, решением Резонанс является, камертоном, одновременно дескриптивным и нормативным термином, который может не только выявлять и критиковать существующие отношения к миру, но и предстает программой против общества динамической стабилизации. Х. Роза называет ее «социологией отношения к миру», а в равной степени – «социологией хорошей жизни», но это другой предмет рассмотрения.

Список литературы

1. Dörre K., Rosa H., Becker K., Bose S., Seyd B. (Hrsg.) Große Transformation? Zur Zukunft moderner Gesellschaften: Sonderband des Berliner Journals für Soziologie (German Edition). Wiesbaden: Springer VS.
2. Joas H. (2013). Vielfalt der Moderne – Ansichten der Moderne. Frankfurt/M: Fischer.
3. Rosa H. (2013). Beschleunigung und Entfremdung – Entwurf einer kritischen Theorie spätmoderner Zeitlichkeit. Frankfurt/Main: Suhrkamp.
4. Rosa H. (2020). Resonanz: eine Soziologie der Weltbeziehung. 3. Aufl. Berlin: Suhrkamp Verlag.

УДК 316.3 / ББК 87.6

А.А. Кононов
ФГБОУ ВО «Череповецкий государственный университет»
г. Череповец, Россия

СПРАВЕДЛИВОСТЬ ПРАВА КАК ОСНОВА СТАБИЛЬНОСТИ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

Аннотация. В статье рассматривается проблема правовой справедливости. Анализируются взгляды на соотношение права и справедливости. Устанавливается, что справедливость является сущностной характеристикой права. В современном обществе правовая справедливость раскрывается как равенство мнений в сфере политического, и как потребительское равенство в социально-экономической сфере.

Ключевые слова: право; справедливость; равенство мнений; потребительское равенство.

A.A. Kononov

Cherepovets State University, Cherepovets, Russia

LEGAL JUSTICE AS THE BASIS OF MODERN SOCIETY

Abstract. The article deals with the problem of legal justice. Views on the correlation of law and justice are analyzed. It is emphasized that justice is an essential characteristic of law. In modern society, legal justice is revealed as equality of opinion in the political sphere, and as consumer equality in the social and economic sphere.

Keywords: law; justice; equality of opinion; consumer equality.

Современное общество характеризуется неуклонным расширением пределов действия права. Право, опосредуя общественные отношения, с одной стороны, выступает в качестве социального регулятора, регламентирующего интеракции. С другой стороны, право является частью культуры общества, и несет в себе социальные смыслы. Понятое таким образом, право призвано обеспечивать стабильное функционирование и развитие общества, связывать и уравнивать диалектическое взаимодействие индивидуального и социального.

При этом, право характеризуется рядом особенностей.

Во-первых, право является отчужденной формой регуляции поведения индивидов¹³⁸. Иными словами, право выступает по отношению к индивиду как внешне данная норма. Право, в качестве условия действительности, не предполагает имманентного принятия индивидом. Кроме того, отчужденность право усиливается его обеспеченностью государством, которое, в свою очередь, также является формой отчуждения по отношению к обществу и личности.

Во-вторых, право всегда является рациональной конструкцией. Рациональность права проявляет себя как в содержательном аспекте (право основано на осознанной потребности и предполагает определенную цель), так и в формальном аспекте (структурированные и регламентированные процедуры правотворчества и правоприменения).

В-третьих, право направлено на социальное отношение и не может существовать вне его¹³⁹.

¹³⁸ Гусейнов А.А. Мораль и право: характер связи. Всероссийская научно-практическая конференция «Нравственность и право: этико-философской осмысление и практика сближения», Москва, 2016: материалы. М.: Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина, 2016 // Lex russica (Русский закон). 2016. №11 (120). С. 193-196. С. 194. DOI: 10.17803/1729-5920.2016.120.11.190-258.

¹³⁹ Радбрух Г. Философия права / пер. с нем. Ю.М. Юмашева. М.: Международные отношения. 2004. С. 52.

С учетом указанных особенностей права представляется актуальным исследовать вопрос о природе правовой справедливости, как сущностной характеристики права и условия его действительности.

С одной стороны, справедливость, как принцип права, обнаруживает себя уже в древнейших источниках права (Законы Хаммурапи (1755-1752 гг. до н.э.), Законы Солона (594 г. до н.э.), *Cogrus Juris Civilis* (529-534 гг. до н.э.). С другой стороны, с появлением права проблема правовой справедливости становится предметом философской рефлексии. При этом, в истории философской мысли сложились различные, порой противоположные взгляды на сущность и самую возможность правовой справедливости.

Так, еще софист Фрасимах, дискутируя с Сократом, указывал, что справедливо то, что пригодно сильнейшему¹⁴⁰. Блез Паскаль (1623-1662) высказывал мысль о невозможности осмысления справедливости¹⁴¹. Утилитаризм (Дж. Ст. Милль (1806-1873) указывает, что основополагающим принципом социального действия является достижение максимального блага¹⁴², что, как верно отмечает К. Маркс (1818-1883) противоречит самой идее справедливого¹⁴³. В XX веке правовая справедливость подвергается критике со стороны нормативизма (Г. Кельзен (1881-1973)¹⁴⁴ и системной теории (Н. Луман (1927-1998)¹⁴⁵.

Представляется, что теории, выносящие справедливость за рамки права, лишают последнее его сущностной характеристики. Как следствие, право утрачивает ценность, нивелируется до обеспеченного принуждением инструмента воздействия на общество. Как отмечал еще Аврелий Августин (354-430), без справедливости государство не отличается от разбойничьей шайки¹⁴⁶.

Однако, что же представляет собой правовая справедливость? Как указывалось, право, будучи отчужденным, рациональным регулятором направлено на общественные отношения, которые как кооперация внутри общества, имеют в качестве основы потребности и направлены на достижение целей. Как справедливо отмечает В.Ф. Асмус (1894-1975), названные особенности общественных

¹⁴⁰ Платон. Государство / Платон; пер. с древнегреч. А.Н. Егунова. М.: Академический проект, 2015. С. 46.

¹⁴¹ Паскаль Б. Мысли / пер. с фр. Ю.А. Гинзбург. М.: Изд-во имени Сабашниковых, 1995. С. 94.

¹⁴² Милль Дж. Ст. Утилитаризм / пер. с англ. А.С. Земерова. Ростов-на-Дону: Донской издательский дом, 2013. С. 159.

¹⁴³ Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология. М.: Политиздат, 1988. XVI. С. 386-387.

¹⁴⁴ Кельзен Г. Чистое учение о праве / пер. с нем. М.В. Антонова, С.В. Лёзова. Санкт-Петербург: Алеф-Пресс, 2015. С. 437.

¹⁴⁵ Луман Н. Общество общества / пер. с нем. А. Антоновский, Б. Скуратов, К. Тимофеева. Москва: Логос, 2011. С. 522.

¹⁴⁶ Августин А. О Граде Божием. С. 171. URL: <https://azbyka.ru/otechnik/books/download/8404-О-граде-Божьем> (дата обращения: 17.08.2020).

отношений раскрыты еще Аристотелем¹⁴⁷. В «Никомаховой этике» Аристотель (385-323 до н.э.) выделяет справедливость распределяющую и справедливость уравнивающую¹⁴⁸. Анализируя теорию справедливости Аристотеля применительно к праву О. Хёффе (р. 1943) отмечает, что уравнивающая справедливость предполагает равенство участников отношения и отвечает за обмен благами внутри общества (необязательно материальными благами), тогда как распределяющая справедливость предполагает неравенство участников отношения¹⁴⁹. Данное утверждение применимо как к справедливости в политической сфере, так и к обусловленной политическим справедливости в социальной сфере.

По мнению автора тезисов, теория справедливости, предложенная Аристотелем и дополненная О. Хёффе, в наибольшей степени соответствует комплексному характеру права, регламентирующему многочисленные специфические отношения в различных подсистемах современного общества. При этом, содержание принципа справедливости в праве носит конкретно исторический характер.

Современное общество характеризуется как общество потребления. Следовательно, конституирующим принципом справедливости современного общества, по мнению автора тезисов, является демократическое равенство мнений в политической сфере, и потребительское равенство в социальной сфере.

Список литературы

1. Августин А. О Граде Божием. URL: <https://azbyka.ru/otechnik/books/download/8404-О-граде-Божьем> (дата обращения: 17.08.2020).
2. Аристотель. Никомахова этика. Собр. Соч. в 4 т. М.: Мысль, 1983.
3. Асмус В.Ф. Античная философия. М.: Высшая школа, 2001. 400 с.
4. Гусейнов А.А. Мораль и право: характер связи. Всероссийская научно-практическая конференция «Нравственность и право: этико-философской осмысление и практика сближения», Москва, 2016: материалы. М.: Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина, 2016 // Lex russica (Русский закон). 2016. №11 (120). DOI: 10.17803/1729-5920.2016.120.11.190-258.
5. Кельзен Г. Чистое учение о праве / пер. с нем. М.В. Антонова, С.В. Лёзова. СПб.: Алеф-Пресс, 2015. 542 с.
6. Луман Н. Общество общества / пер. с нем. А. Антоновский, Б. Скуратов, К. Тимофеева. М.: Логос, 2011. 640 с.
7. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология. М.: Политиздат, 1988. XVI. 574 с.

¹⁴⁷ Асмус В.Ф. Античная философия. М.: Высшая школа, 2001. С. 270, 275.

¹⁴⁸ Аристотель. Никомахова этика / Аристотель. Собр. Соч. в 4 т. М.: Мысль, 1983. Т. 4. С. 150.

¹⁴⁹ Хёффе О. Справедливость: Философское введение / пер. с нем. О.В. Кильдюшова. М.: Праксис, 2007. С. 30.

8. Милль Дж. Ст. Утилитаризм / пер. с англ. А.С. Земерова. Ростов-на-Дону: Донской издательский дом, 2013. 240 с.
9. Паскаль Б. Мысли / пер. с фр. Ю.А. Гинзбург. М.: Изд. име. Сабашниковых, 1995. 480 с.
10. Платон. Государство / пер. с древнегреч. А.Н. Егунова. М.: Академический проект, 2015. 398 с.
11. Радбрух Г. Философия права / пер. с нем. Ю.М. Юмашева. М.: Международные отношения, 2004. 240 с.
12. Хёффе О. Справедливость: Философское введение / пер. с нем. О.В. Кильдюшова. М.: Праксис, 2007. 192 с.

УДК 316.422 / ББК 60.5

Н.А. Костко
Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия

ИССЛЕДОВАНИЕ СОЦИАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА УМНОГО ГОРОДА: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ И ПРИКЛАДНОЙ АСПЕКТ¹⁵⁰

Аннотация. В статье рассматривается логика исследования социального пространства умного города. Представлены базовые показатели, которые характеризуют социальное пространство города. Определены направления социологического исследования этих показателей: социальной активности, городской идентичности горожан, их норм и ценностей.

Ключевые слова: город; умный город; городские практики; городская идентичность горожан.

Natalya A. Kostko
Tyumen State University, Tyumen, Russia

RESEARCH OF THE SOCIAL SPACE OF A SMART CITY: METHODOLOGICAL AND APPLIED ASPECT¹⁵¹

Abstract. The article examines the logic of research into the social space of a smart city. The basic indicators that characterize the social space of the city are presented.

¹⁵⁰ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00305 «Социальное пространство умного города: методология управления развитием и социального конструирования».

¹⁵¹ The research was funded by RFBR, project number 20-011-00305 «Social space of a smart city: methodology of development management and social construction».

The directions of sociological research of these indicators are determined: social activity, urban identity of citizens, their norms and values.

Keywords: *city; smart city; urban practices; urban identity of citizens.*

Внимание аналитиков и практиков к городам во многом обусловлено ускорением и усложнением современных глобализационных процессов. Многие проблемы, связанные с изменениями в обществе сосредоточены в городах, как и ответы для их решения. Перспективы развития городов, преодоление кризисных явлений в различных сферах общества представлены в большом количестве концепций. На сегодня среди 12 ключевых современных городских концепций самая известная является концепция «умного города» [5]. Число работ по умным городам позволило С. Джоссу их расклассифицировать и в этой части согласимся с ним. С. Джосс выделяет литературу с акцентом на новые формы технократического управления; на критику взаимосвязи между инновациями умного города и устойчивым развитием; на анализ практики гражданства, общественной сферы и социальной активности горожан [6; с. 5]. Можно с уверенностью утверждать, что практически все научные дискуссии обеспечивают полезную аналитическую ориентацию для исследования города.

Сопровождая этот растущий интерес, появилась мощная критика умного города. Работы в рамках критического урбанизма и критической социальной теории активно развивают идеи отличные мейстриму неолиберализма о развитии городов [7].

Тем не менее, концепция привлекательна именно возможностью перевода фокуса внимания с экономико-технологических параметров развития городов на социальные, где умный горожанин определяется в качестве одного из ведущих элементов концепции. Одним из положений теоретического обоснования исследования города является тезис о том, что умность города определяется не просто его ориентацией на людей, на создание условий для повышения уровня и качества их жизни, сколько на поддержание гражданского режима осознанного повседневного участия горожан в городских процессах в новых условиях цифровизации общества. Умные технологии и сферы их приложения, это инструмент реализации умного сценария развития города и городского сообщества. Фокус на горожанина объединяет концепцию «умного города» с понятием социального пространства города.

Характеристики социального пространства и города в современных условиях столь же сложны, как и современный тип общества. Принято, что социальное пространство обладает свойствами протяженности, территориальности и

темпоральности. В то же время, современные города характеризуются через термины потока, пористости, прерывности [1; 4]. Подвергается критике идея значения локальности для города, для горожан [3]. Как следствие, логическим путем можно прийти к отрицанию социального пространства, его положения, значения и роли. Данный взгляд на город, требует своего уточнения. Выше указанные определения города скорее можно рассматривать в качестве экспрессивного выражения процесса ускоряющихся изменений, которые в настоящее время наблюдаются и фиксируются исследователями. Город как сложная социальная система, городские связи и отношения между субъектами городской жизни, горожане и их положение в системе координат не статичны, они изменяются. Эта динамизация, неопределенность, многовекторность и определяют многие современные характеристики города. Одновременно эти же явления приводят к необходимости и актуализации значения социальных факторов в городской жизни. Социальное пространство рассматривается в качестве характеристики города, степени его социальности. Самым значимым социальным элементом социального пространства развития города является горожанин. В традиции М. Вебера об идеальном типе, горожанин, это активный субъект городской жизни с высоким человеческим, интеллектуальным и социальным капиталом, идентифицирующий себя с городом, опирающийся в своих действиях на нормы доверия, солидарности, ответственности и социо-гуманитарные ценности. Можно принять эту модель в качестве отправной для исследования. Аналитическое описание уже реальных показателей, полученных социологическими методами, позволяет нам судить и о горожанах, и о социальном пространстве города в целом.

Методологическим основанием исследования социального пространства города являются, казалось бы, несопоставимые на первый взгляд, научные направления конструктивизма, критической социальной теории, системного подхода. Исходным положением является тезис о том, что они не противостоят друг другу, они раскрывают разные стороны предмета исследования и, следовательно, могут быть использованы в качестве разных исследовательских линз для анализа социального пространства города. Теоретический каркас проекта построен на теоретизации понятия городского социального пространства с тремя основными слоями анализа: дискурс об умном городе, дающий представление об идее умности в развитии городских сообществ, теориях социальной идентичности, теории участия, дающей критический взгляд на формы и функции участия граждан в процессах развития. Кроме того, основанием для исследования принято положение о возможности конструиро-

вания социального пространства города через его базовые показатели: социальную активность, городскую идентичность, нормы доверия и солидарности горожан.

Каждый из этих показателей состоит из целого ряда индикаторов. В частности, социальная активность горожан рассматривается через призму городских практик. Городские практики, это низовые проявления активности горожан, которые имеют свои особенности и отличия от активности организованных сообществ и групп, исследуется их характер и направленность.

Значимым является не столько сам факт наличия/отсутствия городских практик, сколько их социально-смысловое содержание и социально-смысловое содержание отношений между органами власти управления и горожанами, другими субъектами городской жизни. Рабочим определением понятия городские практики является тезис о том, что это действия горожан (организованной/не организованной формы) направленные на процессы, явления, объекты в границах города для достижения определенных целей, решения городских проблем разного масштаба и локальности. Городские практики позволяют судить о степени субъектности горожан, то есть их включенности в городские процессы.

Исследование городской идентичности горожан необходимо с точки зрения понимания связности между городом и человеком. Согласно П. Бурдье, восприятие субъектом социального мира возникает в результате его субъективной структуризации, что напрямую связано с идентичностью индивида. Структуризация индивидом своего восприятия относительно города, его (города) идентичности, определяет городскую идентичность горожанина [2]. Понятия идентичность города и городская идентичность горожан не тождественны. Исследовательское внимание обращено на определение характера восприятия и принятия идентичности города горожанами. Городская идентичность горожан не статична в её структуру входят элементы как традиционной, так и современной (тонкой, ситуационной, презентационной) составляющей. Современный компонент идентичности рассматривается как рефлексивный, как реакция на современные вызовы и трансформации общества. Для целей социологического исследования требуется операционализация современного типа идентичности. В первом приближении к решению данной задачи можно сказать о том, что в поле внимания попадают характер связей и отношений человек – город. Описание характера городской идентичности горожан, её составных частей позволяет приблизиться к пониманию контекста социального пространства города.

Наконец, показатели доверия и сплоченности. Используются общепринятые в мировой практике индикаторы мониторинга доверия Едельмана. Исследовательское внимание обращено на установление связи между нормами, характером их проявления у горожан и вышеуказанными показателями социального пространства города.

Список литературы

1. Амин Э., Трифт Н. Внятность современного города. 2002. Логос 34(3-4) URL:<http://magazines.russ.ru/logos/2002/3/amin.html> (accessed 19.06.2019).
2. Бурдые П. Социальное пространство и символическая власть // Thesis. 1993. Вып. 2. С. 137-150.
3. Флорида Р. Кто твой город? Креативная экономика и выбор места жительства. М.: Strelka Press. 2014. 368 с.
4. Castells, M. The Power of Identity. Second edition with a new preface. Blackwell Publishing Ltd. 2010, p. 585.
5. Joss S., Cook M. & Dayot Y. Smart Cities: Towards a New Citizenship Regime? Analysis of the British Smart City Standard, Journal of Urban Technology, 2017, pp.1-21. DOI: 10.1080/10630732.2017.1336027
6. Joss S., Frans Sengers, Daan Schraven, Federico Caprotti & Youri Dayot The Smart City as Global Discourse: Storylines and Critical Junctures across 27 Cities. Journal of Urban Technology 2019, VOL. 26, No. 1, 3–34 <https://doi.org/10.1080/10630732.2018.1558387>
7. Brenner N. What is critical urban theory? City, v. 13, n. 2–3, 2009. DOI: 10.1080/13604810902996466. P. 198-207.

УДК 316.4 / ББК 60.5

К.И. Костюков, Т.А. Свечинская
Ставропольский филиал ФГБОУ ВО «Московский
педагогический государственный университет»
г. Ставрополь, Россия

**ЦИФРОВАЯ ГРАМОТНОСТЬ ПОДРОСТКОВ
И МОЛОДЕЖИ В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМАЦИИ ОБЩЕСТВА:
РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ¹⁵²**

Аннотация. В статье рассматриваются основные элементы, формирующие цифровую грамотность общества. Определена значимость образования в формировании цифровой грамотности обучающихся, отражены направления повышения ее уровня. Изменение информационного пространства приводит к тому, что дети все больше времени проводят в виртуальном пространстве, общаясь в социальных сетях и проводя время за играми. Все это влечет за собой изменение отношения детей к реальному миру.

Ключевые слова: цифровая грамотность; информационно-коммуникационные технологии в системе образования; интернет-аудитория; цифровая трансформация; информационная среда; интернет-риски.

K.I. Kostyukov, T.A. Svechinskaya
Moscow Pedagogical State University, Stavropol, Russia

**DIGITAL LITERACY OF ADOLESCENTS
AND YOUTH IN THE CONDITIONS OF SOCIETY TRANSFORMATION:
REGIONAL ASPECT¹⁵³**

Annotation. The article examines the main elements that form the digital literacy of society. The importance of education in the formation of digital literacy of students is determined, directions of increasing its level are reflected. The changing information space leads to the fact that children spend more and more time in the virtual space, communicating on social networks and spending time playing. All this entails a change in the attitude of children to the real world.

¹⁵² Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-010-00998 А «Детство в цифровом пространстве».

¹⁵³ The research was funded by RFBR, project number 20-010-00998 A.

***Keywords:** digital literacy; information and communication technologies in the education system; Internet audience; digital transformation; information environment; Internet risks.*

Цифровая грамотность – это значимый жизненный навык, который затрагивает все без исключения области современной жизни и профессиональной деятельности. Общая цифровая грамотность подготавливает людей к новым вызовам и обеспечивает информационную защищенность. Несмотря на массовое внедрение информационно-коммуникационных технологий и растущее число пользователей сети интернет, ежедневно жертвами кибермошенников становятся граждане с невысокой цифровой грамотностью. Поэтому пользователи Интернета, особенно школьники, молодежь, студенты и пенсионеры, находятся в группе риска и остро нуждаются в цифровом образовании, а проблема всеобщей цифровой грамотности является общенациональной проблемой.

Сегодня во всех регионах России созданы условия для формирования общества с высокой цифровой грамотностью и много возможностей для развития новых, современных навыков у детей и молодёжи.

Интенсивное развитие цифровой среды модернизирует систему образования: в учебный процесс внедряются электронные учебники, обучение становится более персонализированным. В образовательных учреждениях крупных городов используемые технологические инновации позволяют создавать среду для цифрового обучения.

Развитие цифровой грамотности требует практики культурного использования технических средств (мобильных устройств и компьютеров), возможностей и коммуникаций цифровой среды.

Овладение современным языком общения также необходимо для того, чтобы передать свои знания студентам. В противном случае цифровая неграмотность станет барьером между поколениями.

В рамках реализации Федерального проекта «Цифровая образовательная среда» происходит внедрение программ, направленных на повышение информационной грамотности учащихся. Большое внимание уделяется и развитию цифровых технологий в системе повышения квалификации учителей. Но в данном направлении не учитывается тот факт, что вместе с детьми уровень цифровой грамотности необходимо повышать и родителям.

Молодёжь активно пользуется новыми технологиями, а молодёжная среда насыщена мобильными устройствами, что неудивительно, так как популярность социальных медиа и компьютерных игр очень велика.

Эти данные подтверждает социологический опрос учащихся, учителей и родителей Ставропольского края проведенный авторами в мае-июне 2020 года в рамках реализации проекта «Детство в цифровом пространстве».

В анкету был включен вопрос «Когда ты выходишь в Интернет, что ты чаще всего делаешь?». Из предложенных вариантов ответов на поставленный вопрос детьми в возрасте 7-10 лет было выделено три, набравших наибольший процент:

54,6% – смотрю мультфильмы, сериалы, кино;

54,0% – захожу в игровое приложение;

31,7% – общаюсь по Skype, WhatsApp и т.д. с родственниками или друзьями, которые живут далеко.

Второй возрастной группой (11-14 лет) на этот же вопрос было выделено четыре наиболее значимых ответа:

45,9% – общаюсь по Skype, WhatsApp и т.д. с родственниками или друзьями, которые живут далеко;

40,9% – слушаю музыку;

40,4% – захожу в игровое приложение;

49,1% – смотрю мультфильмы, сериалы, кино.

Таким образом, можно утверждать, что в зависимости от возраста изменяются и интересы детей в сфере межличностных коммуникаций в виртуальном пространстве. При этом цифровая грамотность оказывает благотворное влияние в формировании других базовых навыков и компетенций у учащихся.

Термин «цифровая трансформация» зачастую принадлежит только к ее технической составляющей, но желательно рассматривать его шире, поскольку новые методы и средства обучения и воспитания неизбежно влекут за собой социальные преобразования, вызванные широким проникновением цифровых технологий во все сферы жизни, в том числе и в образование.

Учитывая уровень использования современных технологий, а также благоприятные условия для развития грамотного общества, мы можем усомниться в том, что необходимо повышать цифровую грамотность детей и молодёжи. Однако свободный доступ к технологиям и умение искать информацию не гарантируют, что у молодых людей есть все необходимые навыки для успешного существования в цифровой среде.

XXI век ознаменовался переходом человечества к информационному обществу, в котором цифровые технологии играют особую роль. Цифровая трансформация затронула политическую, экономическую, социальную и культурную сферы. В обстоятельствах быстрого обновления и консолидации информационных потоков образование играет ведущую роль в формировании ИТ-компетенции,

именно оно обеспечивает готовность человека работать с различными источниками и носителями информации, критически осмысливать ее и использовать для решения лично и социально значимые проблемы.

Однако технологии – это не единственная область, в которой произошли значительные изменения и были внедрены разработки. Взаимосвязь раннего детства и цифровых технологий сегодня обсуждается более разносторонне, чем в предыдущие десятилетия. Ряд исследователей, изучая цифровизацию и ее влияние на развитие детей, говорит о негативном влиянии сети Интернет на развитие и становление ребенка.

Современные исследования в области цифровой грамотности показывают, что дети не рождаются компетентными «цифровыми аборигенами», которые затмевают взрослых своей технологической компетентностью. Напротив, деятельность, как ситуационная концепция, подчеркивает, что отношения детей с цифровыми технологиями различаются, находятся в постоянном движении и развитии.

Им не хватает знаний и навыков, чтобы эффективно пользоваться информационными и компьютерными технологиями, критически их оценивать и не подвергать себя опасности. Кроме того, молодые люди, которые легко и уверенно пользуются технологиями, склонны переоценивать свои умения. Повышение цифровой грамотности нужно, чтобы дать молодым людям навыки не только необходимые для жизни, но и востребованные электронной экономикой.

Для того чтобы дети и молодые люди имели здоровые и осознанные отношения с технологиями, необходимо, чтобы нормы проектирования технологий, учебные программы и законодательные рамки всегда учитывали возраст пользователя. Перечисленные потребности следует понимать как сложный набор рисков, недоразумений и возможностей. Контекст, в котором ребенок получает доступ к цифровой среде, может быть таким же важным, как и контент, а вид деятельности – таким же важным, как затраченное время. Характер взаимодействия так же важен, как и цель. Этим вопросам пока не уделялось достаточного внимания в проводимых исследованиях.

Использование технологий само по себе не может рассматриваться как свидетельство того, что отдельный ребенок является творческим участником цифровой среды с полной цифровой грамотностью, свободой действий и гражданством.

Большинство проводимых исследований в области цифровизации сосредотачивают внимание на вреде, с которым дети сталкиваются в цифровой среде. Однако многие из этих рисков являются просто «последствиями» использования детьми технологии, предназначенными для взрослых пользователей. Следовательно, необходимо выработать механизм, позволяющий учитывать потребности ребенка-пользователя.

Список литературы

1. Владимирова Т.Н., Бродовская Е.В., Домбровская А.Ю., Жилавская И.В., Леско-ног Н.Ю., Барков Л.В., Савенок А.С., Чуева А.А. Риски-Интернет-коммуникации детей и молодежи. М., 2019.
2. Бродовская Е.В., Домбровская А.Ю. Снижение рисков интернет-коммуникации подрастающего поколения как обновление содержания подготовки вожатских кадров // Подготовка вожатских кадров на базе образовательных организаций высшего образования в России: коллективная монография. М., 2019. С. 119-131.
3. Бродовская Е.В., Домбровская А.Ю., Пырма Р.В., Азаров А.А., Карзубов Д.Н. Молодежь России в цифровом пространстве: основания дифференциации стратегий интернет-поведения // Среднерусский вестник общественных наук. 2019. Т.14. № 3. С. 45-56.

УДК 316.334.52 / ББК С542.11

*М.И. Кришталь, К.С. Проданцов
ФГАОУ ВО «Балтийский федеральный университет
имени И. Канта», г. Калининград, Россия*

ВОЗРАСТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ ЖИТЕЛЯМИ КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ РИСКОВ, СВЯЗАННЫХ С КОРОНАВИРУСОМ¹⁵⁴

Аннотация. В статье представлены особенности восприятия различными поколенческими группами Калининградской области рисков, вызванных пандемией коронавируса. Выявлено, что возрастная группа старше 52 лет серьезнее оценивала опасность коронавируса и активнее выступала за продление мер по его предотвращению, чем представители реформенного поколения и миллениалы, которые в свою очередь в период активной фазы пандемии претерпели наибольшие экономические потери.

Ключевые слова: социология; эпидемиологические риски; возрастное восприятие социальных рисков; коронавирус; Калининградская область; COVID-19.

¹⁵⁴ Исследование проведено за счет Программы повышения конкурентоспособности БФУ им. И. Канта на 2016-2020 годы (Проект 5-100).

*M. Krishtal, K. Prodancov
Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia*

AGE FEATURES OF THE RESIDENTS OF THE KALININGRAD REGION PERCEPTION OF RISKS ASSOCIATED WITH CORONAVIRUS

***Abstract.** The article presents the peculiarities of perception by different age groups of the Kaliningrad region of the risks caused by the coronavirus pandemic. It was revealed that the age group over 52 years old assessed the danger of coronavirus more seriously and more actively advocated the extension of measures to prevent it than representatives of the reform generation and millennials, who, in turn, suffered the greatest economic losses during the active phase of the pandemic.*

***Keywords:** sociology; epidemiological risks; age-related perception of social risks; coronavirus; Kaliningrad region; COVID-19.*

Пандемия коронавируса оказала существенное влияние на все сферы жизнедеятельности общества. Таким образом, изначально эпидемиологическая проблема стала причиной для возникновения потенциальных экономических, политических и социальных рисков. В данном исследовании проводится анализ возрастных различий восприятия рисков, связанных с пандемией. Используется теория поколений, согласно которой под поколением понимается группа людей, совместно переживших какие-то важные исторические события, и поэтому демонстрирующие общность восприятий и практик поведения¹⁵⁵. В ходе анализа применялась классификация В.В. Радаева¹⁵⁶: выделены миллениалы (годы рождения: 1982-2000 гг.), реформенное поколение (1968-1981) и возрастная группа людей, родившаяся до 1968 года.

В период с 23 по 29 апреля 2020 года было опрошено 829 респондентов: 50,3% – миллениалы, 29,1% – представители реформенного поколения, 20,6% – представители старших поколений. Методика исследования представляла собой комбинацию онлайн-опроса и личного формализованного интервью в условиях соблюдения самоизоляции (опрос родственников). Генеральная совокупность, включающая представителей рассматриваемых поколений, на 1 января 2020 года в регионе составила 812978 человек. Репрезентация выборки опроса обеспечивалась за счет квотной представленности мужчин и женщин трех возрастных

¹⁵⁵ Семенова В.В. Современные концептуальные и эмпирические подходы к понятию «поколение» // Дробижева Л.М. (ред.) Россия реформирующаяся: Ежегодник-2003. М.: Институт социологии РАН, 2003.

¹⁵⁶ Радаев В.В. Миллениалы на фоне предшествующих поколений: эмпирический анализ // Социологические исследования. 2018. № 3. С. 18.

групп в пяти геодемографических типах муниципальных образований Калининградской области, охватывающих все население региона. Однако в старшей возрастной группе (52 года и старше) условие квотной выборки выполнить не удалось, что позволяет говорить о репрезентативных данных только в отношении двух возрастных групп: 18-35 лет и 36-51 год. Таким образом, анализ результатов опроса построен на выборке в 829 человек, что соответствует 95% доверительной вероятности при $\pm 3,4\%$ погрешности.

В ходе социологического анализа было выявлено, что на момент апреля 2020 года в течение периода возникновения коронавируса сильнее всего пострадали представители реформенного поколения, более трети которых (39,8%) заявило, что их положение значительно ухудшилось (рис. 1). При этом отметим, что доли миллениалов и представителей наиболее старшего поколения, ответивших аналогичным образом, также были внушительны: 30,0% и 25,1% соответственно. Около трети респондентов от каждой возрастной группы заявило, что их положение в целом осталось на том же уровне.

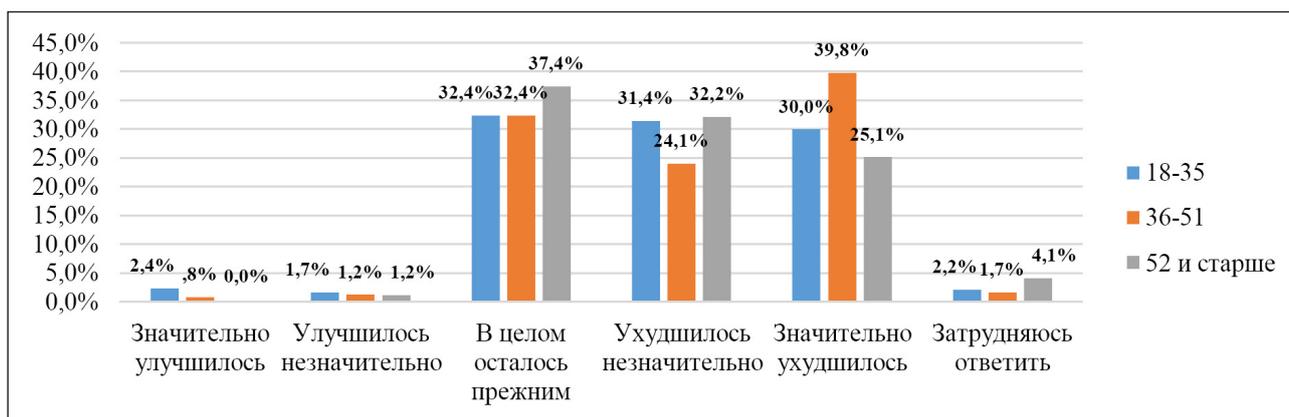

Рис. 1. Оценка изменения экономического положения семьи в период возникновения коронавируса на момент апреля 2020 года

Самая старшая категория респондентов была вынуждена чаще других уходить в связи с разразившейся пандемией в отпуск, на больничный или на нерабочий формат с сохранением зарплаты (рис. 2). Однако с непосредственной потерей трудоустройства чаще пришлось столкнуться миллениалам (15,5%) и представителям реформенного поколения (13,8%). Причем заметим, что последние чаще других возрастных групп продолжили работать в прежнем режиме (34,1%), а также перешли на дистанционный формат (30,9%).

Представители возрастной группы 52 года и старше несколько чаще других считали коронавирус более опасным, чем сезонный грипп (рис. 3). Также среди данной группы респондентов чаще всего встречался вариант «затрудняюсь ответить», что позволяет предположить о недостатке информации о пандемии среди

людей предпенсионного и пенсионного возраста. Миллениалам, напротив, свойственно было чаще преуменьшать опасность коронавируса.

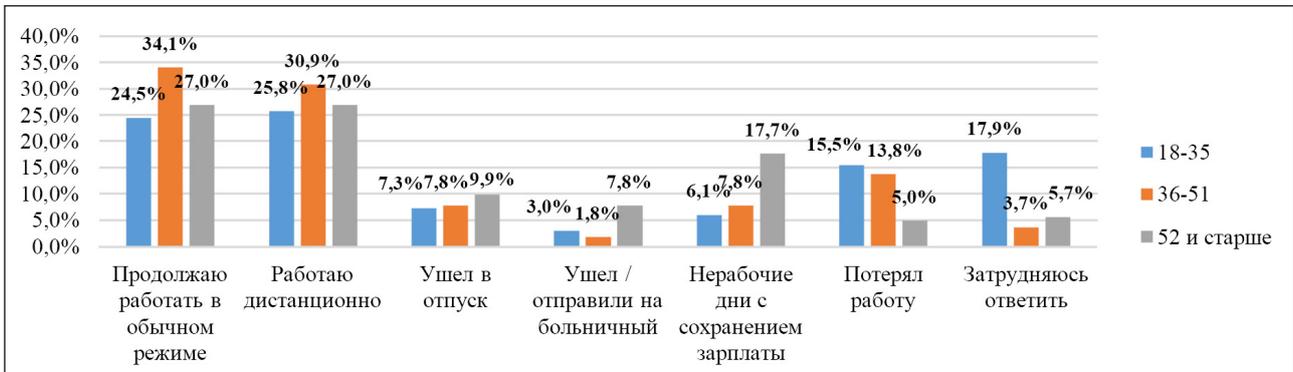

Рис. 2. Изменение трудового режима в связи с введением режима самоизоляции

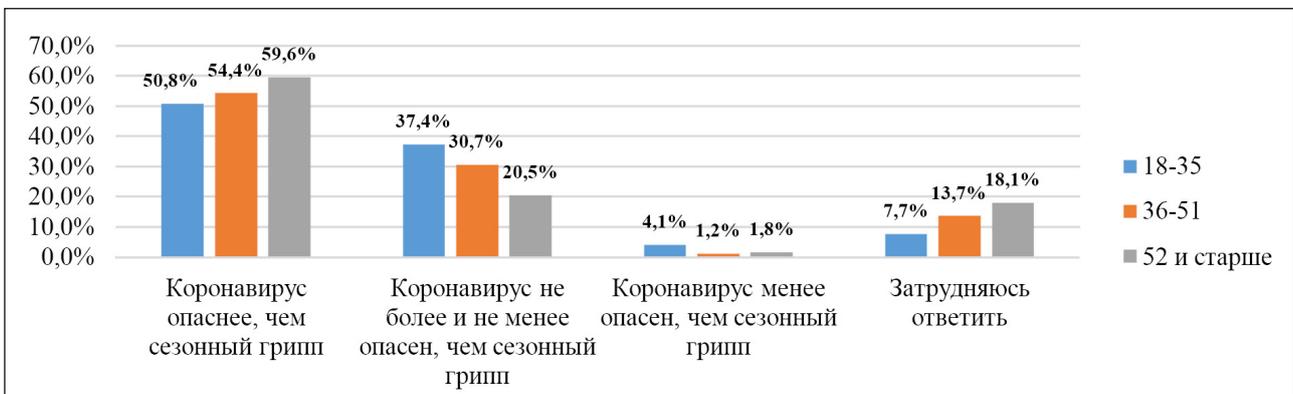

Рис. 3. Оценка угрозы коронавируса в сравнении с сезонным гриппом

Более острое восприятие угрозы коронавируса в сравнении с обычным сезонным гриппом представителями пенсионного и предпенсионного возраста во многом объясняет то, что среди них фиксировалась наибольшая поддержка продления мер по предотвращению пандемии коронавируса до июня 2020 года (рис. 4). Миллениалы и представители реформенного поколения, напротив, чаще выступали за снятие части мер.

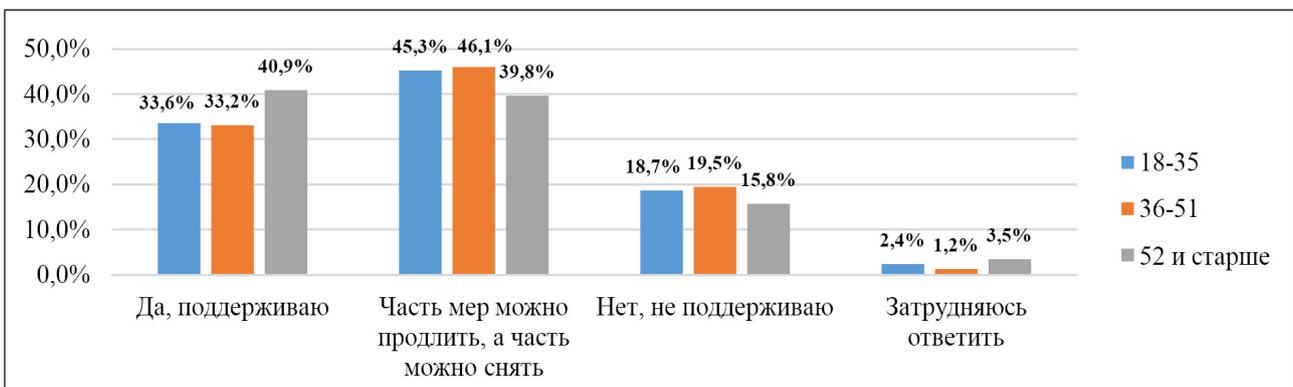

Рис. 4. Степень поддержки продления мер по предотвращению коронавируса до июня 2020 года

Таким образом, в результате исследования было выявлено, что экономическое положение значительной части каждого поколения в период активной фазы коронавируса существенно ухудшилось. При этом наиболее весомые экономические потери ощутили представители реформенного поколения. Вероятно, по этой причине именно в этой возрастной группе фиксировалось наибольшее неприятие относительно продления в полном объеме мер государства по предотвращению коронавируса. Схожие настроения можно наблюдать и среди миллениалов, что, возможно, обусловлено их высокой социальной активностью. Примечательно, что этим двум поколениям свойственно было преуменьшать угрозу коронавируса. Поддержка же большинством представителей возрастной группы старше 52 лет продления мер, по всей видимости, обусловлено более острым восприятием ими рисков здоровью, которые несет за собой возникшая пандемия.

Список литературы

1. Радаев В.В. Миллениалы на фоне предшествующих поколений: эмпирический анализ // Социологические исследования. 2018. № 3. С. 15–33.
2. Семенова В.В. Современные концептуальные и эмпирические подходы к понятию «поколение» // Дробижева Л.М. (ред.) Россия реформирующаяся: Ежегодник-2003. М.: Институт социологии РАН, 2003. С. 213–237.

Е.Л. Круглова
ФГОБУ ВПО Финансовый университет
при Правительстве РФ, г. Москва, Россия

**ГЕНДЕРНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РЫНКА ЗАНЯТОСТИ,
ЕГО ДИНАМИКА И ЭВОЛЮЦИЯ¹⁵⁷**

Аннотация. В статье выделены основные особенности гендерных ролей и взаимоотношений, влияющих на развитие рынка занятости в современной России. Проанализированы такие проблемы как гендерная дискриминация, гендерные стереотипы в сфере труда и влияние социальных ролей в семье на женскую занятость.

Ключевые слова: гендерные стереотипы; рынок занятости; гендерная роль; гендер.

E.L. Kruglova
FGOBU VPO Financial University
under the Government of the Russian Federation
Moscow, Russia

**GENDER CHARACTERISTICS OF THE EMPLOYMENT MARKET,
ITS DYNAMICS AND EVOLUTION¹⁵⁸**

Annotation. The article highlights the main features of gender roles and relationships that affect the development of the employment market in modern Russia. The article analyzes such problems as gender discrimination, gender stereotypes in the world of work and the influence of social roles in the family on women's employment.

Keywords: gender stereotypes; employment market; gender role; gender.

XXI век принес в сферу труда не только новые формы занятости, но и новые трудности, решать которые необходимо исходя из требований современной экономики и социальной жизни. Мы остановимся на одном из наиболее острых про-

¹⁵⁷ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00519 «Вызовы и риски формирования нового гендерного порядка и социальный механизм управления им в России».

¹⁵⁸ The research was funded by RFBR, project number 20-011-00519 “Challenges and risks of the formation of a new gender order and the social mechanism of its management in Russia”.

творечий, а именно – гендерном, и постараемся изучить особенности и место мужчин и женщин на современном рынке занятости и проанализировать возможные пути решения существующих конфликтов.

Если говорить наиболее общо, то все трудности, связанные с гендерными вопросами в сфере труда, можно выразить в одном словосочетании: гендерное неравенство. Однако, за этим понятием стоит большое количество более мелких, но не менее важных аспектов, таких как: проблема «стеклянного потолка»; смазанность гендерных ролей в семье; растущее внимание общественности и СМИ к частным случаям гендерной дискриминации; обилие гендерных стереотипов и многое другое.

Остановимся на некоторых из них подробнее и разберем их влияние на рынок занятости.

13. Проблема гендерной дискриминации на рынке занятости или «проблема стеклянного потолка».

Впервые этот термин ввели в обиход американские феминистки в 1980-х гг, и обозначает он отсутствие возможности у женщины занять высокий пост во время конкуренции с мужчиной при прочих равных условиях. И если феминистские настроения изменились с тех пор, то «стеклянный потолок» продолжает «нависать» над женщинами в трудовой сфере. По данным Росстата, большинство менеджеров и руководящих работников среднего звена – женщины, в то время как среди топ-менеджмента с большим отрывом преобладают мужчины.

Однако, по сравнению даже с развитыми странами Европы и Азии, позиция женщин-руководителей в России оказывается сильнее. По результатам исследования «Женщины в бизнесе 2015: путь к лидерству», проведенного международной сетью независимых аудиторско-консалтинговых фирм Grant Thornton International, Россия является лидером по количеству женщин, занимающих высшие управленческие позиции (40% от общего числа управленцев), в то время как, например, во Франции этот показатель 33%, а в Японии всего 8%¹⁵⁹.

В исследовании подчеркивается также существенная отраслевая дифференциация количества женщин-руководителей. Меньше всего дам в топ-менеджменте компаний, занимающихся добычей полезных ископаемых. Больше же всего женщин-руководителей в сферах образования, здравоохранения и в гостиничном бизнесе. В процентном соотношении распределение женщин-руководителей по

¹⁵⁹ Носкова Е. Россиянки стали лидерами среди топ-позиций в менеджменте // Российская бизнес-газета – карьера и менеджмент. №13 (992). URL: <https://rg.ru/2015/04/07/zhenschiny.html> (дата обращения: 21.08.2020).

отраслям выглядит следующим образом: образование и здравоохранение – по 41%, гостиничный бизнес – 33%, финансы – 25%, ретейл – 22%. Это пятерка отраслей-лидеров с женщинами на руководящих позициях, в других сферах гендерное распределение выглядит не столь оптимистично.

Тем не менее, по показателям заработной платы женщины все равно отстают от мужчин. По данным Росстата в 2017 г. средняя заработная плата женщин в России составляла 32 658 руб., а мужчин – 45 557 руб., в то время как удельный вес женщин в общей численности работников равнялся 53,9%¹⁶⁰.

14. Гендерные стереотипы в сфере труда.

Россия – страна с сильными и укоренившимися традициями и укладом, что отражается не только в образе жизни, но и во взглядах. Место и роль женщины – один из наиболее спорных вопросов, который распространяется не только на образ жизни в целом, но и на трудовую сферу.

Исходя из статьи 3 Трудового кодекса Российской Федерации в нашей стране запрещена дискриминация (в том числе гендерная) в сфере труда. Однако, если мы обратимся к сайтам с поиском работы и работников (например, hh.ru), то отдельной строкой у них проходит указание пола потенциального сотрудника. Предлагаемая заработная плата также разнится, что отражается в ее реальном эквиваленте (см. пример выше из данных Росстата).

За период 2017-2018 гг. на сайте Headhunter количество резюме по специализации «Бухгалтерия и финансы на предприятии», принадлежащих женщинам, составляет 15678, в то время как количество «мужских» резюме только 2856. В сфере «Медицины и фармацевтики» резюме, принадлежащих мужчинам, только треть, 1152 и 2287 соответственно. В профессиональной области «Наука и образование» количество «женских» резюме составляет 1692, а «мужских» 608¹⁶¹. Приведенные данные свидетельствуют о наличии крепко укоренившихся представлений о «женских» и «мужских» сферах труда и конкретных профессиях. Построить карьеру в «мужской» отрасли женщине даже в XXI веке практически невозможно.

Еще одним устойчивым гендерным стереотипом, препятствующим карьерному росту женщин, является их традиционная роль хранительницы домашнего очага и матери. Иными словами, работодатели охотнее принимают к себе в организацию мужчин, потому что они намного реже уходят в декретный отпуск, на больничный с ребенком и так далее.

¹⁶⁰ Женщины и мужчины России. 2018 : стат. сборник / Росстат. М., 2018. 241 с.

¹⁶¹ Ярославцева У.А. Гендерные стереотипы на рынке труда / Human progress. Том 5 № 5. С. 31-39.

15. Смазанность социальных ролей в семье.

Однако, несмотря на то, что в силу своей гендерной принадлежности женщинам труднее найти хорошую работу и получить повышение, в семье они также перестали получать привилегии, поскольку, начиная с советских времен, провозглашается равенство и партнерские взаимоотношения мужчин и женщин. Таким образом, мужчина-партнер все чаще ожидает от женщины равного вклада в доход семьи.

Современная женщина чувствует большое давление со стороны общества и обязательства в семье, что приводит к дисгармонии, стрессу и является одной из причин увеличившегося количества разводов (по данным Росстата, количество разводов, начиная с 2012 г. остается практически неизменным – в среднем 610 000, а количество браков неизменно падает).

Таким образом, гендерные роли остаются одними из основных в любой сфере деятельности и во многом определяют вектор развития рынка труда в современной России. Для искоренения гендерной дискриминации и преодоления гендерных стереотипов необходимо ориентироваться в первую очередь на объективные характеристики работника, а не его половую принадлежность.

Список литературы

1. Женщины и мужчины России. 2018: Статистический сборник / Росстат. М., 2018. 241 с.
2. Носкова Е. Россиянки стали лидерами среди топ-позиций в менеджменте // Российская бизнес-газета – карьера и менеджмент. №13 (992). URL: <https://rg.ru/2015/04/07/zhenschiny.html> (дата обращения: 21.08.2020).
3. Силласте Г.Г. Социальные транзисии и формирование нового гендерного порядка // Женщина в российском обществе. 2019. № 2. С. 3-16.
4. Ярославцева У.А. Гендерные стереотипы на рынке труда // Human progress. Том 5 № 5. С. 31-39.

А.В. Курочкин
ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет»
г. Санкт-Петербург, Россия

**ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ТЕХНОЛОГИЙ «УМНОГО ГОРОДА»
В УСЛОВИЯХ АРКТИЧЕСКИХ ТЕРРИТОРИЙ¹⁶²**

Аннотация. В статье представлены основные тренды развития умных городов и кратко проанализирована специфика их создания в арктической зоне. Автор указывает на основные вызовы и риски, с которыми приходится сталкиваться в этом процессе системе городского управления, уделяя особое внимание качеству устойчивости, понимаемой как результат постоянного процесса обновления, базирующегося на балансе динамических равновесий между системообразующими и системо-изменяющими процессами в городской инфраструктуре, сервисах, экосистеме и пр.

Ключевые слова: умные города; устойчивое развитие; урбанизация; городская инфраструктура; качество жизни.

A.V. Kurochkin,
Saint Petersburg State University
Saint Petersburg, Russia

**PROBLEMS OF DEVELOPMENT OF SMART CITY TECHNOLOGIES
IN THE ARCTIC TERRITORIES¹⁶³**

Abstract. The article presents the main trends in the development of smart cities and briefly analyzes the specifics of their creation in the Arctic zone. The author points to the main challenges and risks faced in this process, urban management, focusing on quality, sustainability, understood as the result of a continuous process of updates based on the balance of a dynamic equilibrium between systemically important and system-changing processes in urban infrastructure, services, ecosystem, etc.

Keyword: smart cities; sustainable development; urbanization; urban infrastructure; quality of life.

¹⁶² Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-011-00792 «Оценка социально-политических эффектов новых технологий городского развития в контексте современного этапа административной реформы РФ».

¹⁶³ The research was funded by RFBR, project number 19-011-00792.

Урбанизация и информационно-коммуникационная революция бесспорно стали ведущими глобальными трендами второй половины XX – начала XXI веков. Только за пятьдесят послевоенных лет (с 1950 по 1995 г.) количество агломераций с числом жителей более 1 млн человек выросло в 4 раза: с 83 до 325¹⁶⁴. К 2005 г. их число увеличилось еще почти в полтора раза – до 470. То же касается и роста т.н. супер-городов с населением более 10 млн человек. Их численность за аналогичный послевоенный период (1950-2000 гг.) выросла в 20 раз¹⁶⁵.

Дополнительными факторами роста влияния городов в современном мире стали процессы субурбанизации (разрастание пригородов в контексте развития агломераций) и рурурбанизации (реализуемая посредством распространения городского образа жизни на традиционные сельские территории).

Сверхбыстрый рост городского населения и последующая территориальная экспансия городов объясняется прежде всего стремлением людей к более высокому качеству жизни, увеличению шансов на образование, карьерный рост и повышение социального статуса: «Люди не просто хотят вырваться из нищеты; они хотят больше свободы, больше шансов на повышение качества жизни. Города обещают такие варианты и возможности и нередко выполняют свои обещания»¹⁶⁶. Отсюда, перенаселенные городские территории потребовали все более экономных, безопасных и в тоже время качественных, индивидуализированных услуг, а значит, использования всего комплекса технических достижений четвертой промышленной революции, что привело к появлению, развитию и практической реализации концепции «умного города».

Точное число умных городов и динамику их роста с момента появления в 1994 г. самого термина «smart city» определить сложнее, однако уже сегодня согласно авторитетному рейтингу Центра глобализации и стратегии Барселонской бизнес-школы IESE, к ним относятся как минимум 165 городов мира¹⁶⁷.

Согласно данным исследования Э. Эстевес, Н. Лопес и Т. Яновски, проведенного в 2016 г., различные проекты умных городов распределились по континентам следующим образом. Наиболее высокая концентрация в Европе – 37% и Юго-Восточной Азии – 28%. По 13% умных городов приходятся на территории

¹⁶⁴ Диков Я. А. Тенденции развития городских агломераций // Экономика и бизнес: теория и практика. 2017. № 7. С. 24-28.

¹⁶⁵ Марголин А. Развитие городских агломераций как фактор повышения глобальной конкурентоспособности государств // Государственная служба. 2015. № 6 (98).

¹⁶⁶ Цукерман Э. Новые соединения. Цифровые космополиты в коммуникативную эпоху. М.: Ад Маргинем Пресс, 2015. 336 с.

¹⁶⁷ 50 самых умных городов мира. Основные показатели SMART-города <https://www.archidizain.ru/2019/01/50-smart.html> (дата обращения: 03.09.2020).

Северной Америки и Африки. Наконец, в странах Латинской Америки сконцентрировано 9% умных городов¹⁶⁸.

Для арктических территорий, проживание на которых требует особой экономии ресурсов, более отзывчивого отношения к качеству предоставляемых услуг и значительной специфики обеспечения городской инфраструктуры, проблематика внедрения технологий «умного города» особенно актуальна: «Экономика северных регионов не может быть успешной без создания систем, способствующих генерации и внедрению новых знаний и технологий, при этом цифровые технологии создают новые возможности научно технологического развития»¹⁶⁹.

При этом, особая чувствительность природной среды, окружающей северные города, обязывает поддерживать баланс городской экосистемы, а значит ориентирует систему управления городом на принципы устойчивого развития. В традиционном ключе его определяли в терминах достижения стабильного баланса природосбережения и растущей динамики технологического прогресса. Однако, в современных условиях цифрового общества, устойчивость «следует скорее рассматривать не как инертность, либо жесткость системы, а скорее в синергетическом ключе, как результат постоянного процесса обновления, базирующегося на балансе динамических равновесий между системообразующими и системо-изменяющими процессами, определяющими траекторию развития национальной экономики»¹⁷⁰. Такой подход позволяет, во-первых, более точно осуществлять прогнозный анализ взаимовлияния технологических, социальных и экологических факторов в процессе реализации технологий умных городов, а во-вторых, рассматривать умные города не как автономные единицы, а как узловые компоненты макрорегиональной системы инновационного развития. Последнее особенно важно, поскольку только интегральный подход к городской и региональной политике в суровых условиях арктической зоны способен обеспечить устойчивый рост качества жизни населения.

Следующий важный момент, который следует учитывать в процессе планирования регионального и городского развития в арктической зоне – это выбор эффективной координационной структуры. Повторим, что в условиях Арктики

¹⁶⁸ Estevez E., Lopes N., Janowski T. Cities – Reconnaissance Study <https://www.semanticscholar.org/paper/Smart-sustainable-cities-%3A-Reconnaissance-Study-Estevez-Lopes/c3e7b26fe1e00f08b3c766a2201374cf2fd3df5f> (дата обращения: 03.09.2020).

¹⁶⁹ Детгер Г.Ф., Туккель И.Л. «Умная» цифровизация локальных инновационных экосистем Арктической зоны РФ // Инновации. 2018. № 11 (241). С. 30-35.

¹⁷⁰ Курочкин А.В. Кадровая политика как фактор инновационного развития в условиях вызовов новой глобализации // Современное российское общество: социально-политические тренды и вызовы: материалы конференции / под общ. ред. Т.С. Акоповой; Яросл. гос. ун-т им. П.Г. Демидова. Ярославль: ЯрГУ, 2019. С. 124-131.

необходим интегральный подход к развитию, сбалансированный как по территориальному, так и отраслевому принципам. Обеспечение такой интеграции требует внедрения кросс-муниципальной и, шире – кросс-региональной структуры координации взаимодействий. В качестве оптимальной представляется сетевая структура координации, обеспечиваемая различного рода ассоциациями, союзами, экспертными сетями и прочими формами кооперации, позволяющая сообща находить решение универсальных проблем макрорегиона и аккумулировать для этого различные ресурсы. В этом случае «умные города» могли бы стать хабами такой сети, предоставляющими интеллектуальный капитал и технологические решения для устойчивого развития арктических территорий.

Список литературы

1. Деттер Г.Ф., Туккель И.Л. «Умная» цифровизация локальных инновационных экосистем Арктической зоны РФ // *Инновации*. 2018. № 11 (241). С. 30-35.
2. Диков Я.А. Тенденции развития городских агломераций // *Экономика и бизнес: теория и практика*. 2017. № 7. С. 24-28.
3. Марголин А. Развитие городских агломераций как фактор повышения глобальной конкурентоспособности государств // *Государственная служба*. 2015. № 6 (98). С. 58-62.
4. Курочкин А.В. Кадровая политика как фактор инновационного развития в условиях вызовов новой глобализации // *Современное российское общество: социально-политические тренды и вызовы: материалы конференции / под общ. ред. Т.С. Акоповой*; Ярослав. гос. ун-т им. П.Г. Демидова. Ярославль: ЯрГУ, 2019. С. 124-131.
5. Цукерман Э. Новые соединения. Цифровые космополиты в коммуникативную эпоху. М.: Ад Маргинем Пресс, 2015. 336 с.
6. 50 самых умных городов мира. Основные показатели SMART – города. URL: <https://www.archidizain.ru/2019/01/50-smart.html> (дата обращения: 03.09.2020).
7. Estevez E., Lopes N., Janowski T. Cities – Reconnaissance Study. URL: <https://www.semanticscholar.org/paper/Smart-sustainable-cities-%3A-Reconnaissance-Study-Estevez-Lopes/c3e7b26fe1e00f08b3c766a2201374cf2fd3df5f> (дата обращения: 03.09.2020).

*Е.Е. Кутявина
ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет»
г. Нижний Новгород, Россия*

РИСКИ ЧЛЕНОВ СЕМЬИ, УХАЖИВАЮЩИХ ЗА ТЕРМИНАЛЬНЫМИ БОЛЬНЫМИ¹⁷¹

***Аннотация.** В статье рассматриваются риски и проблемы членов семьи, осуществляющих уход за тяжелыми, терминальными больными: изменение внутрисемейного общения, эмоциональные проблемы, необходимость усвоения навыков паллиативной медицинской помощи, финансовые издержки. Используются материалы НИРС, проведенного под руководством автора.*

***Ключевые слова:** терминальный больной; семья терминального больного; паллиативная медицина; эмоциональное выгорание; риски.*

*E.E. Kutyavina,
Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod, Nizhnij Novgorod, Russia*

RISKS FOR FAMILY MEMBERS CARING FOR TERMINAL PATIENTS¹⁷²

***Abstract.** The article deals with the risks and problems of family members caring for terminal patients: changes in family communication, emotional problems, the need to learn the skills of palliative care, financial costs.*

***Keywords:** terminal patient; family of terminal patient; palliative care; emotional burnout; risks.*

Отношение к безнадежно и тяжелобольным людям – одна характеристик цивилизованного общества. Ценности цивилизованного общества побуждают заботиться о больных, в некоторых случаях – в течение длительного времени и без надежды на полное или даже частичное исцеление. Особая категория тяжелобольных – терминальные больные. К таким людям относят:

- инкурабельных онкологических больных;
- больных, потерявших способность к передвижению и самообслуживанию вследствие различных заболеваний и травм;

¹⁷¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-411-520002 «Здоровьесбережение в практиках современной нижегородской семьи».

¹⁷² The research was funded by RFBR, project number 18-411-520002.

- больных в терминальной стадии ВИЧ-инфекции;
- больных с патологическим состоянием, не поддающимся коррекции и приводящим к тяжёлым нарушениям функции жизненно важных органов и систем, значительно ограничивающих социальную активность и др.¹⁷³ То есть, специфика заключается в том, что такие больные нуждаются в постоянном, ежедневном уходе, но почти не нуждаются в лечении, точнее, лечение не принесет результата. Они нуждаются только в заботе и паллиативной помощи. Паллиативная помощь – это подход, позволяющий улучшить качество жизни пациентов и их семей, столкнувшихся с проблемами угрожающего жизни заболевания¹⁷⁴. Это активная помощь пациентам, страдающим далеко зашедшим прогрессирующим заболеванием, основными задачами которой являются купирование боли и других симптомов, решение психологических, социальных и духовных проблем¹⁷⁵.

Уход за терминальными больными может быть организован по-разному. В настоящее время распространены следующие варианты:

Больницы сестринского ухода. Они предназначены для проведения курса поддерживающего лечения больным преимущественно пожилого и старческого возраста, одиноким, страдающим хроническими заболеваниями терапевтического, неврологического, хирургического или травматологического профиля и нуждающимся в медико-социальном уходе.

Хоспис (от англ. hospice) – медицинское учреждение, в котором больные с прогнозируемым неблагоприятным исходом заболевания получают достойный уход и обслуживание. Пациенты хосписов могут свободно общаться с родными и друзьями, пользоваться привычными, домашними вещами. Медицинский персонал оказывает паллиативную медицинскую помощь: больные могут получать кислород, обезболивающие, зондовое питание и т. п. Минимум врачей и максимум среднего и младшего медицинского персонала¹⁷⁶.

Семейный уход за больным. Это самый распространенный вариант, возлагающий на родственников большую ответственность и предполагающий существенную нагрузку на семью. В большинстве случаев один из родственников отказывается от других видов деятельности (прежде всего – трудовой) ради ухода за больным. Такой уход может продолжаться долго – месяцы и годы. «Методические реко-

¹⁷³ Модников О.П. [и др.]. Приводится по: Введение в паллиативную медицину: учебно-методическое пособие для студентов и врачей. Ульяновск: УлГУ, 2004. С. 48.

¹⁷⁴ Солодухина Д.П., Черных Л.Л. Роль родственников в уходе за хроническими больными // Социологические исследования. 2010. № 7. 83 с.

¹⁷⁵ Власова А.В., Краснова Л.С. Воробьев П.А. Современное состояние хосписной и паллиативной помощи в РФ и проблемы гериатрии // Клиническая геронтология. 2013. № 1-2. С. 40.

¹⁷⁶ Там же. С. 43.

мендации по организации паллиативной помощи» предполагают опору на семью больного, которая с одной стороны, является важнейшим субъектом паллиативной помощи, а с другой – нуждается в помощи и поддержке медицинских организаций. «Одного умирающего больного окружают 7-10 условно здоровых полноценных членов общества (родные, друзья, соседи, коллеги), которые находятся в разной степени тяжести психологической травматизации: чувство вины перед больным, чувство агрессии к медицине, депрессия, канцерофобия, суицидальные мысли, угроза потери рабочего места. Среди окружения больного формируется так называемый хронический дистресс (по некоторым данным, смертность среди близких родственников онкологического больного возрастает на 40%)»¹⁷⁷.

Организованная паллиативная помощь обеспечивает решение некоторых проблем, с которыми сталкивается семья тяжелобольного человека. Для достижения всеобщей доступности паллиативной помощи, безусловно, требуется наличие более широкого выбора таких организаций (или увеличение в них количества мест). Следует сказать о том, что специализированных центров психологической поддержки таких семей в Нижнем Новгороде не существует, но в рамках паллиативной помощи члены семьи могут получить консультацию психолога, необходимые навыки ухода за пациентом.

Для того чтобы выяснить, как изменилась жизнь семьи, в которой появился тяжелый больной, была проведена серия глубинных интервью. В опросе участвовало девять женщин и один мужчина (возрастом от 40 до 65 лет) имеющие опыт ухода за тяжело больным. У всех опрошенных этот опыт был в недавнем прошлом – от года до трех лет назад. Гайд интервью был разделен на четыре блока: первый блок был посвящен изменениям образа жизни тяжелобольного и его семьи; второй описывал жизнь и переживания человека, ухаживающего за нуждающимся; третий – изменения в отношениях среди близких и родственников; в четвертом блоке респонденты рассказывали об отношении к жизни и смерти.

Период ухода за больным люди чаще всего описывают фразами – «весь мой день», «24 часа в сутки», потому что за исключением работы или сна они находились с больным человеком. Люди чувствовали страх, неуверенность из-за отсутствия необходимых знаний о полноценном уходе и медицинском обслуживании лежачих больных.

«Все время я находилась дома, потому что не представляла степень тяжести её заболевания, поэтому мне было даже страшно выйти из дома и как её вообще оставить одну». (Женщина, 59)

¹⁷⁷ Эккерт Н.В., Новиков Г.А., Хетагурова А.К., Шарафутдинов М.Г. Методические рекомендации по организации паллиативной помощи. URL: <http://docs.cntd.ru/document/420258887> (дата обращения: 22.08.2020).

«...я просто сидела рядом с ним. Я не отходила от него, уезжала домой только спать. Хотя когда у него были сильные боли, когда он кричал и просил о помощи, я оставалась и на ночь». (Женщина, 55 лет)

Люди, которые берут на себя уход за тяжелым больным (в 9 из 10 случаев – женщины), на несколько месяцев полностью посвящали свою жизнь нуждающемуся. Можно говорить от тенденции освобождения их от своих основных обязанностей, большинство из них отказались от работы. Они либо сокращали свой рабочий день до 3–4 часов, либо брали больничный «по уходу», в редких случаях брали неоплачиваемый отпуск. В ходе исследования женщины чаще всего упоминали проблемы с работой, хотя понимали необходимость своего присутствия рядом с больным, не заикливались на этом.

Как бы тяжело «вынужденным сиделкам» не было, все они твердили о том, что это их долг. Решение о том, кто будет ухаживать, не было логическим, рациональным, семьи не пытались оценить, без чьего заработка лучше обойтись, или кто лучше справится. Скорее, принятие такого решения имело ценностную основу. Один из членов семьи решал – *«это должна быть я»*. Происходило это даже в том случае, если родственники не были близки до болезни. Отказываясь от своих основных обязанностей, они на несколько месяцев добровольно становились круглосуточными сиделками. Трудностями, которые упоминали семьи, располагаются в следующем порядке: моральные страдания, отказ от работы (семьи, детей), нехватка знаний, навыков и умений по уходу за тяжелобольным человеком, капризы инвалида, денежный вопрос.

Микроклимат, отношения в семье меняются, углубляются – близких людей кризис сплотил, «приходящих» родственников отдалил. Взаимоотношения между человеком, который ухаживает и тяжелым больным, становятся наиболее близкими, выстраиваются отношения «материнско-детского» типа. «Мать» выполняет любые капризы больного, не обращает внимания на истерики, жалеет, сочувствует, разделяет все его чувства и эмоции.

Несмотря на то, что всех случаях уход за тяжело больным осуществлялся не менее года назад, до сих пор воспоминания о нем вызывают сильные эмоции, размышления о совести, ответственности, о жизни и смерти. Это неудивительно, учитывая, что уход за тяжелобольным завершался его смертью.

Список литературы

1. Солодухина Д.П., Черных Л.Л. Роль родственников в уходе за хроническими больными // Социологические исследования. 2010. № 7. С. 83-88.
2. Эккерт Н.В., Новиков Г.А., Хетагурова А.К., Шарафутдинов М.Г. Методические рекомендации по организации паллиативной помощи. URL: <http://docs.cntd.ru/document/420258887> (дата обращения: 22.08.2020).

3. Модников О.П. [и др.]. Введение в паллиативную медицину: учебно-методическое пособие для студентов и врачей. Ульяновск: УлГУ, 2004.
4. Власова А.В., Краснова Л.С. Воробьев П.А. Современное состояние хосписной и паллиативной помощи в РФ и проблемы гериатрии // Клиническая геронтология. 2013. № 1-2. С. 40-47.

УДК 316.42 / ББК 60.561.3

*В.К. Левашов, О.П. Новоженина
Институт социально-политических исследований
Федерального научно-исследовательского социологического
центра РАН, г. Москва, Россия*

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ РИСКИ ПАНДЕМИИ КОРОНОВИРУСА И ИМПЕРАТИВЫ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ¹⁷⁸

Аннотация. Автор анализирует социально-политические риски, причины и последствия пандемии коронавируса протекающей в нашей стране и мире. Обосновываются предпосылки формирования актуальной политической культуры общества и государства. Доказывается неизбежность проявления императивов устойчивого развития.

Ключевые слова: пандемия коронавируса; социально-политические риски; политическая культура; императивы устойчивого развития.

*V.K. Levashov, O.P. Novozhenina
Institute of Socio-Political Research of Theoretical &
Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia*

SOCIAL AND POLITICAL RISKS OF THE CORONAVIRUS PANDEMIA AND IMPERATIVE OF SUSTAINABLE DEVELOPMENT¹⁷⁹

Abstract. The author analyzes the socio-political risks, causes and consequences of the coronavirus pandemic ongoing in our country and the world. The formation of the

¹⁷⁸ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00013.

¹⁷⁹ The research was funded by RFBR, project number 20-011-00013.

current political culture of society and the state are studied. The inevitability of manifestation of the imperatives of sustainable development is proved.

Keywords: *coronavirus pandemic; socio-political risks; political culture; imperatives of sustainable development.*

Российское общество и государство, мировая цивилизация выходят из режима чрезвычайной ситуации, причинами которой стали COVID-пандемия и спровоцированный ею мировой экономический обвал. Кризисные явления приняли в нашей стране и международном сообществе системный характер, важнейшие сферы жизнедеятельности глобального и российского социумов не смогли соответствовать и сегодня не отвечают критериям, целям и режимам устойчивого развития мировой цивилизации. Научный анализ сложившейся проблемной ситуации показывает, что первопричиной беспрецедентного после II мировой войны цивилизационного кризиса стало социально бесконтрольное вмешательство в природную среду в целях расширения мировых рынков и максимизации прибыли. В своей познавательной и производственной деятельности ученые, политики и предприниматели не осознали возникающие и растущие угрозы, нарушили императивы безопасного коэволюционного взаимодействия социума, техносферы и биосферы и создали предпосылки возникновения пандемии, которая, в свою очередь, спровоцировала глобальные экономические, политические, социальные и демографические критические эффекты. Круг саморазрушительных действий замкнулся и результировался в глобальном системном COVID-кризисе. Политическая культура цивилизации в единстве теории и практики пока не смогла выработать и предложить релевантный условиям жизнедеятельности наций, государств, бизнеса и ТНК курс и режим устойчивого развития. Социально-политические риски биотехнологической безопасности продолжают возрастать и требуют введения международных стандартов и контроля.

Проблемная ситуация COVID-кризиса дополняется стратегическими вызовами фундаментального характера на национальном и глобальном уровнях: усиливающимися дисфункциями неолиберальной модели экономики массового потребления во многих сферах жизнедеятельности глобального и национальных социумов; стагнацией процессов реализации российских национальных проектов; отложенной структурной и технологической перестройкой российской экономики и отсроченной социальной модернизацией политической институциональной структуры государства. Положение усугубляется тем, что COVID-кризис придется преодолевать на фоне растущих дисфункций мировых организаций и институтов ООН.

Фундаментальные и эмпирические исследования социально-политических и демографических аспектов развития современного российского общества и мировой цивилизации в условиях сочетания факторов COVID-кризиса и становления нового технологического уклада объективно опосредуются и коррелируются с взрывным повышением роли науки и цифровых технологий. Мифологические и религиозные формы общественного сознания оказались бессильны перед биологической угрозой и глобальной инфраструктурой её распространения. Научный метод мышления стал решающим фактором, обоюдоострым мечом созидания и разрушения, который даёт возможность открыть или закрыть двери в будущее для всей мировой цивилизации или только для её финансово-спекулятивной элиты. COVID-кризис убедительно продемонстрировал, как триумф человеческой мысли и технологии в биологической науке и геномной инженерии может превратиться в трагедию глобальной техногенной катастрофы из-за отсутствия или деформации политической культуры. Императивы контрдействий требуют срочного поиска конвергентных естественнонаучных, социальных и гуманитарных методов и практик комплексного разрешения внешних и внутренних социальных и социально-политических противоречий. COVID-кризис стал моментом истины политической культуры устойчивого развития нашей планеты. Он обнажил и обострил противоречия в глобальном социуме. По своему воздействию на все стороны жизнедеятельности и значения для будущего он стал событием и феноменом всемирно-исторического и всемирно-политического масштаба. По существу, он поставил вопрос о качественном перерождении политики как вида человеческой деятельности. Политика из искусства возможного для реализации интересов меньшинства стала перерождаться в науку необходимого политического действия для реализации интересов большинства граждан. В этой формуле суть диалектики транзита политического процесса. COVID-кризис показал ограниченный функционал денег. Все богатства и деньги мира оказались беспомощны перед коронавирусом. Деньги, которые на протяжении веков умножались в тишине банков для немногих, в условиях прозрачности транзакций в цифровую эпоху с одной стороны остаются инструментом измерения и мотиватором диспаритетов, а с другой – универсальным цифровым эквивалентом возможностей ликвидации неравенств в целях достижения устойчивого развития.

Современное мировое сообщество в различных формах своей жизнедеятельности начинает тяготеть к апробированным веками ценностям и практикам цивилизации, гражданского общества. Нормы права мирной жизни, политическая культура устойчивого развития, сплав знаний, ценностей и практик граждан и политической элиты составляют научный базис представления о счастливом будущем, доминируют над хаосом и дикостью деградации войны и насилия. С

конца XX века идеи и результаты устойчивого развития находятся в центре внимания ученых и политиков в нашей стране и за рубежом. За этот период мы пережили несколько своеобразных бумов и спадов интереса. Термин «sustainable development» выдержал испытание временем и не исчез со страниц научной периодики. Продолжается ожесточенная полемика за выгодное каждому участнику этих научных и не очень научных дискуссий понимание этого термина. Суть проблемы заключается в том, что за этими двумя словами скрываются колоссальные материальные и финансовые интересы, которые и формируют различные научные и политические взгляды по поводу смысла и содержания устойчивого развития общества и государства. В то же время существует ядро идей, которое признается всеми участвующими в общественном дискурсе сторонами, и которое было бы правильно называть парадигмой устойчивого развития [Левашов, 2013]. Для того чтобы понять взаимодействие и противостояние, открытую и латентную борьбу этих идей, необходимо проследить генезис взглядов на устойчивое развитие.

Системный подход к анализу явлений в природе и обществе интенсивно развивается в последние десятилетия. В теории устойчивости под ним понимают сложную многомерную систему знаний. Информация из различных областей и сфер научной деятельности интегрируется в относительно простую модель, показывающую с помощью математических методов и компьютерных технологий развитие того или иного процесса [Sustainability: A systems approach, 1996]. В настоящее время в сфере теоретического знания условно можно выделить три главных подхода в конструировании моделей устойчивого развития: ресурсный, биосферный, интегративный. Социокультурные и, в частности, социально-политические аспекты присутствуют в этих подходах в скрытой, имплицитной форме. Такое объединение научных усилий математиков, «естественников», социологов, «гуманитариев», экономистов, «управленцев» произошло после того, как по мере изучения накопившихся к XX веку проблем стало ясно, что ситуация на нашей планете имеет сложный характер нелинейных отношений в системе «человек—общество—природа» и требует комплексного анализа и соединения усилий ученых разных специальностей. Генезис и последствия COVID-кризиса убедительно продемонстрировали и доказали политическому и научному сообществам объективную неизбежность междисциплинарных императивов новой политической культуры устойчивого развития.

Список литературы

1. Левашов В. К. Российское государство и общество в период либеральных реформ. М.: ЮРАЙТ, 2019. 356 с.
2. Sustainability: A systems approach: Anthony M.H. Clayton and Nicholas J. Radcliffe. London: Earthscan Publications Limited, 1996. Pp. xiv + 258.

*А.А. Маковский
ФГБОУ ВО «Псковский государственный университет»
г. Псков, Россия*

КОНФИГУРАЦИИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ВЛАСТИ С РЕЛИГИОЗНЫМИ ОРГАНИЗАЦИЯМИ В НИЖНЕМ ПОВОЛЖЬЕ¹⁸⁰

Аннотация. В статье рассматриваются различные формы взаимодействия органов государственной власти с религиозными организациями. Автором выделяются три формы конфигурации: социальное партнерство, нейтральное, исключение религиозной экстремистской направленности. Социальное партнерство направлено на предупреждение и разрешение социальных проблем.

Ключевые слова: религиозная безопасность; социальное-партнерство; государственно-конфессиональные отношения; религиозные организации.

*A.A. Makovsky
Pskov state University, Pskov, Russia*

CONFIGURATIONS OF GOVERNMENT INTERACTION WITH RELIGIOUS ORGANIZATIONS IN THE NIZHNEM POVOLZH'E¹⁸¹

Annotation. The article deals with various forms of interaction between state authorities and religious organizations. The author identifies three forms of configuration: social partnership, neutral, and exclusion of religious extremist orientation. Social partnership is aimed at preventing and resolving social problems.

Keywords: religious security; social partnership; state-confessional relations; religious organizations.

С развитием институтов гражданского общества в Российской Федерации происходит изменение значения религиозного сектора для политической системы. Так, в политическом пространстве религиозные институты обладают определен-

¹⁸⁰ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-011-00389 «Религиозная безопасность в Нижнем Поволжье: современное состояние и технологии стабилизации».

¹⁸¹ The research was funded by RFBR, project number 19-011-00389.

ным политическим значением и структурно оформлены в качестве религиозных групп, организаций, объединений.

В рамках исследования религиозных субъектов политики нами был произведен экспертный опрос руководителей региональных органов государственной власти (Саратовская, Волгоградская, Астраханская области) в чью компетенцию относится проведение вероисповедной политики, правоохранительных органов. На основе полученного материала можно сделать вывод, о том, что в Нижнем Поволжье сложилась определённая конфигурация взаимодействия власти с религиозными организациями.

Прежде всего, следует отметить, что в регионе появляются деструктивные – экстремистские и террористические религиозные группы (Таблиги Джамаат), религиозные организации деструктивного толка (Церкви сайентологии), которые ввиду своей деятельности находятся с властью в системе противодействия.

Террористические акты в Волгограде были совершены 29 декабря 2013 г. в здании железнодорожного вокзала станции Волгоград (в результате теракта погибло 18 человек, 45 ранено) и 30 декабря 2013 г. в троллейбусе маршрута №15А в Дзержинском районе Волгограда (погибли 16 человек, пострадали 25)¹⁸².

В 2014 г. террористическая группа «Ансар аль-Сунна» взяла на себя ответственность за совершение теракта. Уже в 2017 г. пять жителей города Палласовка Волгоградской области, были признаны виновными в вербовке в террористическую организацию «Исламское государство» для участия в боевых действия в Сирии. Члены так называемого «Палласовского джамаата» также планировали совершить теракты¹⁸³.

Безусловно, в Нижнем Поволжье существуют религиозные институты, занимающиеся узконаправленной вероисповедной деятельностью, слабо участвующие в общественно-публичной сфере региона (Евангелическо-лютеранская церковь Ингрии, Евангелическо-лютеранская община, Епархия Св. Климента Римско-католической церкви, иудейская община). Они по своей сути являются нейтральными для политической системы, при этом стремятся к партнерским отношениям.

Особую группу религиозных организаций представляют институты, которые активно включены в социально-политическое пространство Нижнего Поволжья, артикулирующие в нем свои интересы – религиозные партнеры государства.

Сегодня автономность политических и религиозных институтов постепенно усложняется социально-политическим партнерством. Данное взаимодействие является частью нового социального партнерства (НСП) между государством и

¹⁸² Теракт на вокзале в Волгограде: десятки погибших и раненых. URL: <https://ria.ru/20131229/987096748.html> (дата обращения: 01.08.2020).

¹⁸³ Радикальная исламистская группировка «Ансар аль-Сунна» взяла на себя ответственность за теракты в Волгограде. URL: <https://echo.msk.ru/news/1241440-echo.html> (дата обр. 01.08.2020).

неполитическими субъектами для решения тех проблем, в которых административные методы не всегда эффективны.

Религиозные партнеры государства представляют собой юридически оформленные в установленной форме религиозные структуры, содействующие региональным органам власти и органам местного самоуправления в решении острых социальных задач, процессе гармонизации общественных отношений, а также возможности самостоятельно представлять и отстаивать свои интересы в публичной сфере.

За период работы Советов по взаимодействию с национальными и религиозными объединениями при руководителях Саратовской, Астраханской, Волгоградской областей сформировался определенный ряд религиозных организаций, который можно отнести к партнерам государства.

Об этом свидетельствует привлечение религиозных практиков к работе в Совете, а также опыт сотрудничества. Сайты Правительств субъектов РФ в разделе «Гражданское общество» представляет карту социальных проектов религиозных организаций, с которыми региональные органы государственной власти и органы местного самоуправления находятся в системе взаимодействий. Так, религиозными партнерами государства в Саратовской области, по нашему мнению, являются: Саратовская Митрополия РПЦ (МП), Духовное управление мусульман Саратовской области, в Волгоградской области – Волгоградская митрополия РПЦ (МП), Духовное управление мусульман Волгоградской области, в Астраханской области – Астраханская Митрополия РПЦ (МП), Региональное духовное управление мусульман Астраханской области.

Среди удачных примеров реализации социально партнерства следует выделить проповеди религиозных лидеров, направленных на пропаганду толерантности, формирование гражданской идентичности, критику терроризма и радикализации религии. В Нижнем Поволжье существуют удачные социальные проекты: «Православные врачи», «Православные сестры милосердия», «Исламская мозаика», религиозные детские лагеря отдыха.

Таким образом, в Нижнем Поволжье по степени участия в региональном политическом процессе религиозные институты имеют партнерский, нейтральный и деструктивный статус. Религиозными партнерами государства являются религиозные организации, публично выражающие свои интересы и включенные в социально-политическое пространство региона.

Список литературы

1. Маковский А.А. Государственно-конфессиональные отношения в региональном политическом процессе : на примере Саратовской области: дис. ... кандидата политических наук: 23.00.05. Калининград, 2018.

2. Слобожникова В.С. Концептуализация угроз религиозной безопасности в исследовательских практиках современной России // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2019. № 6 (131). С. 256-262.
3. Суслов И.В., Маковский А.А. Современные тенденции в области исследования религиозной безопасности в Нижнем Поволжье // Вестник Поволжского института управления. 2019. № 4. С. 99-105.

УДК 316.42 / ББК 60.526

К.О. Малинина, Т.А. Блынская
ФГБУН Федеральный исследовательский центр комплексного изучения
Арктики имени академика Н.П. Лаверова УрО РАН
г. Архангельск, Россия

**ТРАЕКТОРИИ ПОВЕДЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ АЗРФ
В ПЕРИОД САМОИЗОЛЯЦИИ¹⁸⁴**

Аннотация. В статье приведены результаты исследований, посвященных изучению повседневных практик россиян в период пандемии и данные контент-анализа социальных сетей среди пользователей, проживающих на территориях АЗРФ.

Ключевые слова: пандемия; самоизоляция; коронавирус; АЗРФ; Арктика.

К.О. Malinina, T.A. Blynskaya
N. Laverov Federal Center for Integrated Arctic Research of the Ural Branch
of the Russian Academy of Sciences, Arkhangelsk, Russia

**BEHAVIOR TRAJECTORIES OF THE POPULATION OF THE RUSSIAN
ARCTIC DURING THE PERIOD OF SELF-ISOLATION¹⁸⁵**

Abstract. The article presents the results of studies devoted to the study of the everyday practices of Russians during the pandemic and data of content analysis of social networks among users living in the territories of the Russian Arctic.

Keywords: pandemic, self-isolation, coronavirus, arctic zone of Russia, Arctic.

¹⁸⁴ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00016 «Влияние межпоколенных различий ценностных ориентаций населения Арктической зоны Российской Федерации на экономическое развитие её территорий».

¹⁸⁵ The research was funded by RFBR, project number 20-011-00016.

По ожиданиям специалистов, самоизоляция будет разворачиваться в три этапа: на первом этапе страны входят в режим самоизоляции, затем выходят из него и наконец, полностью прекращают практику самоизоляции, при появлении адекватного медицинского средства. Несмотря на переход ко второму этапу и появление первых признаков восстановления, по-прежнему остается риск возникновения второй волны заражений и возвращения мер самоизоляции¹⁸⁶.

По данным исследования ВЦИОМ¹⁸⁷ ситуация пандемии меняет повседневные практики россиян: 84% опрошенных перестали видеться с друзьями, 69% – с пожилыми родственниками, 80% отказались от прогулок.

Досрочное начало каникул, а затем и вообще переход на дистанционную форму, как среднего, так и высшего образования внес существенные изменения в образовательные практики как самих учащихся (студентов), учителей (преподавателей), так и родителей, особенно в начальной школе. Почти поровну разделились доли тех родителей, кто стал больше времени проводить с детьми в связи с самоизоляцией (48%), и тех, кто проводит с ними столько же времени, как и раньше (46%). Говоря о досуге своих детей от 7 до 17 лет на самоизоляции, россияне сообщают, что они стали больше времени уделять школьному обучению (39%), компьютерным и настольным играм (35%), ведению домашнего хозяйства (26%), а также самообразованию (23%) и чтению книг (23%).

Увеличение нагрузки на преподавателей в связи с переходом на дистанционный формат обучения отметили 55% студентов. Более половины студентов оценили уровень преподавания в дистанционном формате как высокий или скорее высокий – 53%, 62% родителей выпускников 11-х классов отметили увеличение учебной нагрузки на ребенка. Доля родителей учеников 11-х классов, удовлетворенных организацией дистанционного образования составила 44%, среди учащихся колледжей и техникумов об этом сообщают 74%, а среди студентов вузов – 72%.

Приведем данные, полученные в результате проведения контент-анализа социальных сетей (ВКонтакте, Instagram, Facebook, Twitter) ряда регионов АЗРФ в период самоизоляционных мер.

Общими темами для обсуждения в социальных сетях жителей всех регионов стали вопросы – как в ситуации пандемии можно долететь или доехать до других городов, возвращают ли деньги за сдачу билетов, где оформить пособия, где купить тот или иной товар, кто оказывает парикмахерские услуги и т.д.

¹⁸⁶ Гопинат Г. Великая самоизоляция с глобальной точки зрения // Международный валютный фонд. 2020. URL: <https://www.imf.org/ru/News/Articles/2020/06/16/blog061619-the-great-lockdown-through-a-global-lens> (дата обращения: 12.07.2020).

¹⁸⁷ Коронавирус меняет повседневные практики россиян // ВЦИОМ. 2020. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=10230> (дата обращения: 05.07.2020).

В социальных сетях среди пользователей, проживающих в Красноярском крае, в большинстве комментариев и постов не наблюдается угнетающей обстановки, в высказываниях чувствуется легкая ирония, люди делятся смешными картинками и шутками про пандемию. Болезнь начинают обсуждать только под постами, которые посвящены коронавирусу или новым мерам на карантине. Отношение к карантину неоднозначное: кто-то утверждает, что это бесполезно и нет никакого вируса, другие наоборот обеспокоены. Обсуждаются социальные инициативы: депутат передал жильцам дома, закрытого на карантин, продуктовые наборы; волонтерский штаб каждую неделю получает свежие газеты и доставляет их пожилым гражданам; в крае успешно работает Всероссийская акция взаимопомощи #МыВместе для поддержки пожилых людей, вынужденных оставаться дома в условиях распространения коронавируса.

Анализ высказываний в соцсетях жителей Мурманской области показывает, что большая часть комментаторов демонстрирует усталость от необходимости находиться на самоизоляции. Многие не выдерживают «сидеть дома» и рассказывают, что выходят на прогулку, так как уже «медленно сходят с ума», устают от бездействия и однообразности. Лишь малая часть пользователей социальных сетей показывают, что довольны сложившейся ситуацией, так как могут отдохнуть от повседневной суеты рабочих будней и заняться, наконец, дома любимыми вещами. Нередки также сообщения с осуждением безответственности граждан, которые не воспринимают ситуацию всерьез.

В городах, где режим самоизоляции строже, люди ощущают определенное давление из-за невозможности привычного времяпровождения. В отдаленных районах области режим не такой жесткий, население имеет возможность проводить время на природе. Но, тем не менее, многих пугает информация из СМИ по статистике заболеваемости и падению экономики. По большому счету, не столько сама пандемия угнетает людей, сколько последствия от нее.

В Ямало-Ненецком автономном округе пользователи социальных сетей высказывают недовольство такими факторами как: отсутствие поощрений сотрудникам немедицинских служб; нехватка медицинского персонала; отсутствие или поздняя начала стройки зданий под инфекционные отделения; отсутствие гражданской ответственности населения в период введения масочного режима, статистика, вводящая в заблуждение; низкий уровень контроля соблюдения принятых норм;. Среди комментаторов встречаются и те, кто полностью одобряет действия властей и призывает к гражданской ответственности, однако их значительно меньше.

Анализ социальных сетей Чукотки показал, что большая часть пользователей рассматривает период пандемии как время, которое можно провести дома и за-

няться разного рода отложенными делами, новыми хобби, прогулками на природе. Небольшая часть пользователей высказывают сомнение в реальности существования коронавируса, настроены по большей части негативно и демонстрируют усталость от режима самоизоляции.

В Архангельской области и республики Коми многие пользователи высказывают недовольство тем, что не все соблюдают режим самоизоляции; не используют средства индивидуальной защиты; во многих торговых точках не соблюдаются меры предосторожности: большинство продавцов работают без масок и перчаток, не везде производится дезинфекционная обработка, покупателями не соблюдается социальная дистанция и т.д.

Часть комментаторов социальных сетей из Архангельской области, высказывают мнение о том, что режим самоизоляции – это политический ход, он введен для того, что «под шумок» принять новые законы, внести изменения в политическую сферу и пр., а статистика, которая вынесена на всеобщее обозрение, является недостоверной и значительно заниженной.

Работа выполнена при поддержке РФФИ, грант № 20-011-00016 «Влияние межпоколенных различий ценностных ориентаций населения Арктической зоны Российской Федерации на экономическое развитие её территорий».

Список литературы

1. Гопинат Г. Великая самоизоляция с глобальной точки зрения // Международный валютный фонд. 2020. URL: <https://www.imf.org/ru/News/Articles/2020/06/16/blog061619-the-great-lockdown-through-a-global-lens> (дата обращения: 12.07.2020).
2. Коронавирус меняет повседневные практики россиян // ВЦИОМ. 2020. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=10230> (дата обращения: 05.07.2020).

УДК 316.4 / ББК 60.5

*Petia Mankova**UIT The Arctic University of Norway, Norway*

**EVERYDAY RISKS ON SVALBARD:
THE CASE OF POLARKLOKKEN: CHANGING PERCEPTIONS
FROM A FEMINIST PERSPECTIVE**

Abstracts. The paper discusses the role of the women's association "Polarklokken" in the life of the coalmining community Ny Ålesund on Svalbard in the period of its existence from 1949 to 1963. The main argument is that the association served as a safety net around the members of the community and had an alleviating function in front of the everyday risks and hardships they were exposed to.

Keywords: Svalbard; women's organisation; welfare; community.

On 25 October 1949, a women's association was established in the mining settlement of Ny Ålesund on the Svalbard Archipelago. The initiative taker was Mrs Randi Arntzen, the wife of one of the managers of the coalmine. The members of the association were the wives of the so-called functionaries (the management), office workers in the mining company and nurses in the hospital. The idea was to gather weekly and to work for a good cause. The name *Polarklokken* (The Polar Bell) was given after the first project – to collect money for a church bell in Ny Ålesund. The association existed until 1963 when the coalmines were closed after one of the most serious accidents in the coalmining industry, the King's Bay accident, when 21 miners lost their lives.

The women's association was active in the winter period from October to March – April when there was no navigation and the number of the members was constant around twenty. The members in the association changed often from year to year as many of the women did not stay on Svalbard for more than one year. However, the association's existence suggests that there was a sensible need for social activities among the around 200 inhabitants of Ny Ålesund.

The argument of the paper is that the women's association *Polarklokken* was a response to the constant risks of living and working under extreme conditions in the mining society on Svalbard. The weekly meetings were at first sight housewife gatherings with handicrafts, coffee and cakes. Nevertheless, they represent a grassroots form for risk alleviation and coping with the harsh conditions of living in Arctic environment.

The activities of the women's association *Polarklokken* were mostly directed to the welfare of the community in Ny Ålesund, such as organizing annual bazaars and Christmas parties. The association generated income by selling cakes and handicrafts, and organizing tombola and already in 1951 they reported that the bell was bought and a bell tower was under construction. The next year, in 1952 the association provided financial support for the children of the killed in a mining accident miners. Ny Ålesund is also the settlement where most of the deadly accidents in coalmining took place. In 1948 fifteen men died after an explosion in the coalmine. On 7 January 1952 fifteen men died in two different accidents. On 19 March 1953, nineteen men died in an explosion accident in one of the coalmines. On 5 November 1962, twenty-one men died in the so-called Kings Bay accident that also led to the closing of the mines. Besides the accidents in the mines, there were also deadly accidents with weapons, attacks by predatory animals, accidents caused by alcohol consumption.

The activities of *Polarklokken* could be thus seen as an epiphenomenon of the risks of working in the coalmine and in the harsh conditions of an isolated community. These initial forms of social help and community care on Svalbard have later been institutionalized through welfare committees and insurance regulations. The paper argues that the activities of the women's association can be considered a political project and have been important for shaping further the social policies in the Norwegian settlements on Svalbard. By tracing the biographies of some of its members and their further involvement in social projects it is possible to argue that *Polarklokken* had further political reverberations in the society: some of them became active in the Norwegian Labor Party, others in questions around the elderly care, etc.

The engagement and the role of the women in the development of viable communities on Svalbard are largely unrecognized. However, many individuals have recognized the importance of the comfort and consolation offered by members of *Polarklokken*. The case of the women's association *Polarklokken* can serve as a starting point to look at the existing grassroots forms of comfort and consolation in the everyday life in the Svalbard communities and in what way policies are to be shaped in the increasing shift-work settlements in the Arctic.

References

1. Archival materials: P-0423 – Kvinneforeningen Polarklokken, Møteprotokoll 1949-1963. Statsarkivet i Tromsø
2. Hanoa, Rolf. 1993. *Kings Bay Kull Comp. A/S 1917-1992*. Oslo: Schibsted.
3. Kristensen, Monica. 2013. *Kings Bay-saken*. Oslo: Forlaget Press.

УДК 316.4.063.6 / ББК60.561.7

Д.И. Марков
ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве
Российской Федерации», г. Москва, Россия
Научный руководитель: О.А. Александрова
ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве
Российской Федерации», г. Москва, Россия

**ОПАСЕНИЯ МОСКОВСКИХ СТУДЕНТОВ
В ОТНОШЕНИИ СИСТЕМЫ НЕГОСУДАРСТВЕННОГО
ПЕНСИОННОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ**

Аннотация. В статье представлены результаты социологического исследования установок московских студентов в отношении индивидуальных пенсионных накоплений. Выявлены уровень готовности и основные опасения московских студентов относительно участия в новом инструменте пенсионного страхования – т.н. гарантированном пенсионном плане.

Ключевые слова: риски; молодежь; пенсия; негосударственное пенсионное обеспечение; гарантированный пенсионный план.

D.I. Markov
Financial University under the Government of the Russian Federation”
Moscow, Russia
Academic supervisor: O.A. Alexandrova
Financial University under the Government of the Russian Federation”
Moscow, Russia

**MOSCOW STUDENTS' CONCERNS ABOUT
THE NON-STATE PENSION SYSTEM**

Abstract. The article presents the results of a sociological study of Moscow students' attitudes towards individual pension savings. The readiness and main concerns of Moscow students to participate in the new tool of pension insurance, the so-called guaranteed pension plan, are revealed.

Keywords: risks; youth; pension; non-state pension provision; guaranteed pension plan.

«При этом продают, как правило, клон какого-нибудь клона, только слова подбирают другие, чтобы узнать было трудно...»

Виктор Пелевин *«Тайные виды на гору Фудзи»*

Согласно данным Федеральной службы государственной статистики (ФСГК) численность пенсионеров в России на 1-е января 2020 года составила 43,546 млн. человек, что на 2,09 млн. больше по сравнению с началом 2015 года. Выход на пенсию – неизбежная часть жизненного пути, однако далеко не для каждого она окажется беззаботной. На текущий момент пенсию по старости получают 36,341 млн. человек, средний размер которой составляет 15.878 руб. при прожиточном минимуме в 9.311 руб. Исходя из средней заработной платы в 49.587 рублей коэффициент замещения продолжает оставаться на уровне 30-32%, что ниже установленных международных стандартов. Покупательская способность пенсии находится на уровне 1,6-1,7 прожиточного минимума, что значительно меньше, чем у ведущих стран Западной Европы и Северной Америки.

В сложившейся ситуации государство всё активнее демонстрирует свой интерес к «подталкиванию» населения в сторону инструментов *добровольного негосударственного* пенсионного страхования. Примером этому служат как ранние попытки: создание системы негосударственного пенсионного обеспечения в 1998 году и введение государственного софинансирования пенсии в 2008 году, так и относительно недавний (29 октября 2019 года) анонс «гарантированного пенсионного плана», внедрение которого планируется в срок не ранее середины 2021 года¹⁸⁸.

Участие в ГПП подразумевает ряд привилегий: *во-первых*, налоговый вычет НДФЛ на сумму взноса в ГПП; *во-вторых*, возможность наследования накопленных средств (право собственности на накопления); *в-третьих*, право снять всю сумму накоплений в случае особых обстоятельств; и, *в четвертых*, государственные гарантии номинальной сохранности накоплений. Помимо этого, предлагаются возможности а) самостоятельно определять размер взносов (фиксированный взнос или определенный процент), б) поменять НПФ и в) оформить «каникулы» до 5 лет.

С учетом длительности срока формирования накоплений (30 и более лет) наиболее приоритетной целевой аудиторией для ГПП видится молодое поколение в

¹⁸⁸ См. проект ФЗ «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации по вопросам негосударственного пенсионного обеспечения». URL: <https://regulation.gov.ru/projects#npa=95019> (дата обращения: 20.08.2020).

возрасте от 20 до 30-35 лет. Исходя из этого, исследовательский интерес состоял в поиске ответа на вопрос, как молодежь относится к новому инструменту, в частности, готова ли участвовать в ГПП, как оценивает предпочтения и надежность, а также, какие риски в нем усматривает. С этой целью было проведено социологическое исследование методом анкетного опроса, выборку которого составили 400 студентов московских ВУЗов в возрасте от 18 до 30 лет. На каждые 100 респондентов была собрана фокус-группа для получения дополнительных интерпретаций.

Опрос показал, что ГПП, как новый инструмент формирования индивидуальных пенсионных накоплений, в перспективе может вызвать интерес лишь у трети московских студентов (6% опрошенных готовы к участию в ГПП, а 33% – скорее готовы к участию)¹⁸⁹. При этом, среди желающих участвовать в ГПП, основная часть готова отчислять до 5-6% от своей заработной платы (1-2% от заработной платы – 14% респондентов; 3-4% от заработной платы – 28,5% и 5-6% от заработной платы – 34% опрошенных). Нежелание населения участвовать в добровольных накопительных схемах, предполагающих взаимодействие с НПФ, московские студенты, прежде всего, объясняют отсутствием лишних денег (72%), а также недоверием негосударственным финансовым институтам (65,2%) и тем инструментам, которые они используют для сохранности и преумножения вложенных средств (54,1%).

Недоверие у самих студентов к деятельности НПФ обуславливается 1) отсутствием ясности в их работе, 2) отсутствием реальных положительных примеров (здесь же стоит добавить, что у родственников абсолютного большинства опрошенных (92,5%) отсутствует какой-либо опыт взаимодействия с НПФ) и 3) отрицательным предыдущим опытом заморозки накопительной части пенсии в рамках обязательного пенсионного страхования (*«Обещали, что все будет хорошо, а вышло все не очень хорошо – в один момент все развалилось, и деньги утекли в никуда. Подозреваю, что это (ГПП – прим. авт.) – такая же схема, как предыдущая. Если бы не было такого негативного бэкграунда, возможно, и участвовал бы...»*)¹⁹⁰.

Вложения в НПФ видятся опрошенным еще менее надежным (21,4%) и доходным (22,3%) способом формирования сбережений (*«НПФ?.. Это какая-то сомнительная анимация»*), чем государственные облигации (40,6% считают их

¹⁸⁹ Согласно данным Министерства науки и высшего образования в 2019 году в Москве обучаются 699.843 студента, из которых 52,7 – девушки. Ошибка выборки таким образом составила 5% при доверительной вероятности в 95%.

¹⁹⁰ Здесь и далее курсивом в кавычках обозначены фрагменты высказываний участников фокус-групповых интервью.

надежными, и 36,5% – доходными), но более выгодным вариантом по сравнению с хранением наличных рублей (лишь 25,6% оценивают национальную валюту как надежную, и 16,3% – способную вырасти с точки зрения курсовой стоимости).

Среди желающих участвовать в ГПП распространены опасения, связанные с длительностью срока формирования накоплений (30 и более лет). Так, опрошенные выделили:

- риски, обусловленные деятельностью государства – перспективы а) изменения «правил игры» не в пользу будущих получателей дополнительной пенсии – 77% (*«...это была очень хорошая идея, которая, к сожалению, была разрушена государством, потому что ему были нужны наши деньги. НПФ начали хорошо, но успокоило их государство»*), и б) девальвации рубля – 76% (*«Выйдет один товарищ, не буду называть его имя, из-за него у нас рухнула нефть, рухнул рубль... вот так тоже выйдет кто-нибудь, что-то скажет, и сгорят все накопления»*).
- риски, обусловленные деятельностью самих негосударственных пенсионных фондов – вероятности потери значительной части накоплений в результате а) низкой доходности (78% опрошенных) и б) банкротства НПФ (67%).
- риски, связанные с возможными перерывами в отчислениях, вызванные а) потерей работы и проблемами с трудоустройством (63%), а также б) серьезными проблемами со здоровьем (47%).

Примечательно, что наибольшие риски участия в ГПП студенты связывают с волюнтаризмом государства.

Таким образом, очередная попытка государства по вовлечению населения в сферу НПФ может оказаться такой же неудачной, как и предыдущие (в системе добровольного пенсионного обеспечения на данный момент находится лишь 6,17 млн. человек; программа государственного софинансирования пенсий была закрыта в 2015 году, всего в ней приняли участие 15,9 млн. человек). При позитивном сценарии ГПП найдет отклик у трети столичного студенчества; при негативном – лишь у 5%. Основными препятствиями к участию являются, в первую очередь, недоверие к НПФ в частности и пенсионной системе в целом, а также недостаточный уровень доходов. Ввиду длительности срока формирования накоплений основной источник рисков студенты видят в непредсказуемых действиях государства. Как показали результаты фокус-групп, привлекательным данный продукт могут сделать, *во-первых*, прозрачность системы формирования накоплений, а, *во-вторых*, государственная гарантия реальной сохранности накоплений, которая на данный момент не предусмотрена.

УДК 316.4 / ББК 60.5

Т.М. Махаматов
Финансовый университет при Правительстве РФ
Москва, Россия

ПРОБЛЕМЫ ИДЕНТИЧНОСТИ, ТОЛЕРАНТНОСТИ В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛЬНОЙ МИГРАЦИИ

Аннотация: В статье рассматривается диалектика взаимовлияния национально-этнической идентичности, толерантности и патриотизма в условиях усиления миграционных процессов. Анализируется такое явление общественной психологии, как кризис идентичности. Автором дается определение понятий идентичности и толерантности, анализируются факторы ксенофобии и определяется проблематика дальнейшего исследования указанных феноменов.

Ключевые слова: национально-этническая идентичность; ксенофобия; толерантность; кризис идентичности; глобальная миграция; постнациональное глобальное пространство.

T.M. Makhamatov
Financial University Under the Government of the Russian Federation.
Moscow, Russia

ISSUES OF IDENTITY AND TOLERANCE IN THE CONTEXT OF GLOBAL MIGRATION

Abstract: the article deals with the dialectic of mutual influence of national and ethnic identity, tolerance and patriotism in the context of increasing migration processes. The article analyzes such a phenomenon of social psychology as an identity crisis. The author defines the concepts of identity and tolerance, analyzes the factors of xenophobia and defines the problems of further research of these phenomena.

Keywords: national and ethnic identity; xenophobia; tolerance; identity crisis; global migration; post-national global space.

Процесс глобализации, сопровождающийся усиленной миграцией людей различных национальностей и различных вероисповеданий, переплетением цивилизаций, превращает вопрос о национальной идентичности социума и его толе-

рантности по отношению к другим в очень чувствительный фактор общественной жизни в развитых странах мира.

Понятие идентичности народа означает осознание им своего прошлого, самооценка своего равенства с другими и в то же время качественного отличия от других, своей неповторимости, уникальности.

Национальная идентичность является общественно-историческим отношением, в котором каждая сторона через другую осознает себя, свое отличие от другой, а также сходство и равенство с ней¹⁹¹. Здесь имеет место диалектическое единство положительной самоидентификации, выражающаяся в тезисе «мы тоже такие», и негативной, отражающаяся в тезисе «мы другие, лучшие». Объективным основанием идентичности любого уровня (от личностной до государственной) является система противоречий между общественными (коллективистскими) и личностными (частно-индивидуалистическими) началами социального организма. В сообществе людей как способ и средство сохранения своей целостности и стабильности формируются и накапливаются в совместно создаваемых и общепринятых исторических материальных и духовных ценностях. При контактах, столкновениях и других формах отношений с другими сообществами эти ценности выступают основанием осознания сторонами своей принадлежности именно к данному социальному организму, а не к иному, своего отличия от других. Этот процесс сопровождается рождением мифов, сказаний и пословиц, закреплением собственного имени-названия и названия чужих, что свидетельствует о формировании основ идентичности, о самопознании сообществом себя как единой национально-этнической общности, как равного субъекта межэтнических, межнациональных отношений.

Эволюция идентичности происходит на основе исторической памяти и исторического развития, усложнения духовной и материальной культуры, обычаев, привычек, традиций¹⁹². Неуважительное отношение к ценностям национальной идентичности означает принижение, оскорбление чести и достоинства того или иного народа, этнической группы.

В современном мире усиливается процесс неравного социально-экономического и общекультурного развития регионов и стран. Следствием такого положения дел отчасти является кризис идентичности, усиление комплекса неполноценности, поиск иной, часто ложной идентичности. Эту проблему можно пре-

¹⁹¹ Махаматов Т.М., Накова А. Объективные основания национальной и этнической идентичности как самосознание этноса // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. Том 10. №1. С. 51-57.

¹⁹² Махаматов Т.Т. Запад и Восток: генетика духовного пути // Век глобализации. 2018. № 1 (25). С. 60-67.

одолеть путем достижения объективного исторического прошлого, развитием демократической толерантности.

Мы живем в знаменательную эпоху – время форсированного процесса аккультурации, интенсификации миграционных процессов, лавинообразных изменений в информационно-технологических сферах и геополитических конфигурациях, эскалации международной напряженности и повышенного уровня этнической конфликтности в обществе (от скрытой этнофобии до национал-экстремистских движений). Формируется постнациональное глобальное пространство, что вовсе не означает лишь упрощенное утверждение глобализма, а “пост” – не синоним “смерти” нации. Скорее происходит своеобразное смещение от этноприродных форм идентичности (антропогенетических показателей) к их знаково-символическому измерению. Этноты само-переформируются – в пространственной структуре экономических и коммуникационных взаимодействий нового глобального миропорядка.

В контексте защитной установки локального культурного капитала происходит так называемый этноренессанс или “возрождение этничности”, существенным “драйвером” которых и являются глобальные миграции. Это проявляется в интересе к историческому и этнокультурному наследию, в состаривании собственной истории, в конструировании новых этнокультурных мифов, в героизации определенных исторических персонажей, в использовании прошлого для легитимизации настоящего и т.п. Также и для вынужденных мигрантов, которых сегодня насчитывается около 60 миллионов¹⁹³ действуют те же процессы, являясь для них одним из вариантов компенсации выхода за пределы гражданской категоризации, формирования зон социально-психологического комфорта и собственной включенности в социальную историю.

Все эти процессы требуют научного прояснения именно в предлагаемом нашим проектом исследовательском фокусе: сопряжения глобализационных трансформаций и этнических самоизменений. В более же конкретном категориальном выражении, научная актуальность проблемы заключается в назревшей необходимости содержательного прояснения концептуальной связи между сопряженными понятиями “идентичности” (этнической, культурной, национальной), “толерантности” и “ксенофобии”, из чего могут последовать важные выводы: как в эвристическом, так и в политтехнологическом смыслах.

Сами по себе, по отдельности, понятия “идентичности”, “толерантности” и “ксенофобии” довольно неплохо исследованы. Однако, редко можно встретить

¹⁹³ Aleshkovski I. International migration and globalization: global trends and perspectives // Journal of Globalization Studies. 2016. Vol. 7. No. 2. P. 32–48

их сопоставительный анализ и аргументированное прослеживание их реальной взаимной обусловленности, более того, в условиях усиления миграционного процесса. И практически отсутствуют исследования, которые выявляют их особенности как концептуальной триады: “идентичность – толерантность – ксенофобия”, тем более в сопоставительном плане существенно отличающихся современных ситуаций в разных регионах Российской Федерации. Можно считать, что между этими тремя качественными состояниями общественного (национального) сознания, согласно авторской гипотезе, можно проследить довольно определенные каузальные и функциональные взаимосвязи. К примеру, чем более размыты границы идентичности и толерантности, тем выше терпимость к приезжим чужеземцам, восприимчивость к их культуре и низкий уровень требовательности; ксенофобия при этом значительно снижается, возникает абстрактный космополитический настрой.

Сильная идентичность (ее четкие, устойчивые, ярко выраженные, не латентные формы), сопровождаемая узким кругозором и ультраправой идеологией, в свою очередь, снижает толерантность – вплоть до появления ксенофобных форм отношения к мигрантам. Таким образом, следует выявить и переосмыслить приемлемую норму идентичности: патриотизм сочетать с демократической толерантностью, идентичность – с разумным интернационализмом.

Список литературы

1. Aleshkovski I. International migration and globalization: global trends and perspectives // Journal of Globalization Studies. 2016. Vol. 7. No. 2. P. 32–48.
2. Махаматов Т.М., Накова А. Объективные основания национальной и этнической идентичности как самосознание этноса // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. Том 10. №1. С. 51-57.
3. Махаматов Т.Т. Запад и Восток: генетика духовного пути // Век глобализации. 2018. № 1 (25). С. 60-67.

УДК 338.48 / ББК 65

Н.В. Медведева

ФГБОУ ВО «Российский государственный социальный университет»

г. Москва, Россия

РАЗВИТИЕ ТУРИСТИЧЕСКОЙ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТИ РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ¹⁹⁴

Аннотация. В статье раскрывается потенциал развития внутреннего туризма в РФ. Выявляются ключевые проблемы и определяются перспективы развития туристической привлекательности российских регионов.

Ключевые слова: туристическая привлекательность; туризм; регион; государственно-частное партнерство; туристский продукт; туристская услуга.

N.V. Medvedeva

Russian State Social University

Moscow, Russia

ASSESSMENT OF ANTHROPOGENOUS LOAD OF SOILS OF THE URBANIZED TERRITORIES¹⁹⁵

Abstract. The article reveals the potential for the development of domestic tourism in the Russian Federation. Key problems are identified and prospects for the development of tourist attractiveness of the Russian regions are determined.

Keywords: tourist attraction; tourism; region; public-private partnership; tourist product; tourist service.

В настоящее время в условиях пандемии сфера туризма становится одной из самых кризисных. Однако, если полное восстановление выездного туризма будет происходить медленными темпами, то развитие внутреннего туризма в сложившийся условиях является перспективным направлением для многих российских регионов.

¹⁹⁴ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-011-00565 А «Взаимодействие ключевых субъектов местных сообществ в целях повышения туристической привлекательности российских территорий: ограничения, ресурсы и технологии развития».

¹⁹⁵ The research was funded by RFBR, project number 19-011-00565 A.

О потенциале для развития внутреннего туризма свидетельствует то, что около половины россиян (45%) путешествуют не менее одного раза в год, большинство – по России. При этом, по оценкам экспертов, среди тех, кто предпочитает зарубежные поездки, большинство (81%) готово путешествовать по нашей стране, но при сопоставимости условий (в первую очередь уровня цен и комфорта)¹⁹⁶.

В настоящее же время, несмотря на имеющийся туристический потенциал у большинства регионов России, достаточные условия для развития туризма созданы еще не везде. В среднем по РФ места размещения в регионах заполняются лишь на 35%, а более 50% налогов, собранных от коллективных средств размещения и учреждений общественного питания, сосредоточены в Москве и Санкт-Петербурге¹⁹⁷. Существует высокая дифференциация в развитии внутреннего туризма. На протяжении многих лет, точками притяжения являются две столицы, а также курорты Краснодарского края и Крыма.

Однако результаты опроса Всероссийского центра изучения общественного мнения и Центра развития региональной политики позволяют выделить привлекательные регионы, по мнению россиян, но не в полной мере с реализованным туристическим потенциалом. Среди них Волгоградская область (65%), Сахалин (64%), Шантарские острова (60%), Астрахань (57%), Тыва (50%) и др. Следовательно, для того, что произошла активизация внутреннего туризма в большинстве субъектов РФ, требуется развитие их туристической привлекательности.

В формировании туристической привлекательности территории важную роль играет сохранение объектов культурно-исторического наследия. От этого зависит уровень развития культурно-познавательного туризма, который, по оценкам Всемирной туристской организации, является одним из наиболее перспективных и динамично развивающихся видов туристской деятельности в мире. Однако ограниченность средств большинства территорий не позволяет им поддерживать состояние памятников истории и культуры в надлежащем состоянии. Природный и историко-культурный потенциал Российской Федерации используется, по экспертным оценкам, не более чем на 20%. По данным различных исследований, более 60% объектов культурного наследия находятся в предаварийном или аварийном состоянии и требуют проведения немедлен-

¹⁹⁶ Внутренний туризм: курс на расширение! № 4157 от 29 Января 2020. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=10140> (дата обращения: 19.04.2020).

¹⁹⁷ Национальный рейтинг въездного туризма-2019. URL: <https://rustur.ru/nacionalnyjrejtng-vezdnogo-turizma-2019> (дата обращения: 21.04.2020).

ной консервации и реставрации¹⁹⁸. В связи с этим, только привлечение частных инвестиций позволит органам власти обеспечить условия для развития туристской индустрии в данной сфере.

Одним из серьезных барьеров для развития туристической привлекательности является не высокий уровень туристской инфраструктуры, обусловленный дефицитностью большинства региональных бюджетов. Уровень конкурентоспособности отечественного туристского продукта в регионах не является высоким.

В связи с этим, одними из наиболее механизмов развития туристской индустрии может выступить государственно-частное партнерство. Активизация использования данного механизма в практике регионального и муниципального управления произошла после принятия Стратегии развития туризма в Российской Федерации на период до 2020 г., одно из положений которой направлено на реализацию мер по развитию государственно-частного партнерства в сфере туризма. Основными объектами ГЧП, как правило, выступают гостиничные, туристические, санаторно-курортные комплексы, экологические базы и поселения, объекты исторического и культурного наследия, оздоровительный детский лагерь, зоны отдыха, сельский парк. Сотрудничество государства и бизнеса может стать одним из перспективных направлений по интенсификации развития индустрии туризма и гостеприимства. Для этого необходимо созданию высокоэффективной, адаптивной управленческой системы, построение и применение новых моделей ведения бизнеса и формирование сообщества активных генераторов идей для основания и развития кадрового резерва в сфере туристского бизнеса¹⁹⁹.

Особое внимание по формированию туристической привлекательности региона органы власти должны уделять информационной составляющей: популяризации туристических маршрутов, достопримечательностей региона, мероприятий событийного туризма и др. Это обусловлено тем, что около половины российских туристов (49%) осуществляют свои поездки с целью познакомиться с новыми местами и получить новые впечатления. Кроме того, туристические поездки по России граждане в основном организуют самостоятельно. В результате слабое продвижение туристических дестинаций может привести к возникновению негативных стереотипов о регионе, что окажет

¹⁹⁸ Мороз О.Н., Шадринцева А.Н. Государственно-частное партнерство в сфере регионального туризма // Вестник СГУГиТ. 2015. № 30. С. 124-133.

¹⁹⁹ Цветкова А.А. Развитие туристской отрасли России с помощью механизмов государственно-частного партнерства // Коммуникология: электронный научный журнал. Том 2. № 2. 2017. С. 44-52.

влияние не только на снижение туристического потока, но и формирование его негативного имиджа. Как правило, только в ряде российских регионов существуют единые туристические порталы, содержащие информацию о туристическом потенциале территории и предоставлении туристических услуг.

Таким образом, среди основных барьеров развития туристической привлекательности российских регионов следует выделить не высокий уровень туристской инфраструктуры, обусловленный дефицитностью большинства региональных бюджетов, низкий уровень конкурентоспособности отечественного туристского продукта, слабое продвижение туристических дестинаций. Соответственно, перспективы развития туристической привлекательности в регионах должны заключаться в создании условий для формирования партнерских отношений между органами власти и бизнесом, необходимых для реализации проектов ГЧП в сфере туризма, сохранении и восстановлении культурно-исторического наследия, популяризации туристического потенциала территории.

Список литературы

1. Внутренний туризм: курс на расширение! №4157 от 29 Января 2020. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=10140> (дата обращения: 19.04.2020).
2. Мороз О.Н., Шадринцева А.Н. Государственно-частное партнерство в сфере регионального туризма // Вестник СГУГиТ. 2015. № 30. С. 124-133.
3. Национальный рейтинг въездного туризма-2019. URL: <https://rustur.ru/nacionalnyj-rejting-vezdnogo-turizma-2019> (дата обращения: 21.04.2020).
4. Цветкова А.А. Развитие туристской отрасли России с помощью механизмов государственно-частного партнерства // Коммуникология: электронный научный журнал. 2017. Том 2. № 2. С. 44-52.

УДК 316.422 / ББК 60.59

Е.В. Недосека

Социологический институт РАН – филиал Федерального научно-исследовательского Социологического института, Санкт-Петербург, Россия

ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ РИСКИ МОНОГОРОДОВ АРКТИЧЕСКОЙ ЗОНЫ РФ НА ПРИМЕРЕ (МУРМАНСКОЙ ОБЛАСТИ)²⁰⁰

Аннотация. В работе представлен анализ заболеваемости взрослого и детского населения Мурманской области как экологических рисков «горячих точек» Арктической зоны. Наиболее уязвимыми с точки зрения экодозависимых заболеваний оказываются моногорода как центры сосредоточения промышленного потенциала исследуемого региона.

Ключевые слова: экологические угрозы; импактный район; экологозависимые заболевания.

E. V. Nedoseka

Sociological Institute, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences, Saint-Petersburg, Russia

ECOLOGICAL RISKS OF THE ARCTIC'S MONO-CITIES (THE CASE OF MURMANSK REGION)²⁰¹

Abstract. This paper presents an analysis of the incidence of adult and child population of the Murmansk region as environmental risks of “hot spots” in the Arctic zone. The most vulnerable from the point of view of eco-dependent diseases are mono-cities as centers of industrial potential of the studied region.

Keywords: environmental threats; impact areas; ecologically dependent diseases.

Согласно Государственным докладам «О состоянии и об охране окружающей среды РФ», представляемыми Министерством природных ресурсов и

²⁰⁰ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-010-00245 «Современное состояние и прогнозирование эколого-экономического развития Арктической зоны Российской Федерации».

²⁰¹ The research was funded by RFBR, project number 20-010-00245.

экологии РФ, Арктическая зона РФ признается наиболее чувствительным к загрязнению окружающей среды регионом России. «Вопрос антропогенного воздействия на природную среду в Арктической зоне Российской Федерации стоит очень остро из-за высокой уязвимости геосистем и низкой способности к восстановлению характерных для региона ландшафтов»²⁰². Так, в ходе многолетней производственной эксплуатации, интенсивность воздействия привела к деградации арктических земель. Особую проблему составляет потенциальное загрязнение территории АЗРФ техногенными радионуклидами. В регионе находятся крупные объекты ядерного наследия, связанные с деятельностью военного и гражданского атомных флотов, а также другие радиационно-опасные объекты [7].

Несмотря на признание проблемы антропогенной нагрузки, и ее последствий для арктических территорий, экономическое значение и потенциал АЗРФ (прежде всего, в добывающих, перерабатывающих и транспортных отраслях, ориентированных на углеводы) признаются приоритетными задачами внутренней политики²⁰³, что, в свою очередь, повышает экологические риски.

Согласно Национальному атласу Арктики наибольшую суммарную антропогенную нагрузку в последние годы испытывают Мурманская область и Республика Саха (Якутия); среднюю антропогенную нагрузку – Архангельская область, Ямало-Ненецкий автономный округ, Республика Коми и Красноярский край (Таймырский Долгано-Ненецкий район); наименьшую – Ненецкий автономный округ и Чукотский автономный округ [5].

Мурманская область является одной из самых урбанизированных северных российских территорий, наиболее хозяйственно освоенным районом Арктики. Основными источниками воздействия на окружающую среду оказывают: цветная металлургия, горнодобывающая промышленность, атомная электростанция (АЭС), тепловые электростанции (ТЭЦ), радиоактивные отходы (РАО).

Активное промышленное производство и наличие объектов накопленного экологического ущерба в Мурманской области привели к негативным изменениям природной среды и острым экологическим ситуациям. Территории промышленного освоения (моногорода) Мурманской области входят в число «горячих точек» Российской Арктики, состояние которых обозначается экспертами как катастрофическое [Лукин, Соколов].

²⁰² Импактный район – участок в пределах территориально-промышленного комплекса, на котором в результате антропогенного воздействия произошли негативные изменения природной среды, приведшие к появлению и развитию острых экологических ситуаций.

²⁰³ Источник: Государственный доклад «О состоянии санитарно-эпидемиологическом благополучии населения Мурманской области в 2019 году».

На территории Мурманской области располагаются 3 импактных района²⁰⁴: Западно-Кольский (моногорода Никель, Заполярный), Центрально-Кольский (моногорода Мончегорск, Оленегорск), Хибинский (моногород Кировск, город Апатиты). На данных территориях проживают порядка 18% от общей численности населения региона.

Одним из показателей остроты экологической ситуации в регионе является уровень экологозависимых заболеваний. В разрезе городов и районов области территориями риска (значительное превышение среднероссийских показателей заболеваемости) являются территории моногородов.

Таблица 2.

Территории неблагоприятия с точки зрения антропогенного воздействия на здоровье взрослого и детского населения Мурманской области²⁰⁵

Основные классы болезней	Территории неблагоприятия с точки зрения антропогенного воздействия на здоровье взрослого населения Мурманской области	Территории неблагоприятия с точки зрения антропогенного воздействия на здоровье детского населения Мурманской области
Новообразования	г. Апатиты, Ковдорский, Кольский и Ловозерский районы	г. Мурманск, г. Апатиты, ЗАТО г. Североморск, Ловозерский район
Анемии	Ковдорский и Терский районы	г. Мурманск, Ковдорский, Ловозерский и Терский районы
Болезни эндокринной системы, расстройства питания и нарушения обмена веществ	гг. Апатиты, г. Мончегорск, Ковдорский район	г. Мурманск, г. Мончегорск, г. Оленегорск; Кольский, Печенгский и Терский районы;
Инсулиннезависимый сахарный диабет –	г. Мончегорск, Ловозерский и Печенгский районы	
Ожирение	г. Апатиты, г. Мончегорск	г. Мончегорск, г. Оленегорск, Кольский, Печенгский и Терский районы
Болезни системы кровообращения	г. Кировск, г. Мончегорск, Ковдорский и Ловозерский районы	
Болезни органов дыхания;	гг. Кировск, Мончегорск, г. Оленегорск	все территории МО
Бронхит хронический, эмфизема	г. Мурманск, Печенгский район	территории риска отсутствуют
Астма, астматический статус	г. Мурманск, Кольский район	г. Оленегорск, ЗАТО г. Североморск, Ковдорский и Терский районы
Язва желудка и 12-п. кишки	г. Кировск, Ловозерский район	территории риска отсутствуют

²⁰⁴ Импактный район – участок в пределах территориально-промышленного комплекса, на котором в результате антропогенного воздействия произошли негативные изменения природной среды, приведшие к появлению и развитию острых экологических ситуаций.

²⁰⁵ Источник: Государственный доклад «О состоянии санитарно-эпидемиологическом благополучии населения Мурманской области в 2019 году».

Гастриты, дуодениты	г. Кировск, г. Мончегорск, ЗАТО г. Североморск, Ковдорский и Кольский районы	гг. Мурманск, Апатиты, Терский район
Болезни костно-мышечной системы	г. Кировск, г. Апатиты, Ковдорский, Кольский, Ловозерский, Печенгский районы	территории риска отсутствуют
Мочекаменная болезнь	г. Кировск, Ковдорский, Кольский, Ловозерский, Печенгский районы	территории риска отсутствуют
Инфекционные заболевания	территории риска отсутствуют	гг. Мурманск, Апатиты, Мончегорск

Необходимо отметить, что в Мурманской области показатели смертности по ряду заболеваний также превышают значения по СЗФО и РФ.

Таблица 2.

**Стандартизованные показатели смертности населения, 2018 год
(по данным Росстат)²⁰⁶**

на 100 тыс. населения	Всего	Болезни органов кровообращения	Болезни органов дыхания	Новообразования	Болезни органов пищеварения	Инфекционные и паразитарные болезни
Мурманская область	1058,7	576,8	19,5	181,2	58,4	10,9
СЗФО	923,9	461,2	28,7	173,3	52,4	52,4
РФ	953,4	428,6	32,5	160,1	55,3	55,3

Согласно критериям оценки экологической нагрузки (заболеваемость взрослых и детей, рождаемость, преждевременная смертность), разработанным Министерством экологии и природных ресурсов РФ, Мурманская область соответствуют зоне чрезвычайного риска развития экопатологии человека [Клюкина Э.С., с. 96].

Список литературы

1. Государственный доклад «О состоянии и об охране окружающей среды Российской Федерации в 2018 году». URL: https://www.mnr.gov.ru/docs/o_sostoyanii_i_ob_okhrane_okruzhayushchey_sredy_rossiyskoy_federatsii/gosudarstvennyy_doklad_o_sostoyanii_i_ob_okhrane_okruzhayushchey_sredy_rossiyskoy_federatsii_v_2018/ (дата обр.: 10.09.2020).
2. Государственный доклад «О состоянии санитарно-эпидемиологическом благополучии населения Мурманской области в 2019 году». URL: 51.rosпотребнадзор.ru/upload/medialibrary/f78/ГД_Мурманская%20область_2019.pdf (дата обращения: 10.09.2020).

²⁰⁶ Источник: Государственный доклад «О состоянии санитарно-эпидемиологическом благополучии населения Мурманской области в 2019 году».

3. Клюкина Э.С. Экологические угрозы здоровью населения промышленных территорий Арктического региона // Труды Кольского науч. ц. РАН. 2018. Т. 9. № 2-13. С. 91-103.
4. Лукин Ю.Ф. «Горячие точки» Российской Арктики // Арктика и Север. 2013. № 11. URL: http://narfu.ru/upload/uf/c21/AaN_2013_11.pdf (дата обращения: 10.09.2020).
5. Национальный атлас Арктики. М.: АО «Роскартография», 2017.
6. Соколов Ю.И. Арктика: к проблеме накопленного экологического ущерба // Арктика: экология и экономика. 2013. № 2 (10). С. 18–27. URL: [http://www.ibrae.ac.ru/docs/2\(10\)/018_027_АРКТИКА_2.pdf](http://www.ibrae.ac.ru/docs/2(10)/018_027_АРКТИКА_2.pdf) (дата обращения: 10.09.2020).
7. Соловьянов А.А. О сохранении природной среды Арктической зоны Российской Федерации // Арктика. Экология и экономика. 2011. №1. С. 94-103. URL: http://eng.arctica-ac.ru/images/stories/ibrae/arktika_magazine/94-103_solovyaynov.pdf (дата обращения: 10.09.2020).

УДК 316.43 / ББК 60.561.3

С.А. Панкратов
ФГАОУ ВО «Волгоградский государственный университет»,
г. Волгоград, Россия

**ИНСТИТУТЫ ВЛАСТИ И ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА
В ПУБЛИЧНОМ ПРОСТРАНСТВЕ РЕГИОНОВ РФ: ПРОЕКТНЫЙ
ПОДХОД К РАЗРЕШЕНИЮ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ
(НА ПРИМЕРЕ ВОЛГОГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ)²⁰⁷**

Аннотация. В статье анализируется специфика взаимодействия региональных органов государственной власти и институтов гражданского общества в публичном пространстве РФ по наиболее актуальным социальным проблемам. Акцентируется внимание на проектных подходах разрешения социальных проблем жителей Волгоградской области, в том числе в условиях распространения COVID-19.

Ключевые слова: гражданское общество; институты власти; регионы; Россия; социальные проблемы; проект; Волгоградская область.

²⁰⁷ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Администрации Волгоградской области в рамках научного проекта № 19-411-340006, р_а, «Социально-политическое проектирование публичного пространства и системы массовой коммуникации в регионах РФ (на примере Волгоградской области)».

*S.A. Pankratov
Volgograd State University,
Volgograd, Russia*

**INSTITUTIONS OF POWER AND CIVIL SOCIETY
IN THE PUBLIC SPACE OF THE REGIONS OF THE RUSSIAN FEDERATION:
A PROJECT APPROACH TO RESOLVING SOCIAL PROBLEMS
(ON THE EXAMPLE OF THE VOLGOGRAD REGION)²⁰⁸**

***Abstract.** The article analyzes the specifics of the interaction of regional government and civil society institutions in the public space of the Russian Federation on the most significant social problems. Attention is focused on the project-based approaches to resolving social problems of residents of the Volgograd region, including those that appear in the context of the spread of COVID-19.*

***Keywords:** civil society; power institutions; regions; Russia; social problems; project; Volgograd region.*

Одним из важнейших условий достижения высокого уровня и качества жизни населения РФ выступает тесное взаимодействие в решении социальных проблем страны институтов власти и гражданского общества. Как подчеркнул в своем Послании к Федеральному Собранию в январе 2020 года Президент России В.В. Путин «нам нужно быстрее, не откладывая решать масштабные социальные, экономические, технологические задачи, перед которыми стоит страна. Их содержание и ориентиры отражены в национальных проектах, реализация которых требует нового качества государственного управления, работы Правительства, всех уровней власти, прямого диалога с гражданами»²⁰⁹.

Следует обратить внимание на тот факт, что именно проектное решение текущих и перспективных задач по устойчивому развитию страны и конкретных субъектов РФ, выступает основой деятельности ведущих акторов отечественного политического и социально-экономического процессов на протяжении как минимум 15 лет.

Под проектом в данном случае понимается конкретная задача (комплекс задач – проблем) с определенными исходными данными (объективного и субъективного характера) и требуемыми результатами (достижимыми целями), об-

²⁰⁸ The research was funded by RFBR, project number 19-411-340006.

²⁰⁹ Послание Президента РФ В.В. Путина к Федеральному собранию России. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/62582> (дата обращения: 25.08.2020).

улавливающими способ ее (их) решения и ограниченные промежутки времени (сроки реализации проекта)²¹⁰.

Национальные проекты напрямую связаны с целями и стратегическими задачами развития России, определенные руководством страны²¹¹ и поддержанные общественно-политическими, некоммерческими организациями, представителями различных поколенческих когорт и социальных групп. При этом в публичном пространстве субъектов РФ используются многообразные технологии и формы взаимодействия органов власти и институтов гражданского общества по конкретизации и согласованию мероприятий, их приоритетности на конкретных территориях, с учетом специфики целой системы факторов и индикаторов: исторических, демографических, ресурсных и т.д.

С 2019 года в Волгоградском регионе функционирует Совет при Губернаторе Волгоградской области по реализации национальных проектов и приоритетных проектов Волгоградской области²¹². Совет последовательно взаимодействует с органами исполнительной власти Волгоградской области, органами местного самоуправления, должностными лицами, экспертным и предпринимательским сообществами, организациями, физическими лицами по вопросам реализации проектной деятельности в регионе. Непосредственно координирует и организует проектную деятельность Региональный проектный офис – управление проектной деятельности аппарата Губернатора Волгоградской области, а также проектные комитеты по национальным проектам и приоритетным проектам Волгоградской области²¹³.

Важнейшими институциональными механизмами, обеспечивающими и поддерживающими сотрудничество институтов власти и общества в публичном пространстве региона, выступают комитет по делам территориальных образований, внутренней и информационной политики Волгоградской области, комитет по делам национальностей и казачества Волгоградской области.

В концентрированном, законодательно закреплённом виде специфика проектной деятельности в регионе отражена в «Стратегии социально-экономического развития Волгоградской области до 2025 года», постулирующей «создание ус-

²¹⁰ См.: Мазур И.И., Шапиро В.Д., Ольдерогге Н.Г. Управление проектами. 2-е издание. М.: Омега-Л. 2004. 664 с.

²¹¹ Указ Президента РФ от 07.05.2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» // Российская газета. 2018. 09 мая. <https://rg.ru/2018/05/08/president-ukaz204-site-dok.html> (дата обращения 26.08.2020).

²¹² Постановление Губернатора Волгоградской области «О Совете при губернаторе Волгоградской области по реализации национальных проектов и приоритетных проектов Волгоградской области» от 10.01.2019 г. № 7 // [https://www.volgograd.ru/voproject/norms/region/%20ГВО%20№%207%20\(ред.%20от%2008.2020\).pdf](https://www.volgograd.ru/voproject/norms/region/%20ГВО%20№%207%20(ред.%20от%2008.2020).pdf) (дата обращения 26.08.2020).

²¹³ См.: Региональный проектный офис Администрации Волгоградской области // <http://www.volgograd.ru/vo-project/office/> (дата обращения 26.08.2020).

ловий для увеличения продолжительности жизни людей, прироста населения за счет повышения его благосостояния, уменьшения бедности (рост денежных доходов населения, сокращение доли населения с доходами ниже прожиточного минимума) на основе динамичного и устойчивого экономического роста»²¹⁴. Реализация проектов в регионе включает анализ базовых характеристик региональной идентичности, обоснование индикативных показателей включенности гражданских структур в процесс принятия управленческих решений, разработку путей и средств повышения уровня гражданской активности жителей области²¹⁵.

Таким образом, жителям региона, общественным организациям, органам власти предстоит непростая совместная работа по улучшению качества жизни, тем более, что, новой глобальной угрозой, оказывающей влияние на социально-экономическую ситуацию, выступило распространение COVID - 19. Данная ситуация подразумевает институционализацию новых форм социальной активности и взаимодействия общества и власти.

Список литературы

1. Мазур И.И., Шапиро В.Д., Ольдерогге Н.Г. Управление проектами. 2-е издание. М.: Омега-Л. 2004. 664 с.
2. Панкратов С.А. Социально-политическое проектирование публичного пространства Волгоградской области // Траектории политического развития России: Институты, проекты, акторы: материалы Всероссийской научной конференции РАПН, г. Москва, МПГУ, 6-7.12.2019 г. М. : МПГУ, 2019. С. 297–298.
3. Послание Президента РФ В.В. Путина к Федеральному собранию России. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/62582> (дата обращения: 25.08.2020).
4. Постановление Губернатора Волгоградской области «О Совете при губернаторе Волгоградской области по реализации национальных проектов и приоритетных проектов Волгоградской области» от 10.01.2019 г. № 7 // [https://www.volgograd.ru/vorproject/norms/region/Постановление %20ГВО%20 №%207% 20 \(ред.%20от%20 20.08.2020\).pdf](https://www.volgograd.ru/vorproject/norms/region/Постановление%20ГВО%20№%207%20(ред.%20от%2020.08.2020).pdf) (дата обращения: 26.08.2020).
5. Региональный проектный офис Администрации Волгоградской области // <http://www.volgograd.ru/vo-project/office/> (дата обращения 26.08.2020).

²¹⁴ Стратегия социально-экономического развития Волгоградской области до 2025 года в ред. Законов Волгоградской области от 16.02.2018 № 24 – ОД // <http://docs.cntd.ru/document/819076044> (дата обращения: 12.08.2020).

²¹⁵ См.: Панкратов С.А. Социально-политическое проектирование публичного пространства Волгоградской области // Траектории политического развития России: Институты, проекты, акторы: материалы Всероссийской научной конференции РАПН, г. Москва, МПГУ, 6-7.12.2019 г. М.: МПГУ, 2019. С. 297–298.

6. Стратегия социально-экономического развития Волгоградской области до 2025 года в ред. Законов Волгоградской области от 16.02.2018 № 24 – ОД // <http://docs.cntd.ru/document/819076044> (дата обращения: 12.08.2020).
7. Указ Президента РФ от 07.05.2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» // Российская газета. 2018. 09 мая. <https://rg.ru/2018/05/08/president-ukaz204-site-dok.html> (дата обращения 26.08.2020).

УДК 316.36 / ББК 60.561.5

Л.С. Панкратова
ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет»,
Социологический институт РАН – филиал ФГБУН Федерального
научно-исследовательского социологического центра
Российской академии наук, г. Санкт-Петербург, Россия

СЕМЕЙНО-БРАЧНЫЕ И СЕКСУАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ

Аннотация. В статье рассматриваются социальные риски семейно-брачных и сексуальных отношений, актуализировавшиеся в период пандемии COVID-19 в 2020 году, а именно в условиях режима полной самоизоляции граждан России. Выделяются и объясняются причины неустойчивости и возможности ряда негативных последствий для семьи и брака в ситуации длительной пространственно ограниченной изоляции.

Ключевые слова: брак; семья; сексуальные отношения; пандемия; коронавирус.

L.S. Pankratova
Saint Petersburg State University, The Sociological Institute of the RAS –
Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology
of the Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russia

FAMILY, MARRIAGE AND SEXUAL RELATIONSHIP IN THE CONDITIONS OF THE PANDEMIC

Abstract. The article examines the social risks of family, marriage and sexual relations, which were brought up to date during the COVID-19 pandemic in 2020, namely under the conditions of the regime of complete lockdown of Russian citizens. The reasons for instabil-

ity and the possibility of a number of negative consequences for the family and marriage in a situation of prolonged spatially limited isolation are highlighted and explained.

Keywords: *marriage; family; sexual relations; pandemic; coronavirus.*

В марте 2020 года Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) объявила о признании ситуации с распространением коронавирусной инфекции COVID-19 пандемией. Эпидемия стала вызовом для многих регионов мира, ответом на который были меры, значительно изменившие повседневность жителей разных стран, в том числе и России. Одни из наиболее активных дискуссий были вызваны необходимостью соблюдения рекомендаций / режима полной самоизоляции, что подразумевало ограничение возможности передвижения пределами жилья и придомовой территории для значительной части населения, закрытие на длительный период общественных мест: детских площадок, парков, досуговых заведений. Необходимость адаптации к продолжительным по времени пространственно замкнутым условиям работы и взаимодействия с домочадцами, с одной стороны, позволила «почувствовать», зафиксировать и интерпретировать современные нормы организации супружеских, семейных и интимных отношений, ставшие очевидными в ситуации, когда привычные условия интеракций изменились и требуется уточнение, (пере)определение правил сожителства, а с другой стороны, привела к актуализации определенных социальных рисков в эротико-эмоциональной, приватной сфере.

Ситуация вынужденной интенсификации, продолжительности и близости контактов между членами семьи при ограничении активности вне дома была воспринята населением неоднозначно. Данные опросов общественного мнения, проведенные Фондом общественного мнения (ФОМ) 11-12 мая 2020 года, то есть в преддверии первых мер по ослаблению ограничений, демонстрируют преобладание пессимистических представлений россиян, особенно молодежи, о динамике отношений внутри семьи в течение периода самоизоляции: 42% опрошенных ожидают ухудшения, 28% – улучшения, 10% – неизменности, а значительная доля (20%) затруднились ответить²¹⁶. Риск дистресса, увеличения конфликтов и распада семей в результате непривычного объема физической и эмоциональной близости с супругами, детьми и родственниками обсуждается в общественном и научном дискурсах в различных странах мира (Россия²¹⁷, Китай, Великобритания, США и другие)²¹⁸. Согласно опу-

²¹⁶ Семейные отношения в условиях самоизоляции // Проект коронаФОМ. 28.05.2020. URL: <https://covid19.fom.ru/post/semeynye-otnosheniya-v-usloviyah-samoizolyacii> (дата обр.: 30.08.2020).

²¹⁷ X международная Грушинская социологическая конференция «Жить в России. Жить в мире. Социология повседневности». Секция «Социология семьи и брака» // ВЦИОМ официальный сайт. URL: https://wciom.ru/nauka_i_obrazovanie/nauchnaja_rabota/conferences/conference_2020/programma/ (дата обращения: 30.08.2020).

²¹⁸ Coronavirus: Pandemic has ‘catastrophic’ impact on families // BBC news. 18 July 2020. URL: <https://www.bbc.com/news/uk-northern-ireland-53327738> (дата обращения: 30.08.2020).

бликованным данным Росстата одним из предварительно фиксируемых результатов самоизоляции оказался рост количества разводов после снятия ограничительных мер в июне 2020 года²¹⁹, хотя роль описываемых процессов в этом тренде пока не ясна.

Ключевые причины хрупкости семейных и интимных отношений в момент эпидемиологического кризиса представляются заложенными в социальной природе самой современной семьи. (Пост)современный тип семьи в терминологии Сергея Исаевича Голода основывается на трех имманентных ценностях: адаптации, интимности и автономии. Иерархически выстроенная, подвижная конфигурация этих ценностей позволяет поддерживать отношения между партнерами, а также другими членами семьи²²⁰. В период самоизоляции автономность, понимаемая как активность, независимые интересы и связи каждого супруга, домочадца вне рамок семьи, стала сильно ограничена: сокращение количества личных встреч с друзьями, знакомыми, невозможность посещения досуговых заведений, работы / учебы²²¹. В новых условиях оказалась необходима очередная адаптация на психологическом, бытовом, духовном, культурном уровнях друг к другу: разница восприятия опасности коронавируса (коронаскептики vs. коронаэнтузиасты) и психологической реакции на угрозу заражения и социально-экономические последствия (подавленность, мобилизация, проч.); разделение домашних обязанностей, заботы о детях в их гендерном аспекте; задача эмоционального, интеллектуального сближения и при этом сохранения автономности; соотнесение взаимных ожиданий. Выбор, сделанный супругами и членами семьи в – кооперация, конфликт, подавление – и его последствия предстоит еще понять и оценить в ближайшее время.

Список литературы

1. X международная Грушинская социологическая конференция «Жить в России. Жить в мире. Социология повседневности». Секция «Социология семьи и брака» // ВЦИОМ официальный сайт. URL: https://wciom.ru/nauka_i_obrazovanie/nauchnaja_rabota/conferences/conference_2020/programma/ (дата обращения: 30.08.2020).
2. ВЦИОМ. Коронавирус меняет повседневные практики россиян // Аналитический обзор № 4209. 10 апреля 2020. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=10230> (дата обращения: 30.08.2020).
3. Голод С.И. Семья и брак: историко-социологический анализ. СПб.: ТОО ТК «Петрополис», 1998. 272 с.

²¹⁹ Росстат зафиксировал рост числа разводов после самоизоляции // РБК. 25 августа 2020 г. URL: <https://www.rbc.ru/society/25/08/2020/5f4498929a7947297c66f79b> (дата обращения: 30.08.2020).

²²⁰ Голод С.И. Семья и брак: историко-социологический анализ. СПб.: ТОО ТК «Петрополис», 1998.

²²¹ ВЦИОМ. Коронавирус меняет повседневные практики россиян // Аналитический обзор № 4209. 10 апреля 2020. Режим доступа: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=10230> (Дата обращения: 30.08.2020).

4. Росстат зафиксировал рост числа разводов после самоизоляции // РБК. 25 августа 2020 г. URL: <https://www.rbc.ru/society/25/08/2020/5f4498929a7947297c66f79b> (дата обращения: 30.08.2020).
5. Семейные отношения в условиях самоизоляции // Проект коронаФОМ. 28.05.2020. URL: <https://covid19.fom.ru/post/semejnye-otnosheniya-v-usloviyah-samoizolyacii> (дата обращения: 30.08.2020).
6. Coronavirus: Pandemic has ‘catastrophic’ impact on families // BBC news. 18 July 2020. URL: <https://www.bbc.com/news/uk-northern-ireland-53327738> (дата обращения: 30.08.2020).

УДК 33(470) / ББК 65.9(2)-21

Е.Ю. Пашкова

*Алтайский филиал Российской академии народного хозяйства
при Президенте Российской Федерации, г. Барнаул, Россия*

АНАЛИЗ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ АЛТАЙСКОГО КРАЯ

Аннотация. Статья посвящена анализу социально-экономического развития Алтайского края как агропромышленного региона на основании статистической информации за 2019 год и выявлению в структуре экономики отраслей, требующих особого внимания.

Ключевые слова: Алтайский край; агропромышленный регион; структура валового регионального продукта; отрасли экономики.

E. Yu. Pashkova

*Altai Branch of Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration under the President of the Russian Federation*

ANALYSIS OF THE SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT OF THE ALTAI REGION

Abstract. The article is devoted to the analysis of the socio-economic development of the Altai region as an agro-industrial region based on statistical information for 2019 and to identify in the structure of the economy industries requiring special attention.

Keywords: *Altai region, agro-industrial region, gross regional product structure, industry of the economy.*

Алтайский край является одним из сибирских регионов с разнообразными ландшафтами (от степных до горных) и богатыми природными ресурсами, растительным и животным миром, уникальными месторождениями минерального сырья, редких металлов и строительных материалов. Территория Алтайского края составляет 167 996 кв. км. На территории региона расположено 13 тыс. озер, крупные сибирские реки – Обь, Бия, Катунь и другие. Уникальные природные условия дают возможность развивать в регионе как производственные и сельскохозяйственные отрасли, так и сферу услуг, туризм и курортную деятельность.

Лесной фонд составляет более четверти территории края при площади в 4438 тыс. га. Земли сельскохозяйственного назначения занимают 11,5 млн га, в том числе сельскохозяйственные угодья – 10,6 млн га, из них пашня – 6,6 млн га²²². В структуре животноводства развиваются несколько отраслей: молочное и мясное скотоводство, свиноводство, птицеводство, коневодство, пантовое оленеводство, пчеловодство.

Административно-территориальное деление представлено в таблице ниже. Административный центр – г. Барнаул. Население на 1 января 2020 г. составило 696 986 чел.²²³

Таблица 1.

Административное территориальное устройство Алтайского края на 2020 г.²²⁴

№	Вид населенного пункта	Количество
1	Города краевого значения	9
2	Города районного значения	3
3	Закрытые административно-территориальные образования	1
5	Сельские районы	59

На начало 2020 года численность населения Алтайского края составила 2 332 813 жителей, из которых доля городского населения – 56,7%²²⁵. Таким образом, доля сельского населения в структуре населения составляла почти 43%, что при среднем значении по стране в чуть более 25%, формирует особенность региона. Распределение числа мигрантов по основным потокам передвижения в 2018 проиллюстрировано на рис. 1. ниже.

²²² По материалам официального сайта Алтайского края. URL: <https://www.altairegion22.ru/territory/agriculture/shAk/> (дата обращения: 10.09.2020).

²²³ Утвержденная численность населения на 1 января 2020 и в среднем за 2019 год. URL: <https://akstat.gks.ru/folder/33247> (дата обращения: 10.09.2020).

²²⁴ По материалам официального сайта Алтайского края. URL: <https://www.altairegion22.ru/territory/agriculture/shAk/> (дата обращения: 10.09.2020).

²²⁵ Численность населения Алтайский край: статистика по годам: 1991–2020. URL: <https://численность-населения.рф/алтайский-край> (дата обращения: 10.09.2020).

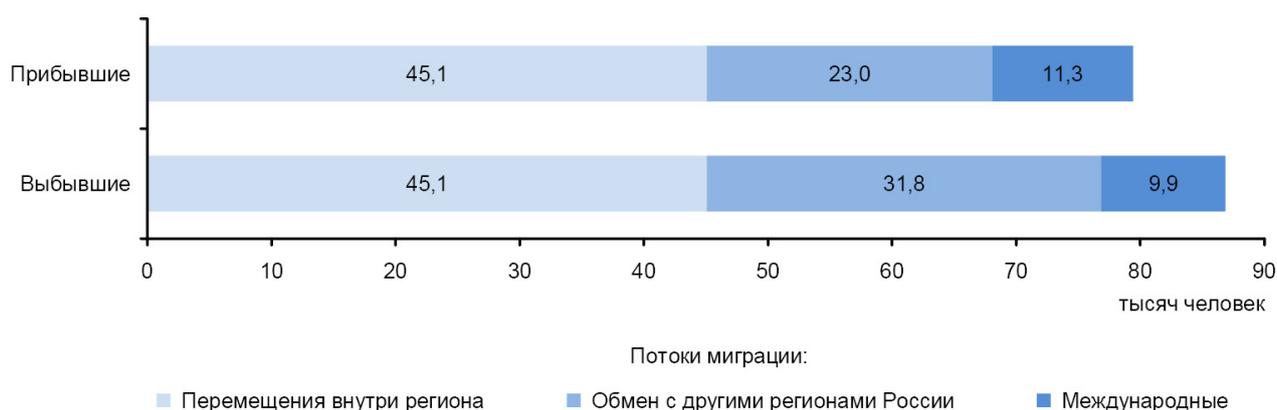

Рис. 1. Распределение числа мигрантов по основным потокам передвижения в 2018 г.²²⁶

Валовый региональный продукт (ВРП) в 2018 году в текущих ценах составил почти 550 млрд руб.²²⁷. В структуре ВРП 2018 г. основными видами экономической деятельности являлись: обрабатывающие производства – 19,1%; сельское, лесное хозяйство – 13,45%; торговля оптовая и розничная; ремонт автотранспортных средств и мотоциклов – 15,1%; деятельность по операциям с недвижимостью и строительство соответственно – 9,8% и 5,9%²²⁸.

Ведущими видами экономической деятельности в промышленности являлось производство пищевых продуктов, машиностроительной продукции (вагоно-, котло-, дизелестроение), производство кокса, резиновых и пластмассовых изделий, а также химическое производство.

Алтайский край является крупнейшим производителем продовольствия в России. В регионе традиционно производится около 50% и более общероссийского объема крупы гречневой, более 55% крупы овсяной; около 30% крупы перловой и ячневой; более 20% продуктов зерновых для завтрака; около 15% сыворотки сухой; более 11% муки из зерновых и других растительных культур; около 13% сыров, свыше 9% макаронных изделий; около 8% масла сливочного²²⁹. Алтайский край занимает первое место в РФ по посевной площади зерновых и зернобобовых культур, по производству гречихи – около 400 тыс. тонн. В крае в единственном регионе от Урала до Дальнего Востока выращивают сахарную свеклу.

²²⁶ Регионы России. Основные характеристики субъектов Российской Федерации. 2019. URL: https://rosstat.gov.ru/bgd/regl/b19_14s/Main.htm (дата обращения: 10.09.2020).

²²⁷ Валовый региональный продукт в основных ценах. По материалам Алтайкрайстата. URL: <https://fedstat.ru/indicator/59448> (дата обращения: 10.09.2020).

²²⁸ Структура ВРП (ОКВЭД 2). По материалам Алтайкрайстата. URL: <https://fedstat.ru/indicator/59450> (дата обращения: 10.09.2020).

²²⁹ Характеристика Алтайского края. URL: <https://econom22.ru/economy/AltaiRegionCharacteristic> (дата обращения: 10.09.2020).

Однако несмотря на такие хорошие стартовые позиции, регион не является лидером рейтингов по социально-экономическим показателям. Так, в 2019 году в рейтинге российских регионов по качеству жизни край занял 72 место²³⁰. В рейтинге социально-экономического положения регионов по итогам 2019 года регион оказался на 43 месте²³¹. Среднедушевые денежные доходы в месяц в 2018 году составляли 22 829 руб., в 2019 году – 24 020 руб.²³². Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников организаций в 2018 году составила 25 519 руб., в 2019 году – 27 956 руб.²³³ С учетом официальной инфляции в 2018 году в 4,3%, а в 2019 году в 3,0% доходы населения увеличиваются в размере чуть превышающем ее рост. Для ощущения удовлетворенностью жизнью этого крайне недостаточно.

Малое и среднее предпринимательство в регионе занято преимущественно в сфере оптовой и розничной торговли, ремонта автотранспортных средств. Оборот таких предприятий в 2019 году достиг 305 700,5 млн руб. В то время как оборот малых предприятий, занятых сельским хозяйством – 33 342,4 млн руб.²³⁴, то есть в 90 раз меньше. Высокие риски, сезонность, зависимость от погодно-климатических условий, высокие проценты по кредитам для сельхозпредприятий и многое другое не способствуют популярности этого вида экономической деятельности. Однако учитывая те изменения, которые произошли и еще произойдут в мировой и национальной экономиках в условиях распространения новой коронавирусной инфекции, социально-экономическое положение жителей подобных регионов нуждается в особом отношении и поддержке государства.

Список литературы

1. Алтайский край в цифрах 2015–2019. URL: <https://akstat.gks.ru/folder/33439>. (дата обращения: 10.09.2020).
2. Валовый региональный продукт в основных ценах. URL: <https://fedstat.ru/indicator/59448>. (дата обращения: 10.09.2020).
3. Официальный сайт Алтайского края. URL: <https://www.altairegion22.ru/territory/agriculture/shAk>. (дата обращения: 10.09.2020).

²³⁰ Рейтинг российских регионов по качеству жизни. URL: <https://ria.ru/20200217/1564483827.html> (дата обращения: 10.09.2020).

²³¹ Рейтинг социально-экономического положения регионов по итогам 2019 года. URL: <https://ria.ru/20200601/1572067019.html> (дата обращения: 10.09.2020).

²³² Алтайский край в цифрах 2015–2019. URL: <https://akstat.gks.ru/folder/33439> (дата обращения: 10.09.2020).

²³³ Там же.

²³⁴ Алтайский край в цифрах 2015–2019. URL: <https://akstat.gks.ru/folder/33439> (дата обращения: 10.09.2020).

4. Регионы России. Основные характеристики субъектов Российской Федерации. 2019. URL: https://rosstat.gov.ru/bgd/regl/b19_14s/Main.htm. (дата обращения: 10.09.2020).
5. Рейтинг российских регионов по качеству жизни. URL: <https://ria.ru/20200217/1564483827.html>. (дата обращения: 10.09.2020).
6. Рейтинг социально-экономического положения регионов по итогам 2019 года. URL: <https://ria.ru/20200601/1572067019.html>. (дата обращения: 10.09.2020).
7. Структура ВВП (ОКВЭД 2). URL: <https://fedstat.ru/indicator/59450> (дата обращения: 10.09.2020).
8. Утвержденная численность населения на 1 января 2020 и в среднем за 2019 год. URL: <https://akstat.gks.ru/folder/33247>. (дата обращения: 10.09.2020).
9. Численность населения Алтайский край: статистика по годам: 1991–2020. URL: <https://численность-населения.рф/алтайский-край>. (дата обращения: 10.09.2020).

УДК 37.013.42 / ББК 74.66

С.И. Петошина
ФГБОУ ВО «Мурманский арктический
государственный университет»
г. Мурманск, Россия

**О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ
СОЦИАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ ПОДРОСТКОВ БАРЕНЦЕВА
ЕВРО-АРКТИЧЕСКОГО РЕГИОНА В КОНТЕКСТЕ
ЭЛЕКТРОННОГО ЗДОРОВЬЯ
(ПО РЕЗУЛЬТАТАМ МЕЖДУНАРОДНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)**

Аннотация: В статье рассмотрены некоторые аспекты социальных отношений подростков, проживающих в условиях арктических территорий европейского севера, представленные на материале результатов социологического опроса российских и финских школьников, проведенного в рамках международного научно-исследовательского проекта «Дети Арктики в Сети: внедрение модели электронного здоровья школьников в Баренцевом регионе».

Ключевые слова: электронное здоровье; подростки; школьники; дети; психосоциальное благополучие; психосоциальное здоровье; арктические территории европейского севера; Баренцев регион; Арктика.

S.I. Petoshina

Murmansk Arctic State University, Murmansk, Russia

**ON SOME ASPECTS OF ADOLESCENTS
SOCIAL RELATIONS IN THE BARENTS EURO-ARCTIC REGION
IN THE CONTEXT OF E-HEALTH (BASED ON THE RESULTS
OF AN INTERNATIONAL RESEARCH)**

***Abstract.** The article considers some aspects of social relations of adolescents living in the Arctic territories of the European North, based on the results of a sociological survey of Russian and Finnish schoolchildren conducted within the framework of the international research project “ArctiChildren InNet. Empowering School eHealth Model in the Barents Region”.*

***Keywords:** e-Health; adolescents; children; schoolchildren; psychosocial well-being; psychosocial health; Arctic territories of the European North; the Barents region; the Arctic.*

В ряде зарубежных стран, включая США и страны ЕС, в последние десятилетия активно используется новое понятие: «электронное здоровье» (e-Health/eHealth). Однако на сегодняшний день до сих пор не существует единого общепринятого толкования данного термина. Согласно определению, данному Всемирной организацией здравоохранения (2005), «электронное здоровье» – это использование IT и информационных систем для непрерывного дистанционного контроля (мониторинга) за состоянием здоровья человека; объединение заинтересованных людей или организаций в единую сеть для более эффективного оказания медицинской помощи или решения некоторых частных проблем, связанных со здоровьем пациентов; технический прогресс, а также особый способ мышления, определения и обязательств в отношении развития здравоохранения путем усовершенствования информационно-коммуникационных технологий²³⁵.

С нашей точки зрения, на современном этапе содержание понятия «электронное здоровье» можно расширить за счет внедрения апробированных информационных технологий в новые отрасли профессиональной деятельности, например, в воспитательно-образовательную сферу.

²³⁵ Ryzhkova Inna, Petoshina Svetlana, Tegaleva Tatiana eHealth in a School Environment: Problems and Ways of Solution Promoting Health // ArctiChildren InNet. Empowering School eHealth Model in the Barents Region / Editors: Eiri Sohlman, Catrine Kostenius, Ole Martin Johansen, Inna Ryzhkova, Minttu Merivirta. Lapland University of Applied Sciences, Rovaniemi, 2015. P. 54.

Российское общество еще с начала нового тысячелетия поставило приоритетную задачу развития образовательного контента российского Интернета. Отдельные российские школы уже перешли на целевые новые технологические комплексы в соответствии с новыми стандартами информационных компьютерных технологий – «Электронные школы».

В то же время, интенсивная трансформация образовательной среды с внедрением электронных платформ и активная вовлеченность самих школьников в Интернет-пространство в своей учебной и повседневной жизни ставят приоритетную задачу исследования социальных отношений, выведенных на новый практический уровень. Заметим, что свою специфику в оценке происходящего способен привнести фактор проживания подростков в разных социальных, в том числе и территориальных, условиях. В контексте данной статьи особый интерес для изучения представляет Арктический регион. Он же явился определяющим для международного научно-исследовательского проекта «Дети Арктики в Сети: внедрение модели электронного здоровья школьников в Баренцевом регионе», когда программой «KolArctic ENPI» было выделено финансирование в рамках гранта (2012-2014)²³⁶. Основной целью проекта являлось улучшение общего состояния здоровья школьников (в том числе физического, психологического, эмоционального, социального и духовного) через информационно-коммуникационные технологии. Главным практическим результатом было создание веб-сайта, виртуальной оболочки, в которой осуществляется коммуникация школьников со специалистами в сфере психосоциального здоровья и благополучия. Основанием содержания и структуры проекта стало сложившееся трансграничное сотрудничество вузов и школ Финляндии, Швеции, Норвегии и России, а также внедрение научно-исследовательских и образовательных практик, апробированных в ходе данного сотрудничества²³⁷.

В рамках указанного проекта с целью изучения различных компонентов психосоциального здоровья учащихся школ, проживающих в условиях Арктического севера, и рассмотрения полученных данных в компаративном аспекте было проведено социологическое исследование. Объектом исследования выступили школьники от 11 до 17 лет, проживающие в условиях Арктики. Предметом исследования явилась совокупность представлений подростков о психосоциальном

²³⁶ Рыжкова И.В., Петошина С.И., Тегалева Т.Д. Социально-педагогическое измерение проблемы психосоциального благополучия школьников стран Баренцева Евро-Арктического региона (на примере школьного сообщества северных территорий России и Финляндии) // Россия и Финляндия: диалог о психосоциальном здоровье школьников Баренцева Евро-Арктического региона. Мурманск : МГГУ, 2015. С. 7.

²³⁷ Рыжкова И.В., Петошина С.И., Тегалева Т.Д. Указ. соч. С.7-8.

здоровье, предполагающая изучение образа жизни школьников, их ценностных ориентаций, мировоззренческих установок и отношения к явлениям социальной действительности. В качестве метода исследования было использовано электронное анкетирование с последующей обработкой данных в системе «Webropol»²³⁸. Исследование было проведено в четырех странах Баренцева Евро-Арктического региона, участницах проекта, однако в рамках данной статьи мы ограничимся сравнением результатов двух стран: России, представленной Мурманской областью, и граничащей с ней Финляндией. Также следует заметить, что в статье будет уделено внимание лишь некоторым аспектам психосоциального благополучия подростков Арктического региона, рассмотренных в исследовании. Среди них найдут отражение, прежде всего, те, которые связаны с социальными отношениями, что находит выражение в поведенческих проявлениях (входящих в современную концепцию здоровья наряду с физическими и психологическими составляющими)²³⁹.

В настоящее время среди различных аспектов, связанных с времяпрепровождением подростков, большое значение уделено досугу в Интернет-сети. Акцентируя внимание на значимости досуга и общения с друзьями в жизни школьника, исследование предполагало необходимость рассмотрения следующих вопросов: «Как много друзей у молодых людей в сети Интернет (преимущественно в популярных социальных сетях: таких, как Facebook, ВКонтакте и др.)?»; «Сколько времени проводят с друзьями по Интернету молодые люди?». Результаты позволили установить, что больше всего друзей – от 101 до 500 человек преимущественно у подростков Финляндии (59%). Российская молодежь в данном показателе составила 49%²⁴⁰. Относительно времени общения с друзьями в Интернете молодые люди двух стран указали на ежедневный характер. Причем, наибольшее число выборов регулярного общения с друзьями посредством Интернета отмечено у российских учащихся (67%), меньше склонны к ежедневному общению с друзьями по Интернету финские школьники (55%). При общей крайне низкой для учащихся двух стран ситуации полного отсутствия общения с друзьями посредством виртуальной сети, следует заметить наибольшую склонность к такому решению со стороны финских школьников (6%), когда выборы подобного ответа среди российской молодежи – 2%²⁴¹. Проблема дружбы в молодежной среде часто рассматривается в контексте другой – оппозиционной проблемы – одиноче-

²³⁸ Там же. С. 8.

²³⁹ Петошина С.И. О некоторых аспектах психосоциального благополучия современных подростков Арктического региона // Интересы России в Арктике. Мурманск: МАГУ, 2016. С. 51.

²⁴⁰ Рыжкова И.В., Петошина С.И., Тегалева Т.Д. Указ. соч. С. 15.

²⁴¹ Там же. С. 13.

ства. Рассмотрев данную проблематику в сравнительном аспекте, можно сделать вывод о том, что одиночество среди подростков более распространено в Финляндии. Так, по итогам исследования, оно свойственно половине (55%) финских школьников, принявших участие в исследовании, и только 39% российских учащихся²⁴².

В контексте изучения социальных отношений подростков большое значение имеет и проблема буллинга²⁴³. Актуальность данного аспекта подчеркивается тем, что в современном мире проблема подросткового насилия (в т.ч. издевательств) находит место не только в самом школьном социуме, но и в электронном пространстве. В то же время, согласно результатам опроса школьников, процентные различия в каждом варианте выбора для обеих стран незначительны. Например, никогда не испытывали насилие в сети Интернет 87% школьников в Финляндии и 80% учащихся в России. 1-2 раза в неделю регулярно страдают от издевательств в социальных сетях в России – 13% школьников, в Финляндии – 11% детей²⁴⁴. Вместе с тем, при существенном на момент проведения исследования вовлечении молодежи в Интернет-пространство к настоящему периоду значение пребывать в Интернет-среде, в т.ч. иметь аккаунты в социальных сетях, усилилось в разы, что, очевидно, позволяет нам нередко сталкиваться с исследованиями авторитетных ученых, констатирующих подростковый буллинг в социальных сетях и других Интернет-сообществах.

Осмысление отдельных позиций социальных отношений подростков, выявление намеченных самими же школьниками проблем, актуализация Интернет-пространства в аспекте социальных практик предполагает острую необходимость развития ресурсов электронного здоровья и работу в данной области через те же актуализированные подростками электронные ресурсы и Интернет-платформы. Так, поставленная задача обеспечивает планомерный переход от теоретико-методологического понимания термина «электронное здоровье» к развитию уже практических технологий электронного здоровья, что, на наш взгляд, предполагает новую форму организации деятельности образовательных организаций со школьниками, родителями, специалистами по формированию безопасной, здоровой и комфортной среды жизнедеятельности детей и может служить конкретным способом внедрения инновационных технологий работы в сфере воспитания и образования.

²⁴² Там же.

²⁴³ «Буллинг» (от англ. bullying) означает травлю, запугивание / Академик: Словари и энциклопедии на Академике / Англо-русские / Bullying. URL: <https://translate.academic.ru/bullying/en/ru> (дата обращения: 25.04.2020).

²⁴⁴ Рыжкова И.В., Петошина С.И., Тегалева Т.Д. Указ соч. С. 14.

Список литературы

1. Ryzhkova Inna, Petoshina Svetlana, Tegaleva Tatiana eHealth in a School Environment: Problems and Ways of Solution Promoting Health //ArctiChildren InNet. Empowering School eHealth Model in the Barents Region/ Editors: Eiri Sohlman, Catrine Kostenius, Ole Martin Johansen, Inna Ryzhkova, Minttu Merivirta. Lapland University of Applied Sciences, Rovaniemi, 2015. P. 53-57.
2. Академик: Словари и энциклопедии на Академике / Англо-русские/Bullying. URL: <https://translate.academic.ru/bullying/en/ru> (дата обращения: 25.04.2020).
3. Петошина С.И. О некоторых аспектах психосоциального благополучия современных подростков Арктического региона // Интересы России в Арктике. Мурманск: МАГУ, 2016. С. 47-55.
4. Рыжкова И.В., Петошина С.И., Тегалева Т.Д. Социально-педагогическое измерение проблемы психосоциального благополучия школьников стран Баренцева Евро-Арктического региона (на примере школьного сообщества северных территорий России и Финляндии) // Россия и Финляндия: диалог о психосоциальном здоровье школьников Баренцева Евро-Арктического региона. Мурманск: МГГУ, 2015. 7-20.

УДК 316.422 / ББК 60.524.122

Ю.А. Петровская
ФГБОУ ВО «Петрозаводский государственный университет»
г. Петрозаводск, Россия

ТРАНСФОРМАЦИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ЦЕННОСТЕЙ МОЛОДЕЖИ В ОБЩЕСТВЕ ИННОВАЦИОННОЙ ЭКОНОМИКИ²⁴⁵

Аннотация. В статье анализируются особенности трансформации образовательных ценностей современной российской молодежи в условиях перехода к шестому технологическому укладу. Статья подготовлена на основе теоретических и эмпирических исследований, реализованных в 2018–2019 гг. в рамках проектов: проект «Социологический анализ протестного потенциала российской

²⁴⁵ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-011-00477 «Социологический анализ протестного потенциала российской студенческой молодежи»; при финансовой поддержке ФГБОУ ВО «Петрозаводский государственный университет» в рамках Программы развития опорного университета (проекты СПР10. ИСЕИ. «Модели трехстороннего взаимодействия в Еврорегионе Карелия» и СПР10. ИСЕИ. «Сельская местность приграничных территорий Республики Карелия: комплексный междисциплинарный анализ» (2019–2021 гг.).

студенческой молодежи» под руководством проф., д.с.н. А.А. Козлова (Санкт-Петербург) при финансовой поддержке гранта РФФИ № 18-011-00477 (2019 г.); проекты СПР10. ИСЕИ. «Модели трехстороннего взаимодействия в Еврорегионе Карелия» и СПР10. ИСЕИ. «Сельская местность приграничных территорий Республики Карелия: комплексный междисциплинарный анализ» (2019–2021 гг.) при финансовой поддержке гранта ФГБОУ ВО «Петрозаводский государственный университет» в рамках Программы развития опорного университета.

Ключевые слова: инновационная личность; инновационное общество; молодежь; образование; ценности.

*Yu. A. Petrovskaya
Petrozavodsk State University, Petrozavodsk, Russia*

TRANSFORMATION OF YOUTH EDUCATIONAL VALUES IN THE SOCIETY OF INNOVATIVE ECONOMY

Abstract. *The author analyzes the features of modern Russian youth educational values transformation in the conditions of transition to the sixth technological order. The article is based on theoretical and empirical researches carried out in 2016–2020 in the framework of the following projects: the project “Sociological analysis of the protest potential of Russian student youth” under the scientific supervision of prof., doctor of social Sciences A.A. Kozlov (Saint-Petersburg) with the financial support of the RFBR grant No. 18-011-00477 (2019); SPR10 projects. ISEI. “Models of tripartite interaction in the Karelia Euroregion” and SPR10. ISEI. “Rural areas of the border territories of the Republic of Karelia: a complex interdisciplinary analysis” (2019–2021) with the financial support of the Petrozavodsk state University grant within the framework of the Flagman University development program.*

Keywords: *innovative personality; innovative society; youth; education; values.*

В условиях перехода к шестому технологическому укладу в российском обществе остро встает вопрос формирования инновационной личности. В 2018 г. президентом В.В. Путиным подписан указ «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года»²⁴⁶, определяющий национальные цели развития Российской Федерации до 2024 г. В октябре 2019 г. президентом подписан указ «О развитии искусственного интеллекта

²⁴⁶ О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года: указ Президента РФ от 07.05.2018г. №204.

в Российской Федерации», утверждавший «Национальную стратегию развития искусственного интеллекта на период до 2030 года»²⁴⁷. Таким образом, в двенадцати национальных проектах президента РФ, последующих программах по цифровой экономике, искусственному интеллекту, демографии, науке прописана дорожная карта нового инновационного рывка. Однако встаёт вопрос: каков он, российский человек сегодня? Есть ли у него мотивация и социальный потенциал к решению новых сверхзадач?

Речь идет, в первую очередь, о молодом поколении, поскольку именно молодежь является аттрактором инновационного типа личности. С момента появления в России рыночной экономики начал формироваться другой тип личности: традиционный с элементами либерального. Основной проблемой являются последствия социокультурного раскола (переход к демократической, капиталистической системе общества, открытие границ), произошедшего в конце прошлого века, определившего наличие в современной России двух моделей ценностных систем. Одна из них тяготеет к постиндустриальной индивидуалистической модели ценностей западного типа, а другая связана с носителями традиционной российской ментальности и ближе к патриархально-коллективистской модели ценностей²⁴⁸.

Ежегодно ВЦИОМ²⁴⁹ и Левада-центр²⁵⁰ проводят исследования, посвященные изучению ценностей российской молодежи. Разработкой этой темы занимаются также исследовательские коллективы РАН²⁵¹ [32], ВШЭ²⁵², МГУ им. М.В. Ломоносова²⁵³ и др. Изучение ценностных ориентаций, проблемы и особенности

²⁴⁷ О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации (вместе с Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года): Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 // Консультант-плюс: Справочно-правовая система. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_335184/ (дата обращения: 02.03.2020).

²⁴⁸ Константиновский Д.Л. и др. Новые смыслы в образовательных стратегиях молодежи: 50 лет исследования. М.: ЦСП и М, 2015. 232 с.

²⁴⁹ Электоральные и политические исследования. // Всероссийский центр исследования общественного мнения. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=1880/> (дата обращения: 29.12.2019).

²⁵⁰ Социально-экономические индикаторы обстановки в обществе // Российская негосударственная исследовательская организация Левада-центр. URL: <https://www.levada.ru/2018/12/10/chem-rossijskaya-molodezh-otlichaetsya-ot-svoih-roditelej/> (дата обращения: 29.12.2019).

²⁵¹ Яковлева М.Н. Динамика ценностных ориентаций современной молодежи // Смыслы жизни российской интеллигенции / РГГУ, Социолог. фак-т, Центр социолог. Исследований; под общей ред. Ж.Т. Тощенко; редактор-составитель Д.Т. Цибилова. М.: РГГУ, 2018. С. 212-219.

²⁵² Кучмаева О.В. Ценностные ориентации современной российской молодежи: особенности и перспективы // Социальная педагогика. 2014. № 1. С. 73-83.

²⁵³ Синельников А.Б. Ценностные ориентации российской и европейской молодежи // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2011. №1. С. 145-158.

социализации молодежи отражены в работах российских ученых Ю.А. Зубок и В.И. Чупрова²⁵⁴, Д.Л. Константиновского²⁵⁵ и др. Проводится большое количество региональных исследований²⁵⁶. Красной нитью сквозь них проходит тезис о том, что современная молодежь выводит на первый план материальные и инструментальные ценности и установки.

Инновационная личность как социальный тип может сформироваться только в условиях подготовки и притока лучших мозгов, в связи с чем система образования является главным субъектом в формировании инновационной личности как типа (определенной совокупности социально-значимых функций, социальных ролей, которые она выполняет в обществе инновационных технологий), а не отдельного индивида с его индивидуальными особенностями. Деятельность такого типа людей и связывает сферу знаний с различными сферами жизнедеятельности общества.

Цель исследования – анализ роли образования в структуре жизненных ценностей молодежи и его влияние на формирование ключевых компетенций инновационного общества (на примере Республики Карелия). С точки зрения инновационной восприимчивости и социального измерения инновационного развития в целях исследования необходимо обратить особое внимание на два аспекта: мотивацию молодых людей в сфере образования, роль образования в системе ценностей современной молодежи и выборе образовательной стратегии; уровень формирования инновационных ценностей и компетенций, а также роль образовательных институтов в инновационном развитии современной молодежи.

Ключевые компетенции молодежи как субъекта инновационной деятельности, которые требуются современному российскому обществу в условиях цифровой экономики, сформулированы в «Стратегии инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года», принятой в 2011 году²⁵⁷. Формулируя такой набор компетенций, государство выражает запрос на определенный тип

²⁵⁴ Зубок Ю.А., Чупров В.И. Саморегуляция смысложизненных ценностей в культурном пространстве молодежи // Вестник Института социологии. 2019. Том 10. № 4. С. 164-186. Зубок Ю.А., Чупров В.И. Социокультурный механизм формирования отношения молодежи к образованию // Социологические исследования. 2013. № 1. С. 78-90.

²⁵⁵ Константиновский Д.Л. Молодежь в системе образования: динамика неравенства // Социологический журнал. 1997. № 3. С. 92-123.

²⁵⁶ Ласточкина М.А. Нравственные ценности современной молодежи (региональное исследование) // Гуманитарные научные исследования. 2014. № 8. URL: <http://human.snauka.ru/2014/08/7535> (дата обращения: 26.05.2020).

²⁵⁷ Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года: Утв. Распоряжением Правительства РФ от 08.12.2011 № 2227-р. // Консультант Плюс: Справ. Прав. система. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения 25.01.2019).

личности, соответствующий переходному периоду от пятого к шестому технологическому укладу.

Методы исследования: дискурс-анализ эссе, выполненных студентами младших (первых и вторых) курсов гуманитарных направлений ПетрГУ ($n = 33$, отобранные методом стихийного отбора); интернет-опрос карельской молодежи (электронное анкетирование) от 14 до 30 лет ($n = 1100$ чел., отобранные методом стихийного отбора); экспертный опрос в форме интервью ($n = 15$; отобранные методом «снежного кома»).

Основные результаты и выводы: содержательные концепты дискурс-анализа были направлены на углубление знаний о роли образования в структуре жизненных ценностей молодого поколения.

Предположения, проверяемые нами в ходе исследования, подтвердились частично. Рассуждая о ценности высшего образования в глазах студентов младших курсов – вчерашних школьников, необходимо заметить, что наряду с теми, кто пришел в университет «за знаниями», большая часть участников исследования объясняют свой выбор более широкими возможностями и более высокими шансами последующего трудоустройства. В задачи исследования не входило выяснения причин такого мнения (почему шансы и возможности трудоустройства возрастают с наличием высшего образования, по мнению студентов?). При этом большая часть опрошенных не формулирует конкретных «недостатков», например, среднего профессионального образования, а также не имеет четких планов, связанных с дальнейшей профессиональной деятельностью. Кроме того, часть авторов эссе указывают на преимущества именно обучения в вузе (более широкие возможности самореализации; возможность, кроме учебы, заниматься тем, что тебе нравится и т.д.), а не высшего образования.

Возникает ощущение некой иллюзорности сделанного выбора, учитывая особенности регионального рынка труда. Довольно часто студенты, будучи еще абитуриентами, осуществляют выбор в пользу высшего образования под влиянием внешних обстоятельств (престижность, мнение родителей и учителей, опыт друзей, стереотипы и т.д.), нежели исходя из внутренних убеждений, связанных с ценностью знаний и осознанным выбором конкретного направления обучения. Такая девальвация образовательных ценностей в молодежной среде во много объясняется тем, каким образом выстраивается учебный процесс и ведется деятельность по формированию инновационных ценностей и компетенций в образовательных организациях.

Еще на этапе обучения в школе (особенно сельской) молодые люди ощущают низкий уровень качества формирования компетенций, необходимых для их

успешной личностной и профессиональной самореализации в обществе, что неизбежно сказывается на мотивации и осмыслении образования как одной из инновационных ценностей. Складывающиеся установки в отношении образования, подкрепленные другими социальными условиями (низкий уровень жизни, ограниченные возможности регионального рынка труда, высокий уровень безработицы, отсутствие четкого понимания трудовых и профессиональных перспектив и пр.) тормозят дальнейшее инновационное развитие личности.

Анализируя результаты представленных исследований, можно сделать вывод, что образование занимает значимое место в структуре ценностей карельской молодежи, но чаще воспринимается как инструмент достижения других жизненных целей – формирования себя как состоявшейся личности, утверждения на рынке труда, построения карьеры, материального благополучия, а не как самоценность. Современная молодежь не осознает в достаточной мере ценность самих знаний и возможностей их дальнейшего применения, равно как не оценивает в полной мере возможностей высшей школы в формировании компетенций инновационной экономики. Зачастую выбор в пользу высшего образования делается без глубокого осмысления, не имея под собой серьезной профориентации и обозримых профессиональных планов. Кроме того, нельзя говорить о наличии преемственности между школой и вузом как основными субъектами, формирующими ключевые инновационные ценности и компетенции, и важными институтами социализации личности.

Список литературы

1. Зубок Ю.А., Чупров В.И. Саморегуляция смысложизненных ценностей в культурном пространстве молодёжи // Вестник Института социологии. 2019. Том 10. № 4. С. 164-186.
2. Зубок Ю.А., Чупров В.И. Социокультурный механизм формирования отношения молодежи к образованию // Социологические исследования. 2013. № 1. С. 78-90.
3. Константиновский Д. Л. Молодежь в системе образования: динамика неравенства // Социологический журнал. 1997. № 3. С. 92-123.
4. Кучмаева О.В. Ценностные ориентации современной российской молодежи: особенности и перспективы // Социальная педагогика. 2014. № 1. С. 73-83.
5. Ласточкина М.А. Нравственные ценности современной молодежи (региональное исследование) // Гуманитарные научные исследования. 2014. № 8. URL: <http://human.snauka.ru/2014/08/7535> (дата обращения: 26.05.2020).
6. Константиновский Д.Л. и др. Новые смыслы в образовательных стратегиях молодежи: 50 лет исследования. М.: ЦСП и М, 2015. 232 с.

7. О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года: указ Президента РФ от 07.05.2018 г. № 204.
8. О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации (вместе с Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года): Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 // Консультант-плюс: Справочно-правовая система. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_335184/ (дата обращения: 02.03.2020).
9. Синельников А.Б. Ценностные ориентации российской и европейской молодежи // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2011. №1. С. 145-158.
10. Социально-экономические индикаторы обстановки в обществе // Российская негосударственная исследовательская организация Левада-центр. URL: <https://www.levada.ru/2018/12/10/chem-rossijskaya-molodezh-otlichaetsya-ot-svoih-roditelej/> (дата обращения: 29.12.2019).
11. Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года: Утв. Распоряжением Правительства РФ от 08.12.2011 № 2227-р. // Консультант Плюс: Справ. Прав. система. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения 25.01.2019).
12. Яковлева М.Н. Динамика ценностных ориентаций современной молодежи // Смыслы жизни российской интеллигенции / РГГУ, Социолог. фак-т, Центр социолог. исследований; под общей ред. Ж.Т. Тощенко; редактор-составитель Д.Т. Цибилова. М.: РГГУ, 2018. С. 212-219.

П.В. Разов, О.М. Дудина, Д.В. Голованова
ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве РФ»
г. Москва, Россия

ИЗМЕНЕНИЕ СИТУАЦИИ НА РЫНКЕ ПОСТОЯННОЙ ЗАНЯТОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ФРИЛАНСА ПОСЛЕ ПАНДЕМИИ

Аннотация. В статье описываются изменения на рынке постоянной занятости и перспективы развития фриланса после пандемии. Предмет исследования: объективные и субъективные факторы, влияющие на рынок фриланса после пандемии. Цель работы: показать значимость условий деятельности в формате фриланса для целой группы участников рынка труда, в частности, студенческой молодежи, молодых специалистов, как субъективного фактора, влияющего на сохранение рынка фриланса после пандемии.

Приоритетными задачами определены анализ ситуации на рынке фриланса глазами фрилансеров, а также их жизненных потребностей и интересов, удовлетворение которых возможно именно в этом формате занятости.

Сделан вывод о том, что перспективы развития рынка фриланса после пандемии остаются вполне оптимистичными, если и будет сокращение этого рынка, то относительно незаметное.

Ключевые слова: фриланс; нестандартная занятость; социальное явление; рынок труда; изменение ситуации на рынке труда; перспективы развития фриланса после пандемии.

P.V. Razov, O.M. Dudina, D.V. Golovanova,
Financial University under the Government of the Russian Federation
Moscow, Russia

CHANGE OF THE SITUATION IN THE PERMANENT EMPLOYMENT MARKET AND THE PROSPECTS OF FREELANCE DEVELOPMENT AFTER THE PANDEMIC

Abstract. The article describes the changes in the permanent employment market and the prospects for the development of freelancing after the pandemic. Subject of research: objective and subjective factors affecting the freelance market after the pan-

demic. Purpose of the work: to show the importance of the conditions for activities in the freelance format for a whole group of labor market participants, in particular, students, young professionals, as a subjective factor affecting the preservation of the freelance market after a pandemic.

The priority tasks are to analyze the situation on the freelance market through the eyes of freelancers, as well as their vital needs and interests, the satisfaction of which is possible in this employment format.

It is concluded that the prospects for the development of the freelance market after the pandemic remain quite optimistic, if there is a reduction in this market, it will be relatively unnoticeable.

Keywords: *freelancing; precarious work; social phenomenon; labor market; changing situation on the labor market; prospects for the development of freelancing after the pandemic.*

Современный рынок труда развитых и развивающихся стран характеризуется новыми трендами, такими как развитие нестандартных, так называемых «гибких форм занятости», противопоставляемых занятости традиционной, подразумевающей работу в штате организации, в соответствии с жестким фиксированным графиком труда. Нестандартные виды занятости включают в себя дистанционную работу, «удаленку», занятость в форме фриланса. Некоторые исследования показывают, что на сегодняшний день традиционная форма занятости в общей массе работающего населения составляет 85-90%²⁵⁸. Остальной сегмент рынка труда приходится на нестандартную занятость. Во время бума на рынке труда до пандемии многие работники выбирали внештатную или контрактную работу, потому что они предпочитали гибкость и разнообразие, которые она предлагала²⁵⁹.

В работах таких футурологов как К. Гарейс, А. Горц, Р. Кастель, Р. Лаубахер, Т. Малоун, Д. Пинк, Дж. Рифкин и Ч. Хэнди, концептуализируется новое понятие «будущего труда». Они подчеркивают возрастание нестандартных форм занятости, так как время классической занятости постоянно сужается, и остаться в «ядре» постоянно занятых очень трудно. Поэтому работник должен

²⁵⁸ Особенность трудовых практик фрилансеров в период пандемии COVID-19. URL: https://euroasia-science.ru/wpcontent/uploads/2020/05/Euroasia__473_6_april_2020.pdf#page=40 (дата обращения: 29.09.2020).

²⁵⁹ Акмаева Раиса Исаевна, Карлина Елена Прокофьевна. «О возможных стратегиях развития российских компаний в посткризисный период» // Вестник АГТУ. Серия: Экономика. 2020. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-vozmozhnyh-strategiyahrazvitiya-rossiyskih-kompaniy-v-postkrizisnyu-period> (дата обращения: 29.09.2020).

иметь много форм занятости и источников дохода (так называемый «портфель работ»)²⁶⁰.

В работе Д. Пинка «Нация свободных агентов» труд фрилансеров, анализируется как труд свободных работников, самостоятельно организующих свою работу и жизнь. Эмпирическим материалом послужили многочисленные интервью автора с независимыми работниками и анкетные опросы на собственном сайте²⁶¹.

Переход к новым формам занятости усилился в связи с введением режима самоизоляции в большинстве стран мира, обусловленного пандемией новой коронавирусной инфекции COVID-19. И достаточно быстрым реагированием рынка труда на сложившуюся экономическую ситуацию. Вот лишь некоторые цифры. Международная организация труда оценивает, что эквивалент 400 миллионов рабочих мест был потерян во всем мире во втором квартале 2020 года из-за COVID-19²⁶².

Безработица по всему Европейскому Союзу, как ожидается, вырастет до 9% к концу 2020 года²⁶³. Однако это предварительная оценка. Пандемия COVID-19 также отразилась на уровне занятости населения России. По данным Росстата в августе 2020 в России она составляет 6,4%²⁶⁴.

Однако, положение дел на рынке фриланса внушает оптимизм. В этом сегменте происходят позитивные изменения. Этот сегмент рынка труда столкнулся с возрастанием спроса на рабочую силу. Приведем некоторые цифры. Число вакансий фрилансеров выросло более, чем на 25% в течение квартала с апреля по июнь 2020 года – по сравнению с первыми тремя месяцами года²⁶⁵.

В России также происходит рост рынка фриланса. Так, по результатам совместного исследования компании QIWI и Фриланс.ру за последние 4 года он составлял 10-15% в год, но в 2020 г. рынок фриланса сократится примерно на

²⁶⁰ Хэнди Ч. Время безрассудства. Искусство управления в организации будущего. СПб.: Питер, 2001. 288 с.

²⁶¹ Пинк Д. Нация свободных агентов: как новые независимые работники меняют жизнь Америки / пер. с англ. М.: Издательский дом «Секрет фирмы», 2005.

²⁶² COVID-19 and the Growing Demand for Freelance Work. 25 September 2020. URL: <https://www.simplilearn.com/growing-demand-for-freelance-work-article> (дата обращения: 29.09.2020).

²⁶³ Changes in the labour market. European data portal. 11 June 2020. URL: <https://www.european-dataportal.eu/en/impact-studies/covid-19/changes-labour-market> (дата обращения: 29.09.2020).

²⁶⁴ Занятость и безработица в Российской Федерации в августе 2020 года (по итогам обследования рабочей силы). URL: https://rosstat.gov.ru/bgd/free/B04_03/IssWWW.exe/Stg/d05/181.htm (дата обращения: 29.09.2020).

²⁶⁵ The pandemic has boosted freelance work – and hiring for these jobs is booming. 6 July 2020. URL: <https://www.cnbc.com/2020/07/07/freelance-work-grows-amid-covid-19-mathstats-game-hiring-in-demand.html> (дата обращения: 29.09.2020).

5%, точнее сказать трудно, так как на рынок может оказать влияние и глобальный экономический спад²⁶⁶.

С целью изучения перспектив развития фриланса после пандемии нами было проведено авторское социологическое исследование. Сбор первичной социологической информации осуществлялся методом интернет-опроса. Анкеты были размещены на различных биржах фриланса, а также в различных группах в интернете, посвященных фрилансу. Время проведения исследования: август-сентябрь 2020 года. В ходе исследования было опрошено 182 фрилансера.

Распределение результатов по полу получилось практически одинаковым: мужчины – 52%, женщины – 48%. По возрасту среди опрошенных преобладает возрастная группа молодежи: лица от 16 до 30 лет составляют 78%, и от 31 года и старше – 22%.

Три четверти респондентов (76%) оценивает сложившуюся экономическую ситуацию в стране весьма негативно: 69% оценило ее как напряженную, кризисную; еще 7% – как катастрофическую. Лишь 1 из 5 опрошенных (19%) оценили экономическую ситуацию в стране как нормальную, спокойную. Остальные респонденты (5%) затруднились ответить.

Далее мы просили оценить респондентов, насколько сложно найти работу в настоящее время для высококвалифицированных специалистов (специалист с высшим образованием в коммерческом секторе: инженер, конструктор, технолог, дизайнер, юрисконсульт, экономист, менеджер и т.п.). Почти 3/5 респондентов (59%) полагают, что сейчас рынок отчасти имеет свободные вакансии, но работу найти не очень легко. 29% опрошенных считают, что на рынке труда вакансий мало, найти хорошую работу (очень) сложно. Лишь 9% считают, что рынок полон вакансий, найти работу несложно. Важно отметить, что активная деятельность у подавляющего большинства в период «карантинных каникул» (март-август 2020) сохранилась: подавляющее большинство опрошенных фрилансеров (83%) ответили, что они получали заказы в это время.

Однако, все-таки у заметной доли опрошенных (у 41%) в условиях пандемии спрос на услуги снизился (у 28% – незначительно снизился; у 13% – значительно/ очень сильно снизился). У 1/3 респондентов он остался на прежнем уровне. А примерно у 1/4 фрилансеров (у 27%) спрос даже увеличился.

Экономические условия деятельности фрилансеров все же сказались на расценках за услуги. Почти 30% респондентов отметили, что стоимость услуги снизилась (21% – снизилась незначительно; 9% – снизилась значительно). У боль-

²⁶⁶ Рост рынка фрилансеров может резко замедлиться в 2020 году. URL: <https://www.vedomosti.ru/business/news/2020/04/16/828228-rost-rinka-frilanserov> (дата обращения: 29.09.2020).

шей части (42%) они остались на прежнем уровне. Но были и те, у кого расценки повысились. Они составили 28% опрошенных (при этом, у 19% – повысились незначительно; у 9% – повысились значительно).

Любая экономическая ситуация преломляется через сознание людей, осмысление ими преимуществ и недостатков своего рабочего места. На основе мысленного взвешивания альтернатив люди, в конечном итоге, принимают то или иное экономическое решение. Поэтому для сохранения рынка нужны не только объективные основания, но и субъективные, связанные с тем, что люди рассматривают для себя возможности удовлетворения различных интересов и потребностей при занятости в формате фриланса.

Какие потребности смогли опрошенные в реальности удовлетворить с помощью фриланса? Так, оказалось что, в первую очередь, это «реализация своих способностей в профессии» (31,9%), «возможность совмещать работу с учебой» (30,8%). Они поделили 1-2 места. А вот на третье место вышла не высокая зарплата, а «возможность работать в одиночестве» (24,7%). На 4 месте в списке оказалось «большее время для досуга» (19,8%). А высокая зарплата «уехала» на одно из последних мест. Ее удалось достичь лишь 15,4%. А далее следуют приятные бонусы, в виде: увеличения ценности свободного времени (18,1%), уменьшения расходов (на проезд на работу/ с работы, расходы на питание на работе и т.д.) – 17%, получения большего удовольствия от работы (16,5%), в целом повышения удовлетворенности жизнью (16%), повышения настроения (16%).

Итак, на основе вышеизложенного мы можем сделать вывод, что объективные факторы, связанные с мировым и страновым локдаунами, оказали достаточно противоречивое воздействие на деятельность фрилансеров. С одной стороны, рынок услуг сохранился, но несколько сужается, и несколько снижается уровень стоимости услуг. С другой стороны, есть субъективные факторы, в виде значимых потребностей фрилансеров, обусловленных этапом жизненного цикла, которые способствуют выбору этого формата занятости. Поэтому можно ожидать, что перспективы развития рынка фриланса после пандемии остаются вполне оптимистичными, если и будет сокращение этого рынка, то относительно незаметное.

Список литературы

1. Хэнди Ч. Время безрассудства. Искусство управления в организации будущего. СПб.: Питер, 2001. 288 с.
2. Пинк Д. Нация свободных агентов: как новые независимые работники меняют жизнь Америки / пер. с англ. М.: Издательский дом «Секрет фирмы», 2005.

УДК 379.85 / ББК 60.82

О.В. Рогач

*ФГБОУ ВО «Российский государственный социальный университет»
г. Москва, Россия*

**КЛЮЧЕВЫЕ ФОРМЫ КОНВЕРТАЦИИ
СОЦИАЛЬНОГО КАПИТАЛА МЕСТНЫХ СООБЩЕСТВ
В РАЗВИТИЕ ТУРИСТИЧЕСКОЙ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТИ
МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ РФ²⁶⁷**

Аннотация. В статье приводятся результаты исследования общественного мнения по вопросам определения ключевых форм конвертации социального капитала местных сообществ в развитие туристической привлекательности территории. Установлено, что жители муниципальных образований более высоко оценивают такие формы совместной деятельности, которые бы предполагали получение коммерческой выгоды в ближне- или среднесрочной перспективе (субсидирование, предпринимательство, снижение налоговой нагрузки и прочее). А также те формы, которые позволят реализовать местным жителям свой профессиональный или творческий потенциал (креативные кластеры, волонтерство).

Ключевые слова: социальный капитал; местные сообщества; муниципальные образования; туристическая привлекательность; туризм.

O.V. Rogach

*Russian State Social University
Moscow, Russia*

**KEY FORMS OF CONVERTING THE SOCIAL CAPITAL
OF LOCAL COMMUNITIES INTO THE DEVELOPMENT OF TOURIST
ATTRACTIVENESS OF MUNICIPALITIES IN THE RUSSIAN FEDERATION²⁶⁸**

Abstract. The article presents the results of public opinion research on the issues of determining the key forms of converting the social capital of local communities into the de-

²⁶⁷ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-011-00565 «Взаимодействие ключевых субъектов местных сообществ в целях повышения туристической привлекательности российских территорий: ограничения, ресурсы и технологии развития».

²⁶⁸ The research was funded by RFBR, project number 19-011-00565.

velopment of tourist attractiveness of the territory. It has been found that residents of municipalities have a higher appreciation for such forms of joint activity that would involve obtaining commercial benefits in the short or medium term (subsidies, entrepreneurship, reducing the tax burden, and so on). As well as those forms that will allow local residents to realize their professional or creative potential (creative clusters, volunteering).

Keywords: *social capital; local communities; municipalities; tourist attraction; tourism.*

Индустрия туризма традиционно является важнейшим катализатором территориального развития [4]. Однако, новые условия, сложившиеся под воздействием пандемии COVID-19, закрытия государственных границ, ликвидации значительной доли малого и среднего туристического бизнеса, несомненно, изменяют облик «туризма» как социально-экономического феномена. Вместе с тем муниципальные образования в России не обладают сегодня достаточной материально-технической и экономической базой для формирования и наращивания туристского потока; инфраструктурный профиль многих муниципалитетов находится в аварийном состоянии; наблюдается дефицит местных бюджетов [3;4;6]. Все это не позволяет рассматривать экономические механизмы в качестве приоритетных в контексте формировании туристского предложения, развития внутреннего туризма в России.

Компенсатором сложившихся дисфункций может стать обращение местных властей к социальному капиталу местных сообществ [5]. Это связано с тем, что население муниципальных образований является на сегодняшний день «ключевым актором туристской дестинации», обеспечивая создание уникального культурного облика российских городов, сохранение аутентичных ценностей и, что не менее важно, формирование культуры гостеприимства [1]. Повышение вовлеченности жителей в проекты, позволяющие реализовать коллективные интересы, цели социально-экономического развития территории, требует от муниципалитетов активной работы по формированию доверия, продвижению идей солидарности, кооперации и толерантности [2].

В целях определения ключевых форм конвертации социального капитала местных сообществ в развитие туристической привлекательности муниципальных образований РФ автором было проведено исследование (N=732). Средний возраст опрошенных в образце составил 36.25 лет с диапазоном 23-61 год. При этом 66.7% респондентов проживают в крупных муниципальных образованиях общей численностью более 150 тыс. человек. 16.4% респондентов в муниципальных образованиях численностью менее 20 тыс. человек.

Ключевыми формами включения местных жителей в развитие туристической привлекательности территорий, по мнению опрошенных, должны стать проек-

ты социального партнерства (36.6%), субсидирование социальных инициатив в сфере туризма (65.4%), развитие бизнес-структур и микропредпринимателей, осуществляющих свою деятельность в сфере туризма (76.9%). Высокие оценки заслужила взаимная реклама и создание единой линейки турпродукта/услуги (75.6%), снижение налоговой нагрузки для бизнес-структур, осуществляющих свою деятельность в системообразующей отрасли муниципального образования (в данном случае речь идет о туристической отрасли) – 77.9%.

60.1% опрошенных позитивно оценивают практики формирования креативных кластеров. Данные респонденты рассматривают творческие коллективы, микропредпринимателей и активных представителей местных сообществ как драйверов развития туристической привлекательности города. Результаты опроса показали, что 40% респондентов поддерживают идеи формирования общественных объединений и ассоциаций, чья деятельность будет направлена на развитие внутреннего туризма.

Более $\frac{2}{3}$ респондентов высказывают уверенность, что волонтерство является одной из ключевых форм конвертации социального капитала в развитие туристической привлекательности территории муниципального образования. Среди опрошенных доминирует мнение о придании добровольческим движениям ведущей роли в сохранении культурно-исторического наследия российских территорий.

Особое значение придается необходимости привлечения молодежи к продвижению культурного достояния российской цивилизации, сохранению «исторической памяти» россиян. Ключевыми направлениями работы волонтерских движений в целях развития туристической привлекательности муниципальных образований, респондентами указаны следующие из них: уборка и украшение улиц (58.3%) реставрация памятников историко-культурного наследия как объектов туристского притяжения (54.4%), участие в народных гуляниях и массовых мероприятиях (34.6%); организация творческих коллективов и креативных кластеров (68.4%).

Однако признание респондентами важности волонтерской деятельности, «не подтверждено» с их стороны соответствующими действиями: 87.2% опрошенных никогда не принимали участия в волонтерских движениях в области культуры и/или туризма. Большая часть респондентов недостаточно информирована о содержании и специфике волонтерского движения в России. Этот факт отметило более $\frac{2}{3}$ опрошенных.

По мнению большинства респондентов, указанные выше формы привлечения местных жителей к развитию туристической привлекательности муниципальных

образований не получили сегодня должного распространения со стороны местных властей. Об этом говорят 78.3% опрошенных. Кроме того, респондентами отмечается высокий уровень недоверия к инициативам местных властей как в сфере туризма, так и в целом («полностью не доверяю» и «скорее не доверяю, чем да» отметило 34.3% и 55.8%, соответственно).

Таким образом, материалы исследования позволяют сделать вывод, что жители муниципальных образований более высоко оценивают такие формы совместной деятельности, которые бы предполагали получение коммерческой выгоды в ближне- или среднесрочной перспективе (субсидирование, предпринимательство, снижение налоговой нагрузки и прочее). А также те формы, которые позволяют реализовать местным жителям свой профессиональный или творческий потенциал (креативные кластеры, волонтерство). Благотворительность/спонсорство, проекты социального партнерства в сфере туризма в виду высокого уровня недоверия населения к действиям местных властей не нашли сегодня поддержки среди представителей местных сообществ.

Список литературы

1. Гончарова Н.А. Местное сообщество как ключевой актор туристской дестинации // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 2-7. С. 158-163.
2. Лысикова О.В. Современные туристы и местные жители: социальные практики взаимодействия // Журнал социологии и социальной антропологии. 2011. Т. XIV. № 5 (58). С. 270-277.
3. Фролова Е.В. Социальная инфраструктура российских муниципальных образований: состояние и ресурсы модернизации. Социологические исследования. 2014. № 12 (368). С. 51-58.
4. Фролова Е.В., Кабанова Е.Е. Развитие туристической привлекательности российских территорий // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2016. № 1 (43). С. 153–166.
5. Чернега А.А. Конвертация ресурсов в капитал в сфере туризма (на примере городов Великий Устюг и Мышкин) // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2015. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/konvertatsiya-resursov-v-kapital-v-sfere-turizma-na-primere-gorodov-velikiy-ustyug-i-myshkin> (дата обращения 22.04.2020).
6. Чернышёва М.В. Благотворительность малого и среднего бизнеса в малом городе: эмпирический анализ. Экономическая социология. 2016. Т. 17. № 4. С. 129–163.

УДК 316.4 / ББК 60.5

М.Е. Родионова
ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве
Российской Федерации», г. Москва, Россия

**СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И ПРОГНОЗЫ РАЗВИТИЯ
ЖЕНСКОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В РОССИИ²⁶⁹**

Аннотация. В статье представлен анализ особенностей женского предпринимательства в России (на основе данных «Опора России»), представлены созданные инструменты по оценке благоприятной среды в женском предпринимательстве; отдельно рассмотрены первые меры, которые были вызваны введенными ограничительными мерами в связи с пандемией, предпринятые меры со стороны государства по поддержке малого и среднего бизнеса в России.

Ключевые слова: женское предпринимательство; гендер; пандемия; COVID-19; социальные риски.

M.E. Rodionova
Financial University under the Government of the Russian Federation
Moscow, Russia

**MODERN TRENDS & FORECASTS OF WOMEN'S ENTREPRENEURSHIP
DEVELOPMENT IN RUSSIA²⁷⁰**

Abstract. The article presents an analysis of the peculiarities of women's entrepreneurship in Russia (based on the data of "Support of Russia"), presents the tools created to assess the favorable environment in women's entrepreneurship; separately considered the first measures that were caused by the imposed restrictive measures in connection with the pandemic, the measures taken by the state to support small and medium-sized businesses in Russia.

Keywords: women's entrepreneurship; gender; pandemic; COVID-19.

В России доля предпринимателей традиционна невысока, но тем не менее она выполняет значимый вклад в устойчивость экономики, обеспечивая и региональное развитие, устойчивую занятость, снижая бедность в наиболее депрессивных территориях, предоставляя доступ к широкому спектру товаров и услуг, способ-

²⁶⁹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00519.

²⁷⁰ The research was funded by RFBR, project number 20-011-00519.

ствуя и трансферу технологий и тем самым обеспечивая долгосрочное социально-экономическое развитие.

Почти более 90% социально-ориентированного бизнеса и проектов в сфере развития и образования детей сегодня реализуется именно женщинами. Серьезный акцент на идеях развития социального предпринимательств лежит именно в женском предпринимательстве, а также все что касается образовательных проектов, связанных с развитием детей и дошкольным образованием. Более половины трудоспособного населения в нашей стране составляют женщины, их доля в малом бизнесе составляет менее 30%. Что существенно ниже уровня стран с развитыми и диверсифицированными экономиками. 43% компаний в России возглавляют женщины²⁷¹.

Малые и средние компании в гораздо большей степени, чем крупные, уязвимы для внешних шоков, сильнее реагируют на повышение транзакционных издержек и в условиях экономического кризиса первыми попадают под удар, поэтому ниже мы в первую очередь приведем первые меры поддержки малых и средних компаний в условиях пандемии²⁷².

По данным общественной организации малого и среднего предпринимательства «Опора России» более четверти российских предпринимателей являются именно женщинами. По мнению Опоры России, а именно учрежденного Комитета по развитию женского предпринимательства, активная популяризация бизнеса (деятельности среди женщин) может и должна лежать в создании новых и масштабирования успешных проектов женщин-предпринимателей, разработки и реализации программ поддержки мам, занимающихся бизнесом, обеспечения их доступа к информации, рынку, образования и финансам. Основными направлениями деятельности Комитета в связи с этим стали следующие направления: экспертная и законодательная работа, образовательные программы, популяризация и тиражирование, международная деятельность, финансовые программы. Один из созданных проектов Опорой России и поддержанный Председателем Совета Федерации Матвиенко В.И. был включен в Национальную стратегию в интересах женщин на 2017-2022 гг.

В партнерстве с Агентством стратегических инициатив был создан первый в России инструмент оценки деловой и социальной среды для развития женского предпринимательства – Индекс женской предпринимательской активности (WBI)

²⁷¹ <https://opora.ru/projects/zhenskoe-predprinimatelstvo/>

²⁷² Земцов С.П., Царева Ю.В. «Тенденции развития сектора малых и средних предприятий в условиях пандемии и кризиса» // Экономическое развитие России=Russian economic development. 2020. Том 27. № 5.

(демонстрирующий уровень благоприятности деловой и социальной среды для развития женского предпринимательства в России).

Всего на данный момент проведено шесть волн исследования, что позволяет анализировать динамику показателей. Респондентами являются как женщины, не являющиеся предпринимателями (от 18 до 60 лет) и женщины-предприниматели и женщины-руководители/владельцы предприятий сегмента малого и среднего предпринимательства.

Шестая волна индекса 2019 года продемонстрировала, что 43% женщин отмечают улучшение отношения общества к занятию бизнесом, 94% женщин считают, что предпринимательство позволит им достигнуть финансового благополучия, отсутствие начальства и самореализацию; 88% женщин затрудняются открыть свой бизнес по причине отсутствия финансовых возможностей (стартового капитала). За последние шесть месяцев 50% опрошенных женщин-предпринимателей получали дополнительное образование. По данным Индекса женской предпринимательства 53% женщин используют интернет в бизнес-процессах, 37% интегрируют существующие цифровые технологии в свой бизнес, 47% женщин уделяют достаточное внимание информационной безопасности.

Экономические потрясения мирового масштаба от азиатского коронавируса, вспышка которого прихлась на начало 2020 года, будут проявляться в течение нескольких ближайших кварталов, а по оценкам некоторых экспертов восстановление экономики в новом уже формате может продлиться от 1 до 2-х лет. Происходящие события уже сравнивают по масштабу воздействия с мировыми войнами, которые меняли привычное поведение миллионов людей. С большей долей уверенности можно сказать, что грядут перемены глобального свойства

Значимость приобретает тема поддержки малого и среднего бизнеса в условиях нестабильности и кризисных условиях как например в условиях пандемии. Развитие малого предпринимательства является важнейшим условием перехода государства к полноценному рынку с приоритетом устойчивого экономического развития. Первыми мерами поддержки для организаций и индивидуальных предпринимателей в России стали: 1) приостановление проверок до 31 мая включительно, 2) приостановление мер взыскания в отношении субъектов малого и среднего предпринимательства, приостановление мер взыскания до 1 мая 2020, 3) не применяются решения о банкротстве с 16 марта во исполнение решений оперативного совещания Председателя Правительства Российской Федерации М.В. Мишустина 4) были продлены сроки сдачи отчетности (налоговые декларации по НДС и расчеты по страховым взносам за 1 квартал 2020 года). Малый и средний бизнес оказался без подушки безопасности как в зарубежных странах.

Список литературы

1. Земцов С.П., Царева Ю.В. «Тенденции развития сектора малых и средних предприятий в условиях пандемии и кризиса» // Экономическое развитие России=Russian economic development. 2020. Том 27. № 5.
2. Пиньковецкая Ю.С. Развитие женского предпринимательства: экономические и социальные аспекты // Экономика и управление. 2018 С. 90-99.
3. Черняков М.К., Осипов А.А. Программы, направленные на поддержку малого бизнеса в связи с пандемией 2020 года // Финансовые рынки и банки. 2020. № 3.

УДК 304.44 / ББК 87.66

А.А. Сауткин, Е.В. Филиппова
ФГБОУ ВО «Мурманский арктический государственный университет»
г. Мурманск, Россия

**МЕЖКУЛЬТУРНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ И КУЛЬТУРНЫЙ ОТБОР:
«ИНФОРМАЦИОННАЯ ДИЕТЕТИКА» КАК КОНЦЕПТ И ПРАКСИС²⁷³**

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению проблемы асимметричного и неоднозначного влияния процессов «миграции идей» на участников межкультурной коммуникации в условиях глобализации. Обосновывается возможность описания информационного трансграничного взаимодействия в терминах «режима потребления информации» и «информационной диететики».

Ключевые слова: культура; граница; межкультурное взаимодействие; миграция идей; потребление информации; глобализация.

A.A. Sautkin. E.V. Philippova
Murmansk Arctic State University, Murmansk, Russia

**INTERCULTURAL INTERACTION AND CULTURAL SELECTION:
“INFORMATION DIETETICS” AS A CONCEPT AND PRAXIS²⁷⁴**

Abstract. The article is devoted to the consideration of the problem of asymmetric and ambiguous influence of the processes of “migration of ideas” on the participants of

²⁷³ Исследование выполняется при финансовой поддержке РФФИ и РЯИК в рамках научного проекта № 20-511-23002 «Миграция идей и формирование национальных философских традиций: диалоги поверх границ».

²⁷⁴ The research was funded by RFBR, project number 20-511-23002.

intercultural communication in the context of globalization. The possibility of describing information transboundary interaction in terms of “information consumption regime” and “information diet” is substantiated.

Keywords: *culture; border; intercultural interaction; migration of ideas; consumption of information; globalization.*

Одной из фундаментальных проблем современной гуманитарной науки выступает проблема соотношения национального и универсального в культуре. Данная проблема может быть осмыслена посредством изучения межкультурных взаимодействий, осуществляемых путём трансграничной миграции людей и идей, постепенно изменяющих базовые мировоззренческие установки в рамках каждой из культур. Сравнительный анализ этих процессов позволяет делать выводы как об универсальных закономерностях «миграции идей», так и о специфических способах освоения философских концептов, ценностей и социокультурных паттернов в рамках конкретной культуры.

Указанная проблематика рассматривается нами в контексте выявления общих механизмов и специфических особенностей формирования национальных философских систем на примере России и Венгрии в эпоху Нового и Новейшего времени, что позволяет осмыслить закономерности освоения периферийными культурными зонами инаковых моделей мышления, выступающих факторами ускорения модернизационных процессов в обществе, равно как и поставить вопрос о действии этих закономерностей в настоящее время.

При всём различии (прежде всего этноязыковом и конфессиональном), Россию и Венгрию исторически объединяет сначала «имперское», а затем «коммунистическое» прошлое, травматичный постсоветский опыт, периферийная позиция в европейском культурном ареале и нынешняя «частичная» интеграция в единое европространство, носящая неполный характер на почве столкновения противоположных движений глобализма и антиглобализма.

В ходе исследования планируется сформировать представление о моделях движения идей, ценностей и установок, исходящих из «центров культурного влияния» в зоны «периферии», и о тех трансформациях, которые они претерпевают во взаимодействии со средой культуры-реципиента. Проведенное исследование позволит вписать новые научные данные о взаимодействии национальных философских традиций в контекст осмысления социокультурных границ и трансграничных процессов в рамках особого междисциплинарного поля, именуемого «Границеведение» («Borderology»).

Современный глобализированный мир, как никогда в истории, взаимосвязан и взаимозависим на всех уровнях социального взаимодействия – от между-

народного до межличностного, от глобальной экономики и геополитики до повседневной жизни людей. По словам немецкого исследователя Вольфганга Вельша, «старая гомогенизирующая и сепаратистская идея культур ... была преодолена за счет внешних культурных сетей. Сегодняшние культуры чрезвычайно взаимосвязаны и переплетены друг с другом. Образ жизни больше не заканчивается на границах национальных культур, но выходит за их рамки... Новые формы запутанности (*entanglement*) являются следствием миграционных процессов, а также всемирных материальных и нематериальных коммуникационных систем и экономических взаимозависимостей и зависимостей» [1, с. 198].

Глобальное общество – прежде всего, общество информационное. При этом взаимодействие культур в условиях глобализации в значительной степени проходит под знаком безальтернативного распространения ценностей неолиберального мультикультурализма, что актуализирует вопросы утраты, обретения, сохранения идентичности и (пере)установления границ. Проблема миграции идей и диалогов «поверх границ» заключается, помимо прочего, в том, что не все идеи и диалоги оказываются благотворными для культур-реципиентов, некоторые могут даже нести угрозу национальному самосознанию и государственной целостности. Это актуализирует необходимость культурного отбора – как на общегосударственном, национальном уровне, так и на уровне отдельных сообществ. Государство, крупные информационные агрегаторы и иные агенты массовой коммуникации могут блокировать распространение потенциально вредоносного контента, т.е. устанавливать определенный информационный «режим».

В 2018 г. Оксфордский словарь английского языка назвал словом года прилагательное «*toxic*» (токсичный), которое, помимо своего буквального значения, стало активно использоваться и в переносном смысле. Токсичными (вредоносными, разрушительными) могут быть люди, коллективы, отношения, гендерные конструкты, информация и, надо полагать, многое другое.

Эта метафорическая токсичность и порождаемые ею социальные риски уже стали предметом специализированных исследований, осуществляемых в самых разных полях: язык ненависти; кибербуллинг; негибкие гендерные установки; информация, причиняющая вред здоровью и развитию детей, и др. Обобщая, можно свести всё в конечном итоге к циркуляции информационных потоков, часть которых несёт в себе потенциальную угрозу. Поскольку речь идёт о потреблении информации и о различных режимах этого потребления, то мы будем использовать понятие «информационная диететика».

Чрезвычайно важным, по ряду причин, выступает здесь понятие границы:

1) поскольку диететика предполагает определенный порядок потребления такого продукта, как информация, то она будет выстраиваться на основании разграничения и рубрикации отдельных категорий «продуктов» (отдельно мы поставим вопрос: «Будут ли это разграничение и эта рубрикация предварительно проведены до установления определенного диететического предписания либо же они неотделимы от самого процесса становления системы правил потребления информации?»);

2) информационные потоки не являются абсолютно изолированными сущностями, чем-то вещным, что позволяло бы их чётко отличать друг от друга на основании известных и относительно устойчивых признаков, следовательно, мы можем задаться вопросом: «Каким образом может происходить различие и отграничение этих потоков друг от друга?»;

3) восходящая к И.Г. Гердеру концепция отдельных культур, каждая из которых характеризуется социальной гомогенностью, этнической консолидацией и межкультурным размежеванием (по отношению к инаковым культурным образованиям), вряд ли может рассматриваться в наши дни как хороший методологический инструмент: на смену классическим современным представлениям пришли категории транскультуральности, транслокальности и т.п., что требует обновления нашего понимания роли границы и специфики пограничных явлений.

Таким образом, трансграничные диалоги могут попадать в разные «режимы» производства, распределения, потребления инфопродукта. Очевидно, что в ситуации транскультуральности нам сложно определять диететические правила потребления информации: с одной стороны, пресловутый «диалог культур» предполагает продуктивное освоение новых идей и иных элементов чужих культур, с другой стороны, мы спрашиваем себя: а не размывает ли потребление этих культурных продуктов основания нашей социокультурной (этнической, религиозной и т.д.) идентичности? В конце концов, понятие «soft power» Джозефа Ная отнюдь не утратило своего значения. Каким образом мы можем прийти к пониманию, что является (или может являться) токсичным для нас? Каким образом мы можем предвосхитить характер влияния усвоенного «продукта» и просчитать связанные с этим риски? И еще один немаловажный вопрос: кто определяет «режим» потребления?

Список литературы

1. Welsch W. Transculturality – the Puzzling Form of Cultures Today // Spaces of Culture: City, Nation, World / Ed. by Mike Featherstone and Scott Lash. London: Sage, 1999. P. 194–213.

Т.Н. Серегина
ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве РФ»
г. Москва, Россия

ГЕНДЕРНЫЕ ПРОЦЕССЫ В ГОРОДСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ²⁷⁵

Аннотация. В статье рассматривается проблема трансформации городского пространства современного общества. Феномен города можно определить как тип взаимодействия и коммуникации на основе новой системы ценностей. Показаны факторы изменения города в условиях формирования нового гендерного порядка.

Ключевые слова: город; ценности; гендер; новый гендерный порядок.

T.N. Seregina
Financial University under the Government of the Russian Federation
Moscow, Russia

GENDER PROCESSES IN URBAN SPACE²⁷⁶

Annotation. The article deals with the problem of transforming the urban space of modern society. The city phenomenon can be defined as a type of interaction and communication based on a new value system. The factors of change in the city in the conditions of the formation of a new gender order are shown.

Keywords: city; values; gender; new gender order.

Современный мир сформирован тремя процессами: глобализация, индустриализация и урбанизация. Ведущим процессом становится урбанизация. В городском пространстве проходит индустриализация, города строятся как пространство для заводов и фабрик, жизнь в городе подчинена ритмам и функциям работы индустрии. С середины XX века города становятся проводниками глобальных процессов.

Согласно докладу ООН в 2008 году более 50% населения живет в городах. В СССР этот процент был зафиксирован в 60-е годы XX века, сейчас в российских

²⁷⁵ Исследование проведено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00519 А «Вызовы и риски формирования нового гендерного порядка и социальный механизм управления им в России».

²⁷⁶ The research was funded by RFBR, project number 20-011-00519 A.

городах проживает более 75% населения. Город становится реперной точкой изменений, происходящих в современном мире и одновременно катализатором всех трансформаций.

Феномен города исследуют в качестве важнейшего фактора развития общества с конца XIX – начала XX века. Город изучают как пространство, которое наполнено ценностями, смыслами и коммуникациями. М. Вебер, описывая экономическую доминанту городского пространства говорит о взаимозависимости с культурой, горожане – новый тип общественной организации. Г. Зиммель говорит о новом типе взаимодействия горожан в пространстве города – социальных практиках, В. Беньямин описывает город как исторический феномен. О. Шпенглер считает город воплощением упадка культуры, синонимом и ярким воплощением цивилизации. Таким образом уже в самом начале исследований города стало понятно, что он сложный, самоорганизующийся феномен, в котором переплетены все функции социального организма, индивидуальное и социальное, общее и особенное, но культурный и коммуникационно-ценностный фактор отмечают все исследователи. Центральным звеном, остовом всех процессов в городе становится новый тип коммуникации, который трансформирует городское пространство и изменяет взаимоотношения в городе, ценности, способ и варианты идентификации.

Методологически именно коммуникативный подход к пониманию социальных, в том числе и гендерных, процессов в городе становится определяющим. Город выполняет множество функций, Нехамкин В.А. и Сачкова В.А. выделяют следующие функции: антропологические: культурно-воспитательная, культурно-историческая, коммуникационная, гуманистическая и социологические: ролевая, информационная, конструктивно-ценностная, управленческая, интеграционно-синтезирующая.

Городская коммуникация характеризуется следующими особенностями: формирование пространств для коммуникации, стремление к разнообразию и новациям, появление приватного личного пространства в общественном, публичном, появление пространств «третьих мест».

М. Кастельс одним из первых стал изучать город как пространство коммуникаций и пришел к выводу, что это пространство сетевое, которое сформировано под влиянием массовых коммуникаций. Ч. Лэндри указывает, что главное качество городского пространства – креативность. Бодрийяр отмечает, что город и горожане – это сообщество культуры потребления.

М. Маклюэн назвал современный мир «глобальной деревней», городской мир по форме и в пространстве, по своей сути, функциям, способу и результату коммуникации становится «деревенским», прозрачным открытым, в нем нет приватности. Меняются и ценности такого мира – это доверие, культ чести, репутации.

Городское пространство формируется для досуга и удовольствия, идентификации и солидарности. З. Бауман заметил, что для городской ситуации начала XX века характерно доминирование частного, приватного пространства над общественным, публичным. Необходим новый способ взаимодействия в городском пространстве частного и публичного, так как для современного мира процессы передачи культурного и исторического опыта, социализации и инкультурации. Особую роль в гармонизации этих процессов играет коммуникация, компромисс, солидарность.

Э. Гидденс говорит о городе как о единой социальной системе в координатах пространства – времени, где взаимодействие определяется ситуацией. Данный подход становится актуальным в связи с изменением в сетевом мире современных подходов к пониманию пространства и времени и их роли в бытии человека. Город и горожанин становятся все меньше зависимыми от пространства и времени, вообще, и конкретного города в частности.

Процессы глокализации определяют специфику идентичности города: появляются глобальные города, гибридные режимы и культуры, трансформационные процессы, процессы рисков, вызовов и неустойчивости, процессы дивергенции и конвергенции. Появление урбанистических сетей как информационных сетей личностных и групповых связей, которые функционируют в глобальных городах отмечает Филимонова О.Ф. Сетевой подход учитывает разнообразные связи, основан на слабых связях и поддерживает не только формальные и устоявшиеся взаимоотношения, но и временные, случайные, вариативные. С. Московичи отметил влияние сетевого на формирование образа жизни и процессы самоидентификации, самоопределения личности в городе формируется иная система ценностей, мотивов, норм и правил поведения. Используются горожанами только те ценности и нормы, которые позволяют коммуницировать и формировать специфическую городскую идентичность.

Теория сетей определила власть как зависимость городском пространстве от ресурсов. Сетевой город – новый тип города, по определению С. Сассен, узловой центр. Город XX века, согласно методологии чикагской школы, понимаемый как город количественный с четкой географической, пространственной определенностью трансформируется под влиянием информационных технологий и внедрением сетевых технологий. Это связано с процессами коммуникации и информатизации современного мира, «революцией третьего сектора» и глобальными процессами, а с точки зрения П. Сорокина порядок в сети устанавливается системой норм и ценностей.

Трансформации проходят по линии ценностной идентичности горожан. Очевидным становится вопрос о необходимости новых подходов к пониманию городского пространства и роли функций горожан, их ценностей в пространстве города. В XXI веке общество вступают в новый этап развития, Г.Г. Силласте обо-

значила его как новый гендерный порядок – «новый порядок жизни и деятельности, социального и межличностного взаимодействия мужчин и женщин как системообразующих социально-демографических общностей на основе гендерного равноправия». Согласно данному подходу, общество формируется под влиянием постмодернистских ценностных норм. Город становится пространством, в котором гендерный порядок воплощается в полной мере.

Современный город приобретает «женское лицо». Женщины включены в активную социальную жизнь с начала XX века, это произошло благодаря получению ими образования, они становятся независимой и влиятельной силой общества.

Важнейшей проблемой, которая решается в городе становится проблема равноправия женщин и мужчин, город как пространство политического становится той площадкой, которая позволяет решить эту проблему.

Следующей проблемой становится проблема экономического статуса женщины и ее роли в экономической структуре общества. По данным International Labour Organization женщины составляют почти 50% мирового населения, но совокупный вклад ВВП только 37%. Это связано с тем, что женщин меньше в предпринимательстве 51% против 36% мужчин, они получают меньше зарплаты, чаще работают в непроизводительных секторах экономики, в неоплачиваемой деятельности. Женщины становятся жертвой так называемого «наказания» за материнство: оплата их труда падает после рождения ребенка. В городе XXI века ситуация меняется, об этом говорят данные Huberman & Minns – рабочая неделя сокращается и горожанин готов больше времени посвящать своему развитию, семье. Городская экономика, следуя за социальными изменениями глобального мира, определяет появление новых функций города. Город индустриальный трансформируется в город экономики услуг, город-офис. Одновременно меняется профессиональный состав и способ жизни, варианты коммуникаций горожан. Меняется не только пространственные характеристики взаимодействия горожан, но и временные, город становится виртуальным, а время измеряется глобальными циклами и не зависит от географической привязки.

Город производит новые формы неравенства, сегрегации и дискриминации. На смену этническим, расовым, гендерным критериям приходят требования к равному доступу к социальным благам, качеству профессиональной деятельности, качеству трудовых ресурсов и качеству повседневной жизни.

В XXI веке появляются новые формы и цели миграции в город, которые отвечают социально-экономическим запросам горожан. Трудовая миграция XX века – из сельской местности в город, сменяется на миграцию из малых и средних городов в мегаполисы и агломерации. Меняются также условия, факторы

и требования к целям такой миграции. В XX веке основные требования были к уровню дохода и социальному пакету, которые предоставляет профессия, в XXI – она зависит не только от социально-экономических условий, она учитывает ценности и смыслы субъектов миграции, возможности получения качественного образования и медицинского обслуживания, доступность и качество сферы досуга, политические и культурные факторы.

Линии трансформации проходят по «ценностным разломам», в тех сферах общества, где происходят изменение типа или системы ценностей. Город исторически был пространством, в котором традиционные аграрные ценности сменились индустриальными, а затем постиндустриальными ценностями. Новый гендерный порядок строится на основе ценностей и смыслов постиндустриального мира. Новый гендерный порядок в городе сталкивается с проблемами трансформации семьи и ее роли как института, пересмотром ценностного кода, изменением отношения к детям, политической периферийности для женщин, дискриминации женщин и феминизации бедности.

Город при всех противоречивых оценках и подходах к результату его деятельности к типу личности, который он формирует благодаря коммуникации и стремлению креативности изменяет систему ценностей традиционного общества и дополняет систему ценностей индустриального мира. В результате город становится пространством толерантности, диалога, свободы и ответственности, именно они делают возможным длительность в городе. Современный город трансформирует условия, актуальными становятся способности создания возможностей снижения рисков, умения договариваться, город в XXI веке – это социальное пространство порождающее доверие и общение, компромиссы и соучастие.

Новый гендерный порядок становится важнейшей характеристикой ценностно-коммуникационной составляющей города XXI века. Российская цивилизация, проходящая через процесс включения в глобальный мир и одновременно определяющая свой культурно-цивилизационный статус, должна выстроить новую национальную систему ценностей, опираясь на опыт ее исторического развития. Современные российские города как пространство созидание таких ценностей и смыслов необходимо понять, исходя не только из специфики глобальных процессов и глобальных общемировых ценностей цивилизации, но и наполнить их национальным ценностным содержанием.

Список литературы

1. Бауман З. Индивидуализированное общество. М.: Логос. 2002.
2. Вебер М. История хозяйства. Город М.: Канон-пресс-Ц; Кучково поле, 2001. 576 с.

3. Московичи С. Машина, творящая богов. М.: Центр психологии и психотерапии, 1998. 550 с.
4. Нехамкин В.А., Сачкова В.А. Урбанистическая цивилизация и ее роль в современном мире // Вестник МГОУ. Серия «Философские науки». 2013. № 3. С. 38-50.
5. Силласте Г.Г. Социальные транзисии и формирование нового гендерного порядка // Женщины в российском обществе. 2019. С. 3-16.
6. Филимонова О.Ф. Жизненное пространство города: концептуальные основания и ментальные структуры: диссертация на соискание ученой степени доктора философских наук. Саратов, 2004.
7. Sassen S. The frontiers facing urban sociology at the millennium /British Journal of Sociology, Jan. Mar. 2000. Vol. 51 Issue 1. P. 143-160.

УДК 316.4 / ББК 60.5

Г.Г. Силласте
Финансовый университет при правительстве РФ, г. Москва, Россия

СМЕНА ГЕНДЕРНОГО ПОРЯДКА И ЕГО СОЦИАЛЬНЫЕ РИСКИ²⁷⁷

Аннотация. В статье предлагается авторская концепция смены и формирования нового гендерного порядка как одного из феноменов глобализации и смены социального миропорядка. Анализируются смена парадигм старого гендерного порядка, его соотношение с концептом «женского вопроса», особенности гендерного равноправия и гендерного равенства, социальные риски и угрозы процесса формирования нового гендерного порядка.

Ключевые слова: гендерный порядок; социальные риски; социогендерные риски; гендерное равноправие; гендерное равенство; социальный порядок; женский вопрос.

G.G. Sillaste
Financial University under the Government of Russian Federation, Moscow, Russia

CHANGING THE GENDER ORDER AND ITS SOCIAL RISKS²⁷⁸

Abstract. The article offers the author's concept of changing and forming a new gender order as one of the phenomena of globalization and changing the social world

²⁷⁷ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00519 «Вызовы и риски формирования нового гендерного порядка и социальный механизм управления им в России».

²⁷⁸ The research was funded by RFBR, project number 20-011-00519 «Challenges and risks of forming a new gender order and the social mechanism of managing it in Russia».

order. The article analyzes the change of paradigms of the old gender order ,its correlation with the concept of “women’s issue”, the features of gender equality and gender equality, social risks and threats of the process of forming a new gender order.

Keywords: *the gender order; social risks; Social Engine risks; gender equality; gender equality; social order; women’s issues.*

Тезис 1. Глобализация и социальные транзисии энергии распада советского уклада жизни и экономического развития закономерно изменяют социальные нормы гендерного уклада и формируют новый гендерный порядок, свойственные ему социальные нормы и ценности. После распада СССР, а с ним и всей социалистической мир-системы как части мир-системы, стал набирать силу процесс консолидации однополярного мира, идеологической ревизии социальных и социокультурных ценностей, экономической и политической систем стран, сменивших социалистическую систему развития на капиталистическую, государственную модель экономики на рыночную. Мир-система в целом и российская-конкретно пришли в состояние социальной тектоники, обусловившей многочисленные сложные по своим последствиям социальные транзисии в системе общественных отношений. Социальные транзисии, усиленные глобализацией, стали частью формирования нового мирового социального порядка, а с ним и порядка гендерного как его неотъемлемой части. Социологический анализ социальных деструкций 90-х годов разносторонне раскрыт в монографическом исследовании автора «Гендерная социология и российская реальность» [1,638], а произошедшие за последние 20 лет изменения, их влияние на формирование в России нового гендерного порядка, подлежат анализу в грантовом проекте.

Оценить происходящие в мире социогендерные транзисии (*авт. опред*) можно посредством 1) анализа сущности мировых трендов в области социогендерных отношений и социальных механизмов их развития в страновом социуме; 2) исследований влияния привносимых новых гендерных норм, представлений и социальных ценностей на изменение уклада, порядка и образа жизни мужчин и женщин, семьи и родительских отношений, как части отношений социальных; 3) замера уровня конфликтогенности привносимых новых норм гендерного порядка и на этой основе измерение глубины распространения этих норм и порождаемых ими социальных рисков и угроз.

Тезис 2. Как соотносятся между собой категории «новый гендерный порядок» и «женский вопрос» в модусах социального времени. Термин «женский вопрос» появился в конце XVIII начале XIX в. и получил мировое распространение в работах ученых, политиков, общественных деятелей и в прогрессивной фе-

министике. По определению российского правоведа проф. В. Хвостова (1914 г.), «*Выдвинутый новейшей историей вопрос о положении женщин в обществе является одним из важнейших вопросов современности*» [2,24, 16]. Речь шла том, какое положение должна занимать женщина в обществе, какое реально занимает и почему, какими средствами его можно улучшить. Как показала история, женский вопрос в формах, рожденных XIX веком, советским государством был успешно решен. Однако, мир–система, говоря терминологией Валлерстайна [3, 2001] как самодостаточная социальная система с границами и жизненным пространством, подвижна, динамична и способна трансформироваться в новые формы с новым набором ценностей и установок. Примером тому является трансформация женского вопроса в парадигму нового гендерного порядка.

Гендерный порядок представляет собой систему социальных норм, политической культуры и социальных институтов, формирующих в обществе отношение к гендерным проблемам и к их решению. В эпицентре гендерного порядка–достижение гендерного равноправия на принципах эгалитарности. Это задача в контексте настоящего и будущего социального времени шире, чем в старом гендерном порядке. В чем разница? Гендерный порядок является частью порядка социального, который отражает идею организованности общественной жизни и упорядоченности социального действия индивидов (как субъект–объектов общественной системы). Развивается социальный порядок благодаря системе взаимоподдерживающих процессов, разновидностью которых являются процессы социогендерные.

Отличие парадигм «нового гендерного порядка» и «женского вопроса» заключается в целевой установке. В гендерном порядке она состоит в достижении *не столько равенства полов, сколько полноценного равноправия* гендерных общностей не только женской, но и мужской. К такой поставке вопроса российское общество не привыкло. Даже формально подписавшись под международными декларациями, конвенциями и документами по вопросам гендерного равенства, властные российские институты выделяют только женскую траекторию проблемы (см. «Национальная стратегия действий в интересах женщин на 2017-2022 годы»). В то же время обеспечение гендерного равноправия не следует путать с «гендерным равенством».

Равноправие – это признанное равенство граждан перед государством, законом, судом; один из существенных элементов демократии. *Равенство* в социальном контексте является одним из идеалов справедливого общественного устройства, обеспечивающего всестороннее развитие всех членов общества. Возникла эта проблема в связи с классовым делением общества. Капитализм провозгласил

принцип равенства всех перед законом и свел его фактически к формально-юридическим процедурам и контролю без учета различий в социальном положении людей). При социализме утверждается *равенство* в отношении к средствам производства, политическое и национальное равноправие трудящихся, равенство мужчин и женщин, равное *право всех трудиться*, равное право на *оплату по труду*, на комплекс *социальных прав*. Для решения «женского вопроса» в советский период в большей мере была характерна борьба женщин за равенство их положения в обществе наряду с мужчинами. Это положение полностью поддерживалось Конституцией СССР. Возврат к системе капиталистических отношений принципиально изменил акценты между равенством и равноправием. Третья отличительная черта – новый гендерный порядок выдвигает в качестве равновесного и равноправного субъекта действий и субъекта полноценного общественного внимания *институт отцовства*. Он выступает в качестве социального института равновесного с материнством, имеющим важное значение для достижения гендерного равноправия. Есть и другие отличия. Таким образом в XXI веке вопрос обеспечения гендерного равенства ставится не в ограничительных рамках женского вопроса, а в социально-правовом диапазоне достижения равноправного положения в обществе обеих гендерных общностей: и женской и мужской, независимо от возраста, социального статуса и социально-территориальной структуры расселения. В основе категории гендерного порядка лежит признание гендерного фактора во всем, что происходит в социальной среде, независимо от ее масштабов и страновых особенностей. Поэтому гендерный порядок рассматривается как *статусный гражданский порядок*, для которого характерно неравномерное распределение благ и престижа по признаку пола. Закрепляется гендерный порядок в исторически заданных образцах властных отношений между мужчинами и женщинами, а также внутри групп, определяемых признаком пола. Можно сказать, что формирующийся в мире новый гендерный порядок – это своего рода новый порядок жизни и деятельности, социального и межличностного взаимодействия мужчин и женщин как системообразующих социально-демографических общностей на основе идеологии принципа гендерного равноправия. Это означает определенный пересмотр ряда прошлых норм – юридических и, нравственных, социальных и моральных, связанных с социально-правовыми регуляторами гендерного взаимодействия в обществе и в мир-системе в целом. Изменение традиционного (по меркам прошлого столетия) социального положения женщин как гендерной общности повлекло за собой цепочку социальных и политических коррекций и вновь поставило в фокус внимания идеологию равенства и равноправия. Современный гендерный порядок, по определению автора, поря-

док гетерогамный (*гетеро-другой* и греч. *gamos*. – брак). На основании категории «гендерный порядок» можно дать характеристику любой страны и государства, объективно сопоставить страны в контексте развития гендерного равноправия.

Тезис 3. *Формирование нового гендерного порядка- процесс длительный, сложный, противоречивый и конфликтогенный, обладающий как позитивными, так и негативными характеристиками.* Инертное отношение к формированию нового гендерного порядка в своей стране подчиняет этот процесс агрессивному продвижению западных гендерных норм, многие из которых по своему морально-нравственному коду неприемлемы российским менталитетом и нормами национальной культуры, порождают социальные риски, а в ряде направлений – угрозы традиционным институтам семьи, материнства и детства. Анализ показывает, что главным объектом угрозы продвигаемого с Запада нового гендерного порядка является институт семьи. Наступление на ее традиционную форму – родительскую семью с четким историческим разделением функций отца и матери по половому признаку, созданием семьи как союза ребенка – матери и отца. Это исключено в однополых браках, которые легализованы в 27 странах Европы, Северной и Южной Америки и пропагандируются как доказательство гендерного равенства, демократизации и свободы. По сути, это процесс легализации гендерно-нейтрального супружества. Главный конфликтоген формирующегося нового гендерного порядка, его ядро – это ***ценностный конфликт*** между исторически сложившимися нормами образования семьи, супружества, родительства и семейного воспитания с равными правами участия в нем отца и матери – с одной стороны и свободой гендерного выбора своего ролевого пола, гендерной идентичности – с другой. Важная особенность продвигаемой западноевропейской модели гендерного порядка является доминирующее воздействие *института права* в закреплении норм нового гендерного порядка в законодательной форме путем принятия ее на уровне странового закона. Дальше – агрессивное продвижение законодательной нормы в качестве обязательной рекомендации для принятия ее законодательствами других стран. Это прямая угроза правовой независимости национальных институтов права и национального законодательства. Однако именно такого подхода придерживается ЕС в продвижении норм нового гендерного порядка в другие страны, когда парламенты 27 стран-членов Евросоюза принимали законы по легализации однополых браков, приравнивая представителей сексуальных меньшинств полноценной семье. Такая законодательная тактика ЕС обладает прямой угрозой соподчинения странового национального законодательства интересам и нормам права другой страны.

В то же время гуманный гендерный порядок предполагает удовлетворение

жизненно важных социальных интересов личности в равной степени и женского и мужского пола через реализацию конституционных норм и прав личности *на труд и его оплату*, охрану здоровья и *доступные* медицинское обслуживание и образование, на *личную* безопасность и получение информации. На этой основе можно анализировать успешность продвижения нового гендерного порядка, обеспечение гендерного равноправия в разных областях жизнедеятельности общества, комплексно оценить качество гендерного порядка и рассчитать индекс гендерного равноправия в стране и в регионе.

Объекты социогендерных рисков: семья, детство, безопасность семьи и женщины. Общее между ними то, что они связаны с развитием человека, шире- гендерных общностей в зависимости от признака пола и затрагивают область социального и репродуктивного воспроизводства населения, социальную значимость семьи и родительства, материнства и отцовства, ребенка и детства, подвергающихся пересмотру или коррекции с позиций нового гендерного порядка. Формирование в мире нового гендерного порядка-процесс крайне сложный, противоречивый, рискогенный и общемировой. России предстоит сформировать свой гендерный порядок, отвечающий национальным интересам и ценностному коду, традициям, исторической культуре и перспективам развития российского общества, семьи и государства.

Список литературы

1. Силласте Г.Г. Гендерная социология и российская реальность. М.: Инфра-М, 2016. 648 с.
2. Хвостов В.М. Женщина и человеческое достоинство: Исторические судьбы женщины. Природа женщины. Женский вопрос. М., 1914. 238 с.
3. Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. СПб.: Университетская книга, 2001.

УДК УДК 316.4 / ББК 60.5

Г.Г. Силласте, О.М. Ковалева

Финансовый университет при правительстве РФ, г. Москва, Россия

ПЕНСИОННАЯ РЕФОРМА И ЕЕ СОЦИОГЕНДЕРНЫЙ РАКУРС В ВУЗОВСКОМ СООБЩЕСТВЕ²⁷⁹

Аннотация. Статья с позиций социогендерного анализа раскрывает отношение вузовского научно-педагогического сообщества к пенсионной реформе-2019 как фактору, определяющему трудовые ориентации и пенсионные риски вузовских преподавателей предпенсионного и пенсионного возраста.

Ключевые слова: пенсионная реформа; гендерный порядок; возраст; трудовое поведение; гендерные ресурсы; вузовское сообщество .

G.G. Sillaste, O.M. Kovaleva

*Financial University under the Government of Russian Federation
Moscow, Russia*

PENSION REFORM AND ITS SOCIOGENESIS VIEW IN THE UNIVERSITY COMMUNITY²⁸⁰

Abstract. The article from the standpoint of sociogender analysis reveals the attitude of the University scientific and pedagogical community to the pension reform-2019 as a factor that determines the labor orientation and pension risks of University teachers of pre-retirement and retirement age.

Keywords: pension reform; gender order; age; labor behavior; gender resources; University community.

Тезис 1. 88 лет спустя после установления в РСФСР возраста выхода на пенсию ситуация на российском рынке труда и в сферах трудовой занятости потребовала внесения изменений в возрастную пенсионный ценз и принятия пенсионной реформы. Развитие российского общества в условиях транзитивной

²⁷⁹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00519 «Вызовы и риски формирования нового гендерного порядка и социальный механизм управления им в России».

²⁸⁰ The research was funded by RFBR, project number 20-011-00519 «Challenges and risks of forming a new gender order and the social mechanism of managing it in Russia».

экономики, сопровождавшееся регулярными финансово-экономическими кризисами, сложными трансформациями и нестабильностью кардинально изменили социальную структуру общества, продолжительность жизни и качество здоровья населения. Все это отрицательно сказалось на развитии рынка труда и распределении трудовых гендерных ресурсов. Количество россиян пенсионного возраста возрастало, трудоспособного-падало. Ситуация на рынках труда, занятости и профессий ввиду сокращения трудоспособного населения обострилась, его гендерная асимметричность усилилась. Трудоспособное население за последние 10 лет сократилось на 13,6 млн. Его нехватка и невосполнимость трудовых гендерных ресурсов стала угрозой перспективного экономического развития. Пенсионная реформа стала неизбежной. Однако встретило ее население крайне негативно, протестными акциями в ответ на объявление о повышении возраста выхода на пенсию, более того-с гендерным уравниванием возраста до 65 лет. Это отражало западный подход к равенству пенсионного возраста с позиций гендерной нейтральности. Для снятия социального напряжения возраст выхода на пенсию был гендерно разбалансирован и принят на уровне 65 лет для мужчин и 60 лет для женщин. В связи с этим следует вспомнить, что впервые возраст выхода на пенсию был установлен советской властью в 1932 г. и после этого не изменялся. Пенсионная реформа 2019 г. охватила 47 млн чел. и по социальной значимости, согласно замерам ВЦИОМ, вошла в топ-10 самых важных для населения проблем. Негативная социальная реакция населения показала что западноевропейский стандарт гендерного равенства полов, предполагающий и равенство возраста выхода на пенсию женщин и мужчин, россиянами не принимается.

Тезис 2. Социально-демографический портрет преподавательского вузовского сообщества пред- и пенсионного возраста как объекта пенсионной реформы отражает дуализм его статусов и субъектность влияния. Такой вывод был сделан на основе итогов прикладного социологического исследования «Влияние пенсионной реформы на социальные ожидания и трудовые ориентации преподавателей предпенсионного и пенсионного возраста Финуниверситета», проведенном при поддержке его Ректора. Социально-демографическая структура преподавателей вузов отражает пять важнейших характеристик профессионального сообщества: гендерную, возрастную, образовательную, семейную. Аккумулятивными показателями для характеристики социального потенциала вуза являются структуры *гендерная, возрастная и социально-профессиональная* (образовательная), между собой тесно взаимосвязанные и обуславливающие профессиональную и карьерную динамику преподавателей, их материальное положение, отношение к профессии и социальной реальности, включая – пен-

сионную. Именно возраст стал играть в российской высшей школе никогда не свойственные для истории высшей школы сегрегационные функции ограничения творческой деятельности преподавателя по возрасту. Признак возраста ППС в условиях неоднократной перереструктуризации высшей школы, развития ее рыночной функции как «образовательной услуги» стал играть несвойственную ему ранее стратифицирующую роль, обладающую конфликтогенным характером.

По признаку возраста в структуре вузовского преподавательского сообщества можно выделить четыре возрастные когорты: преподаватели *начинающие, молодые, опытные и профессиональные*. Две последние когорты составляют преимущественно ППС предпенсионного и пенсионного возрастов. В России когорта *молодых преподавателей* (в возрасте до 30 лет) за последние 20 лет (2000-2019 гг.) снизилась почти в два раза: с 35,5 тыс. человек до 19,9 тыс. чел (в 2016 г). Напротив – численность ППС *пенсионного возраста* (от 60 лет и старше) увеличилась в полтора раза: с 54,3 тыс. до 72,3 тыс. чел. Группа *преподавателей начинающих* (возраст до 25 лет), образующая в вузах группу так называемого «стратегического» резерва ППС, в российских вузах составляет менее одного процента. Молодые преподаватели 25-29 лет-около пяти процентов. Когорты *опытных и профессиональных* преподавателей составляют, как правило, педагоги с большим образовательным стажем (свыше 10-15 лет), не меньшим опытом аудиторной работы и научной деятельности; либо заканчивавшие соответствующие курсы повышения квалификации или проходившие соответствующие стажировки, переподготовку.

Второй социально – значимый признак в социально-демографической структуре преподавателей-*гендерный*. Гендерная структура ППС Финуниверситета характеризуется резко выраженной гендерной асимметрией в пользу женщин на протяжении всех последних 20 лет и позволяет говорить о вузе как об устойчиво феминизированном профессиональном сообществе, в котором женщины составляют устойчивое большинство (56,25% женщин против 42,81% мужчин). В общероссийском масштабе гендерная асимметричность ППС в пользу женщин составляет 56,25% к 43,75%. Финуниверситет по своей гендерной структуре ППС сильно не отличается от общероссийской гендерной структуры преподавательского сообщества.

3) По *профессионально-статусной структуре*, отражающей соотношение кандидатов и докторов наук среди преподавателей в системе высшего образования РФ, кандидатов наук в четыре раза больше, чем докторов наук (57% против 15%). Иначе говоря, в среднем на одного доктора наук в российском вузе «приходится» четыре кандидата наук. *Для сравнения:* в Финуниверситете этот разрыв составляет 2,7 раза, что говорит о более высоком качественном уровне его

профессорского-преподавательского состава. *Социальными объектами* исследования являлись преподаватели двух возрастных когорт: *пенсионной и предпенсионной*, в возрасте до и старше 60 лет. Если по России эта когорта составляет 28%, то в Финуниверситете 24%. Хотя разницу можно считать и несущественной, тем не менее она позволяет говорить о том, что геронтологический показатель (доля преподавателей пожилого возраста) в Финуниверситете несколько ниже среднероссийского (т.е. преподавательский состав нашего вуза моложе). Выявленные социально-демографические характеристики позволяют обрисовать контуры обобщенного социального портрета преподавательского сообщества предпенсионно-пенсионного возраста в университете (*условно-старшего поколения ППС*) это – женщина, в возрасте 55-60 и старше 65 лет, имеющая звание кандидата наук, доцент, работающая в университете свыше 10 лет и отдающая все свое рабочее время работе именно в этом вузе .

Тезис 3. *Позиции пенсионно-предпенсионной когорты преподавательского сообщества относительно новой пенсионной реформы формировались в сложной системе взаимодействия и противоречия между сложившимися индивидуальными ценностными ориентациями преподавателей за годы работы в вузовской среде, с одной стороны и подрывающими их устойчивость новыми технократическими критериями оценки качества творческой деятельности вузовских преподавателей – с другой, по сути закрепляемые нормами пенсионной реформы.* Влияние пенсионной реформы на социальные ожидания, трудовые установки и поведенческие модели поведения населения сильно зависят не столько от возраста, сколько от специфики социально-профессионального рода деятельности научно-преподавательских кадров. Как показало исследование, пенсионный возраст высококвалифицированных кадров вузовского сообщества не является для них привлекательным стимулом для выхода на пенсию с уходом из профессии, а воспринимается нейтрально с полной готовностью продолжения дальнейшей работы без оглядки на возраст. Уровень социального оптимизма преподавательского сообщества старшего возраста низкий. Уверенность в завтрашнем дне проявляют лишь «отчасти» 42,2% респондентов. Во многом уровень социального оптимизма зависит от материального положения человека. Для большинства респондентов (63,3%)получаемая пенсия составляет лишь незначительную часть доходов (менее 25%). Но для каждого третьего пенсия – это весомая, хотя и не базовая доходная часть. Основным видом получаемой пенсии (у 67,1%) является страховая пенсия по старости. Пенсию по *государственному пенсионному обеспечению* (за выслугу лет; по старости; по инвалидности; по случаю потери кормильца; социальную) получают 36,1% преподавателей.

Уровень благосостояния большинства преподавателей – средний, исходя из того, что в среднем их пенсия составляет 21.642 руб. Пенсия же большинства университетских преподавателей от 10.500 рублей до 30. 000 рублей. И лишь около 3% имеют пенсию более 40 000 рублей. Максимальный размер пенсии 68 000 – это мужчина, профессор, доктор наук со стажем работы в Университете более 15 лет. Это группа *высокого уровня благосостояния*. Каждый третий преподаватель после выхода на пенсию по возрасту работает от 5 до 10 лет; у 27,8% стаж продлился уже более чем на 10 лет. Такова общая характеристика социального положения преподавателей старшего поколения когорты предпенсионного и пенсионного возраста в Финуниверситете.

В целом, *отношение* преподавателей изучаемых когорт к пенсионной реформе критически-сдержанное: 35,3% респондентов относятся к ней явно *отрицательно*, 26% – *безразлично*, а 25% своей позиции не высказали. Одобряющих реформу только **13%**. С одной стороны, это объясняется тем, что более молодые коллеги пока о пенсии не задумываются. Преобладающее большинство преподавателей *предпенсионного возраста* 78,3% – планируют продолжить свою трудовую деятельность в вузе и после наступления пенсионного возраста. В 19 раз меньше тех (4%), кто собираются выйти на пенсию по достижению возраста и уволиться с работы. Остальные 18% пока своего решения не приняли. Такая значительная часть преподавателей, ориентирующихся на продолжение трудовой деятельности в вузе после наступления пенсионного возраста в значительной мере объясняется низким уровнем пенсии, не позволяющей специалисту высокой квалификации, выйдя на пенсию, сохранить (тем более обеспечить) даже скромный уровень и качество жизни, которые он поддерживает, работая в вузе.

На что, по мнению респондентов, может повлиять новая пенсионная реформа? Преобладающая часть респондентов не дали ответа на данный вопрос. 32% затруднились ответить, а 29% считают, что пенсионная реформа *никак не повлияет на сложившуюся ситуацию*. В своих *ожиданиях* последствий принятой пенсионной реформы преподаватели старшей возрастной когорты отмечали: возможное увеличение среднего возраста кадрового состава (старение кадров), принуждение преподавателей работать дольше и тяжелее; что именно на пожилых преподавателей может быть переложена часть нагрузки, при этом заработная плата не возрастет. *Оптимистичные ответы* звучали значительно реже. Очень маленькая группа ожидает «увеличение свободного времени, возможностей творческой самореализации и освоения новых технологий. Часто высказывалась точка зрения, что на нынешнюю пенсию прожить невозможно. Поэтому преподаватели не хотели бы лишаться хотя и небольшого, но все таки приработка в форме пенсии. В

целом, преподаватели университета старшего возраста *смотрят в будущее пессимистично*, но надеются сохранить свое рабочее место и продолжать трудиться... Для двух третей преподавателей важной является *возможность* делиться знаниями и общаться со студентами. Более 40% отметили *достойную заработную плату и участие в научных мероприятиях* как возможности профессионального роста, предоставляемые Университетом. Однако значительная часть преподавателей не ощущает творческой свободы и возможности реализовывать свои исследовательские проекты.

Среди *неудовлетворенных* чаще всего два мотива: «свобода» и «материальное обеспечение». Когда респонденты говорят о недостатке свободы, они отмечают несколько минусов современной корпоративной среды: отсутствие свободного времени, слишком жесткий контроль за постоянно увеличивающейся нагрузкой и забюрократизированность вузовской системы. Преподаватели не удовлетворены соотношением нагрузки и оплаты труда, готовы работать даже за текущую заработную плату, но за это иметь больше свободы действий и меньше необоснованных регламентаций, требований, ограничений. Пред- и пенсионная когорта преподавателей – это опытные и умудренные жизненным и вузовским опытом профессионалы, отдающие и готовые дальше отдавать свои знания и навыки студентам, руководству студенческими проектами и за пределами своего вуза, считая эту практику необычайно полезной как для студентов, так и для собственного творческого развития и совместной со студентами научной реализации.

Список литературы

1. Россия в цифрах / Росстат, 2017; Женщины и мужчины.
2. Силласте Г. Формирование новой экономической интеллигенции в условиях рыночных отношений. М.: Инфра-М., 2017. 240 с.
3. Научный Отчет по результатам социологического исследования «Влияние пенсионной реформы на социальные ожидания и трудовые ориентации преподавателей предпенсионного и пенсионного возраста Финуниверситета» (научный руководитель проф. Г. Силласте, Финуниверситет исполнитель – О. Ковалева). М.: Финуниверситет, март-май, 2020.

УДК 316.62 / ББК 88.5

*С.М. Ситяева, С.В. Яремчук, О.А. Орлова
ФГБОУ ВО «Амурский гуманитарно-педагогический
государственный университет», г. Комсомольск-на-Амуре, Россия*

**ВЗАИМОСВЯЗЬ СУБЪЕКТИВНОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ
И ЭКСТРЕМИСТКИХ УСТАНОВОК УЧАЩЕЙСЯ
И РАБОТАЮЩЕЙ МОЛОДЕЖИ²⁸¹**

Аннотация. В статье представлен сравнительный анализ субъективного благополучия учащейся и работающей молодежи. Охарактеризована специфика взаимосвязи персонального и национального субъективного благополучия и экстремистских установок (фанатизма, национализма, ксенофобии и авторитаризма) в группах учащейся и работающей молодежи.

Ключевые слова: субъективное благополучие; удовлетворенность жизнью; экстремизм молодежи; предикторы экстремизма; национализм; ксенофобия; фанатизм; авторитаризм.

*S.M. Sityaeva, S.V. Yaremtchuk, O.A. Orlova
Amur State University of Humanities and Pedagogy, Russia.*

**THE RELATIONSHIP BETWEEN SUBJECTIVE WELL BEING
AND EXTREMIST ATTITUDES OF STUDENTS AND WORKING YOUTH**

Abstract. This paper focuses on a comparative analysis of the subjective well-being of students and working youth. The specificity of the relationship between personal and national subjective well-being and extremist attitudes (fanaticism, nationalism, xenophobia and authoritarianism) in the groups of students and working youth is characterized.

Keywords: subjective well being, satisfaction with life, youth extremism, predictors of extremism, nationalism, xenophobia, fanaticism, authoritarianism.

Социальная ситуация в России в последние годы крайне нестабильна. Население столкнулось с социально-экономическими эффектами кризиса – потерей

²⁸¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования РФ в рамках реализации госзадания № 25.8631.2017/8.9 по теме проекта «Субъективные и объективные предикторы экстремистских установок молодежи».

работы, снижением реальных доходов, вынужденным снижением расходов, в том числе на продукты питания и лекарства (Бурдяк, Гришина, 2018). В настоящее время ситуация осложняется также последствиями пандемии коронавирусной инфекции. Это формирует потенциал социальной напряженности, провоцирует протестную и экстремистскую активность. При этом зависимость экстремизма от негативных явлений в экономической и политической сфере не является прямой и однозначной (Shulman, 2003; Rink, Sharma, 2016), существенное влияние оказывают субъективные переживания и представления самого человека. Субъективное благополучие реагирует на рассогласование и конфликтность в разных жизненных сферах. Исследования показывают, что низкий уровень благополучия сигнализирует о необходимости перепрограммирования своей деятельности, побуждает человека к активности и преобразованию своей жизни, поиску способов преодоления неблагополучия (Яремчук, 2013).

Возрастная специфика субъективного благополучия свидетельствует, что для российской молодежи до 21 года характерен более высокий уровень благополучия и социального оптимизма. Формирование социального пессимизма происходит к 22 годам, в период, когда молодые люди вступают в самостоятельную жизнь, сталкиваясь с необходимостью поиска работы, решения финансовых и жилищных проблем (Трофимова, 2015). Известно, подавляющее большинство участников экстремистских организаций составляет молодежь в возрасте до 30 лет. Поиск собственного положения в обществе сопряжен у нее с неприятием идеологии, ценностей, норм, особенностей образа и нравственных принципов жизни взрослого большинства. В благоприятных социальных условиях это может проявляться в инновационных формах деятельности молодежи, поиске новых форм самореализации. Ситуация неудовлетворенности существующими условиями жизни провоцирует у молодежи экстремистские настроения.

Исследование проведено нами в 2017 г. в Комсомольске-на-Амуре Хабаровского края. В нем приняли участие молодые люди в возрасте от 14 до 30 лет (507 чел., из них 245 девушек и 262 юноши). Были сформированы две выборки – учащаяся и работающая молодежь. Группа учащейся молодежи представлена девушками и юношами в возрасте 14-21 г. (390 чел.; средний возраст 17,3 года), в группу работающей молодежи вошло 117 чел. (возраст от 22 до 30 лет; средний возраст 25,9 года). Для изучения удовлетворенности жизнью использовался Интернациональный индекс субъективного благополучия (International Wellbeing Index) (Cummins и др., 2003) в переводе Е. Углановой²⁸². Экстремистские установки изучались с помощью методики «Экстремистские установки в молодеж-

²⁸² URL: <http://www.acqol.com.au/uploads/pwi-a/pwi-a-russian.pdf> (дата обращения: 30.07.2020).

ной среде» (Злоказов, 2014). Методика представляет собой валидизированный тест-опросник, позволяющий определить выраженность экстремистских установок: «фанатизм»; «национализм»; «ксенофобия» и «авторитаризм». Для выявления различий в субъективном благополучии учащейся и работающей молодежи был использован критерий Манна-Уитни, с целью исследования взаимосвязи между субъективным благополучием и выраженностью экстремистских установок осуществлен корреляционный анализ по Спирмену с помощью программы Statistica 10.

Анализ удовлетворенности различными аспектами жизни молодежи (по шкале от 0 до 100) показал, что молодые люди более удовлетворены различными характеристиками своей личной жизни (персональное благополучие), нежели различными аспектами жизни в России (национальное благополучие). В меньшей степени они удовлетворены экономической ситуацией в России (в среднем на 39,9 из 100) и деятельностью правительства (40,3).

Сравнение учащейся и работающей молодежи показало, что основные различия между ними связаны с более низким уровнем персонального благополучия (интегральный показатель) у работающей молодежи – среднее значение 63,1 по сравнению с 67,3 у учащейся ($p=0,004$). В его основе неудовлетворенность своим уровнем жизни – 59,7 по сравнению с 68,4 ($p=0,00008$); своей жизнью в целом – 65,5 по сравнению с 69,1 ($p=0,028$) и своим здоровьем – 61,9 по сравнению с 67,9 ($p=0,003$). Работающая молодежь также в меньшей степени удовлетворена своими отношениями с близкими людьми – 72,1 по сравнению с 73,9 ($p=0,04$) и менее уверена в своем будущем – 60,3 по сравнению с 64,4 ($p=0,04$). Более низкий уровень субъективного благополучия работающей молодежи вероятно связан с противоречием между необходимостью самостоятельного решения финансовых и жилищных проблем и затруднением в их решении.

Исследование распространенности экстремистских показало, что каждый второй молодой человек в обеих выборках характеризуется повышенным уровнем авторитаризма. Доля молодых людей с повышенными уровнями фанатических, ксенофобских и националистических установок в группе работающей молодежи практически в два раза больше, чем в группе учащейся и составляет до 30% от общего числа обследованных, что указывает на повышенный риск радикализации именно этой социальной группы.

Анализ взаимосвязи между показателями субъективного благополучия и выраженностью экстремистских установок в группе *учащейся молодежи* показал, что их субъективное благополучие оказалось напрямую связанным с фанатической установкой: чем больше она выражена, тем более высокие уровни персо-

нального и национального благополучия для них характерны. Так, представители учащейся молодежи, проявляющие фанатические установки (готовность к насильственному насаждению религиозной или квазирелигиозной веры среди неверующих либо представителей других религий и мировоззрений) в большей степени уверены в своем будущем ($p \leq 0,001$), удовлетворены экономической ситуацией в стране ($p \leq 0,01$) и деятельностью правительства ($p \leq 0,01$). Зарубежные исследователи считают, что в основе более высокой удовлетворенности людей, имеющих религиозные убеждения, лежит механизм когнитивной переоценки, позволяющий регулировать свои эмоции на основе поиска позитивных моментов в трудной ситуации (Vishkin и др., 2018). При этом в большей степени удовлетворенность зависит от религиозности в тех странах, где существуют выраженные социальные трудности (Diener и др., 2011).

Единичные корреляции были обнаружены между субъективным благополучием и выраженностью таких установок у учащихся, как ксенофобия и национализм. Так, молодые люди, более удовлетворенные деятельностью правительства ($p \leq 0,01$) и состоянием национальной безопасности в стране ($p \leq 0,05$) в большей степени проявляют ксенофобию. Учащаяся молодежь менее удовлетворенная жизнью в России проявляет более высокий уровень национализма ($p \leq 0,01$).

Анализ взаимосвязи между показателями субъективного благополучия и выраженностью экстремистских установок *работающей молодежи* показал, что связь между данными переменными более тесная, чем в группе учащейся молодежи. Представители работающей молодежи, имеющие фанатические установки в большей степени удовлетворены экономической ситуацией в стране ($p \leq 0,001$) и деятельностью правительства ($p \leq 0,01$). В этом проявляется их сходство с учащейся молодежью.

В большей степени националистические установки свойственны представителям работающей молодежи с более низкими уровнями персонального благополучия: неудовлетворенным своими отношениями с близкими людьми ($p \leq 0,01$), соседями ($p \leq 0,05$), а также своими достижениями в жизни ($p \leq 0,05$). Ксенофобские установки более выражены у молодых людей, неудовлетворенных обстановкой в обществе ($p \leq 0,05$) и уровнем национальной безопасности ($p \leq 0,05$), что противоположно тенденции, выявленной у учащихся. Наиболее тесная взаимосвязь выявлена между выраженностью авторитарных установок работающей молодежи и разными аспектами национального благополучия. Для работающей молодежи, проявляющей авторитарные взгляды, свойственны более низкие уровни удовлетворенности разными аспектами жизни в России, прежде всего экономической ситуацией ($p \leq 0,001$) и состоянием бизнеса ($p \leq 0,001$).

Таким образом, проведенное исследование показало, что для работающей молодежи по сравнению с учащейся, характерен более низкий уровень персонального субъективного благополучия, более высокий уровень экстремистских установок (фанатических, ксенофобских и националистических), а также более тесная взаимосвязь между субъективным благополучием и экстремистскими установками по сравнению с учащейся молодежью. В группу риска проявления национализма входят те представители работающей молодежи, которые характеризуются более низкими показателями персонального благополучия, а проявление ксенофобии и авторитаризма те, кто в меньшей степени удовлетворен разными аспектами национального благополучия.

Список литературы

1. Бурдяк А.Я., Гришина Е.Е. Уровень жизни населения: доходы, зарплата, кредитование в регионах // *Экономическое развитие России*. 2018. Том 25. № 1. С. 53-57.
2. Злоказов К.В. Метод исследования экстремистско-деструктивных установок личности // *Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России*. 2014. № 1. С. 173–180.
3. Яремчук С.В. Субъективное благополучие как компонент ценностно-смысловой сферы личности // *Психологический журнал*. 2013. Т. 34. № 5. С. 85–95.
4. Cummins R.A., Eckersley R., Pallant J., Van Vugt J., Misajon R. Developing a national index of subjective wellbeing: The Australian Unity Wellbeing Index // *Social Indicators Research*. 2003. Vol. 64. P. 159–190.
5. Diener E., Tay L., Myers D.G. The religion paradox: If religion makes people happy, why are so many dropping out? // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2011. Vol. 101. P. 1278–1290.
6. Personal Wellbeing Index: 4th Edition. Melbourne: Australian Centre on Quality of Life. Deakin University. 2006.
7. Rink A, Sharma K. The Determinants of Religious Radicalization: Evidence from Kenya // *Journal of Conflict Resolution*. 2016. Vol. 62 (6). P. 1229-1261.
8. Shulman S. The role of economic performance in Ukrainian nationalism // *Europe - Asia Studies*. 2003. Vol. 55 (2), P. 217–239.
9. Vishkin A., Bloom P.B., Tamir M. Always Look on the Bright Side of Life: Religiosity, Emotion Regulation and Well-Being in a Jewish and Christian Sample // *Journal of Happiness Studies*. 2018. P. 1–21.

*В.С. Слобожникова
ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»
г. Саратов, Россия*

**ОТНОШЕНИЕ К НАСИЛИЮ В МЕЖРЕЛИГИОЗНЫХ ОТНОШЕНИЯХ
(НА МАТЕРИАЛАМ НИЖНЕМ ПОВОЛЖЬЕ)²⁸³**

Аннотация. В статье рассматривается отношение населения Нижнего Поволжья к насилию в условиях постсекулярности. Представлены результаты интернет-опроса, проведенного весной 2020 г. по религиозности населения, отношению к насилию в межрелигиозных спорах, возможности применения насилия, если нарушается справедливость в отношении веры.

Ключевые слова: постсекулярность; Нижнее Поволжье; религиозный мир; межрелигиозные отношения; отношение к насилию; отношение к убийству людей.

*V.S. Slobozhnikova,
Saratov State Law Academy, Saratov, Russia*

**ATTITUDES TO VIOLENCE IN INTERRELIGIOUS RELATIONS
(ON THE TERRITORY OF THE LOWER VOLGA REGION)²⁸⁴**

Abstract. The article examines the attitude of the population of the Lower Volga region to violence in post-secularity conditions. The article presents the results of an Internet survey conducted in the spring of 2020 on the religiosity of the population, attitude to violence in inter-religious disputes, and the possibility of using violence if justice is violated in relation to faith.

Keywords: Post-Secularisation; the Lower Volga Region; religious world; interreligious relations; attitude to violence; attitude to killing people.

Социальное здоровье населения в современном обществе во многом зависит от представления людей о возможных инструментах межличностных отношений. Мир, к сожалению, далек от совершенства, поэтому не случайно в исследо-

²⁸³ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-011-00389 «Религиозная безопасность в Нижнем Поволжье: современное состояние и технологии стабилизации».

²⁸⁴ The research was funded by RFBR, project number 19-011-00389.

вательских практиках проблемы насилия в социуме, насилия и религии одни из самых актуальных. В современных контекстах одним из первых в 70-е годы XX века к отношениям между насилием и порядком, насилию в религии обратился литературовед и философ, занимающийся антропологией, Рене Жирар (1923–2015 гг.), который показал, что коллективное насилие широко распространено в антропологии, истории, политике, сформулировал миметическую теорию, включив ее в всеобъемлющую теорию культуры, важнейшее место в которой занимает религия. Культура способна защитить общество и вывести его из порочного круга насилия, в том числе, используя религию, которая выработала контролирующие и ограничивающие механизмы, так как насилие в ней трансформировалось в символическое²⁸⁵. С. Хантингтон (1927–2008 гг.) проанализировал взаимосвязь форсированной модернизации и насилия²⁸⁶, что особенно актуально было для XX века. XXI в. принес новые вызовы, связанные с насилием: фундаментализм, фанатизм, терроризм, экстремизм, войны, революции, подавления, вооруженные протесты, казни и др. Каждое из этих явлений современной общественно-политической жизни связано с насилием, основой которого нередко бывает и религиозное мировоззрение.

Современная эпоха, при обилии определений, в социо-гуманитарных науках характеризуется и как постсекулярная²⁸⁷. К ее характеристикам в этом контексте относят возрождение религии, возвращение ее в публичное пространство, политизация религии, религиозизация политики и др. Очевидным результатом религиозного возрождения стало формирование религиозного мира, который сегодня можно отнести к важной составляющей современного социума. Не стало исключением и Нижнее Поволжье.

Весной 2020 г. в регионе был проведен интернет-опрос. Сбор первичной социологической информации осуществлялся методом интернет-анкетирования респондентов при помощи сервиса Google forms. Объем выборки составил 1100 человек. Полученные результаты обрабатывались с помощью пакета прикладных программ SPSS версии 23.0. Выборка формировалась из респондентов от 18 лет и старше по схеме стратифицированной выборки с организацией ступеней по

²⁸⁵ Жирар Р. Козел отпущения. URL: https://royallib.com/book/girar_rene/kozel_otpushcheniya.html (дата обращения: 18.07.2020).

²⁸⁶ Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах. М.: ПрогрессТрадиция, 2004. 480 с.

²⁸⁷ Слобожникова В.С. Освоение социо-гуманитарными науками России феномена постсекулярности // Российская общественно-гуманитарная наука перед вызовами современности: сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции (25–26 января 2019 г., Саратов) / [под ред. В.С. Слобожниковой, И.В. Сулова]. Саратов: Изд-во ФГБОУ ВО «СГЮА», 2019. С. 53-60.

территориальному принципу. Были опрошены представители Астраханской области (184 респондента), Волгоградской (307) и Саратовской (609).

Как показал интернет-опрос, регион характеризуется поликонфессиональностью. Около 80% опрошенных соотнесли себя с каким-либо религиозным мировоззрением. О том, что они не верят в Бога или атеисты заявили – 17,2%. Только 3% не выбрали предложенные разнообразные варианты, то есть 97% определились в отношении к вере/неверию. Христианское вероисповедание в Нижнем Поволжье представлено следующим образом: исповедую православие – 44,0%; исповедую православие, являюсь старообрядцем (старовером) – 0,6%; исповедую православие, но не принадлежу к Русской Православной Церкви и не являюсь старообрядцем – 3,5%; исповедую католицизм – 0,1%; исповедую протестантизм – 0,5%; исповедую христианство, но не считаю себя ни православным, ни католиком, ни протестантом – 3,6%. В целом численность христиан составила 52,4%. Ислам исповедуют 8,9%. Поклонников восточных религий (буддизм, кришнаизм и др.) – 1,3%. Исповедуют иудаизм 0,3%, традиционную религию своих предков, поклоняются богам и силам природы – 0,5%. Верят в богов – 1,4%, а верят в Бога (в высшую силу), но конкретную религию не исповедуют – 14,9%. Эти данные свидетельствуют, что социум региона живет насыщенной вероисповедной жизнью.

Религиозный мир современной России отличается многообразием и сложными внутренними взаимоотношениями, как между религиозными конфессиями, так и внутри них. В условиях постсекулярности сложно выстраиваются отношения религиозного мира и светского. Все это актуализирует изучение отношения общества к насилию.

Количественные показатели отношения к насилию в регионе систематизированы в таблице.

Таблица 1.

Отношение к применению насилия в межрелигиозных спорах в Нижнем Поволжье

	Полностью согласен	Скорее согласен	Скорее не согласен	Абсолютно не согласен	Затрудняюсь ответить
Насилие в межрелигиозных спорах недопустимо	84,1%	8,5 %	1,4 %	4,1 %	1,9 %
Насилие допустимо, если нарушается справедливость в отношении моей веры	3,9 %	6,9 %	17,5 %	63,3 %	8,4 %

По результатам исследования недопустимым (полностью согласен и скорее не согласен) применение насилия в межрелигиозных спорах считают 92,6%. 5,5% полагают, что оно допустимо. Серьезной характеристикой общественного само-

сознания можно считать: 1. абсолютное преобладание противников насилия – 84,1%; 2. сравнительно небольшое количество тех, кто колеблется между допустимостью и недопустимостью насилия в религиозных спорах – 9,9%, при этом к недопустимости склоняются 8,5%; 3. незначительное количество тех, кто затруднился ответить (1,9%).

По отдельным областям Нижнего Поволжья результаты несколько отличаются от среднестатистических по региону. В «лидерах» отрицающих применение насилия в межрелигиозных спорах находится Волгоградская область (85%). Средние показатели у Астраханской области. В Саратовской области как меньший процент отвергающий насилие (83,6%), так и больший процент абсолютно не согласных с недопустимостью применения насилия (4,6%).

Перепроверка отношения к применению насилия в межрелигиозных спорах была проведена через предложение определиться в ситуации, когда нарушается справедливость в отношении веры человека. В этом случае только 63,3% абсолютно не согласны на применение насилия. С теми, которые скорее не согласны, – 80,8%. Если процент абсолютно не согласных оказался ниже – 3,9%, то в сумме со скорее согласными получилось – 10,8%. Обращает на себя внимание и увеличившийся в 4 раза показатель затруднившихся с ответом.

Таким образом, в среднем 70% респондентов высказались за недопустимость насилия в религиозных спорах вообще и когда нарушается справедливость по отношению к их вере, в частности, 4% допускают применение насилия в обоих названных вариантах. Такая резкая позиция характерна, как правило, для новообращенных, что требует особого внимания ближайшего окружения и религиозных лидеров к новообращенным. Конкретизация требует дальнейших исследований. В целом, в Нижнем Поволжье высокий процент не принимающих насилие и низкий - допускающих это средство разрешения религиозных споров.

Список литературы

1. Жирар Р. Козел отпущения. URL: https://royallib.com/book/girar_rene/kozel_otpushcheniya.html (дата обращения: 18.07.2020).
2. Слобожникова В.С. Освоение социо-гуманитарными науками России феномена постсекулярности // Российская общественно-гуманитарная наука перед вызовами современности: сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции (25–26 января 2019 г., Саратов) / [под ред. В.С. Слобожниковой, И.В. Суслова]. Саратов : Изд-во ФГБОУ ВО «СГЮА», 2019. С. 53-60.
3. Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах. М.: Прогресс-Традиция, 2004. 480 с.

УДК 101.1:316 / ББК: 87.6

М.В. Смирнов

ФГБОУ ВО «Череповецкий государственный университет»

г. Череповец, Россия

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОГО ОТЧУЖДЕНИЯ

Аннотация. В статье рассматривается проблема определения методологического подхода для исследования социального отчуждения, указываются аспекты отчуждения, требующие своего переосмысления в современных общественно-экономических реалиях. Обосновывается преимущество дискурсивного подхода в эмпирической верификации социального отчуждения, основывающегося на представлении о первичности языка в формировании и воспроизводстве социальной действительности.

Ключевые слова: социальное отчуждение; методологический подход; дискурс; перформативность; постиндустриальное производство; социобиографический подход.

M. V. Smirnov

Cherepovets State University, Cherepovets, Russia

METHODOLOGICAL ASPECTS OF SOCIAL ALIENATION STUDY

Annotation. The article discusses the problem of determining the methodological approach for the study of social alienation, points out the aspects of alienation that require their rethinking in modern socio-economic realities. The article substantiates the advantage of the discursive approach in the empirical verification of social alienation, based on the idea of the primacy of language in the formation and reproduction of social reality.

Keywords: social alienation; methodological approach; discourse; performativity; postindustrial production; sociobiographical approach.

Социальное отчуждение принято считать многофакторным и сложноорганизованным явлением социальной действительности, отражающим отсутствие полноты жизнедеятельности и владения человеком всеми аспектами своего существования.

Свое наиболее концептуально-выраженное оформление понятие получило в историко-диалектической философии, таких ее практико-ориентированных направлениях как марксизм (отчуждение труда) и неогегельянство (отчуждение признания). Несмотря на свое свободное хождение в современных социогуманитарных дисциплинах, понятие социального отчуждения продолжает быть дискурсивно связанным с данными направлениями мысли, отсылать к принципу диалектической всеобщности общественных отношений (тотальности).

Понятие социального отчуждения охватывает широкие области социального бытия индивидов и общественных отношений. И именно эту широту и абстрактность на современном этапе развития социально-теоретического познания следует признать проблемным теоретико-методологическим вопросом, требующим своего изучения. Это так, коль скоро дискурс отчуждения ангажирован различными политическими силами и связан с претензиями общественно-преобразующего характера.

Конвенционального определения ряда социальных противоречий, касающихся неравенства, безработицы, бедности, превратных форм жизнедеятельности и общественного признания, в форме понятия социального отчуждения недостаточно для его изучения на уровне эмпирики, социальной мотивации, квалификаций и классификаций явлений социальной действительности самими ее участниками. Кроме того, представляется, что существующая общественно-политическая и социально-теоретическая артикуляция отчуждения не способствует широкому общественно-политическому диалогу относительно компромисса или консенсуса по данной проблеме.

Важным аспектом является фиксация и научная верификация обратной связи между исследователем и претерпевающими отчуждение актантами, социальными группами, общественно-экономическими классами. Этот аспект важен в современных реалиях, когда классовые идентичности переживают серьезные трансформации, а дифференциация социальной жизнедеятельности людей в различных областях ускоряется.

Постиндустриальный уклад в ряде развитых стран способствовал постепенному исчезновению понятия «эксплуатация» из трудовых отношений. Работники некоторых информационно-технологических отраслей стали способны диктовать работодателям и обществу свои требования. Уровень технологий позволяет приобретать удешевленные новые средства производства (компьютеры, базы данных) самостоятельно.

В таких условиях становится проблематично обобщать состояние социальных групп или давать характеристики социальным процессам с позиции социального

отчуждения. Б. Ю. Кагарлицкий отмечает, что левые интеллектуалы «не отдают себе отчета в том, насколько оказались отчуждены от того самого класса, интересы которого собираются отстаивать»²⁸⁸.

В социологии по отношению к указанным трудовым и производственным изменениям начинает использоваться «социобиографический подход», который видит в объяснении социального поведения приоритет обстоятельств личного и семейного характера. Человек выстраивает траекторию своей карьеры, делает осознанный выбор даже тогда, когда продолжает долгие годы работать на одном предприятии. Авторы отмечают: «трудовая социализация молодежи сегодня может и не основываться на профессиональной, более того – нивелировать ее значимость или переопределять ее в качестве «общечеловеческой»²⁸⁹.

Следует признать правоту позиции П. Бурдье относительно того, что в социальном пространстве мы можем фиксировать связи и социальные поля, имеющие свою логику структурирования и иерархии позиций. Люди постоянно вовлекаются в разные социальные поля, проигрывая в одних и добиваясь успеха в других, что затрудняет классификацию и квалификацию их статуса в актуальный момент. Борьба, имеющая для людей жизненно-утверждающее значение в достижении своих интересов, разворачивается в разных полях и не сводится только к экономическому полю.

Так, отчуждение в качестве объекта исследования следует начать изучать не только в качестве существующих общественно-экономических условий, а именно в качестве дискурса. Это позволит дифференцировать и обосновать те условности и допущения, которые делаются в отношении артикуляции данного понятия.

Используемые методологические установки препятствуют переходу на абстрактно-обобщающий уровень постулирования отчуждения в качестве объективной реальности. Однако здесь вполне уместно замечание и смена ориентира рассмотрения на то, что переход к обобщению подобного рода производится самими участниками общественных отношений. Это вынуждает социальное исследование учитывать интерпретации, суждения в качестве реальных социальных действий.

Впервые к научной формализации такого рода действительности подошли социологи французской школы П. Бурдье – Л. Болтански и Л. Тавено. Их интерес оказался сосредоточен на нормативных утверждениях людей, приобретающих в различных социальных полях статус социальных действий.

²⁸⁸ Кагарлицкий Б. Ю. Между классом и дискурсом. Левые интеллектуалы на страже капитализма. М., 2017. С. 20.

²⁸⁹ Омельченко Е. Л., Сабирова Г. А., Крупец Я. Н. Социальная мобильность молодежи в фокусе тройной рефлексии // ИНТЕР, 2015. Том. 1. № 10. С. 15.

Любые артикулируемые в некоей социальной общности понятия и знаки приобретают статус реальных через практики перформативных интерпретаций социальной действительности.

Язык играет в общественных отношениях первичную роль, формируя акты коммуникации, признания, представления. Классическое понимание отчуждения в социальных теориях исходило из представления о его всеобщей, узнаваемой всеми универсальной природе. Данное исследование указывает на иное понимание отчуждения, которое оказалось сконструировано как знак, отсылающий к ряду эмпирических процессов признания, производства и распределения. Реальные условия человеческой жизнедеятельности и общественных отношений изменяются, не всегда провоцируя и изменение собственного имени, переставая соответствовать отдельным теоретическим представлениям. В силу этого, отчуждение не получает всеобщего общественного признания. Даже у тех людей, жизнедеятельности которых, оно, казалось бы, адресовано.

К такому пониманию необходимости рассмотрения сложных интеракционистских явлений подошли не только представители антропологического направления социальных исследований, но и близкие объектно-ориентированной онтологии подходы, подобно акторно-сетевой теории. Б. Латур отмечает: «акторы приводят в порядок свой собственный беспорядок. Отдав им все, вы получаете от них назад утерянную способность объяснения»²⁹⁰.

Таким образом, дискурсивное рассмотрение, социологическое понимание мотивов и смыслов деятельности здесь должно превалировать над дедуктивным объяснением функционирования абстрактных закономерностей и механизмов, способно продвинуть научное познание на пути эмпирической верификации таких сложных социальных феноменов, как отчуждение. На практике же, оно способно укрепить легитимность социальных запросов акторов на изменение условий общественной жизни, направленности социально-экономической политики государства, с точки зрения научных оснований.

Список литературы

1. Кагарлицкий Б.Ю. Между классом и дискурсом. Левые интеллектуалы на страже капитализма. М.: Изд. Дом Высшей школы экономики, 2017. 280 с.
2. Латур Б. Об акторно-сетевой теории. Некоторые разъяснения, дополненные еще большими усложнениями // Логос, 2017. № 1. С. 173-200.
3. Омельченко Е.Л., Сабирова Г.А., Крупец Я.Н. Социальная мобильность молодежи в фокусе тройной рефлексии // ИНТЕР, 2015. Том. 1. № 10. С. 9–25.

²⁹⁰ Латур Б. Об акторно-сетевой теории. Некоторые разъяснения, дополненные еще большими усложнениями // Логос, 2017. № 1. С. 187.

О.В. Смирнова
ФГБОУ ВО «Череповецкий государственный университет»
г. Череповец, Россия

РИСКИ РЕГИОНАЛЬНЫХ ВУЗОВ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Аннотация. В статье рассматриваются определенные аспекты реформы высшего образования в России, связанные с рисками для провинциальных вузов. Обозначаются некоторые объективные и субъективные факторы модернизации отечественного высшего образования. Анализируется проблема влияния образовательной реформы на развитие провинциального города.

Ключевые слова: реформа высшего образования; государственное регулирование; риск; региональный университет; провинциальный город; городское развитие.

O. V. Smirnova
Cherepovets State University, Cherepovets, Russia

RISKS OF REGIONAL UNIVERSITIES IN MODERN RUSSIA

Abstract. The article deals with certain aspects of higher education reform in Russia those are associated with risks for provincial universities. Some objective and subjective factors of modernization of domestic higher education are determined. The problem of the impact of educational reform on the development of a provincial city is analyzed.

Keywords: higher education reform; state regulation; risk, regional University; provincial city; urban development.

Актуальность темы обуславливается тем обстоятельством, что в связи с вступлением нашей страны в эпоху информационного общества многократно возросла роль образования в целом и высшего образования в частности. Главной целью реформы отечественной образовательной системы является ее модернизация в соответствии со стремительно меняющимися социокультурными условиями и социально-экономическими требованиями. Нельзя не согласиться с утверждением, «что новым вызовом для профессионального образования яв-

ляется запрос на формулирование и презентацию ориентиров долгосрочного устойчивого развития общества, культурного благополучия, а также прорывных решений в неоиндустриализации, нематериальной экономике и практико-ориентированной науке»²⁹¹. Процесс этот носит весьма неоднозначный и противоречивый характер, требующий преодоления определенных сложностей и рисков.

Понятие «риск» в русском языке, согласно словарю С.И. Ожегова, включает в себя два основных смысловых содержания: как возможная опасность и как действие на удачу, в надежде на счастливый исход²⁹². С какими же опасностями приходится сталкиваться в наше время региональным вузам, и какие действия могут дать им надежду на успех?

В теоретической литературе в качестве основных проблем, стоящих перед российской высшей школой, чаще всего называют такие факторы как отсутствие современной идеологии образования и адекватной образовательной политики на ее базе; отсутствие внятной теоретической модели модернизации системы образования; и, как следствие, незавершенность и непоследовательность ее реформирования. Перманентная смена госстандартов в области образования усиливает разрыв между средним и высшим звеньями в системе образования, ограничивая развитие системы непрерывного образования. Механическое копирование западных образцов и стандартов, а также не востребованность отечественного новаторского опыта, ведут к утрате традиций и достижений, накопленных в предшествующие исторические периоды.

Многие авторы указывают на нарастание государственного монополизма в сфере высшего образования, в результате чего усиливается чрезмерная централизация управления образовательными процессами, сокращается академическая свобода вузов. Растущая коммерциализация образования ведет к сокращению массовости и доступности бесплатного высшего образования в стране. Сохраняется остаточный принцип финансирования сферы образования и, как следствие, слабая материально-техническая база учебных аудиторий лабораторий, не отвечающая требованиям современного этапа научно-технической революции. Отстаем мы от ведущих мировых держав и в плане компьютеризации учебных заведений, внедрения новых информационных технологий в образовательный процесс. Эти трудности носят, главным образом, объективный характер.

²⁹¹ Аштуова Т.В., Желнина З.Ю. Стратегический проект «Креативный город – территория развития» как модель взаимодействия опорного вуза и региона // Высшее образование в России. 2019. № 3. С. 118.

²⁹² Ожегов С.И. Словарь русского языка. М. : Сов. Энциклопедия, 1973. С. 626.

Не менее значимы и субъективные факторы, касающиеся главных участников образовательного процесса. В частности, речь идет о несоответствии результатов вхождения в Болонский процесс ожиданиям всех основных субъектов образования (учащихся, педагогов, работодателей). Войдя в это международное образовательное пространство, мы мало что приобрели, но многое потеряли. Растет функциональная неграмотность выпускников средних и высших учебных заведений. Идет процесс старения и снижение качества подготовки научно-педагогического персонала, падение престижа профессии педагога. Усиливается социальная незащищенность преподавателей вуза. Приход во власть «менеджеров от образования», не имеющих достаточного опыта педагогической и научной деятельности ведет к растущей бюрократизации и формализации образовательного процесса. Серьезную угрозу для будущего высшей школы представляют демографические проблемы и сокращение количества абитуриентов и т.п.

Это общие проблемы высшей школы, они касаются как федеральных и столичных университетов, так и высших учебных заведений, расположенных в провинциальной глубинке. У региональных вузов в тоже время есть собственные риски и вызовы. К ним следует отнести, прежде всего, угрозу самому существованию данных учебных заведений. Не секрет, что оптимизация высшего звена образовательной системы (проще говоря, сокращение количества высших учебных заведений и их филиалов) коснулась, прежде всего, провинциальных университетов и институтов. За последние годы в стране закрылись сотни вузов, расположенных в малых и средних городах России. Это резко сократило образовательные возможности выпускников средних учебных заведений и обусловило их массовую миграцию в столичные и крупные мегаполисы в поисках качественного образования и лучшей доли. Большинство из уехавших молодых людей, как правило, не возвращаются на малую родину. Региональные вузы во многом были ориентированы на подготовку специалистов, востребованных на местном рынке трудовой занятости, учитывали кадровый социальный запрос. Их закрытие усилило дисбаланс между социальным спросом в сфере занятости и карьерными притязаниями выпускников. Сокращение финансирования оставшихся вузов и уменьшение количества выделяемых государством бюджетных мест также усиливает несоответствие между образовательными потребностями и возможностями молодежи регионов. Закрытие вузов автоматически ведет к сокращению числа профессионалов, занятых в сфере образования, т.е. преподавательского и учебно-вспомогательного составов. А это влечет за собой определенные риски социально-экономического и

культурного плана, поскольку сужает круг творческой интеллигенции, того самого человеческого капитала, который призван быть инновационной базой в современном мире.

Как известно, «город, имея на своей территории университет, получает серьезные преимущества, прежде всего – экономические. Университет – это подготовка кадров, исследования и инновации, приток молодежи и возможность оставлять на своей территории выпускников школ, активная эксплуатация городской инфраструктуры: от транспортной до развлекательной. Вузы, предоставляя высокий уровень образования, влияют на качество жизни горожан, что является одной из стратегических задач развития в современном мире»²⁹³. Но чтобы этот ресурс был задействован, требуется не только государственное регулирование и финансирование, но и серьезная поддержка региональных вузов со стороны местных властей и бизнеса. Только в этом случае провинциальные университеты могут быть реальной основой социокультурной среды, которая способствует созданию и распространению инноваций во всех сферах жизни города и горожан. Что, в свою очередь, обеспечит будущее и вузу, и городу, и стране.

Список литературы

1. Ашутова Т.В., Желнина З.Ю. Стратегический проект «Креативный город – территория развития» как модель взаимодействия опорного вуза и региона // Высшее образование в России. 2019. № 3. С. 116-126.
2. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М.: Советская Энциклопедия, 1973. 846 с.
3. Пунина К.А., Ромашова М.В. Университет и город: технологии формирования имиджа (случай Перми) // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. 2015. № 2. С. 83 -93.

²⁹³ Пунина К.А., Ромашова М.В. Университет и город: технологии формирования имиджа (случай Перми) // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. 2015. № 2. С. 84.

*И.В. Суслов
ФГБОУ ВО «Саратовская государственная
юридическая академия», г. Саратов, Россия*

**(ДЕ)СЕКУЛЯРИЗАЦИЯ КУЛЬТУРНОЙ СФЕРЫ КАК ФАКТОР
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДЕСТАБИЛИЗАЦИИ НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ²⁹⁴**

***Аннотация:** В статье анализируются результаты интернет-опроса жителей Нижнего Поволжья, проведенного весной 2020 года силами научного коллектива кафедры истории политологии и социологии Саратовской государственной юридической академии, который выявил духовно-культурные установки населения о месте и роли религии в общественной жизни региона. С опорой на эмпирические данные делаются выводы о значимости дискуссий и конфликтов по поводу влияния религии на культурную сферу для представителей различных конфессий, что, в свою очередь, позволяет определить вероятность и характер проявления религиозного фактора политической дестабилизации в Нижнем Поволжье.*

***Ключевые слова:** десекуляризация; светскость; религиозная идентичность; этноконфессиональная мобилизация.*

*I. V. Suslov
Saratov State Law Academy, Saratov, Russia*

**(DE) SECULARIZATION OF THE CULTURAL SPHERE AS A FACTOR
OF POLITICAL DESTABILIZATION OF THE LOWER VOLGA REGION²⁹⁵**

***Abstract:** the article analyses the results of an online survey of residents of the Lower Volga region held in the spring of 2020 by scientific staff of the Department of history, political science and sociology, Saratov state Academy of law, which revealed the spiritual and cultural attitudes of the population on the place and role of religion in public life in the region. Based on empirical data, we draw conclusions about the significance of discussions and conflicts over the influence of religion on the cultural*

²⁹⁴ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-011-00389 «Религиозная безопасность в Нижнем Поволжье: современное состояние и технологии стабилизации».

²⁹⁵ The research was funded by RFBR, project number 19-011-00389.

sphere for representatives of various faiths, which, in turn, allows us to determine the probability and nature of the manifestation of the religious factor of political destabilization in the Lower Volga region.

Keywords: *desecularization; secularism; religious identity; ethno-confessional mobilization.*

Российская Федерация, согласно 14 статье Конституции, – это светское государство, в котором ни одна из религий не может стать обязательной, а религиозные организации не являются частью государственного аппарата. Среди научного сообщества существуют два лагеря: первые отмечают угрозы наступления религии на общество, что сопровождается ущемлением гражданских прав либерально настроенных граждан²⁹⁶, вторые указывают на некорректные (некомпетентные) действия общества и власти по отношению к чувствам верующих граждан, что негативно сказывается на развитии религиозной сферы²⁹⁷.

Процессы (де)секуляризации общественной жизни диалектически затрагивают как политическую, так и культурную сферу. С одной стороны, культурная сфера становится ареной борьбы между религиозными и общественными организациями за возможность задавать обществу свою повестку духовного развития. С другой стороны, противоборствующие стороны нередко обращаются к арбитражу государственных структур, которые в свою очередь пытаются использовать духовную сферу как источник ресурса власти и ее легитимации. Таким образом, вокруг духовно-культурных установок населения о месте и роли религии в общественной жизни разворачивается серьезная борьба между субъектами политики, что позволяет рассматривать их в качестве важного фактора политической дестабилизации.

Опрос, проведенный весной 2020 года силами коллектива кафедры истории, политологии и социологии Саратовской государственной юридической акаде-

²⁹⁶ Шнирельман В.А. Православные фундаменталисты России в эпоху «культурных войн» // Этническое и религиозное многообразие России / под ред. В.А. Тишкова, В.В. Степанова. Издание 2-е, исправленное и дополненное. М.: ИЭА РАН, 2018; Топчиев М.С., Штонда В.В. Трансформация отношения к хиджабу как маркеру чужого в современной культуре // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2017. № 3. С. 171-179; Авксентьев В., Аксюмов В., Васильченко В. Конфликт вокруг хиджабов: религия или политика? // Россия и мусульманский мир. 2016. №10. С. 53-67.

²⁹⁷ Хохлов А.А. Политизация религиозных сообществ и проблемы межкультурного взаимопонимания в постсекулярной России // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2019. № 1. С. 153–163; Шовканов Д.А. Конфессиональный аспект как социо-культурный элемент в гармонизации межнациональных отношений // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2018. № 2. С. 56-67; Яблоков И.Н. Содержащиеся в некоторых российских событиях потенциальные риски дестабилизации межнациональных и межрелигиозных отношений // Социально-политические науки. 2017. № 2. С. 7-10.

мии, позволил зафиксировать отношение жителей Нижнего Поволжья (Астраханской, Волгоградской, Саратовской областей) к громкой религиозной музыке в публичных местах, внедрению в школьный процесс религиозных дисциплин, увеличению количества религиозных передач. Было опрошено 1100 человек. На последней ступени отбора применялось квотирование по конфессиональной структуре взрослого населения с учетом пропорций распространения религий в России. Полученные данные позволяют сделать вывод о значимости проблемы десекуляризации культурной сферы как фактора общественно-политической жизни Нижнего Поволжья.

Очевидно, что респонденты, исповедующие православие и ислам будут относиться к религиозной музыке, школьному преподаванию основ религиозных культур и религиозным телепередачам позитивнее, чем христиане, не относящие себя к РПЦ, вне конфессионально верующие и тем более атеисты. Однако конкретная структура одобрения и неодобрения перечисленных феноменов достаточно интересна, показательна и запутана.

Во-первых, наименьшее одобрение секулярных ценностей встречается у респондентов-мусульман, что может привлекать политических антрепренеров, спекулирующих на возможностях и опасностях этноконфессиональной мобилизации.

Во-вторых, меньше всего расхождений в конфессиональном разрезе вызвал вопрос об увеличении количества религиозных телепередач. Большинство респондентов во всех религиозных группах (но в разных долях) высказались против увеличения роли религии в телевидении, не поддерживая тем самым процессы десекуляризации досугово-развлекательной сферы. Видимо, важным препятствием для сращивания религии и политики оказывается страх граждан перед возможным обеднением сферы информационно-развлекательного контента.

В-третьих, наибольшую терпимость респонденты продемонстрировали, отвечая на вопрос о музыке. Почти 42% атеистов (!) и еще больший процент верующих респондентов выразили равнодушие по отношению к религиозным «аудиальным интервенциям» в публичных местах.

В-четвертых, результаты опроса подтвердили резонансное значение проблемы преподавания религиозных основ в школе, которая наиболее выпукло высвечивает дилеммы соблюдения светских принципов в Российской Федерации. Любопытно, что наибольшую сплоченность продемонстрировали атеисты, большая часть конфессиональных групп поделились на два приблизительно равных по численности лагеря. Данный факт подчеркивает высокую политическую значимость вопроса религиозного образования в структуре идентичности современного россиянина и отсутствие внутриконфессионального консенсуса по поводу его

решения. Таким образом, вопрос о росте влияния религии в школе вносит серьезный раскол в ряды православных и мусульман, что уменьшает политический вес лидеров вышеназванных конфессий.

Светскость оказалась в целом устойчивой доминантой политического мировоззрения и мироощущения населения Нижнего Поволжья. Однако религиозный фактор как элемент мировоззрения граждан имеет определенное влияние на формирование политической идентичности в регионе.

Список литературы

1. Авксентьев В., Аксюмов В., Васильченко В. Конфликт вокруг хиджабов: религия или политика? // Россия и мусульманский мир. 2016. №10. С. 53-67.
2. Топчиев М.С., Штонда В.В. Трансформация отношения к хиджабу как маркеру чужого в современной культуре // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2017. № 3. С. 171-179.
3. Хохлов А.А. Политизация религиозных сообществ и проблемы межкультурного взаимопонимания в постсекулярной России // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2019. № 1. С. 153–163.
4. Шнирельман В.А. Православные фундаменталисты России в эпоху «культурных войн» // Этническое и религиозное многообразие России / под ред. В.А. Тишкова, В.В. Степанова. Издание 2-е, исправленное и дополненное. М.: ИЭА РАН, 2018.
5. Шовканов Д.А. Конфессиональный аспект как социо-культурный элемент в гармонизации межнациональных отношений // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2018. № 2. С. 56-67.
6. Яблоков И.Н. Содержащиеся в некоторых российских событиях потенциальные риски дестабилизации межнациональных и межрелигиозных отношений // Социально-политические науки. 2017. № 2. С. 7-10.

УДК 314.154 / ББК 60.74 С74(2)

*Т.М. Тихомирова, Н.П. Тихомиров
ФГБОУ ВО «Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова»
г. Москва, Россия*

УСЛОВИЯ ПЕРЕХОДА ОТ ДЕПОПУЛЯЦИИ К РАСШИРЕННОМУ ВОСПРОИЗВОДСТВУ НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ²⁹⁸

Аннотация. В статье рассмотрены подходы к обоснованию результативных направлений демографической политики, обеспечивающей переход от депопуляции к режиму устойчивого роста населения России и ее регионов. Эти подходы базируются на оценках показателей, объективно характеризующих predetermined наблюдаемыми значениями половозрастных коэффициентов рождаемости и смертности потенциал самовоспроизводства населения, вне зависимости от его половозрастной структуры, и выявления закономерностей изменчивости этого потенциала в складывающихся условиях жизнедеятельности эконометрическими методами.

Ключевые слова: темпы роста населения; рождаемость; смертность; условия жизнедеятельности; социально-экономическая политика; эконометрическое моделирование.

*T.M. Tikhomirova, N.P. Tikhomirov,
Plekhanov Russian University of Economics
Moscow, Russia*

CONDITIONS OF TRANSITION FROM DEPOPULATION TO EXTENDED REPRODUCTION OF THE POPULATION OF RUSSIA²⁹⁹

Abstract. The article considers approaches to justification of effective courses of demographic policy, that ensures the shift from depopulation to a regime of sustainable growth of population in Russia and its regions. These approaches are based on estimates of indicators, which objectively characterize determined by the observed values of sex and age-specific fertility and mortality rates the potential of population self-re-

²⁹⁸ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-010-00307.

²⁹⁹ The research was funded by RFBR, project number 20-010-00307.

production, regardless of its gender and age structure, and on the identification of patterns of this potential in the current living conditions using econometric methods.

Keywords: *population growth rates; fertility; mortality; living conditions; socio-economic policy; econometric modeling.*

В условиях продолжающегося в России с начала 90-х годов прошлого столетия демографического кризиса актуализируются проблемы разработки обоснованной демографической политики, способной обеспечить устойчивое самовоспроизводство населения в РФ и ее регионах в течение длительного периода. Такие разработки с необходимостью должны учитывать закономерности процессов естественного движения, формирующиеся под влиянием меняющихся условий жизнедеятельности, которые могут быть выявлены по результатам анализа тенденций изменчивости достоверных и объективных оценок показателей интенсивности естественного движения населения в прошлом, проводимого, например, методами эконометрического моделирования. В качестве таких показателей некорректно рассматривать общие коэффициенты рождаемости, смертности и естественного прироста, в силу их зависимости не только от повозрастных показателей естественного движения, характеризующих имеющийся у населения потенциал самовоспроизводства, но и от его половозрастной структуры, которая в России существенно меняется во времени (явление демографических волн).

В ситуации значительного влияния демографических волн на темпы роста населения режим его естественного воспроизводства целесообразно выражать показателями, зависящими только от повозрастных коэффициентов рождаемости и смертности, совокупность которых характеризует имеющийся на соответствующий год демографический потенциал. К таким показателям относятся предельный темп роста населения, его стандартизированный аналог, оцениваемый при постоянной стандартизированной половозрастной структуре, [1, 2, 4].

Предельный темп роста рассчитывается для определенного года и представляет собой темп роста населения за некоторый период (обычно год или пять лет), который установится в отдаленной перспективе при условии, что значения повозрастных коэффициентов рождаемости и смертности женщин в возрасте до 50 лет в их годовых или пятилетних группах соответственно, на основе которых оценивается его значение, сохранятся на уровне рассматриваемого года. В алгебраическом смысле этот показатель представляет собой наибольший корень (Перроново число) характеристического уравнения матрицы повозрастных коэффициентов естественного движения (годовых или пятилетних) населения.

Вследствие блочной структуры этой матрицы его значение оценивается только по блоку коэффициентов естественного движения женщин, моложе 50 лет.

Стандартизированный темп роста для каждого года оценивается по разнице между общими стандартизированными коэффициентами рождаемости и смертности всего населения, рассчитываемыми по его стандартизированной по возрастной структуре, независимой от демографических волн, и зафиксированным в этот год значениям коэффициентов рождаемости и смертности в женских и мужских возрастных группах.

В качестве такой структуры могут быть рассмотрены собственный вектор, соответствующий Перронову корню матрицы повозрастных коэффициентов естественного движения [2, 3, 4], или структура, сформированная с учетом закономерностей выбытия женщин и мужчин, предопределенных значениями их повозрастных коэффициентов смертности [5].

С использованием предельного и стандартизированного темпов роста населения достаточно просто идентифицировать режим демографического воспроизводства в текущем периоде. Значения этих показателей, превышающие единицу, соответствуют режиму расширенного воспроизводства населения, равные единице – режиму стационарного населения, меньше единицы – режиму депопуляции.

На рисунке 1 приведены графики, характеризующие закономерности изменчивости режима воспроизводства населения России и ее регионов, объединенных в рамках трех однородных по их характеристикам региональных кластеров, в XXI веке на примере пятилетнего предельного темпа роста, являющегося более строгим индикатором интенсивности этого процесса по сравнению с его стандартизированным аналогом.

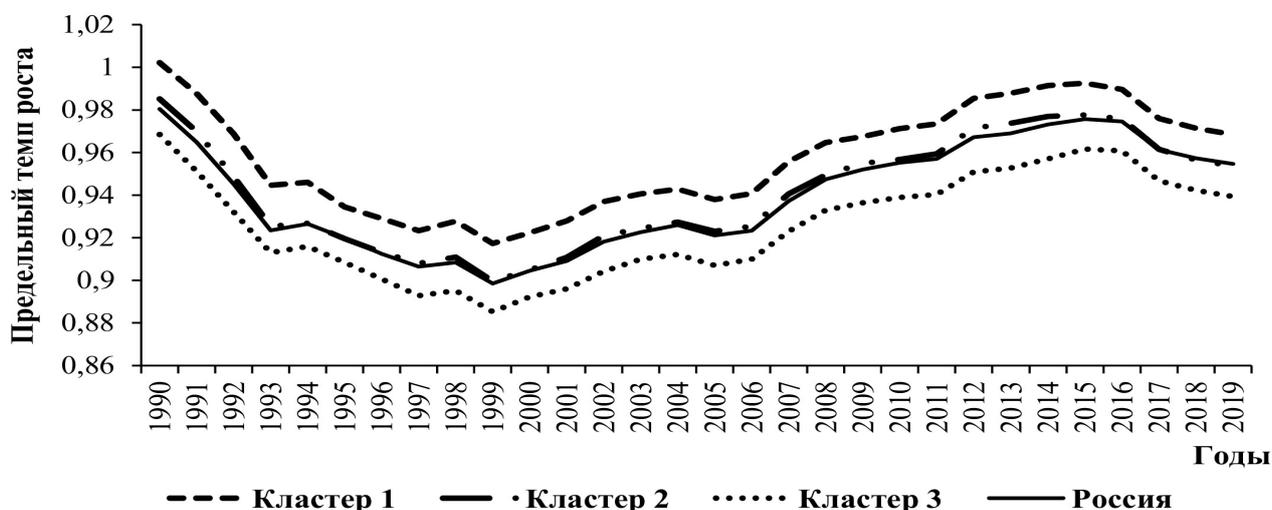

Рис. 1. Пятилетние темпы роста населения в России и однородных кластерах регионов в 1990-2019

Они свидетельствуют, что в России и во всех ее региональных кластерах тенденции предельного темпа роста были одинаковыми. Межкластерные различия в его значениях можно объяснить разницей в уровнях повозрастных коэффициентов рождаемости, обусловленной региональными особенностями демографического поведения и образа жизни населения.

Данные рисунка 1 также свидетельствуют, что в рассматриваемый период и в России, и в большинстве ее регионах режим расширенного воспроизводства населения не был достигнут. При этом после 2015 г. значения предельного темпа роста в данных регионах и в России в целом снова стали снижаться. Вместе с тем, в некоторых регионах страны, входящих в 1-ый кластер или отнесенных к нетипичным, этот режим, характеризующийся значением предельного темпа роста, превышающим единицу, в рассматриваемый период все же наблюдался вплоть до 2017 г.

Здесь следует отметить, что с точки зрения повышения темпов роста населения снижение смертности является существенно менее результативным фактором по сравнению с увеличением рождаемости. В частности, можно показать, что приросты индикаторов режима воспроизводства населения, обусловленные увеличением коэффициентов рождаемости на определенный процент более чем в 30 раз выше его приростов, обусловленных снижением коэффициентов смертности на тот же процент [2].

Отмеченные закономерности в динамике предельного темпа роста населения России в период 2000-2019 гг. достаточно хорошо объясняются эконометрическими моделями. В частности, один из наиболее достоверных их вариантов, характеризующийся коэффициентом детерминации выше 99%, имеет следующий вид:

$$y_t = 0.523 \cdot x_{1t}^{0.035} \cdot x_{2t}^{0.130} \cdot x_{3t}^{0.008} \cdot x_{4t}^{-0.029}, \quad (1)$$

который свидетельствует, что повышение предельного темпа роста населения России y_t связывается с улучшением условий жизнедеятельности в стране, выраженных показателями среднедушевых доходов x_{1t} (руб/чел, в ценах 2016 г.), размерами жилой площади на одного жителя x_{2t} (м²/чел), количеством преступлений в расчете на 100 000 x_{4t} , а также стимулирующими рождаемость выплатами государства на содержание одного ребенка в возрасте 0-17 лет x_{3t} (руб/ребенок в ценах 2016 г.).

Из выражения (1) вытекает, что эластичность предельного темпа роста по показателю жилищных условий почти в четыре раза выше, чем по среднедушевым доходам, и в 16 раз выше, чем по выплатам государства на содержание детей. Однако учитывая, что жилищные условия в стране в значительной степени определяются доходами населения, то их увеличение, по-видимому, является основ-

ным условием выхода на режим устойчивого расширенного демографического воспроизводства.

Аналоги выражения (1), описывающих закономерности изменчивости предельного темпа роста населения в рассматриваемый период в эталонных регионах сформированных кластеров, практически совпадают с ним с точностью до постоянного множителя, его аналогов, описывающих закономерности изменчивости предельного темпа роста населения в рассматриваемый период в эталонных регионах сформированных кластеров.

Именно рост рождаемости в стране следует рассматривать в качестве основной цели демографической политики в России. Однако этот факт нельзя рассматривать как отрицание целесообразности усилий, направленных на снижение смертности и рост продолжительности жизни населения, являющихся одной из важнейших целей развития общества.

Список литературы

1. Тихомиров Н.П. Идентификация и управление режимом воспроизводства населения // Социологические исследования. 2016. № 6(386). С. 41-48.
2. Тихомиров Н.П., Тихомирова Т.М. Оценка и управление потенциалом воспроизводства населения России // Федерализм. 2019. № 3(95). С. 51-71.
3. Jindrová A. et al. Dimensionality reduction of quality of life indicators // Acta Universitatis Agriculturae et Silviculturae Mendelianae Brunensis. 2013. Vol. 60. No 7. P. 147-154.
4. Tikhomirov N., Tikhomirova T., Sukiasyan A. Assessment methods for the reproductive potential of the population // Amazonia Investiga. 2019. Vol. 8. №. 21. P. 558-567.
5. Tikhomirov N.P., Tikhomirova T.M., Sukiasyan A.G., Dorokhina E.Yu. The demographic reproduction regime: assessment and management methods. Praga: Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ», 2019. 179 p.

УДК 316.35-056.2 / ББК 60.542.5-26

И.Л. Ткаченко

*ФГБОУ ВО «Мурманский арктический государственный университет»
г. Мурманск, Россия*

РИСКИ СОЦИАЛЬНОЙ ЭКСКЛЮЗИИ ИНВАЛИДОВ (НА ПРИМЕРЕ МУРМАНСКОЙ ОБЛАСТИ)³⁰⁰

Аннотация. В статье рассматриваются риски социальной эксклюзии лиц с инвалидностью в Мурманской области.

Ключевые слова: эксклюзия; социальная эксклюзия; лица с инвалидностью; инвалидность; отношение; интеграция; социальная защита.

I.L. Tkachenko

Murmansk Arctic State University, Murmansk, Russia

RISKS OF SOCIAL EXCLUSION OF DISABLED PEOPLE (ON THE EXAMPLE OF MURMANSK REGION)³⁰¹

Abstract. The article discusses the risks of social exclusion of people with disabilities in Murmansk region.

Keywords: exclusion; social exclusion; persons with disabilities; disability; attitude; integration; social protection.

Увеличение численности инвалидов и лиц с ограниченными возможностями здоровья – мировая тенденция, вызванная старением населения и накоплением «груза» наследственных заболеваний.

Согласно данным Федерального реестра инвалидов³⁰², по состоянию на 1 августа 2020 года, численность инвалидов в Мурманской области составляет 28 398 чел., из них мужчин – 12 712 чел. (44,76%), женщин – 15 686 чел. (55,24%). Уровень инвалидизации населения – 4,75% (самый низкий в Северо-Западном

³⁰⁰ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-011-00712 «Ресурсные возможности социальной среды в контексте обеспечения независимой жизни людей с инвалидностью (на примере Мурманской области)».

³⁰¹ The research was funded by RFBR, project number 18-011-00712.

³⁰² Численность инвалидов по полу в разрезе субъектов РФ // Федеральный реестр инвалидов. URL: <https://sfri.ru/analitika/chislennost/chislennost?territory=1> (дата обращения: 02.09.2020).

Федеральным округе, что, вероятнее всего, связано с оттоком населения из региона, особенно в пожилом возрасте).

Лидером основных причин инвалидности как в целом по России (85,39%), так и в Мурманской области (83,06%) является инвалидность, связанная с общим заболеванием, на втором месте – инвалидность с детства. Людей, имеющих инвалидность с детства по России 10,74%, по Мурманской области – 13,27%.

Положение людей с инвалидностью в современный период неоднозначно. Нерешенность проблемы полноценного функционирования инвалидов порождает ряд серьезных социально-психологических и социально-экономических последствий, негативно отражающихся на психологическом самочувствии, занятости, качестве жизни, образовательном и культурном уровне данных лиц; способствует социальной зависимости и вынужденной самоизоляции³⁰³.

Социальные практики социального исключения и маркировки людей с инвалидностью обусловлены внутренними и внешними факторами.

Внутренние факторы связаны с состоянием здоровья и способностью к самообслуживанию и независимой жизни людей с инвалидностью. В этой связи можно говорить о том, что людям с нарушениями опорно-двигательными аппарата, зрения, слуха, умственного развития, инвалидам-колясочникам труднее адаптироваться к социуму и функционировать в нем по сравнению с людьми, имеющими инвалидность по общему заболеванию.

Внешние факторы обусловлены различными социальными критериями, такими как уровень дохода, престиж профессии, власть, образование, система социальной защиты, стереотипы об инвалидах в обществе, уровень интолерантности населения к инвалидам, которые определяют социальную позицию человека в обществе и отношение к инвалидизированным субъектам, способствуя эксклюзии.

Люди с инвалидностью в процессе своей жизнедеятельности в регионе сталкиваются с множеством трудностей, ведущие из которых – это несформированность доступной градостроительной среды и транспортно-логистические барьеры (актуально в большей мере для лиц с опорно-двигательными нарушениями, слабовидящих и незрячих); социально-психологическая неготовность общества к взаимодействию с инвалидами (насуточно для лиц с ментальными нарушениями); трудности трудоустройства (профессионально-трудовые барьеры отмечаются для всех категорий инвалидности, но в большей мере для лиц с ментальными нарушениями, нарушениями слуха и зрения); низкое качество жизни и материального обеспечения.

³⁰³ Жигунова Г.В., Ткаченко И.Л. Ресурсный потенциал ювенальной категории: монография. Красноярск: Научно-инновационный центр, 2013. С. 7.

На восприятие и отношение общества к людям с инвалидностью в ряде случаев влияет тип заболевания, приведшего к инвалидности. Больше всего трудностей в процессе участия в жизни регионального социума испытывают люди с ментальными и психическими заболеваниями, население воспринимает представителей данной категории инвалидов в большей мере недоверчиво (обычно их боятся, они вызывают чувства жалости, отвращения, презрения).

Ведущими условиями и факторами включения в социум лиц с инвалидностью являются материально-техническое состояние среды (повышение доступности учреждений, жилых домов, общественных пространств), система помощи и поддержки людей с инвалидностью (распространение в СМИ и общественном мнении позитивной информации об инвалидах), состояние современной медицины (повышение качества и объема предоставления услуг). Чем лучше подготовлены учреждения в материально-техническом плане к взаимодействию с инвалидами, тем лучше их готовность морально-психологическая, то есть процессы материальной и психологической готовности к людям с инвалидностью идут параллельно, взаимообуславливая друг друга.

На основании приведенных данных можно заключить, что большая часть инвалидов не выходит за пределы своего жилища и не ведет активный образ жизни. В такой ситуации население местных сообществ не часто может контактировать и взаимодействовать с данной категорией населения, что, в свою очередь, не способствует формированию толерантного отношения здоровых граждан к людям, имеющим инвалидность.

Психологическая неготовность общества к инклюзии инвалидов проявляется в негативных чувствах и эмоциях со стороны окружающих, недоброжелательном и предвзятом отношении, негативных стереотипах, безразличии, осуждении, неготовности помогать и взаимодействовать с инвалидизированными людьми ввиду недостаточной информированности общественности о проблемах таких людей, непонимания их проблем и специфики заболеваний, отсутствия опыта взаимодействия с инвалидами, страха и предубеждения.

Для реализации принципов интеграции и инклюзии требуется создание условий для организации продуктивного взаимодействия лиц с инвалидностью (совместные мероприятия по вовлечению лиц с инвалидностью в культурно-массовую деятельность, занятия спортом или физической культурой, разнообразные способы непосредственного общения и взаимодействия людей с инвалидностью и людей с обычным состоянием здоровья, реализация программ трудоустройства инвалидов, оказание разных форм поддержки людям с инвалидностью и членам их семей).

Однако, по нашему мнению, чтобы обеспечить принятие лиц с инвалидностью в социум, необходимо организовывать мероприятия не столько «для них», сколько «вместе с ними». Для этого необходимо создавать также материально-технические и организационные условия в разных сферах деятельности, обеспечивающие возможность «независимого» участия людей с инвалидностью в жизни общества. Формирование доступной среды, являясь необходимым условием для независимой жизни инвалидов, выступает базовым условием и для принятия их социумом. И чем лучше организована социальная среда в разнообразных сторонах жизни, тем разнообразнее сама жизнедеятельность людей с инвалидностью³⁰⁴ и тем больше возможностей для формирования солидарных связей.

Без созданной доступной среды участие инвалидов в жизни социума будут лишь разовыми акциями, которые не смогут сформировать инклюзивную культуру взаимодействий и снять отношенческие барьеры.

Условия и факторы инвалидности обусловлены ограничениями в возможностях, создающимися физическими, психологическими, сенсорными, культурными, законодательными и иными барьерами, которые не позволяют человеку, имеющему инвалидность, быть интегрированным в общество на таких же основаниях, как и другие его члены.

Инвалиды способны самостоятельно принимать решения и, при необходимости, обращаться за помощью. Они страдают, прежде всего, от предубеждения общества, а не от своей инвалидности.

Список литературы

1. Жигунова Г.В. Обеспечение независимой жизни людей с инвалидностью в региональном социуме // Вестник университета. 2018. № 12. С. 163-169.
2. Жигунова Г.В., Ткаченко И.Л. Ресурсный потенциал ювенальной категории: монография. Красноярск : Научно-инновационный центр, 2013. С. 7.
3. Численность инвалидов по полу в разрезе субъектов РФ // Федеральный реестр инвалидов. URL: <https://sfri.ru/analitika/chislennost/chislennost?territory=1> (дата обращения: 02.09.2020).

³⁰⁴ Жигунова Г.В. Обеспечение независимой жизни людей с инвалидностью в региональном социуме // Вестник университета. 2018. № 12. С. 163-169.

УДК 316.6 / ББК 88.5

О.Н. Тузова

ФГБОУ ВО «Мурманский арктический государственный университет»

г. Мурманск, Россия

РЕЖИМ САМОИЗОЛЯЦИИ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ КАК ГЛОБАЛЬНЫЙ СОЦИАЛЬНЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ

Аннотация. В статье поднимается проблема исследования самоизоляции в связи с COVID-19. Показана междисциплинарность данного феномена. Обосновывается необходимость исследования самоизоляции как социально-психологического явления. Раскрывается сущность самоизоляции как социального эксперимента.

Ключевые слова: самоизоляция; изоляция; COVID-19; пандемия; социальный эксперимент.

O.N. Tuzova

Murmansk Arctic State University, Murmansk, Russia

SELF-ISOLATION REGIME IN THE CONTEXT OF A PANDEMIC AS A GLOBAL SOCIAL EXPERIMENT

Abstract. The article raises the problem of self-isolation research in connection with COVID-19. The interdisciplinarity of this phenomenon is shown. The necessity of studying self-isolation as a socio-psychological phenomenon is substantiated. The essence of self-isolation as a social experiment is revealed.

Keywords: self-isolation; isolation; COVID-19; pandemic; social experiment.

Возникновение новой вирусной инфекции COVID-19 стало неожиданным для населения многих стран. Объявленный, в этой связи, режим самоизоляции вызвал неоднозначное отношение в обществе. Самоизоляция как предмет исследования заинтересовала ученых из разных научных сфер. Наибольшее количество публикаций по указанной проблеме в первой половине 2020 года принадлежит экономистам. Поднимаются вопросы управления персонала в дистанционном режиме, специфика перехода вузов на дистанционное обучение, различные аспекты новой экономической реальности и т.п.

В рамках юридических наук затрагиваются проблемы административной ответственности за нарушение карантина и режима самоизоляции, законности и конституционности антивирусных мер, анализ соотношений прав и свобод человека с уровнем безопасности личности, общества, государства в период пандемии и пр.

Социологи обращают внимание на влияние COVID-19 на организацию жизни респондентов, на социальные эффекты и последствия самоизоляции.

Психологи рассматривают проблемы семейных отношений в период самоизоляции, психологические последствия влияния самоизоляции, профилактику стресса у детей и взрослых в условиях самоизоляции. При этом стоит отметить, что психологических исследований в отличии от других научных сфер, крайне мало.

Цель данной работы – обозначить исследовательское поле феномена самоизоляции. Для достижения поставленной цели решались следующие задачи:

1. дать определение самоизоляции как социально-психологическому феномену;
2. представить самоизоляцию в условиях пандемии как социальный эксперимент;
3. выделить основные направления исследования феномена самоизоляции в условиях пандемии.

Самоизоляция как социально-психологический феномен является новым предметом исследования. Следует отметить противоречивое понимание данного термина. Как отмечает С.А. Воронцов, «широко используемое в связи с пандемией коронавируса понятие «самоизоляция» не используется в федеральных законах»³⁰⁵. Строго говоря, режим самоизоляции не может являться таковым по семантической сути, так как первая часть этого сложного слова «само-» в данном контексте, согласно толковому словарю Ожегова, должно означать «совершения чего-нибудь без посторонней помощи; без постороннего участия»³⁰⁶. Самоизоляция, таким образом, должна представлять самостоятельный отказ от взаимодействия с другими членами общества без посредничества государственных органов. На наш взгляд, надо честно признать, что государство ввело режим изоляции, так как факт постороннего участия очевиден. И это первая семантическая ошибка, которая повлияла на трудности в правовой регуляции

³⁰⁵ Воронцов С.А. О соотношении прав и свобод человека с уровнем безопасности личности, общества, государства в период пандемии // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2020. № 5 (120). С. 50-53.

³⁰⁶ Толковый словарь Ожегова. URL: <https://gufo.me/dict/ozhegov/само>

и формирование непонимания и сопротивления в обществе. Несмотря на это в данной публикации мы будем придерживаться уже введенного термина «самоизоляция».

В условиях пандемии важным становится ограничение социальных контактов как мера нераспространения коронавирусной инфекции. А.Э. Хасуев выделяет шесть типов социальной изоляции, которые можно объединить по следующим основаниям.

- По степени изолированности: полную, когда «человек прекращает общаться с другими людьми, как лично, так и при помощи средств связи»; физическую, когда «человек лично не контактирует с другими людьми, но общается с ними посредством почты, интернета, телефона, видеосвязи»; формальную, при которой «человек являет собой полноправного члена общества, но при этом он имеет минимум социальных контактов»;
- По степени добровольности: принудительную – «личность принудительно изолируют»; добровольную – «человек изолирует себя ввиду собственных желаний или определенных взглядов на жизнь»; вынужденную – «возникает в результате длительного пребывания в безлюдном месте или во враждебной среде».

Особым проявлением социальной изоляции в современном обществе считается явление хикикомори для которого характерно целостное отчуждение от социума длительностью более, чем полгода³⁰⁷.

На основании приведенных типов изоляции можно сказать, что введенный режим самоизоляции представляет собой вынужденную физическую социальную изоляцию.

Обзор немногочисленных исследований позволяет утверждать, что введенный режим самоизоляции представляет собой экспериментальную базу для разнообразных научных областей. В рамках психологической науки мы рассматриваем данную ситуацию как естественный социальный эксперимент. Во-первых, население многих стран оказалось в не стандартной ситуации, которую можно причислить к экстремальной. Это можно отнести к стимулам внешней среды, что в эксперименте характеризуется как независимая переменная. Следовательно, у социума возникают реакции на данные стимулы, что является зависимыми переменными – это, во-вторых.

Основная сложность состоит в том, что в данной ситуации много неконтролируемых факторов и у предполагаемого социального эксперимента отсутству-

³⁰⁷ Хасуев А.Э. Социальная изоляция и самоизоляция человека: социально-философский анализ // Экономические и гуманитарные исследования регионов. 2020. № 2. С. 122-128.

ет модель. Вернее, она рождается постфактум. Чтобы минимизировать отрицательные последствия от непредсказуемости самоизоляции в условиях пандемии, мы считаем целесообразным обратиться к исследованиям изоляции личности на арктических станциях, в космосе, на пограничных заставах и т.п.³⁰⁸ Используя данный опыт и проводя параллели, можно утверждать, что режим самоизоляции в условиях пандемии представляет собой экстремальную ситуацию для личности, что расширяет спектр социально-психологических исследований. Следует помнить, что в данных условиях исследования должны носить прикладной характер и являться основой для оказания практической помощи населению.

Таким образом, теоретический анализ позволяет сформулировать ряд выводов:

1. Режим самоизоляции в условиях пандемии – это вынужденная физическая социальная изоляция личности, основанная на гражданской ответственности и правовом регулировании.
2. Самоизоляцию можно рассматривать как естественный социальный эксперимент, где в качестве независимой переменной выступает объективная ситуация распространения COVID-19, а в качестве зависимой переменной могут быть разнообразные реакции как личности, так и малых или больших групп.
3. В качестве приоритетных направлений социально-психологических исследований предлагаем рассматривать те, которые будут способствовать профилактике негативных последствий режима самоизоляции в условиях пандемии для личности и общества.

Список литературы

1. Воронцов С.А. О соотношении прав и свобод человека с уровнем безопасности личности, общества, государства в период пандемии // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2020. № 5 (120). С. 50-53.
2. Толковый словарь Ожегова. URL: <https://gufo.me/dict/ozhegov/само>
3. Тузова О.Н. Адаптация личности: теория и практика: монография. Мурманск: Мурманский гос. пед. ун-т. Мурманск, 2009.
4. Хасуев А.Э. Социальная изоляция и самоизоляция человека: социально-философский анализ // Экономические и гуманитарные исследования регионов. 2020. № 2. С. 122-128.

³⁰⁸ Тузова О.Н. Адаптация личности: теория и практика: монография. Мурманск: Мурманский гос. пед. ун-т. Мурманск, 2009.

УДК 316.4.063.6 / ББК 60.5

С.Е. Туркулец
ФГБОУ ВО «Дальневосточный государственный
университет путей сообщения», г. Хабаровск, Россия

**РОЛЬ СТИГМАТИЗАЦИИ В ПРОЦЕССЕ ФОРМИРОВАНИЯ
ЖИЗНЕННОЙ СТРАТЕГИИ МОЛОДЕЖИ³⁰⁹**

Аннотация. В статье анализируются особенности территориальной стигматизации молодёжи. Целью является выявление особенностей стигматизационного процесса современной молодёжи в условиях российского Дальнего Востока.

Ключевые слова: стигма; территориальная стигматизация; социальная идентификация; молодёжь.

S.E. Turkulets
Far Eastern State Transport University, Khabarovsk, Russia

**ROLE OF STIGMATIZATION IN THE PROCESS OF FORMATION
OF THE LIFE STRATEGY OF YOUTH³¹⁰**

Abstract. The article analyzes the characteristics of stigmatization of young people by the criterion of residence. The goal is to determine the characteristics of stigmatization process of modern youth in the Russian Far East.

Keywords: stigma; territorial stigmatization; social identification; youth.

В последние годы к процессам стигматизации усилился интерес научного сообщества, как в России, так и за рубежом. Хотя следовало, точнее, сказать наоборот: за рубежом этот интерес проявился гораздо раньше, чем в среде наших соотечественников. Начало исследованиям стигматизации положил Э. Гоффман, работы которого были представлены научному сообществу во второй половине XX в. Э. Гоффман рассматривал стигму как отрицательную социальную характеристику, которая выделяет ее носителя при сравнении с другими людьми, способствует формированию негативного, пренебрежительного отношения к

³⁰⁹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-011-00152.

³¹⁰ The research was funded by RFBR, project number 19-011-00152.

«больному» человеку в обществе. Стигма определяет отношение «нормальных» людей, не имеющих данного маркера, к человеку, носителю стигмы и их действия по отношению к нему³¹¹. В работах ученого речь шла преимущественно о психически больных людях.

Современные исследователи стигматизации традиционно понимают под ней процесс «навешивания ярлыков», «клеймения». Причём отмечается, что нередко стигма может произвольно сочетаться с такими характеристиками индивида, как, например, цвет кожи, манера разговора, наличие внешнего увечья и т.п. Нередко стигматизация обусловлена поведением или конкретным поступком индивида. Стигматизация проявляется в различные времена и в разных сообществах по-своему, она исторически и социокультурно конкретна. Традиционно стигматизацию рассматривают как фактор, негативно влияющий на процесс социализации и социальной идентификации индивидов.

В данной работе речь пойдет об особенностях стигматизационного процесса современной молодежи в условиях российского Дальнего Востока. Нашей гипотезой является идея о том, что территориальная стигматизация обладает признаками амбивалентности, с одной стороны, негативно влияет на процесс социализации молодёжи на российском Дальнем Востоке, но с другой – может выступать побудительным мотивом для осуществления молодыми людьми активного сознательного выбора своей жизненной стратегии. Под территориальной стигматизацией в контексте настоящей работы понимается процесс «маркирования» и «самомаркирования» индивида как проживающего на особой территории (в «глубинке», на периферии, в маргинализированном районе) и (на основе устоявшихся стереотипов) в этом смысле ограниченного в правах на полноценную жизнь и реализацию своих жизненных стратегий.

Вопросам территориальной стигматизации в российской научной литературе уделено крайне мало внимания. В последние годы только работы А.Ю. Казаковой привлекают внимание научной общественности своим глубоким анализом места жительства как стигмы³¹². Ученый рассматривает территориальную стигму в контексте выполнения ею функций культурного наследия, интеграции и социальной регуляции, отмечая, что она определяет отношение людей к жилью, расположенному в пределах стигматизированных пространств, влияя на территориальное

³¹¹ Goffman E. Stigma: Notes on the management of spoiled identity. Harmondsworth, 1986. 168 p.

³¹² Казакова А.Ю. Территориальная стигма в функции пароя и ее связь с жилищными условиями // Социальные и гуманитарные знания. 2017. № 2. Т. 3. С. 138-148; Казакова, А.Ю. Территориальная стигма: содержание и знак оценки // Социальные и гуманитарные знания. 2017. № 4. Том 3. С. 357–368.

поведение жителей, становясь фактором формирования физического пространства поселения.

В зарубежных исследованиях ученые гораздо чаще обращаются к изучению вопросов территориальной стигматизации. Так, Loïc Wacquant, Tom Slater, Virgílio Borges Pereira³¹³ показывают динамическое взаимодействие различных составляющих социального пространства: территориально-административных единиц, культурно-символических групповых моделей поведения и повседневных индивидуальных действий. Используя многочисленные примеры европейских (например, Париж, Стокгольм, Бристоль, Эдинбург, Копенгаген) и американских (например, Нью-Йорк, Чикаго) городских территорий, авторы раскрывают живую связь трёх пространственных структур в единой городской онтологии: символического пространства, социального пространства и физического пространства. В ходе проведённых авторами исследований были выявлены такие тенденции, как желание людей, проживающих в особых, неблагополучных, «забытых Богом» районах, «закрыться» от окружающих, уединиться, скрыть свою стигматизированную идентичность. Это объясняется тесной связью территориальной стигмы с такими факторами, как нищета, безнравственность, уличная преступность, этническая принадлежность мигрантов и проч. Sune Qvotrup Jensen, Ann-Dorte Christensen³¹⁴ [10], рассматривая специфику формирования городских маргинальных районов, отмечают, что жители этих территорий принимают свой маргинальный статус как нечто само собой разумеющееся. Более того, такое некритическое самоопределение только усиливает эффект территориальной стигматизации. Жители маргинальных территорий настолько свыкаются со своим стигматизированным положением, что субъективно даже довольны своим статусом.

Отметим, что стигматизационные процессы происходят и в российской глубинке, особенно в отдалённых районах Дальневосточного региона. Жители, понимая, что не стоит рассчитывать на действенную помощь со стороны государства, официальной власти, идентифицируют себя в качестве маргиналов, нередко вступая на путь криминала, отягощённого алкоголизмом и наркоманией. Дальневосточные села исчезают с лица земли, небольшие города превращаются в резервации для тех, у кого нет возможности уехать. Такие населенные пункты лишаются воспроизводства населения, поскольку молодежь стремится уехать в

³¹³ Wacquant L., Slater T., Borges V. Pereira “Territorial Stigmatization in Action” // *Environment and Planning A: Economy and Space*. January 2014. Vol. 46. Pp. 1270–1280. <https://doi.org/10.1068/a4606ge>

³¹⁴ Sune Qvotrup Jensen & Ann-Dorte Christensen “Territorial stigmatization and local belonging” // *City*. April 2012. Vol. 16. Pp. 74-92. <https://doi.org/10.1080/13604813.2012.663556>

крупные города, в центральную часть России, чтобы устроить свою жизнь, получить образование, найти достойную работу.

Стигматизация на основе такого критерия, как территория проживания, безусловно, оказывает особое влияние на самоидентификацию молодёжи. Как правило, молодые люди, еще не устроившиеся в жизни, не получившие полного образования, желающие иметь «всё и сразу», конструируют некий идеальный образ обеспеченной жизни в центральной части России (Москва, Санкт-Петербург). В их представлении столичные города дают неограниченные возможности для самореализации. Проживание в провинциальном, по сути периферийном, дальневосточном регионе выступает сегодня для молодёжи фактором, не только ограничивающим ее жизненные стратегии, но и способствующим её негативной самоидентификации. Согласно данным статистики, с территории Хабаровского края, например, ежегодно уезжает от 50 до 60 тыс. человек (данные 2012-2017 гг.)³¹⁵.

В рамках поддержанного РФФИ проекта «Негативная роль стигматизации в процессе социализации российской молодежи (на примере Дальневосточного федерального округа)» нами было проведено анкетирование молодежи городов Дальневосточного региона. Всего было опрошено 600 респондентов. Выборку составили студенты дальневосточных ВУЗов и ученики выпускных классов общеобразовательных школ Дальневосточного федерального округа. Согласно полученным данным средний возраст респондента – 20 лет.

Наибольший интерес для исследования представляют ответы респондентов на следующие вопросы анкеты: «Проживая на Дальнем Востоке, считаете ли Вы, что сможете здесь реализовать себя в полной мере?», «Верно ли утверждение, что Россия богата окраинами?», «Считаете ли Вы возможным получение качественного профессионального образования на Дальнем Востоке?». Кроме того, анкетиремым было предложено описать «человека из глубинки» по таким признакам, как внешний вид, речь, поведение, манера общения и др. Полученные ответы позволяют судить о том, что молодые люди не верят в потенциал Дальневосточного региона, как места, где они могли бы в полной мере осуществить свои замыслы, реализовать свои способности. Подавляющая масса респондентов негативно оценивает перспективы развития российского Дальнего Востока. Анализ ответов на данный вопрос позволяет сделать вполне закономерный вывод о том, что основная масса респондентов не видит перспектив самореализации на российском Дальнем Востоке.

³¹⁵ Общие данные о миграции населения Хабаровского края. URL: http://habstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/habstat/ru/statistics/magadan_stat/population/ (дата обр.: 03.04.2020).

Одним из промежуточных итогов нашего исследования стал вывод о том, что в отличие от других критериев стигматизации (наркозависимость, увечья, психические и иные заболевания, нетрадиционная сексуальная ориентация и пр.) стигма территории проживания не так выражено способствует желанию скрыть свою стигматизированную идентичность. Осознание возможности преодоления территориальной стигматизации за счет реализации своих жизненных стратегий за пределами данной территории побуждает индивидов к соответствующим активным действиям.

Список литературы

1. Казакова А.Ю. Территориальная стигма в функции пароля и ее связь с жилищными условиями // Социальные и гуманитарные знания. 2017. № 2. Т. 3. С. 138-148.
2. Казакова А.Ю. Территориальная стигма: содержание и знак оценки // Социальные и гуманитарные знания. 2017. № 4. Том 3. С. 357–368.
3. Общие данные о миграции населения Хабаровского края. URL: http://habstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/habstat/ru/statistics/magadan_stat/population/ (дата обращения: 03.04.2020).
4. Wacquant L., Slater T., Borges V. Pereira “Territorial Stigmatization in Action” // Environment and Planning A: Economy and Space. January 2014. Volume 46. p. 1270–1280.
5. Sune Qvotrup Jensen & Ann-Dorte Christensen “Territorial stigmatization and local belonging” // City. April 2012. Volume 16. Pp. 74-92.
6. Goffman E. Stigma: Notes ones on the management of spoiled identity. Harmondsworth, 1986. 168 p.

*И.А. Уваров
Ставропольский филиал ФГКОУ ВО «Краснодарский университет
Министерства внутренних дел Российской Федерации»
г. Ставрополь, Россия*

**ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ РИСКИ В СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЕ
СОТРУДНИКОВ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ:
СИНДРОМ ВЫГОРАНИЯ**

Аннотация. В статье рассматриваются профессиональные риски, возникающие в социальной работе сотрудников уголовно-исполнительной системы. Автор рассматривает «синдром выгорания» в контексте пенитенциарной профилактики, реализуемой учреждениями и органами уголовно-исполнительной системы.

Ключевые слова: профессиональные риски; социальная работа в уголовно-исполнительной системе; синдром выгорания в уголовно-исполнительной системе.

*I.A. Uvarov
Stavropol branch OF the Krasnodar University OF the Ministry
of internal Affairs of the Russian Federation
Stavropol, Russia*

**PROFESSIONAL RISKS IN THE SOCIAL WORK OF EMPLOYEES
OF THE PENITENTIARY SYSTEM: BURNOUT SYNDROME**

Abstract. The article deals with professional risks arising in the social work of employees of the penitentiary system. The author considers the “burnout syndrome” in the context of penitentiary prevention implemented by institutions and bodies of the criminal Executive system.

Keywords: professional risks; social work in the penal system; burnout syndrome in the penal system.

Проблема профессиональных рисков в социальной работе сотрудников уголовно-исполнительной системы является весьма актуальной в современных социально-экономических условиях. Дело в том, что согласно общей теории социальной рабо-

ты, субъект такой деятельности должен испытывать эмпатию к клиенту, что объективно может создавать угрозы его психическому здоровью. К наиболее распространённому из всей совокупности профессиональных рисков, принято относить так называемый «синдром выгорания». Его следствием может быть то, что субъект социальной работы сам становится человеком, нуждающимся в психологической и социальной помощи. Совершенно иную картину мы наблюдаем в социальной работе с осужденными к лишению свободы. Трудно представить себе субъекта такой деятельности, который бы испытывал эмпатию к лицам, с которыми ему приходится вступать в контакт. Для качественной оценки социальных проблем осужденного сотрудник должен изучить и те факторы, которые могут иметь значения для предоставления квалифицированной помощи. Среди такой информации, есть и сведения, характеризующие преступную деятельность осужденного. Это обстоятельство уже само по себе можно рассматривать как некий деструктивный фактор, препятствующий эмпативному отношению к осуждённому.

В тоже время, сам факт пребывания в условиях изоляции от общества, может негативно сказываться на жизнедеятельности осужденного, провоцируя проблемы, с которым он не способен справиться самостоятельно. Причем, как показывают исследования, такого рода негативные процессы происходят со всеми осуждёнными, вне зависимости от того, отбывали они ранее наказание в местах лишения свободы или нет. Поэтому, уровень эмоциональной нагрузки на сотрудников уголовно-исполнительной системы, которые осуществляют социальные функции, гораздо выше, чем на социальных работников, работающих в условиях «свободного общества».

В литературе к очевидным фактам принято относить довольно высокий уровень эмоционального накала при работе с осужденными к лишению свободы. В общении с этой категорией граждан сотрудники уголовно-исполнительной системы не могут рассчитывать на позитивную обратную связь. Даже профессионально выполненная работа, не гарантирует эффективность достижения целей пенитенциарной профилактики³¹⁶.

Положение усугубляется тем, что в деятельности сотрудников уголовно-исполнительной системы, чьи функции сопряжены социальной работой, можно отметить определенную «размытость профессиональных компетенций». Если в условиях «свободного общества», социальный работник, осуществляет свою деятельность сугубо в рамках своих профессиональных компетенций, то сотрудник, выполняющий социальные функции в уголовно-исполнительной системе, вынужден совме-

³¹⁶ Малышева С.Ю. Особенности протекания процесса социальной перцепции у осужденных в местах лишения свободы // Актуальные вопросы современного российского законодательства и организации деятельности уголовно-исполнительной системы. Рязань, 2010. С. 195-198.

щать их с воспитательно-профилактическими. Качественная оценка их деятельности осуществляется не столько с позиции выполнения социальных задач, сколько в оценке вовлеченности в процесс пенитенциарной профилактики, что зачастую вступает в противоречия с профессиональной этикой социального работника.

Другим негативным аспектом здесь выступают сугубо патерналистские установки, существующие в пенитенциарном социуме. Любой сотрудник уголовно-исполнительной системы воспринимается осужденными как представитель государства. И коль скоро именно государство лишило преступника свободы, то именно оно и должно удовлетворять все его социальные потребности. Оказываясь в такой ситуации, сотрудник чувствует груз ответственности, который связан не столько с характером выполняемых им функций, сколько с недостаточной самостоятельностью в принятии решений. Неадекватная оценка его деятельности со стороны вышестоящего руководства является причиной развития профессионального стресса.

Невысокая качественная оценка социальной работы, по сравнению с другими направлениями деятельности уголовно-исполнительной системы, приводят к изменениям в мотивационной сфере, что является причиной профессиональной деформации такого сотрудника. Низкая востребованность руководством учреждений и органов уголовно-исполнительной системы качественной социальной работы с осужденными создает условия, при которых этот вид профессиональной деятельности сопровождается повышением риска синдрома выгорания.

В 2008 году нами было проведено исследование профессиональных рисков в деятельности сотрудников уголовно-исполнительной системы, обучающихся на факультете повышения квалификации Академии ФСИН России. Полученные в ходе интервьюирования результаты, дали нам основание констатировать наличие негативных симптомов у большинства сотрудников осуществляющих социальные функции в исправительных учреждениях. Синдром выгорания развивался под влиянием особых условий работы и систематических перегрузок. На сегодняшний день, основной контингент мест лишения свободы, это лица, ранее совершившие тяжкие и особо тяжкие преступления. Учитывая, что около половины отбывающих наказание в виде лишения свободы – это лица, достаточно длительное время пребывавшие в изоляции от общества, то и социально-полезные связи ими были утрачены. Следовательно, единственным человеком, способным тем или иным образом решать их социальные проблемы, является сотрудник уголовно-исполнительной системы. Именно на них осужденные и направляют всю свою негативную энергию, которая могла копиться годами.

Здесь, в полной мере раскрывается патерналистическая сущность осужденных, отбывающих наказание в виде лишения свободы. В подавляющем большинстве, со-

трудники уголовно-исполнительной системы проецируют систему решения социальных проблем осужденных на аналогичные, которые возникают у «свободных» граждан. Такое сравнение оказывается ошибочным. Осужденным государство не только гарантирует удовлетворение их социально-значимых проблем, но и определяет механизм его реализации. Неудовлетворение запросов осужденных оценивается как невыполнение учреждением уголовно-исполнительной системы задач по реализации пенитенциарной профилактики. На этом фоне, сотрудники и воспринимают выполняемые ими функции как стрессогенные, влекущие за собой выгорание – т.е. состояние эмоционального, физического и умственного истощения, которое сопровождается отрицательным отношением к людям, работе и жизни³¹⁷.

В завершении, считаем необходимым отметить, что существующие на сегодняшний день технологии по противодействию синдрому выгорания у сотрудников уголовно-исполнительной системы не могут рассматриваться как эффективные. Их основная масса разрабатывалась для социальных работников, реализующих свою профессиональную деятельность в условиях так называемого «свободного общества». В отношении сотрудников уголовно-исполнительной системы, выполняющих функции социальных работников, такие технологии отсутствуют. В таких условиях, единственным средством позволяющим противостоять синдрому выгорания, равно как и иным профессиональным рискам, оказывается способность овладеть навыками саморегуляции. Только такого рода навыки позволят сотруднику правильно управлять своими переживаниями, блокировать возникновение стрессовых состояний и адекватно реагировать на негативные ситуации. Только формирование у сотрудников уголовно-исполнительной системы правильного подхода к проблеме профессиональных рисков, позволит минимизировать возможность возникновения у них синдрома выгорания.

Список литературы

1. Малышева С.Ю. Особенности протекания процесса социальной перцепции у осужденных в местах лишения свободы // Актуальные вопросы современного российского законодательства и организации деятельности уголовно-исполнительной системы. Вып. 5. Рязань, 2010. С. 195-198.
2. Тимашева Л.В. Эмоциональное выгорание сотрудников пенитенциарной системы // Общесоциальные проблемы правопонимания и правоприменения: теория и практика. Волжский, 2011. С. 385-389.

³¹⁷ Тимашева Л.В. Эмоциональное выгорание сотрудников пенитенциарной системы // Общесоциальные проблемы правопонимания и правоприменения: теория и практика. Волжский, 2011. С. 385-389.

Д.Н. Филиппова
ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный университет»
г. Якутск, Россия

УДОВЛЕТВОРЕННОСТЬ ЖИЗНЬЮ В АРКТИКЕ: ВЗГЛЯД СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ УНИВЕРСИТЕТОВ АРКТИКИ

Аннотация. В статье рассматриваются особенности удовлетворенностью жизнью в арктических регионах РФ по итогам исследования «Арктика в ценностях студентов университетов Арктики», проведенного в 2017-2019 годах. В большей части студенты оценивали приведенные критерии на средний балл, более трети опрошенных отметили высоким баллом возможность вести здоровый образ жизни. Анализ ответов студентов показал, что менее всего удовлетворяют их климат, перспективы карьерного роста, жилищные условия и качество жизни в Арктике.

Ключевые слова: жизнь в Арктике; социальные проблемы Арктики; арктические регионы; студенты университетов Арктики; Арктика; Российская Арктика.

D.N. Filippova
M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia

SATISFACTION WITH LIFE IN THE ARCTIC: A VIEW OF STUDENT YOUTH OF ARCTIC UNIVERSITIES

Annotation. The article discusses the features of life satisfaction in the Arctic regions of the Russian Federation according to the results of the study “The Arctic in the Values of University Students in the Arctic”, conducted in 2017-2019. For the most part, students rated the given criteria for an average mark, more than a third of the respondents noted a high mark for the opportunity to lead a healthy lifestyle. Analysis of students’ answers showed that their climate, career prospects, housing conditions and quality of life in the Arctic are least satisfactory.

Keywords: life in the Arctic; social problems of the Arctic; Arctic regions; students of universities in the Arctic; Arctic; Russian Arctic.

Жизнь в Арктике – в красивом, но суровом крае – никогда не была легкой. Качество жизни в Российской Арктике на данный момент пугает молодежь, трудоспособное население. Методологические и методические аспекты изучения социаль-

ного самочувствия населения Арктической зоны Российской Федерации в контексте его ценностных ориентаций рассматривают А.М. Максимов, К.О. Малинина, Т.А. Блынская и С.М. Балицкая [3]. Уровень жизни населения арктических регионов России исследовали Т.Н. Полушина и Е.Е. Богданова [4]. Социальное пространство северного региона изучает в своей диссертации И.В. Каторин [5].

«Жизнь в Арктике – сплошное выживание и вызов», можно прочитать в различных источниках – в экспертных интервью, в экономических и аналитических отчетах, в СМИ, в социальных сетях. Жить и работать в Арктике могут только сильные духом люди – об этом говорят и итоги нашего анкетного опроса студентов университетов Арктики. Совместно с научным руководителем Ульяной Алексеевной Винокуровой нами была составлена анкета на основе положений Арктической циркумполярной цивилизации [1] для исследования приверженности Арктике студентов университетов Арктики, определения роли Арктики в их системе ценностей.

В опросе приняли участие 190 студентов Северо-Восточного федерального университета (город Якутск), 80 студентов Мурманского арктического государственного университета (город Мурманск) и 171 студент Северного (Арктического) федерального университета (город Архангельск). Генеральная совокупность – 23 463 человека, это общее количество студентов очного обучения в трех университетах на 2017 год. Доверительная вероятность («точность») 95%, доверительный интервал («погрешность» \pm %) 5% при размере выборке 441 человек.

Большой блок оценки студентов представлен в ответах на вопрос «Оцените по степени удовлетворенности особенностью жизни в арктическом регионе по шкале от 1 до 3 баллов», где 1 балл – самый низкий. Особенности жизни составлены с учетом выводов, отраженных в учебном издании «Арктическая циркумполярная цивилизация» [1].

Анализ ответов показывает, что студенты в основном оценивают на средний балл (2) приведенные особенности. Пункты «Климат (долгая зима, холод, снег, лед, северное сияние, полярная ночь, ветер)» и «Перспективы для карьерного роста, достижения благосостояния за короткий срок» были отмечены низким баллом (40%-52%), здесь из общего ряда выбивается мнение студентов СВФУ: 29% оценили климатическую особенность низким баллом, а 27% вовсе – на высокий. Жилищные условия оценены нижним баллом студентами САФУ (50%), отмечен данный пункт только 9-11% опрошенных СВФУ, САФУ высшим баллом. Только один из приведенных пунктов оценен всеми опрошенными в трех вузах высоким баллом – это «Возможность вести здоровый образ жизни»: СВФУ – 34%, МАГУ – 45%, САФУ – 37%. Наибольшее количество респондентов (48-62%) едины во мнении, что пункт «Учеба, труд», «Занятия дистанци-

онными видами общения, труда, учебы» в арктическом регионе можно оценить на средний балл.

Какие же проблемы студенческая молодежь считает актуальными для современной молодежи Арктики? Здесь респонденты могли выбрать не более 3 вариантов ответов. Ответы студентов университетов Арктики здесь схожи, большинство выбрали «недостаточная продуманность и системность механизма притяжения талантливых, творческих, квалифицированных кадров для работы в Арктике» (57-65%). Половина студентов определили проблему безработицы для современной молодежи как одну из главных (43-55%). Далее частота выбранных ответов варьируется без особой разницы: «слабая профессиональная подготовка и слабость творческой энергии, духа предприимчивости» (35-46%), «преодоление поведенческих и ментальных барьеров пассивного отношения к социальным проблемам Арктики» (39-41%), «специфическая направленность рынка труда в арктических регионах» выбран реже всего (31-40%), «отсутствие целенаправленной государственной политики в Арктике» (24-37%).

Безусловно, один из важнейших вопросов анкеты заключается в том, чтобы предпринять попытку узнать о планах на будущее студентов. Это вопрос «Намерены ли Вы остаться в Арктике сразу после окончания учебы?». Большинство студентов еще не определились: 53% в МАГУ, 46% в САФУ и 41% в СВФУ. Ответ «Да, останусь здесь, так как я местный житель, выбрала треть студентов СВФУ (26%) и 17-22% студентов САФУ и МАГУ. Уехать за пределы Арктики намерен каждый четвертый и пятый опрошенный: 24% - САФУ, 20% - МАГУ, 23% - СВФУ. Переехать на другую территорию Арктику намерены единицы – ни один студент МАГУ не готов к переезду, и по 1-2 студенту САФУ и МАГУ.

Таким образом, анализ ответов студентов показывает, что менее всего удовлетворяют их климат, перспективы карьерного роста, жилищные условия и качество жизни в Арктике. Действительно, в социально-экономических документах, программах в проблемах и вызовах Российской Арктики отмечается низкий уровень качества жизни. В большей части студенты оценивали приведенные критерии на средний балл, более трети опрошенных отметили высоким баллом возможность вести здоровый образ жизни.

Так, согласно исследованию Е.А. Корчак, все три региона, в которых проведен анкетный опрос, относятся к регионам, «развитие которых происходит с признаками социальной устойчивости по обобщенной характеристике уровня жизни населения... основными социальными проблемами, негативным образом влияющими на уровень социальной устойчивости регионов Севера и Арктики РФ, остаются высокая степень дифференциации заработной платы, предопределяющая неравенство в перераспределении денежных доходов населения и оказывающая значитель-

ное влияние на проблему бедности населения, а также социальная напряженность на региональных рынках труда, продуцируемая дефицитом качественных трудовых ресурсов и территориальной дифференциацией безработицы» [2].

Студенческая молодежь считает актуальными для современной молодежи Арктики проблемы «недостаточной продуманности и отсутствия системности механизма притяжения талантливых, творческих, квалифицированных кадров для работы в Арктике» (57-65%). Половина студентов определили проблему безработицы для современной молодежи как одну из главных (43-55%).

Приведенные ответы влияют и на планы студенческой молодежи. «Намерены ли Вы остаться в Арктике сразу после окончания учебы?». Большинство студентов еще не определились, останутся ли они в Арктике после окончания учебы. Однако каждый пятый и четвертый студент намерены остаться в Арктике: «так как я местный житель».

Удовлетворенность особенностями жизни в Арктике – средняя, не высокая, и не критично низкая. Повышая качество жизни в Арктики, улучшая жилищные условия, условия труда и обучения, можно привлечь и закрепить молодежь и трудоспособное население на территориях Российской Арктики.

Список литературы

1. Винокурова У. А., Яковец Ю. В. Арктическая циркумполярная цивилизация. Новосибирск: Наука, 2016.
2. Корчак Е.А. Уровень жизни населения регионов Севера и Арктики РФ // Фундаментальные исследования. 2015. № 7-3. С. 605-609. URL: <http://www.fundamental-research.ru/ru/article/view?id=38787> (дата обращения: 07.06.2020).
3. Максимов А.М., Малинина К.О., Блынская Т.А., Балицкая С.М. Методологические и методические аспекты изучения социального самочувствия населения Арктической зоны Российской Федерации в контексте его ценностных ориентаций// Арктика и Север. 2017. №29. С. 57-73. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=32317729> (дата обращения: 8.05.2020).
4. Полушина Т.Н., Богданова Е.Е. Уровень жизни населения арктических регионов России // Современные научные исследования и инновации. 2015. № 3. Ч. 3 URL: <http://web.snauka.ru/issues/2015/03/49302> (дата обращения: 03.05.2020).
5. Социальное пространство северного региона в условиях формирования арктической зоны России (на примере Архангельской области): диссертация на соискание степени кандидата социологических наук: 22.00.04 / Каторин Игорь Вячеславович; [Сев. (Аркт.) фед. Ун-т]. URL: <https://narfu.ru/upload/iblock/0ef/Dissertatsiya-Katorin-I.V.-final.pdf> (дата обращения: 7.05.2020).

М.В. Фомин
Институт социально-политических исследований
ФНИСЦ РАН, г. Москва, Россия

**ПРОСТРАНСТВЕННОЕ РАЗВИТИЕ РЕГИОНОВ
ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РОССИИ: МНЕНИЕ ЖИТЕЛЕЙ³¹⁸**

Аннотация. Социологическое исследование проведено в июне-августе 2019 г. в Республике Саха (Якутия), Камчатском крае, Магаданской области и Чукотском АО. Выборка построена на основе модели, с использованием ключевых характеристик генеральной совокупности, базируется на принципах квотно-пропорционального и территориального методов. Общий объём выборки – 193 респондента. Эмпирический объект исследования – взрослое население регионов.

Ключевые слова: миграция; север Дальнего Востока; пространственное развитие; система расселения; инфраструктурная система.

M.V. Fomin
The Institute for Socio-Political Studies of RAS
Moscow, Russia

**SPATIAL DEVELOPMENT OF THE RUSSIAN FAR EAST REGIONS:
RESIDENTS' OPINION³¹⁹**

Abstract. A sociological research was conducted in June-August 2019 in the Republic of Sakha (Yakutia), Kamchatka, Magadan Region and Chukotka. The sample is built on the basis of the model, using key characteristics of the population, based on the principles of quota-proportional and territorial methods. The total sample size is 193 respondents. The empirical object of study is the adult population of the regions.

Keywords: migration; the North of the Russian Far East; spatial development; system of settlement; infrastructure system.

³¹⁸ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта №19-010-00836 А.

³¹⁹ The reported study was funded by RFBR according to the research project № 19-51-010-00836 А.

Сложность пространственного развития представленных в докладе дальневосточных регионов России сочетается с богатейшими запасами природных ресурсов. Данные субъекты являются особым типом российских территорий, в которых преобладает суровый арктический и субарктический климат, распространена многолетняя мерзлота. Все эти регионы имеют выход к морям Тихого либо Северного Ледовитого океанов.

Но одной из основных проблем является здесь сильнейшие демографические потери вследствие миграционного оттока населения [1]. Проблема депопуляции этих важнейших стратегических регионов осложняется тем, что большинство опрошенных в трёх регионах высказались за переезд из них в своём или следующем поколениях [2].

Только большинство жителей Чукотского АО (56%) и 40% респондентов в Якутии и Магаданской области не хотели бы переезжать. Сильнее всего желание переезда выражено в Камчатском крае (см. Табл. 1).

Среди возможных направлений переезда из Чукотского округа и Магаданской области названы, прежде всего, регионы Европейской России и Краснодарский край. Предпочтения переезда из Камчатского края – Калининградская область и Крымский полуостров. Жители Республики Саха (Якутия) за переезд ближе к крупнейшим городам (Москва, Санкт-Петербург).

Таблица 1.

Мнение респондентов о желании переехать
(июнь-август 2019, % от числа опрошенных респондентов в регионе)

Варианты ответов	«Да, хотели бы переехать», %	«Нет, не хотели бы переехать», %	«Не хотел бы, чтобы мои дети здесь жили», %	«Хотел бы, чтобы мои дети здесь жили», %
Субъект				
Республика Саха (Якутия)	56	40	52	28
Камчатский край	78,5	20,3	75,9	16,5
Магаданская область	55,6	38,9	66,7	22,2
Чукотский автономный округ	40	56	62	34
В среднем по регионам	57,5	38,8	67,4	23,7

Источник здесь и табл. 2-5: Отдел геоурбанистики и пространственного развития ИСПИ РАН

Основные – «выталкивающие» население факторы представлены в Табл. 2. Фактор транспортной доступности оказался наиболее важен для Якутии (скорее всего, из-за больших расстояний внутри региона) и Магаданской области (низкое качество дорожного полотна). Для Чукотки и Камчатки серьёзна проблема низкого качества подвозимых продуктов питания, их дефицит.

Таблица 2.

Мнение респондентов о причинах переезда
(июнь-август 2019, % от числа опрошенных респондентов в регионе,
из желающих переехать; сумма ответов превышает 100%, так как респонденты
могли указать несколько причин)

Варианты ответов Субъект	Неблагоприятные климатические условия, %	Низкая заработная плата, высокие цены, %	Низкий уровень развития здравоохранения, образования, культурной сферы, %	Низкий уровень развития инфраструктуры, в т.ч. транспортной доступности, %	Низкое качество, отсутствие, недоступность продуктов питания, %
Республика Саха (Якутия)	11,1	66,7	66,8	44,4	22,2
Камчатский край	28	44	56	36	6,3
Магаданская область	64,3	57,2	28,5	42,9	7,1
Чукотский АО	63,2	26,3	52,6	15,8	36,8

Несмотря на то, что большинство респондентов высказались за переезд из своих регионов, подавляющее число жителей считает, что комфортное проживание даже в регионах с экстремально холодным климатом, таком как Чукотский автономный округ, на постоянной основе в течение многих поколений возможно (Табл. 3).

Таблица 3.

Распределение ответов респондентов на вопрос:
«Возможно ли комфортное проживание в Вашем регионе (городе) населения на постоянной основе в течение многих поколений?»
(июнь-август 2019, % от числа опрошенных респондентов в регионе)

Варианты ответов Субъект	Да, возможно, %	Нет, невозможно, %
Республика Саха (Якутия)	76	12
Камчатский край	64,6	25,3
Магаданская область	58,3	27,8
Чукотский автономный округ	74	22
В среднем по регионам	67,4	23,2

Для этого необходимо, прежде всего, повысить заработные платы, добиться снижения цен. Особенно важно повышение заработных плат и снижение цен для Камчатского края, а также для Магаданской области и Чукотского автономного округа (Табл. 4). В Якутии на первый план вышло решение проблем инфраструктуры и транспортной доступности. Повсеместно требуется обеспечить высокое качество и доступность здравоохранения, образования, культурной и досуговой сферы.

Таблица 4.

Мнение респондентов о мерах, необходимых для комфортного проживания населения на постоянной основе в течение многих поколений (июнь-август 2019, % от числа опрошенных респондентов в регионе, ответивших положительно; сумма ответов превышает 100%, так как респонденты могли сказать о нескольких причинах)

Субъект	Улучшить продовольственное снабжение, обеспечить наличие качественных продуктов питания, %	Повысить зарплаты, снизить цены, создать новые рабочие места, %	Развивать здравоохранение, образование, культурно-досуговую деятельность, %	Развивать инфраструктуру, улучшить транспортную доступность, %
Республика Саха (Якутия)	14,3	28,5	71,3	99,9
Камчатский край	6,3	83,4	50	35,3
Магаданская область	-	61,6	15,4	38,5
Чукотский автономный округ	37,9	51,6	41,3	48,1

Ситуацию с иммиграцией признали категорически сложной респонденты Камчатского края, выступив за ограничение притока мигрантов (Табл. 5).

Таблица 5.

Распределение ответов респондентов на вопрос: «Как Вы оцениваете ситуацию с мигрантами в регионе?», (август 2019, % от числа опрошенных респондентов в регионе)

Субъект	Сложная. Необходимо ограничить миграцию, %	Терпимая, стабильная, %
Республика Саха (Якутия)	48	40
Камчатский край	81	13,9
Магаданская область	38,9	47,2
Чукотский автономный округ	16	58
В среднем по регионам	51,6	35,3

В Якутии ответы разделились примерно поровну, что еще раз подчеркивает поляризацию региона. На Чукотке и в Магаданской области большинство опрошенных считают ситуацию с миграцией терпимой, стабильной в связи с тем, что в регионы с суровым климатом поток иммигрантов небольшой.

Таким образом, существует потенциал дальнейшего усиленного оттока населения из регионов Дальнего Востока России. Жители отмечают низкий уровень развития социальной инфраструктуры (здравоохранения, образования, культурной и досуговой сферы), опережающий рост цен и низкие доходы населения. Для регионов актуальна проблема завоза продуктов питания, дефицит многих из них, а также проблема транспортной доступности, плохого качества дорог, высокой стоимости авиаперелетов.

Вызывает беспокойство Камчатский край, из которого $\frac{3}{4}$ респондентов хотели бы переселиться. Не менее проблемная Магаданская область, в которой $\frac{3}{4}$

респондентов указывают, что экономическая ситуация ухудшается. Примерно паритетные Чукотский АО и Республика Саха (Якутия), но в них различна специфика проблем. На Чукотке отмечается деградация предприятий, для Якутии больше характерно возрастающее неравенство по доходам.

Отсутствие решения проблем развития этих территорий может привести к значительному демографическому оголению огромных российских пространств, богатых природными ресурсами, потере опыта их освоения, геополитической уязвимости всего северо-востока страны.

Список литературы

1. Фомин М.В. Демографические прогнозы и корректность статистики пространственного развития Сибири и Дальнего Востока России // Народонаселение. 2019. № 3. С. 15–29. DOI: 10.24411/1561-7785-2019-0024
2. Фомин М.В., Безвербный В.А., Селезнев И.А., Шушпанова И.С., Лукашенко Е.А., Мирязов Т.Р. Проблемы пространственного развития регионов севера Дальнего Востока России: социологический анализ // Проблемы Арктики и Антарктики. 2020. Т. 66. № 2. С. 217–233. DOI: 10.30758/0555-2648-2020-66-2-217-233.

УДК 316.4 / ББК 60.5

M. Huber, O.A. Yakovleva

Университет Марии Кюри-Склодовской, Люблин, Польша

G.V. Zhigunova, M.Yu. Menshakova

Мурманский государственный арктический университет, Мурманск, Россия

D.E. Moronyak–Vavryshuk

Польское Геофизическое Сообщество, Университет Марии Кюри-Склодовской,

Люблин, Польша

ВОЗМОЖНОСТИ РАЗВИТИЯ ГОРОДСКОГО ПРОСТРАНСТВА МУРМАНСКА. ПЕРСПЕКТИВЫ, ПРИМЕРЫ³²⁰

Аннотация. Рассматриваются перспективы организации городского пространства в условиях Кольского полуострова. Предложенные решения будут содействовать формированию положительного образа города Мурманска у его жителей и туристов, а также созданию инклюзивного пространства территории.

Ключевые слова: городское пространство; эволюция; качество жизни; общественные проекты; инициативы; примеры.

M. Huber, O.A. Yakovleva

Maria Curie-Sklodowska University, Lublin, Poland

G.V. Zhigunova, M.Yu. Menshakova

Murmansk State Arctic University, Murmansk, Russia

D.E. Moronyak–Vavryshuk

Polish Geophysical Community Maria Curie-Sklodowska University

Lublin, Poland

OPPORTUNITIES FOR URBAN DEVELOPMENT OF MURMANSK. PERSPECTIVES, EXAMPLES³²¹

Abstract. Prospects for the organization of urban space in the conditions of the Kola Peninsula are considered. The proposed solutions will contribute to the formation of a

³²⁰ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-011-00712 «Ресурсные возможности социальной среды в контексте обеспечения независимой жизни людей с инвалидностью (на примере Мурманской области)».

³²¹ The research was funded by RFBR, project number 18-011-00712.

positive image of the city of Murmansk among its residents and tourists, as well as the creation of an inclusive space of the territory.

Keywords: *urban space; evolution; quality of life; public projects; initiatives; examples.*

Город Мурманск – это ворота России в мир, столица Арктики, город-герой, академический город (Ушаков, 1972). Относительно молодой город в России, который своим характером и расположением может покорить сердца не только россиян, но и туристов из-за рубежа. Вместе с командой соавторов мы сконцентрировали своё внимание на специфике городского пространства Мурманска, его изменениях за последние двадцать лет и перспективах, которые могут быть реализованы на основе перенятого успешного опыта схожих с Мурманском выбранных городов Европы и Северной Америки. Мурманск находящийся в районе Кольского залива Баренцева моря, расположен на холмах, достигающих более 300 метров в высоту (Пожилиенко и др., 2002). Мурманск вместе с городами Кола (город был основан в XVI веке к югу от Мурманска, «История Мурманской области» - электронный источник), Сафоново, Росляково (к северу от Мурманска) образует городскую агломерацию. Это административный, научно-образовательный, культурный, туристический центр (*Murmansk Visitor Center*). Посетители Мурманска запомнят его уникальную атмосферу, особенно если сравнивать с другими подобными городами в районе Полярного круга. Как правило, это города с меньшей территорией и более спокойным жизненным динамическим темпом (Александрова и др., 2014). Мурманск по сравнению с аналогичными заполярными российскими городами воспринимается более положительно в силу своего расположения в европейской части России, в районе Скандинавского полуострова, а также относительно мягкого климата (с учетом географического положения города). Эти факторы делают его уникальным местом (Annue et al. 2011).

Городское пространство имеет большое значение для жителей (Krier, 1979), независимо от расположения города. Однако в арктическом регионе это особенно важно, потому что в течение долгой зимы и короткого лета оно должно обеспечивать жителям комфорт и гармонию с природой. Преимущество Мурманска - близость моря и многочисленных холмов, которые создают разнообразный городской пейзаж. В этом пространстве должны быть запланированы различные жизненные функции его жителей (Aronson et al., 2014, Beninde et al., 2015). Жители города учатся, работают, свободное время проводят активно и пассивно, путешествуют. Эти основные виды деятельности должны осуществляться эффективно, чтобы жители были довольны жизнью. В случае Мурманска стоит упомянуть о зеленых насаждениях с использованием мест-

ных растений, а также обеспечить экспозицию пород и их освещение зимой, что позволит жителям круглый год отдыхать на лоне природы (Hose, 2012). В некоторых районах Мурманска можно запланировать создание мини-сквера, в котором представлены натуральные обнаженные горные породы и различные виды растений. В местах, где благоустройство трудноосуществимо в силу сложности рельефа, необходимо обеспечить сохранность и систематический уход за этими территориями. В жилых районах можно планировать сенсорные сады с познавательными функциями, воздействуя на органы чувств через прикосновение (различная текстура поверхности), запах (растения), звук (устройства, позволяющие слышать звук, например, ветровой орган) и зрение – наиболее важное базовое чувство (Czarnecka et al., 2013). Особенно важно найти правильное цветовое решение, позволяющее компенсировать нехватку зелени в длительный зимний период. Эти сады должны быть спланированы таким образом, чтобы они могли быть интересным объектом как для пожилых людей, так и для детей. Важным фактором является обеспечение двигательной активности этих социальных групп путем предоставления тренажеров, соответствующих возрасту (Татракин и др., 2017) и уровню здоровья (Жигунова Г.В., 2018).

Важным фактором, побуждающим жителей заниматься спортом и в то же время обеспечивающим их безопасность, являются велосипедные/лыжные дорожки. Возможность кататься на велосипеде летом и ездить на лыжах в городе зимой – фактор, стимулирующий физическую активность, что важно в любом возрасте, а также для людей с нарушениями двигательной активности. Велодорожки, лыжные трассы должны быть хорошо обозначены, если это возможно, не пересекаться с дорогами общего пользования, а также создавать сеть, позволяющую перемещаться по всему городу (Ferenc et al. 2014). Строительство набережных с видом на панораму города с уровня моря – очень важная идея для прибрежных городов, в том числе и в Мурманске (Лачининский, 2019). Управление озеленением городов также имеет эстетический аспект, особенно в арктическом регионе, где зима длинная, а лето короткое (McBride, 2017, Norton et al. 2016, Wu 2014). Стремление удовлетворить свои эстетические потребности проявляется у жителей Мурманска, в частности, в том, что они по собственной инициативе берутся за создание различных зеленых насаждений, часто с интересной, оригинальной тематикой. Важно поддержать эту идею, помочь людям развивать город, выслушать их предложения по благоустройству общественного городского пространства. Планирование культурного развития может также основываться на отдельных районах, жилых массивах, являющихся малой родиной многих жителей (Ревич и др., 2014 г., Чжоу и др., 2011 г.). Это позволяет укреплять взаимные меж-

человеческие связи и поддерживать творческие способности жителей. Однако особенно важная роль данных инициатив заключается в том, что они побуждают людей посещать другие части города, а не только центр, тем самым расширяя культурную и социальную активность в городе.

Интересным решением также является создание центров совершенствования знаний, а также мест, где посредством нестандартных способов можно узнать много новой информации по различным темам, развить навыки (Rose-Redwood et al. 2008). Однако при их планировании следует помнить, что в наши дни, когда мы окружены электроникой и дополненной реальностью, эти центры также должны создаваться на основе современных мультимедийных технологий, чтобы быть конкурентноспособным на фоне других подобных мест, идти в ногу с технологическим прогрессом. Такие образовательные центры являются также отличным дополнением к школам и университетам, позволяя удовлетворить познавательский интерес школьников и студентов. Кульминацией таких инициатив является «Фестиваль науки» и научные центры с множеством экспериментальных и мультисенсорных экспонатов, открытых для всех посетителей. В мире всеобщего доступа к Интернету растет спрос на знания. Отмечается также повышение краеведческого интереса людей к тому месту, где они проживают. Заслуживает внимания также вопрос городских маршрутов, направленных на знакомство с историей города, его развитием, важными природными особенностями. Эти маршруты можно разместить так, чтобы они не пересекались с современной городской застройкой и позволяли посмотреть на город с разных перспектив. Их маркировка не требует больших усилий, а информационные ссылки через QR-коды могут перенаправлять людей, посещающих город, на веб-сайты, где на многих языках могут быть представлены интересные факты о городе, природе и геологии. Последнее особенно интересно, потому что в Мурманске находятся одни из старейших пород в Европе, и знакомство с ними может стать интересным приключением не только для специалистов.

Важнейшим элементом городского пространства является транспорт (Weber 2017), возможность перемещаться быстро, эффективно и безаварийно. Транспорт играет важную роль в жизни города и необходим для его развития. Необходимо предусмотреть различные, взаимодополняемые транспортные средства, строительство транспортных хабов, а также сеть соединенных между собой дорог (Elshater, Ibraheem 2014, Константинов и др., 2015). В случае с Мурманском можно использовать морские, железнодорожные пути, автобусные, троллейбусные дороги и многое другое. Троллейбусы – отличное экологическое решение, для повышения их экономичности можно использовать гибридные

троллейбусы, которые могут двигаться по бесконтактной сети. Также необходимо обеспечить возможность быстрого и безаварийного подключения гибридного транспорта к контактной сети с помощью специальных станций, расположенных на остановках, а также мест зарядки аккумуляторов на конечных остановках (Heddebaut, Di Ciommo, 2018). Это значительно снизит загрязнение воздуха, особенно когда в центре города ограничено автомобильное движение и выделены специальные отдельные полосы для автобусов. Эти решения, известные по опыту Куритибы, успешно используются во многих городах мира и, безусловно, заслуживают внимания также в случае Мурманска (Wang, Xu, 2019). Они позволят улучшить транспорт, ускорить его движение, что может способствовать повышению его привлекательности. Хорошими решениями являются также системы платных парковок в центрах городов и зонах запрета движения транспорта, введение так называемого дня без автомобиля и другие факторы, побуждающие жителей менять свои привычки. Однако для того, чтобы транспортные средства были действенными, они должны быть спроектированы таким образом, чтобы позволять жителям перемещаться по городу быстро и недорого, и в то же время были доступными, комфортными, экологичными и современными. Развитое городское пространство – основа эффективного функционирования города и инклюзии всех категорий граждан в его социальную среду. Описанные выше мероприятия необходимы для повышения качества жизни жителей и привлечения их внимания к уникальному месту, которым является Мурманск (Блануца, 2019).

Список литературы

1. Aune S., Hofgaard A., Ларс Седерстрем Л., Контрастные модели посадки деревьев в субарктической тундре на севере Норвегии и на Кольском полуострове, обусловленные климатом и землепользованием. Жестяная банка. J. For. Res. 2011, 41: 437–449. DOI: 10.1139 / X10-086
2. Александрова А., Екатерина Айгина Е. Исследование этнотуризма в Ловозере, Мурманская область, Россия. Сеть конференций SHS 12: 010 (2014), DOI: 10.1051 / shsconf / 20141201036
3. Aronson M.F.J., La Sorte F.A., Nilon C.H. Глобальный анализ воздействия урбанизации на разнообразие птиц и растений выявляет ключевые антропогенные факторы // Roy Soc B- Biol Sci. 2014. № 281.
4. Бенинде Дж., Вейт М., Хохкирх А. № Биоразнообразие в городах необходимо пространство: метаанализ факторов, определяющих вариации внутригородского биоразнообразия // Ecol Lett. 2015. № 18. С. 581–92.

5. Блануца В.И. Территориальная структура цифровой экономики России: предварительное разграничение умных городских агломераций и регионов. Региональные исследования России. 2019. № 9 (4). С. 318–328. DOI: 10.1134/S207997051904004X
6. Czarnaeska Дж, Kitowski J., Sugier P., Мирский Р., Крупински Д., Pitucha Г. Распространение семян в городских зеленых насаждениях – способствует ли грач *Corvus frugilegus* L. гомогенизации городской флоры? // Городской для городского Gree. 2013. № 12. С. 359–66.
7. Жигунова Г.В. Обеспечение независимой жизни людей с инвалидностью в региональном социуме // Вестник университета. 2018. № 12. С. 163-169.
8. Эльшатер А.М., Ибрахим Ф. От концепции типологии до умного транспортного узла. Процедуры // Социальные и поведенческие науки. 2014. № 153. С. 531-541.
9. Ференц М., Седлачек О., Фукс Р., Динетти М., Фрассине М., Сторч Д., 2014; Города разные? Модели видового богатства и бета-разнообразия городских сообществ птиц и региональных сообществ видов в Европе // *Global Ecol Biogeogr.* № 23. С. 479–89.
10. Хеддебаут О., Ди Чоммо Ф. Центры городов для умных городов. Случай Лилльской развязки «EuraFlandres» // *European Transport Research Reviews.* 2018. № 10: 10 D A I: 10.1007 / s12544-017-0283-3
11. Хосе Т.А. 3G для современного геотуризма // *Географическое наследие.* 2012. № 4. С. 7–24. DOI 10.1007 / s12371-011-0052-y
12. Константинов П.И., Грищенко М.Ю., Варенцов М.И., Картирование городских островов тепла арктических городов с использованием комбинированных данных полевых измерений и спутниковых снимков на примере города Апатиты (Мурманская область) // *Физика атмосферы и океана.* 2015. № 51 (9). С. 992–998. DOI: 10.1134 / S000143381509011X
13. Константинов Ю. Об использовании «дикой природы»: наделение властью или ослабление власти на Кольских оленеводческих территориях (Мурманская область, Северо-Запад России) // *Метхи Дж., Сергеев А., Беньковска М., Никифорова Б. (ред.) Бордерология : междисциплинарные исследования приграничной зоны. География Спрингера. Спрингер, Чам. 2019. https://doi.org/10.1007/978-3-319-99392-8_1*
14. Krier R. *Городское пространство*, 1979. 173 с.
15. Лачининский С.С., Михайлов А.С., Самусенко Д.Н., Михайлова А.А., Сорокин И.С. Приморские города и агломерации в инновационном пространстве Западной России // *Региональные исследования России*, 2019. № 9 (4). С. 396–405. DOI: 10.1134 / S2079970519040051
16. Макбрайд-младший. *Городские леса мира, город будущего.* 2017. DOI 10.1007 / 978-3-319-52108-4_10

17. Нортон Б.А., Эванс К.Л., Уоррен РН, Городское биоразнообразие и ландшафтная экология: модели, процессы и планирование // *Curr Landscape Ecol Rep.* 2016. № 1. С. 178–192. DOI 10.1007 / s40823-016-0018-5
18. Пожилиенко В.И., Гавриленко Б.В., Жиров С.В., Жабин С.В. Геология недр Мурманской области. Апатиты : РАН, 2002. 360 с.
19. Ревич Б.А., Харьковская Т.Л., Кваша Е.А., Богоявленский Д.Д., Коровкин А.Г., Коллоев И.Б. Социально-демографические ограничения устойчивого развития Мурманской области // *Исследования по экономическому развитию России*, 2014. № 25. С. 201–206. DOI: 10.1134 / S1075700714020087
20. Роуз-Редвуд Р., Олдерман Д., Азарячу М. Коллективная память и политика городского пространства: введение // *GeoJournal.* 2008. № 73. С. 161–164. DOI 10.1007 / s10708-008-9200-6
21. Татракин А.И., Логинов В.Г., Захарчук Е.А. Социально-экономические проблемы развития Арктической зоны России // *Вестник Российской академии наук.* 2017. № 87 (1). С. 12–21. DOI: 10.1134 / S101933161701004X
22. Вебер Р. Урбанизация и управление землепользованием в Арктике: обзор исследований // Фондал Г., Уилсон Г. (ред.) *Устойчивое развитие Севера : понимание и решение изменений в циркумполярном мире.* Springer Polar Sciences, 2017. doi.org/10.1007/978-3-319-46150-2_20
23. Ву Дж. Городская экология и устойчивость: состояние науки и направления на будущее // *Градостроительный план Landsc.* 2014. № 125. С. 209–21.
24. Чжоу Ю., Ши Т., Ху Ю., Гао Ч. Л.: Ю М., Фу Ш., Ван Ш. Планирование городских зеленых пространств на основе вычислительной модели гидродинамики и принципа ландшафтной экологии: пример города Ляоян, Северо-Восточный Китай. Китай // *Geogra.* 2011. Sci. 21, 4, 465–475 DOI: 10.1007 / s11769-011-0488-7
25. Ушаков И. Ф. Кольская земля. Мурманск: Кн. изд-во, 1972.
26. История Мурманской области. URL: http://region.murman.ru/history/kola_land/ (дата обращения: 21.08.2020).
27. Туристический центр Мурманска: <https://visitmurmansk.info/ru/> (дата обращения: 21.08.2020).

В.Р. Цылев

*ФГБОУ ВО «Мурманский арктический государственный университет»
г. Мурманск, Россия*

**СОЦИАЛЬНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЧЕЛОВЕКА И ПРИРОДЫ:
РИСКИ И ВОЗМОЖНОСТИ СОГЛАСОВАНИЯ ДЕЙСТВИЙ³²²**

Аннотация. В статье представлены примеры взаимодействия человека и природы, которые можно рассматривать как социальные. Природа в этом случае выступает как субъект взаимодействия, и установление гармоничных отношений с ней оказывается возможным только при возникновении диалога и понимании ее языка.

Ключевые слова: человек и природа; ситуация социального взаимодействия; субъект социального действия; стихийные силы природы.

V.R. Tsylev

Murmansk Arctic State University, Murmansk, Russia

**SOCIAL INTERACTION OF MAN AND NATURE:
RISKS AND POSSIBILITIES OF COORDINATION ACTIONS³²³**

Abstract. The article presents examples of interaction between man and nature, which can be considered social. In this case, nature acts as a subject of interaction, and the establishment of harmonious relations with it becomes possible only when a dialogue arises and understanding of its language.

Keywords: humans and nature; situation of social relationship; subject of social activity; elemental forces of nature.

Проблема взаимоотношения человека с природой является одной из самых острых глобальных проблем современности, несмотря на то, что ширятся экологические движения и повышается внимание к природе на государственном уровне. Становится все более очевидным, что нельзя рассматривать природу только

³²² Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 17-01-00084.

³²³ The research was funded by RFBR, project number 17-01-00084.

как ресурс для обеспечения жизнедеятельности человека, поскольку она является целостной самоорганизующейся системой, в которой любое нарушение гармонии может привести к серьезным последствиям. Современная наука начинает понимать, что природа во многом остается для нее загадкой, если на нее смотреть именно как на органическую целостность, а не с позиции ее покорения и преобразования, что чревато многочисленными отрицательными побочными последствиями, предусмотреть которые крайне сложно.

Появляются исследовательские работы, в которых поднимается вопрос о наличии у природы черт социальности. Описано много ситуаций взаимодействия человека с другими представителями природы, которые можно рассматривать как социальные не только со стороны человека, но и со стороны природы. Особенно много фактов, свидетельствующих о наличии основ социального поведения, выявлено в жизни животных, обладающих нервной системой. В России подобными исследованиями занимается Шмерлина И.А. из Института социологии Российской академии наук. В своей монографии «Биологические грани социальности» она приводит многочисленные факты эмпирических наблюдений за жизнью животных, на основании анализа делает вывод о том, что у них действительно есть сложно организованное социальное поведение³²⁴.

В западной научной традиции исследования вышеописанных моделей соотношения природы и человека ведутся весьма интенсивно. Это прежде всего связано с широко обсуждаемым онтологическим поворотом в социальной антропологии. В частности, можно указать на работу французского антрополога Филиппа Дескола «По ту сторону природы и культуры», в которой он формулирует новый подход к классификации сходств и различий между человеком и его окружающей средой и фактически снимает установленную между ними жесткую границу³²⁵. Так же можно сослаться на книгу американского антрополога Эдуардо Кона «Как думают леса: к антропологии за пределами человека», в которой автор выдвигает гипотезу, что все формы жизни, а не только люди, участвуют в процессах означивания, а значит, способны мыслить и обучаться, и, следовательно, могут считаться обладающими признаками личности³²⁶.

В результате обозначенных и аналогичных исследований зарождается новое понимание природы: не как объекта, а как субъекта взаимодействия. Подобное

³²⁴ Шмерлина И.А. Биологические грани социальности: Очерки о природных предпосылках социального поведения человека. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013.

³²⁵ Дескола Ф. По ту сторону природы и культуры / пер. с франц.; под общ. ред. С. Рындина. М.: Новое литературное обозрение, 2012.

³²⁶ Кон Э. Как мыслят леса: к антропологии по ту сторону человека / пер. с англ. А. Боровикова. М.: Ад Маргинем Пресс, 2018.

отношение к природе в полной мере проявлено в мифологическом мировоззрении, которое до сих пор распространено среди племен и народностей, проживающих в условиях дикой природы. Но обычно данное отношение к природе связывается с верованиями, обусловленными примитивным уровнем развития научного знания. Другое понимание мифологического мировоззрения представлено в концепциях мифа русских религиозных философов: оно обуславливается способностью созерцать духовную сторону мира в символических телесно-ощутимых образах³²⁷. То есть, согласно данным концепциям, за мифическими образами природы стоят некие реальные духовные образования, которые можно непосредственно созерцать при наличии способности к духовидению. Ярким примером такого созерцания является пророчество современного духовидца Даниила Андреева, представленное им в книге «Роза мира». Созерцаемые духовные существа природы он называл стихиялями. Стихияли у Д.Л. Андреева в самом общем понимании – это «стихийные силы царства Природы», которые предстают как живые духовные существа, связанные с конкретными природными образованиями и обеспечивающие их жизнедеятельность. Все природные образования и явления у Д.Л. Андреева оказываются связанными с духовными существами, наполняющими их жизнью: это стихияли трясин, болот, пустынь, морских глубин, ветра, лугов, полей, рек, ручьев и т.д.³²⁸ Д. Андреев наделяет стихияли чертами индивидуальности и субъектности, приписывая им желание и способность взаимодействовать с человеком.

В подобное представление природы сложно поверить, поскольку оно основывается только на описании духовидца, и его нельзя проверить научными методами. Автор в своих тундровых исследованиях сделал попытку проверить существование стихийных сил природы (в терминологии Д.Л. Андреева) с помощью эмпирических методов. Если природа действительно как-то реагирует на человека, то это должно проявляться в ситуациях взаимодействия. Исследования проводились в центральной тундровой части Кольского полуострова на Тундровой исследовательской станции Мурманского арктического государственного университета³²⁹. В одной из своих статей автор ввел понятие ситуации социального взаимодействия для выделения тех ситуаций, которые можно рассматривать как результат выполнения действий, направленных на партнера взаимодействия и наполненных смыслом в соответствии со смысловым контекстом акта взаимо-

³²⁷ Цылев В.Р. Русская религиозно-философская мысль о реальности мифа // Труды членов Российского философского общества. М.: Московский философский фонд, 2003. Выпуск 5. С. 215-230.

³²⁸ Андреев Д.Л. Роза мира. М.: Иной Мир, 1992. С. 70-71, 180-189.

³²⁹ Описание тундровой станции см. на сайте Мурманского арктического государственного университета: <http://www.masu.edu.ru/science/structure/tundra/> (дата обращения: 12.09.2020).

действия³³⁰. Через фиксацию таких ситуаций при проживании исследователя в условиях дикой природы можно делать предположения о выполнении какими-то силами природы социальных действий. В результате уже проведенных исследований выделено несколько факторов, способствующих появлению таких ситуаций, одним из которых являются иррациональные побуждения исследователя к выполнению каких-либо действий. При этом предполагается, что эти иррациональные побуждения идут от каких-то сил природы и именно по этой причине действия человека оказываются согласованными с возникающими ситуациями³³¹.

Рассмотрим примеры таких ситуаций из летней экспедиции 2020 года³³². Тундровая станция включает в себя два тундровых лагеря, расположенных на расстоянии 9 км друг от друга. За время экспедиции автор делал переходы из одного лагеря в другой 16 раз. Из них 7 раз в июле, когда преимущественно стояла теплая сухая погода и 9 раз в августе, когда дожди шли почти каждый день. Переходы не были привязаны к определенным датам. Решение об очередном переходе обычно принималось накануне по внутреннему побуждению, и было обусловлено различными обстоятельствами. Время перехода определялось внутренним побуждением в день его осуществления. В результате за время этих переходов автора НИ РАЗУ не застал дождь. Были случаи, когда сборы проходили под дождем, но при выходе дождь прекращался и начинался через 1-1,5 часа после прихода в другой лагерь. Дорога между лагерями занимала около 2,5-3 часов. Кроме того, автор впервые выходил с тундровой станции самостоятельно (110 км прошел за 5 дней), и за время перехода ни разу не было дождя. Дождь начинался дважды около 20 часов после того, как была поставлена палатка, и натянут тент для снаряжения, а к утру прекращался. В такие совпадения очень сложно поверить. Скорее можно предположить созданную согласованность действий автора и погодных явлений. Поскольку действия автора начинались по внутреннему иррациональному побуждению, то можно предположить, что некие силы природы приняли его планы по установлению контакта с ними и совершали по отношению к нему социальные действия посредством создания этих побуждений в нужное время и согласованной корректировкой погоды в данном месте, в результате чего во время переходов его ни разу не застал дождь.

³³⁰ Цылев В.Р. Ситуация социального взаимодействия человека и природы как возможность исследования субъектных антропологических характеристик природы // Человек между...: сборник научных статей. Мурманск: МАГУ, 2018. С. 43.

³³¹ Цылев В.Р. Методологические аспекты исследования социального взаимодействия человека и природы на Кольском севере / В.Р. Цылев // Социальные риски и перспективы жизнедеятельности человека в Арктике: сборник научных статей. Мурманск: МАГУ, 2019. С. 159-175.

³³² Экспедиция на Тундровую станцию проходила с 6 июля по 5 сентября 2020 года.

Если эти предположения верны, то природа действительно может выступать как субъект взаимодействия, и тогда установление гармоничных взаимоотношений с ней и преодоление различных рисков возможны только в том случае, если научиться слышать и понимать язык природы.

Список литературы

1. Андреев Д.Л. Роза мира. М.: Иной Мир, 1992. 576 с.
2. Дескола Ф. По ту сторону природы и культуры. М.: Новое литературное обозрение, 2012. 584 с.
3. Кон Э. Как мыслят леса: к антропологии по ту сторону человека. М.: Ад Маргинем Пресс, 2018. 344 с.
4. Цылев В.Р. Методологические аспекты исследования социального взаимодействия человека и природы на Кольском севере // Социальные риски и перспективы жизнедеятельности человека в Арктике: сборник научных статей. Мурманск: МАГУ, 2019. С. 159-175.
5. Цылев В.Р. Русская религиозно-философская мысль о реальности мифа // Труды членов Российского философского общества. М.: Московский философский фонд, 2003. Выпуск 5. С. 215-230.
6. Цылев В.Р. Ситуация социального взаимодействия человека и природы как возможность исследования субъектных антропологических характеристик природы // Человек между...: сборник научных статей. Мурманск: МАГУ, 2018. С. 43.
7. Шмерлина И.А. Биологические грани социальности: Очерки о природных предпосылках социального поведения человека. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. 200 с.

УДК 316.346.32 / ББК 60.542.15

Е.Н. Шарова

*ФГБОУ ВО «Мурманский арктический государственный университет»
г. Мурманск, Россия*

ЖИЗНЕННЫЕ СТРАТЕГИИ МОЛОДЕЖИ АРКТИЧЕСКОГО РЕГИОНА (НА ПРИМЕРЕ МУРМАНСКОЙ ОБЛАСТИ)³³³

Аннотация. В статье раскрывается специфика жизненных стратегий молодежи одного из арктических регионов. В основу анализа положены основные показатели отношения к жизни в регионе молодежи Мурманской области.

Ключевые слова: молодежь; жизненные стратегии; регион; Арктика; отношение к жизни в регионе.

E.N. Sharova

Murmansk Arctic State University, Murmansk, Russia

YOUTH'S LIFE STRATEGIES IN THE ARCTIC (ON THE EXAMPLE OF THE MURMANSK REGION)³³⁴

Abstracts. The article reveals the specifics life strategies of the young people living in the Arctic. The analysis is based on the indicators of youth's attitude to life in the Murmansk region.

Keywords: youth; life strategies; region; Arctic; attitude to life in the region.

Разнообразные вопросы жизненных стратегий молодежи привлекают внимание научного сообщества уже достаточно давно и в настоящее время не утратили своей актуальности как на эмпирическом уровне, так и в направлении поиска новых теоретических подходов³³⁵.

³³³ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 17-33-01073 «Трудовая миграция в приграничных регионах России: траектории, масштабы и социальные хронотопы».

³³⁴ The research was funded by RFBR, project number 17-33-01073.

³³⁵ Зубок Ю.А., Чупров В.И. Современная Социология молодежи: изменяющаяся реальность и новые теоретические подходы // Россия реформирующаяся. 2017. №15. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennaya-sotsiologiya-molodezhiiizmenyayuschayasya-realnost-i-novye-teoreticheskie-podhody> (дата обращения: 31.08.2020).

В условиях стремительно меняющегося общества данная проблематика требует постоянного мониторинга и фиксации тенденций, происходящих в молодежной среде в целом и с учетом локального контекста. Последнее является важным дифференцирующим и стратифицирующим фактором, создающим внешние (объективные) рамки жизненных стратегий.

Исследовательское внимание к молодежи Арктической зоны РФ обусловлено, с одной стороны, приоритетностью данной территории для внутренней и внешней политики РФ, с другой стороны, повышенным уровнем риска в развитии арктических регионов, и прежде всего их человеческого потенциала. Так, субъекты АЗРФ характеризуются значительной миграционной убылью населения, преимущественно трудоспособного возраста³³⁶.

В контексте данной работы особого внимания заслуживают идеи исследователей, изучающих жизненные стратегии молодежи, проживающей в различных субъектах Арктической зоны РФ. Региональные аспекты социализации молодежи (образовательные, культурные, политические и профессиональные установки) раскрыты в работах А.А. Дрегало, В.И. Ульяновского³³⁷; миграционные тенденции молодежи Арктической зоны анализируют А.С. Константинов, Э.З. Галимуллин, О.В. Осипова и Е.Г. Маклашова³³⁸; различные аспекты жизненных стратегий в целом исследуют О.В. Васильева и Е.Г. Маклашова³³⁹.

При этом, на наш взгляд, общей методологической базой для осмысления сущности жизненных стратегий молодежи Арктики может выступать рискологический подход Ю.А. Зубок³⁴⁰, затрагивающий проблемы индивидуального выбора и условий, в которых этот выбор осуществляется. Здесь категория риска получает двойное методологическое значение: с одной стороны, это объективный риск, исходящий от среды жизнедеятельности индивида, с другой стороны, это и субъек-

³³⁶ Недосека Е.В., Шарова Е.Н. Особенности жизненных стратегий молодежи в условиях Арктики // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 3. С. 363-364. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1611>.

³³⁷ Дрегало А.А., Ульяновский В.И. Молодежь Поморья: социологический анализ. Архангельск: Поморский университет, 2006. 180 с.

³³⁸ Константинов А.С. Социальный состав населения и миграционные процессы на Архангельском Севере по материалам переписей // Арктика и Север. 2016. № 22. С. 112-129; Галимуллин Э.З. Миграционные установки и механизмы привлечения молодёжи в Арктическую зону Российской Федерации // Арктика и Север. 2019. № 3. С. 96-109; Осипова О.В., Маклашова Е.Г. Миграционные намерения молодежи Арктики в контексте субъективных оценок социального самочувствия // Арктика и Север. 2016. №24. С. 14-24.

³³⁹ Васильева О.В., Маклашова Е.Г. Молодежь Арктики: идентичности и жизненные стратегии / отв. ред. В.Б. Игнатъева. Якутск: ИГИиПМНС СО РАН, 2018. 177 с.

³⁴⁰ Зубок Ю.А. Риск в социальном развитии молодежи // Социально- гуманитарные знания. 2003. № 1. С. 147–162.

ективный (деятельностный) риск, понимаемый как способ жизнедеятельности индивида (применительно к молодежи – это атрибут группы, обусловленный особым этапом социализации). В рамках настоящего исследования жизненных стратегий молодежи Арктики учитываются оба аспекта риска.

Эмпирическую базу составили результаты социологических исследований, проведенных методом анкетного опроса среди различных групп населения, в том числе и молодежи, в Мурманской области в период с 2014 по 2018 гг. под руководством автора статьи.

Обращение именно к Мурманской области актуально в связи с тем, что данный регион является стабильно теряющим население в результате как миграционного оттока, так и естественной убыли³⁴¹. При этом Кольский Север продолжает лидировать среди других регионов по плотности населения³⁴², а также занимает срединное место среди других субъектов АЗРФ и РФ в целом по доле молодежи в структуре постоянного населения (25,8% – в Мурманской области, 25,3% – по АЗРФ в целом, 25,1% – по России)³⁴³.

В то же время Мурманская область характеризуется наиболее ярко выраженной отрицательной динамикой по численности студентов вузов: за период с 2005 по 2018 гг. число студентов сократилось практически в 5 раз – с 39,0 до 7,9 тыс. чел. Регион утратил свои лидерские позиции не только в общероссийском рейтинге (с 30 места на 81 место), но и по субъектам АЗРФ (со 2 места на 6 место)³⁴⁴. Это свидетельствует о том, что отток населения из Мурманской области во многом обусловлен именно образовательной эмиграцией.

По материалам исследований жизненных стратегий молодежи Мурманской области можно отметить следующие основные тенденции. Рейтинг направлений самореализации, раскрывающих содержание целевых установок, открывают такие базовые сферы, как: профессия («реализовывать себя в профессии, расти как специалист» – 48,3%), достаток («повышать уровень своего мате-

³⁴¹ Общие показатели естественного движения населения // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Мурманской области: вебсайт. URL: https://murmanskstat.gks.ru/storage/mediabank/динамика_общие+показатели.xlsx (дата обращения: 25.11.2019).

³⁴² Иванова М.В., Клюкина Э.С. Современные предпосылки будущего арктических трудовых ресурсов // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2017. № 6. С. 184. DOI: 10.14515/monitoring.2017.6.08.

³⁴³ Структура численности постоянного населения на начало года (на 1 января) по полу и возрастным группам (процент, на 1 января) // ЭМИСС: вебсайт. URL: <https://fedstat.ru/indicator/36721>

³⁴⁴ Недосека Е.В., Шарова Е.Н. Особенности жизненных стратегий молодежи в условиях Арктики // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. No 3. С. 365-366. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1611>.

риального благополучия» – 47,6%), семья («создать семью и реализовывать себя в семье» – 44,7%).

Практически каждый третий опрошенный указал на необходимость повышения своего образовательного и культурного уровня (34,8%), чуть менее – наполнить свою жизнь отдыхом, путешествиями, развлечениями (30,5%). Каждый пятый (20,3%) опрошенный молодой человек видит в возможность для самореализации в создании и развитии собственного бизнеса.

Подавляющее большинство опрошенной молодежи имеет высокие образовательные и карьерные амбиции, претендуя как минимум на вузовскую подготовку (85,1%), в том числе 24,8% ориентировано на два и более высших образования, а также – на руководящую должность (57,4%).

При этом молодые люди довольно низко оценивают качественные характеристики жизни в регионе. Ниже среднего по 5-балльной шкале оцениваются такие возможности, как: *«найти работу и реализовать себя в выбранной профессии»* (2,6 балла); *«достигнуть желаемого уровня материального благополучия»* и *«создать и развить собственный бизнес»* (по 2,7 балла); *«сделать управленческую карьеру»* (2,8 балла); *«получить образование в соответствии со своими запросами»* (2,9 балла). Более высокие оценки получили возможности *«встретить любимого человека и создать семью»* (4,0 балла) и *«выстроить систему отношений, связей (дружеских, деловых)»* (3,8 балла).

Разрыв между жизненными целями и оценкой возможностей их достижения в условиях региона обуславливает высокую эмиграционную активность, преобладание установки на временность проживания на Кольском Севере. Несмотря на высокие оценки степени привязанности молодежи к своей «малой родине» (порядка 80% опрошенных испытывают чувство принадлежности к региону), доля молодых людей, планирующих переехать из Мурманской области, варьируется от 45,2% в 2014 г. до 35,7% в 2018 г.

Основными причинами отъезда из региона для всех групп молодежи являются социально-экономические факторы (43,8% в 2014 г., 83,0% в 2018 г.), а именно сложности в трудоустройстве и в построении карьеры, невысокие зарплаты, ограниченные образовательные возможности региона. Также молодежь определяет и общие для Мурманской области проблемы: отсутствие перспектив развития, нивелирование исторического и стратегического значения региона.

Второй по популярности причиной оттока являются природные факторы, отмеченные более чем третью опрошенных (34,7% в 2014 г., 41,7% в 2018 г.). В данный блок были объединены причины, связанные, прежде всего, с природно-климатическими особенностями региона, экологической ситуацией и обусловленным ею

состоянием здоровья, проблемы отдаленности региона, вызванные особым географическим положением, а также недостаток природных ресурсов.

Результаты исследования жизненных стратегий молодых северян, на наш взгляд, будут полезны при формировании молодежной политики, в том числе с точки зрения определения инструментов закрепления и привлечения молодежи в регионы АЗРФ.

Список литературы

1. Васильева О.В., Маклашова Е.Г. Молодежь Арктики: идентичности и жизненные стратегии / отв. ред. В.Б. Игнатъева. Якутск: ИГИиПМНС СО РАН, 2018. 177 с.
2. Галимуллин Э.З. Миграционные установки и механизмы привлечения молодёжи в Арктическую зону Российской Федерации // Арктика и Север. 2019. № 3. С. 96-109.
3. Дрегало А.А. Молодежь Поморья: социологический анализ / А.А. Дрегало, В.И. Ульяновский. Архангельск : Поморский университет, 2006. 180 с.
4. Зубок Ю.А. Риск в социальном развитии молодежи // Социально-гуманитарные знания. 2003. №. С. 147–162.
5. Зубок Ю.А., Чупров В.И. Современная Социология молодежи: изменяющаяся реальность и новые теоретические подходы // Россия реформирующаяся. 2017. № 15. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennaya-sotsiologiya-molodezhi-izmenyayuschayasya-realnost-i-novye-teoreticheskie-podhody> (дата обр.: 31.08.2020).
6. Иванова М.В., Клюкина Э.С. Современные предпосылки будущего арктических трудовых ресурсов // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2017. № 6. С. 180–198. DOI: 10.14515/monitoring.2017.6.08.
7. Константинов А.С. Социальный состав населения и миграционные процессы на Архангельском Севере по материалам переписей // Арктика и Север. 2016. № 22. С. 112-129.
8. Недосека Е.В., Шарова Е.Н. Особенности жизненных стратегий молодежи в условиях Арктики // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 3. С. 355–375. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1611>.
9. Осипова О.В., Маклашова Е.Г. Миграционные намерения молодежи Арктики в контексте субъективных оценок социального самочувствия // Арктика и Север. 2016. № 24. С. 14-24.

УДК 316.354 / ББК 60.9

*И.В. Шипилов, Н.В. Чернова
Министерство труда и социального развития Мурманской области
г. Мурманск, Россия*

**РОЛЬ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ
МУРМАНСКОЙ ОБЛАСТИ В РЕШЕНИИ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ
ГРАЖДАН С МЕНТАЛЬНОЙ ИНВАЛИДНОСТЬЮ**

Аннотация. В статье рассматриваются различные аспекты проблематики взаимодействия органов власти и общественных организаций инвалидов в решении вопросов защиты прав и законных интересов граждан с ментальной инвалидностью.

Ключевые слова: социальная политика; инвалид; общественные организации инвалидов; сотрудничество; социальная защита инвалидов.

*I.V. Shipilov, N.V. Chernova
Ministry of labor and social development of the Murmansk region,
Murmansk, Russia*

**THE ROLE OF PUBLIC ORGANIZATIONS
IN THE MURMANSK REGION IN SOLVING SOCIAL PROBLEMS
OF CITIZENS WITH MENTAL DISABILITIES**

Abstract. The article deals with various aspects of the problem of interaction between government bodies and public organizations of disabled people in solving issues of protecting the rights and legitimate interests of citizens with mental disabilities.

Keywords: social policy; disabled person; public organizations of disabled people; cooperation; social protection of disabled people.

В Российской Федерации вопросы, касающиеся решения социальных проблем инвалидов с ментальными нарушениями, традиционно относятся к органам социальной защиты и образования (в части детей-инвалидов), а также институту опеки и попечительства недееспособных и ограниченно дееспособных граждан.

По состоянию на 01.07.2020 в органах местного самоуправления, наделенных полномочиями по опеке и попечительству совершеннолетних недееспособных

граждан, на учете состоят 2354 человека, из них: 2258 недееспособных граждан (95,9%); 29 не полностью дееспособных граждан, которые вследствие психического расстройства могут понимать значение своих действий или руководить ими лишь при помощи других лиц (1,2%); 11 дееспособных граждан, которые находятся под патронажем (0,5%).

По данным Министерства труда и социального развития Мурманской области, из 2258 недееспособных граждан 2122 (94%) имеют группу инвалидности. Большая часть инвалидов имеют I группу инвалидности – 1245 человек, II группу – 857 человек; III группу – лишь 20 человек.

Органами опеки и попечительства установлено, что на начало текущего года из 2258 недееспособных граждан, признанных инвалидами, у 368 не разработана индивидуальная программа реабилитации и абилитации инвалида, при этом 362 человек находятся под опекой физических лиц. Это один из примеров нарушения прав гражданина, нуждающегося в особой заботе государства.

Действительно, практическая реализация норм федерального законодательства в сфере защиты прав недееспособных граждан свидетельствует о наличии в нем пробелов, коллизий, неполного соответствия общепризнанным принципам и нормам международного права.

Множественные нарушения прав и ограничения свобод граждан с ментальными отклонениями являются следствием не только недостатков в нормативном правовом обеспечении системы социальной защиты этой категории граждан, но и других факторов. Например, нарушения принципов адресности поддержки, индивидуального подхода к организации медицинского обслуживания, отсутствие волонтерского сопровождения, недостаточность формирования профессиональной компетенции специалистов и др.

Часть западающих вопросов могли бы взять на себя организации некоммерческого сектора, а именно социально-ориентированные некоммерческие организации (СОНКО), роль которых и в гражданском обществе, и в государственной системе возрастает от года к году.

По данным информационного портала Министерства юстиции Российской Федерации, на 20.04.2020 в Мурманской области зарегистрировано 1044 (на 01.12.2019 – 1051) некоммерческая организация, из них 36 НКО, осуществляющих деятельность в сфере защиты прав и интересов инвалидов (выборка проведена по слову «инвалид» в названиях организаций).

Активных общественных организаций инвалидов насчитывается не более 20, при этом к ним относятся как областные организации, так и действующие на муниципальном уровне.

Однако лишь только четыре общественные организации специализируются на поддержке и решении проблем граждан с ментальной инвалидностью: Мурманский социально-благотворительный клуб родителей и детей-инвалидов «Надежда», Мурманская региональная общественная организация детей-инвалидов и их родителей «Дети-Ангелы Мурмана», Мурманская молодежная областная общественная организация Клуб молодых инвалидов, их законных представителей, инвалидов детства «Валентина-плюс», «Автономная некоммерческая организация поддержки детей с аутизмом «Парус доверия».

Все они расположены в областном центре, что косвенно свидетельствует о неразвитости элементов системы социальной защиты таких граждан.

В целях создания условий для достойного качества жизни инвалидов с ментальными нарушениями и для реализации их прав на развитие, лечение и реабилитацию необходимо поддерживать и развивать общественные организации, деятельность которых направлена на работу с гражданами, страдающими психическими расстройствами.

Список литературы

1. Федеральный закон «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» от 24.11.1995 № 181-ФЗ // КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8559/ (дата обращения: 13.08.2020).
2. Лучкевич В.С. Основы социальной медицины и управления здравоохранением // Учебное пособие. 1997.
3. Сайт ФГИС «Федеральный реестр инвалидов». URL: <https://sfri.ru/analitika/chislennost/chislennost?territory=1> (дата обращения: 15.08.2020).
4. Информационный портал Министерства юстиции Российской Федерации. URL: <http://unro.minjust.ru/NKOs.aspx> (дата обращения: 21.07.2020).
5. Романов Н.П. Роль общественных организаций инвалидов в политике независимой жизни // Человек. Сообщество. Управление. 2005. № 3.

УДК 316.354 / ББК 60.94

Е.А. Шмелева
Ивановский государственный университет,
Ивановская пожарно-спасательная академия ГПС МЧС России, Иваново, Россия
П.А. Кисляков, О.А. Силаева
Российский государственный социальный университет, Москва, Россия

**СОЦИАЛЬНОЕ ВОЛОНТЕРСТВО МОЛОДЕЖИ:
ИНСТИТУТЫ И ИНИЦИАТИВЫ³⁴⁵**

Аннотация. Социальная поддержка населения отражает направленность института волонтерства. Выявлено, что добровольческие инициативы молодежи наиболее активно реализуются в сфере помощи людям в трудной жизненной ситуации, лицам с ОВЗ, пожилым людям в центрах социальной защиты. Необходимо, чтобы просоциальной активности молодежи способствовали меры государственной поддержки.

Ключевые слова: Волонтерство; социальная поддержка; молодежь; социокультурные практики.

E.A. Shmeleva
Ivanovo state University IFRA of SFS of EMERCOM of Russia, Ivanovo, Russia
P.A. Kislyakov, O.A. Silaeva
Russian state social University, Moscow, Russia

**SOCIAL VOLUNTEERING OF YOUNG PEOPLE:
INSTITUTIONS AND INITIATIVES³⁴⁶**

Abstract. Social support of the population reflects the direction of the Institute of volunteerism. It is revealed that voluntary initiatives of young people are most actively implemented in the field of assistance to people in difficult life situations, people with disabilities, and the elderly in social protection centers. It is necessary that Pro-Social activity of young people is facilitated by measures of state support.

Keywords: Volunteering; social support; youth; socio-cultural practices.

Добровольчество в сфере социальной поддержки, определенное в Концепции развития добровольчества (волонтерства) в РФ до 2025 г., направлено на повышение

³⁴⁵ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта 20-011-31302.

³⁴⁶ The research was funded by RFBR, project number 20-011-31302.

качества жизни людей, попавших в трудную жизненную ситуацию, нуждающихся во внимании и уходе (помощь детям-сиротам, многодетным семьям, инвалидам, пожилым одиноким людям, бездомным и др.). Наиболее массовым и востребованным является участие волонтеров в организации свободного времени детей и взрослых в медицинских и социальных учреждениях; а также волонтерская помощь на дому семьям, оказавшимся в трудной жизненной ситуации, инвалидам, ветеранам и т.д.

Согласно данным Росстата, среднегодовая численность добровольцев ежегодно обнаруживает тенденцию к росту. В структуре работ, выполняемых волонтерами, самым высоким является удельный вес социальных работ [4].

Население высоко оценивает волонтерство в сфере социальной поддержки: 47% россиян заявили об общем положительном отношении к волонтерству, 14% – об уважении, 12% – об одобрении, 6% определили свое отношение к ним как «благодарность» и 8% выразили свое отношение к ним как «считаю их молодцами». «Волонтер» в первую очередь ассоциируется у россиян с помощью людям в различных ситуациях (38%). Абсолютное большинство респондентов (88%) считает, что государство и органы власти должны помогать волонтерам, активистам общественных движений и некоммерческих организаций³⁴⁷.

Высока информированность россиян о волонтерах, которые оказывают безвозмездную помощь в условиях пандемии лицам, находящимся на карантине, в том числе – одиноким людям (89%)³⁴⁸. Половина россиян (50%) хотели бы сохранить и развивать практики волонтерства и взаимопомощи между людьми. Три четверти россиян (74%) считают, что волонтеры оказывают существенную помощь населению в условиях распространения коронавируса. Чаще так считает именно молодежь 18-24 лет (87%)³⁴⁹. Но готовых лично оказать помощь лицам, находящимся на карантине, в т.ч. одиноким людям, среди молодых людей оказалось меньше, чем среди более старших респондентов (56% против 64% по всей выборке).

М.В. Певной систематизированы механизмы управления волонтерской деятельностью, рассматриваемые как самоуправление и самоорганизация, а также, как меры со стороны государства по стимулированию такой деятельности [5]. Однако 94% волонтеров, занимавшихся социальными работами, осуществляют ее по собственной инициативе, без посредства каких-либо организаций [4].

Для изучения принятия молодежью направлений и форм волонтерской деятельности нами было проведено исследование в форме гугл-опроса «Безопасное просоциальное поведение» [1, 2]. Ответы на вопрос «Что может бескорыстно делать человек, чтобы способствовать благополучию людей в обществе?» позво-

³⁴⁷ <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=10055> (дата обращения: 20.08.2020).

³⁴⁸ <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=10233> (дата обращения: 30.08.2020)

³⁴⁹ <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=10254> (дата обращения: 30.08.2020)

лило проранжировать оценку важности видов волонтерской деятельности. Большинство респондентов выбрало такие формы, как предлагать помощь людям с ограниченными возможностями здоровья, пожилым людям в общественных местах (85,7%), проявлять сочувствие, оказывать душевную поддержку и помощь людям в трудной жизненной ситуации (83,5%), оказывать помощь по уходу за людьми, организации досуга в домах-интернатах, центрах для престарелых и инвалидов (78,8%), т.е. формы социальной поддержки. Такое предпочтение видов волонтерской помощи основывается на личностном, персональном бескорыстном участии в оказании помощи конкретным людям.

Каким же образом соотносятся просоциальные инициативы волонтеров и их поддержка со стороны органов власти, как институализируется просоциальная активность?

С 2014 года в России для осуществления системной работы с желающими оказывать безвозмездную помощь людям действует Ассоциация волонтерских центров, осуществляющих свою деятельность в субъектах России, включающая образовательные организации, некоммерческие организации, а также ресурсные центры по поддержке добровольчества. С 2006г. Фондом грантов Президента РФ реализуется государственная поддержка некоммерческих НКО. В число направлений грантов входят развитие благотворительности, добровольчества (волонтерства), социальное обслуживание, социальная поддержка и защита граждан и др.

В единой информационной системе «Добровольцы России» зарегистрировано 1 687131 добровольцев, 24889 волонтерские организации и их число растет. Наибольшее количество волонтеров представляет молодежь: до 18 лет – 22,49%, 18-24 года – 41,56%. В сфере поддержки старшего поколения действует 843 волонтерские организации, людей с ОВЗ – 651, в оказании помощи в условиях коронавируса – 437³⁵⁰.

Осуществляют деятельность добровольческие (волонтерские) ассоциации, такие, как Ассоциация волонтерских центров, ассоциация некоммерческих организаций «Союз волонтерских организаций и движений», АНО «Центр развития юридических клиник», а также общественные движения, объединяющие добровольческие центры и организации в сетевые сообщества, такие, как Всероссийское общественное движение «Волонтеры Победы», Всероссийское общественное движение «Волонтеры-медики», движение #Мывместе.

Во исполнение поручения Президента РФ на площадке Автономной некоммерческой организации «Агентство стратегических инициатив по продвижению новых проектов» разработан план мероприятий по развитию волонтерского движения на основе лучших практик государственной поддержки добровольчества в России и за рубежом,

³⁵⁰ <https://dobro.ru/analytics> (дата обращения: 30.08.2020).

а также разработан Стандарт поддержки добровольчества в регионах, основная задача которого внедрение в субъектах РФ модели содействия развитию добровольчества.

Предусмотрено включение в поддержку добровольчества всех заинтересованных региональных органов исполнительной власти; разработка прозрачного порядка взаимодействия органов власти, добровольцев и добровольческих организаций; оказание инфраструктурных мер поддержки в, подготовки добровольцев, стимулирования добровольцев, финансовой и информационной поддержки добровольчества. Во многих российских регионах перечисленные меры внедрены и активно реализуются.

К 2024 году в 85 субъектах РФ будет создана и внедрена система социальной поддержки граждан, систематических участвующих в волонтерских проектах: будут обеспечены персонализированный учет волонтеров, организаций, развивающих волонтерскую деятельность, будет повышен уровень мобильности в целях участия в волонтерских мероприятиях и обучающих стажировках, проводимых в субъектах РФ, будут учреждены награды и звания, стипендиальная поддержка обучающихся и нематериальная поддержка граждан, участвующих в добровольческой деятельности.

Согласно внесенных поправок в Конституцию поддержка волонтерства стала одной из задач Правительства РФ. Выступая средством обеспечения социальной безопасности государства и противодействия факторам социального риска, социальное волонтерство требует непреходящего внимания со стороны государства и органов власти, для того, чтобы оно становилось реальной и востребованной возможностью оказания помощи для повышения качества жизни людей и семей в тяжелой жизненной ситуации.

Список литературы

1. Кисляков П.А., Шмелева Е.А. Волонтерство как форма просоциального поведения личности // Психология XXI столетия : сборник по материалам ежегодного Конгресса «Психология XXI столетия». ЯрГУ им. П.Г. Демидова; ЯГПУ им. К.Д. Ушинского; Международная Академия Психологических наук. 2019. С. 147-151.
2. Кисляков П.А., Шмелева Е.А., Говин О. Современное волонтерство в воспитании просоциального поведения личности // Образование и наука. 2019. Т. 21. № 6. С. 122-146.
3. Лучшие практики к стандарту поддержки добровольчества (волонтерства) в регионах. URL: https://asi.ru/upload/upload_docs/investclimate/best_practices.pdf (дата обращения 30.08.2020).
4. Оценка экономической и социальной эффективности добровольческой деятельности: методические подходы и проблемы реализации: учеб. пособие / под ред. И.В. Мерсияновой. М., 2018. 198 с.
5. Певная М.В. Управление волонтерством: международный опыт и локальные практики: монография. 2-е изд. М.: Юрайт, 2020. 433 с.

УДК 316.42 / ББК 60.561.3

И.С. Шушпанова

*Институт социально-политических исследований
(обособленное подразделение) Федерального научно-исследовательского
социологического центра Российской академии наук (ИСПИ ФНИСЦ РАН)
г. Москва, Россия*

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ РИСКИ ТРАНСФОРМАЦИИ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ³⁵¹

Аннотация. Социально-политические риски, связанные с трансформационными процессами ценностных ориентаций российской молодежи, по ряду индикаторов имели понижательную тенденцию, а по отдельным – повышательную, обостряя и усиливая социально-политические противоречия, сложившиеся в российском социуме. Ценностная ориентация на модель «чем больше работаешь, тем больше зарабатываешь» все меньше разделяется в молодежной среде. В целом российская молодежь стала более активна в защите своих интересов. Среди молодых граждан возросла ценность митингов и демонстраций как формы защиты своих интересов. Наметилась положительная тенденция в улучшении взаимоотношений между российской молодежью и властью.

Ключевые слова: молодежь; власть; политика; ценности; риски; политические институты; гражданское общество; демократия; трудовая мотивация; протестная активность; уровень доверия.

I.S. Shushpanova

*Institute of Socio-Political Research – Branch of the Federal Center
of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy
of Sciences (ISPR FCTAS RAS), Moscow, Russia*

SOCIO-POLITICAL RISKS OF TRANSFORMATION OF VALUE ORIENTATIONS OF RUSSIAN YOUTH³⁵²

Abstract. The socio-political risks associated with the transformation processes of the value orientations of Russian youth had a downward trend for a number of indi-

³⁵¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00013.

³⁵² The research was funded by RFBR, project number 20-011-00013.

cators, and an upward trend for some indicators, exacerbating and strengthening the socio – political contradictions that have developed in Russian society. The value orientation towards the “the more you work, the more you earn” model is less and less shared among young people. Russian youth have become more active in protecting their interests. Among young citizens, the value of rallies and demonstrations as a form of protection of their interests has increased. There is a positive trend in improving relations between the Russian youth and the authorities.

Keywords: *youth; government; politics; values; risks; political institutions; civil society; democracy; labor motivation; protest activity; level of trust.*

Исследование мнений, образцов поведения, социально-политических ценностных ориентаций молодого поколения играет важную роль в формировании траектории развития гражданского общества в целом и во взаимоотношениях с государством в частности. Знание о векторе таких изменений позволит понять существенные характеристики и оценить возможные социально-политические риски трансформаций ценностных ориентаций в молодежной среде.

Центр стратегических социальных и социально-политических исследований ИСПИ ФНИСЦ РАН на регулярной основе проводит социологический мониторинг общественного мнения граждан по актуальным вопросам и проблемам, позволяющий сформировать социально-политическую картину состояния российского общества. На основе результатов данных исследований, проводимых в разные годы, рассмотрим ключевые аспекты, описывающие сущность и социально-политические риски трансформационных процессов ценностных ориентаций российской молодежи³⁵³.

Сложный индикатор, описывающий социально-политическую отчужденность гражданского общества и государства, раскрывает характер изменений суждений молодых людей о жизни в стране. В период с 2005 по 2019 годы число молодых респондентов, считавших, что «сейчас каждый, кто может и хочет работать, спо-

³⁵³ Здесь и далее приводятся результаты социологического мониторинга «Как живешь, Россия?», которые проводятся Центром стратегических социальных и социально-политических исследований ФГБУН ИСПИ РАН с 1992 г. Научный руководитель мониторинга д.соц.н. В.К. Левашов. В исследовании использована квотно-пропорциональная всероссийская выборка с взаимозависимыми характеристиками генеральной совокупности: пола, возраста, образования, местожительства. В основу территориального размещения выборки легло экономико-географическое районирование страны при соблюдении пропорции численности населения и пропорций между городским и сельским населением. Объем выборочной совокупности составлял на различных этапах 1312-1866 респондентов. Эмпирическим объектом исследования выступает население России. В данной статье анализируется мнение российской молодежи (возраст респондентов от 17 до 29 лет).

собен обеспечить свое материальное благополучие», сократилось в 1,4 раза, с 52% до 38%. А количество молодых россиян, придерживавшихся мнения о том, что «сколько ни работай, материального благополучия себе не обеспечишь», возросло с 34% до 40%. Также увеличилось количество молодых людей, затруднившихся выразить свое мнение по данному вопросу (рост с 14% в 2005 году до 22% в 2019 году). Таким образом, за 14 лет обострились социально-политические риски в сферах трудовой мотивации и материального благополучия российской молодежи. За данный период существенно возросло число молодых людей, у которых работа и труд не ассоциируется с ростом материального достатка.

С 2005 по 2019 годы возросло количество молодых людей, считавших, что «власти заботятся о жизни простых людей» (рост с 6% до 15%). При этом число молодых россиян с мнением о том, что «людям у власти нет никакого дела до простых людей», сократилась с 74% до 63%. Следующими индикаторами, описывающими позитивные трансформационные процессы социально-политических ценностных ориентаций молодежи, стали рост числа молодых россиян, считавших, что «центр проводит политику в интересах регионов» (рост с 9% в 2005 году до 16% в 2019 году) и «большинство из нас могут повлиять на политические процессы в стране» (рост с 11% до 20%). Количество молодых граждан с мнением о том, что «главное для центральной власти в Москве – это решить свои проблемы за счет областей и республик России», за 14 лет сократилось с 58% до 47%. Также за данный период с 70% в 2005 году до 62% в 2019 году уменьшилось число молодых россиян с мнением о том, что «большинство из нас не могут повлиять на политические процессы в стране». Тем не менее, доля молодых россиян, выбравших негативные суждения, описывающих их отношение к российской власти, все еще высока. Данный аспект определяет наличие социально-политических рисков, связанных с разделяемыми большинством ценностными ориентациями.

Среди российской молодежи стало больше патриотов. С 18% в 2005 году до 25% в 2019 году возросло число молодых людей, разделявших патриотическую идеологию. Также выросло количество молодых людей, которым близки националистические идеи (с 3% до 8%). В остальном структура политических взглядов среди российской молодежи не претерпела изменения.

Индикаторы протестной активности также характеризуют социально-политические риски ценностных ориентаций молодежи. С 2005 по 2019 годы число молодых людей, настроенных радикально защищать свои интересы, сократилось с 12% до 8% («если надо, возьму оружие»). Не изменилось количество молодых людей, готовых «участвовать в забастовках, акциях протеста» (12% в 2005 году и 10% в 2019 году) и «подписать обращение к властям» (17% в 2005 году и 20% в

2019 году). Однако количество молодых россиян, желающих защищать свои интересы на митингах и демонстрациях, возросло с 15% до 21%. С 19% в 2005 году до 14% снизилось число молодых людей, не выбравших ничего из перечисленных форм защиты. За 14 лет с 7% до 13% возросло количество молодых граждан, считавших, что «их интересы достаточно защищены». Позитивные тенденции трансформационных процессов ценностных ориентаций стали более выраженными, что в данном контексте снижает проявлением социально-политических рисков. Однако такие формы защиты своих интересов, как митинги и демонстрации, стали более близкими, одобряемыми в среде российской молодежи. Данный аспект необходимо учитывать в формировании государственной молодежной политики.

В период с 2005 по 2019 годы сократилось число молодых граждан считавших, что российское государство обеспечивало такие нормы жизни демократического общества, как «свобода слова» (с 55% до 42%), «свобода политического выбора» (с 61% до 56%). Не изменилось количество молодых людей с мнением о том, что российское государство обеспечивало «терпимость к чужому мнению» (42% в 2005 году и 44% в 2019 году). За данный период возросли значения остальных индикаторов обеспечения российским государством норм жизни демократического общества. По мнению молодых россиян, государство стало лучше обеспечивать «равенство всех граждан перед законом» (рост с 15% в 2005 году до 28% в 2019 году), «личную безопасность» (с 15% до 39%), «соблюдение прав человека» (с 21% до 40%), «социальные гарантии» (с 20% до 47%). Таким образом, по отдельным индикаторам социально-политические риски, связанные с трансформацией ценностных ориентаций российской молодежи, имеют тенденцию в росту, а по другим – к снижению.

В целом уровень доверия молодежи Президенту РФ немного снизился с 52% в 2005 году до 47% в 2019 году. Молодое поколение стало больше доверять Правительству РФ (рост с 22% до 32%), Совету Федерации (с 16% до 25%), Совету Безопасности (с 27% до 40%), полиции, суду и прокуратуре (с 14% до 20%), армии (с 26% до 58%), профсоюзам (с 16% до 22%), политическим партиям и движениям (с 8% до 18%), руководителям регионов (с 20% до 30%).

Подводя итог, отметим, что трудовая мотивация молодого поколения снизилась. Отношения между молодыми людьми и властью стали более благоприятными. Уровень доверия молодежи отдельным органам власти и институтам гражданского общества вырос. По мнению молодых россиян, государство ведет политику, которая в результате приводит к ущемлению свободы слова и свободы политического выбора.

Список литературы

1. Левашов В.К., Афанасьев В.А., Новоженина О.П., Шушпанова И.С. Гражданское общество в России: устойчивость и потенциал по материалам XXXI и XXXII этапов мониторинга «Как живешь, Россия?» // Наука. Культура. Общество. 2010. № 3. С. 21-49.
2. Левашов В.К., Афанасьев В.А., Новоженина О.П., Шушпанова И.С. Состояние гражданского общества в России. XLIX этап социологического мониторинга «Как живешь Россия?», июнь 2019 года / под общей редакцией В.К. Левашова. М.: Перспектива, 2019. 143 с.
3. Левашов В.К., Афанасьев В.А., Новоженина О.П., Шушпанова И.С. Социально-политические ценностные ориентации российской молодежи // Культурное пространство молодежи: смыслы и практики. Материалы Всероссийской научно-практической конференции / под общей редакцией Т.К. Ростовской. М.: Перспектива, 2019. С. 167-173.
4. Левашов В.К., Афанасьев В.А., Новоженина О.П., Шушпанова И.С. Экспресс-информация. Как живешь, Россия? XXXVII этап социологического мониторинга, декабрь 2012 года. М.: ИСПИ РАН, 2013. 48 с.
5. Левашов В.К., Афанасьев В.А., Новоженина О.П., Шушпанова И.С. Экспресс-информация. Как живешь, Россия? XLVII этап социологического мониторинга, май 2018 года. М.: Экон-Информ, 2018. 108 с.

УДК 316.4 / ББК 60.5

*А.В. Щекотуров, М.Н. Сивашенко
ФГАОУ ВО «Балтийский федеральный университет им. И. Канта»
г. Калининград, Россия*

**ГЕНДЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ
ПРАКТИК САМОИЗОЛЯЦИИ В СИТУАЦИИ COVID-19
(НА ПРИМЕРЕ КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ)³⁵⁴**

Аннотация. В статье рассматриваются гендерные особенности отношения к режиму самоизоляции в Калининградской области, вызванному распространением коронавирусной инфекции. Выявлены сходства и различия между мужчинами и женщинами в их оценке угрозы заражения COVID-19 и новых условий труда и обучения.

Ключевые слова: самоизоляция; COVID-19; коронавирус; Калининградская область.

*A.V. Shchekoturov, M.N. Sivashenko
Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia*

**GENDER FEATURES OF SELF-INSULATION PRACTICES IN COVID-19
SITUATION (ON THE EXAMPLE OF THE KALININGRAD REGION)³⁵⁵**

Abstract. The article examines the gender characteristics of attitudes towards the self-isolation regime in the Kaliningrad region caused by the spread of coronavirus infection. The similarities and differences between men and women in their assessment of the threat of infection with COVID-19 and new working and learning conditions were identified.

Keywords: self-isolation; COVID-19; coronavirus; Kaliningrad region.

Согласно четвертому совещанию Комитета по чрезвычайной ситуации 31 июля 2020 года, ВОЗ оценивает уровень глобального риска в связи с COVID-19 как очень высокий³⁵⁶. На данный момент нет научных доказательств того, что

³⁵⁴ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научно-го проекта № 20-011-31444 «Стратегии риск-коммуникации онлайн: интерпретация государственных мер регулирования кризиса (на примере пандемии COVID-19)».

³⁵⁵ The research was funded by RFBR, project number 20-011-31444.

³⁵⁶ Заявление о четвертом совещании Комитета Международных медико-санитарных правил (2005 г.) по чрезвычайной ситуации в связи со вспышкой коронавирусной инфек-

какой-либо препарат способен излечить или предотвратить коронавирусную инфекцию³⁵⁷, а так же свидетельств того, что систематическое использование медицинских масок здоровыми людьми затрудняет передачу вируса 2019-nCoV³⁵⁸.

Исходя из этого, соблюдение регламентированных мер предосторожности для защиты от инфекции, включая режим самоизоляции, может вызвать неоднозначную реакцию у населения. У одних – полное принятие и выполнение всех санитарных требований, у других – сознательное уклонение и игнорирование временных запретов и ограничений.

Из всех возможных факторов, обуславливающих формы поведения в ситуации риска, внимание обращено на гендерную специфику, поскольку ряд исследований показывает, что существует устойчивая связь между гендером и риском в ситуации локдауна, вызванного COVID-19 [1,2]. В качестве объекта исследования взято население Калининградской области старше 18 лет.

Таким образом, цель данного исследования – выявить гендерные особенности отношения жителей Калининградской области к режиму самоизоляции, связанному с распространением новой коронавирусной инфекции. Исследовательский метод – онлайн-опрос населения региона по репрезентативной выборке ($n=829$, $\alpha = 0,05$, $\Delta = \pm 3,4\%$). Опрос был проведен в апреле 2020 года в период действия режима самоизоляции.

Опрос показал, что мужчины и женщины в равной степени хорошо (97,6% мужчин и 99,6% женщин) осведомлены о режиме самоизоляции на территории Калининградской области. Гендерный паритет обнаружен и в оценке значимости угрозы COVID-19: 51,5% мужчин и 55,1% женщин сообщили, что коронавирус опаснее сезонного гриппа (32,4% мужчин и 31,7% женщин отметили, что коронавирус не более и не менее опасен, чем сезонный грипп).

Отвечая на вопрос: «Опасаетесь ли Вы, что Вы сами или Ваши близкие могут заболеть коронавирусом?», мужчины выразили меньшие опасения за свою жизнь и здоровье близких: лишь 17% мужчин (24,2% женщин) признались, что очень паникуют (COVID-19). URL: [https://www.who.int/ru/news-room/detail/01-08-2020-statement-on-the-fourth-meeting-of-the-international-health-regulations-\(2005\)-emergencycommittee-regarding-the-outbreak-of-coronavirus-disease-\(covid-19\)](https://www.who.int/ru/news-room/detail/01-08-2020-statement-on-the-fourth-meeting-of-the-international-health-regulations-(2005)-emergencycommittee-regarding-the-outbreak-of-coronavirus-disease-(covid-19)).

³⁵⁷ Рекомендации ВОЗ для населения в связи с распространением нового коронавируса (2019-nCoV): мифы и ложные представления. URL: <https://www.who.int/ru/emergencies/diseases/novel-coronavirus-2019/advice-for-public/mythbusters>

³⁵⁸ Часто задаваемые вопросы о мерах инфекционного контроля для охраны здоровья медицинских работников, оказывающих помощь пациентам с подозрением на инфекцию 2019-nCoV или с подтвержденной инфекцией 2019-nCoV. URL: <https://www.who.int/ru/emergencies/diseases/novel-coronavirus-2019/advice-for-public/q-a-on-infection-prevention-and-control-for-health-care-workers-caring-for-patients-withsuspected-or-confirmed-2019-ncov>

боятся инфекции, а 11,2% мужчин (7,6% женщин) и вовсе уверены, что с ними и с их близкими ничего не случится.

Самыми популярными мерами, которые должны были помочь защитить от коронавируса, среди мужчин и женщин являются мытьё рук и соблюдение гигиены, самоизоляция, ношение маски и ведение здорового образа жизни. Примечательно, что режим самоизоляции поддержало значительно больше женщин, чем мужчин (66,9% против 56,1%). Почти в два раза больше мужчин выбрали употребление лука, чеснока и других народных средств (15,2% против 8% у женщин) в качестве защитной меры от коронавируса. Примерно каждый десятый опрошенный (10,4% мужчин и 12,2% женщин) был готов делать прививки от подобных инфекций.

Что касается соблюдения режима самоизоляции, то здесь были обнаружены значимые гендерные различия (таблица 1). Большая часть женщин соблюдали все требования самоизоляции (и лишь 39,1% мужчин). Обнаружено, чтократно большее число мужчин вовсе не придерживались режима локдауна. В связи с этим, не удивительно, что женщины чаще, чем мужчины, старались выходить из дома несколько раз в неделю (56,7% против 39,7%), и почти в два раза больше мужчин, чем женщин, которые выходили на улицу несколько раз в день (21,5% против 11%).

Таблица 1.

Соблюдение режима самоизоляции мужчинами и женщинами, %

Ограничили ли Вы сами выход из дома в связи с режимом самоизоляции?				
	Соблюдаю все требования самоизоляции	Соблюдаю частичные ограничения	Не придерживаюсь режима самоизоляции	Затрудняюсь ответить
Мужчины	39,1	47,3	11,5	2,1
Женщины	56,5	38,9	3,6	1

Трудовой режим в связи с введением самоизоляции не поменялся у 37,6% мужчин и 20,8% женщин. Почти равное количество мужчин и женщин потеряли работу (13,8% и 12,1%). На дистанционный формат работы перешли 30,5% женщин и 23,8% мужчин. Несколько больше женщин, чем мужчин ушли в отпуск (9,7% против 5,7%) или оформили нерабочие дни с сохранением заработной платы (11% против 6,4%).

Респондентам, которые работали дистанционно, был задан вопрос: «Насколько в целом Вам комфортно работать из дома?». Абсолютно комфортно работать из дома было для 14,4% мужчин и 13,3% женщин, совсем не комфортно – для 9,3% мужчин и 10,9% женщин. При этом еще каждый третий респондент затруднился дать оценку дистанционной форме занятости (37,1% мужчин и 32,3% женщин).

Обучающимся респондентам, которые были вынуждены перейти на дистант, также был задан вопрос о том, насколько им было комфортно учиться из дома. Абсолютно комфортно учиться из дома было для 11,2% студентов и 14,6% студенток, совсем не комфортно – для 19,7% студентов и 23,9% студенток. Еще 30,9% юношей и 16,8% девушек затруднились дать оценку новому формату обучения.

Исходя из полученных результатов, были сделаны следующие выводы:

- не обнаружено гендерных различий в оценке значимости опасности COVID-19: каждый второй мужчина и каждая вторая женщина выразили мнение, что новая инфекция серьезнее сезонного гриппа;
- относительно угрозы заражения и мер безопасности обнаружены гендерные особенности: мужчины склонны недооценивать вероятность заражения и пренебрегать режимом самоизоляции;
- несмотря на временный перевод работы в дистанционный формат, каждый третий мужчина не изменил свой режим и место труда;
- среди работающих респондентов, перешедших на дистант, вне зависимости от их гендерного статуса преобладали позитивные оценки выполнения трудовых функций из дома;
- среди обучающихся респондентов, перешедших на образование онлайн, вне зависимости от их гендерного статуса доминировали негативные оценки условий обучения.

Список литературы

1. Gerhold, Lars. 2020. COVID-19: Risk Perception and Coping Strategies // PsyArXiv. March 25. doi:10.31234/osf.io/xmpk4. URL: <https://psyarxiv.com/xmpk4>
2. Iorfa S., Ottu I., Oguntayo R., Ayandele O., Kolawole S., Gandi J., Dangiwa A., Olapegba P. 2020. COVID-19 knowledge, risk perception and precautionary behaviour among Nigerians: A moderated mediation approach. URL: <https://www.medrxiv.org/content/10.1101/2020.05.20.20104786v1>

УДК 332.1 / ББК 65.04

*А.П. Щербак, С.В. Тишков, В.В. Каргинова-Губинова
ФГБУН ФИЦ «Карельский научный центр Российской академии наук»
Институт экономики, г. Петрозаводск, Россия*

ЭНЕРГОЭФФЕКТИВНОСТЬ ЭКОНОМИКИ АРКТИЧЕСКОЙ ЗОНЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ³⁵⁹

***Аннотация.** В статье рассматривается энергетическая система периферийных регионов Арктической зоны России. Для большинства данных территорий характерны следующие особенности: энергодефицитность, повышенная чувствительность природной среды, как к климатическим изменениям, так и к техногенным воздействиям. К этим факторам добавляется традиционный дефицит инвестиционных ресурсов. Наличие данной триады определяет особую актуальность разработки современных концептуальных подходов и методов формирования государственной энергетической политики для данных регионов.*

***Ключевые слова:** Арктическая зона России; энергоэффективность; возобновляемая энергетика; биоэкономика.*

*A.P. Shcherbak, S.V. Tishkov, V.V. Karginova-Gubinova,
Institute of Economics, Karelian Research Centre of the RAS, Petrozavodsk, Russia*

ENERGY EFFICIENCY OF THE ECONOMY OF THE ARCTIC ZONE OF THE RUSSIAN FEDERATION³⁶⁰

***Abstract.** The article examines the energy system of the peripheral regions of the Arctic zone of Russia. Most of these territories are characterized by the following features: energy shortage, increased sensitivity of the natural environment, both to climatic changes and to technogenic impacts. Added to these factors is the traditional shortage of investment resources. The presence of this triad determines the particular relevance of the development of modern conceptual approaches and methods for the formation of state energy policy for these regions.*

***Keywords:** Russian Arctic zone; energy efficiency; renewable energy; bioeconomy.*

Одним из важных компонентов экономики является энергетический сектор. Большинство регионов характеризуются высокой зависимостью от поставок

³⁵⁹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-310-70005.

³⁶⁰ The research was funded by RFBR, project number 20-310-70005.

первичных энергоресурсов из-за пределов своих регионов и высоким износом энергосетей. Все это негативно сказывается на развитии территории и ставит под угрозу энергетическую и экономическую безопасность отдельных регионов и государства в целом. Для повышения уровня безопасности региональной энергетической системы, необходимо реконструировать существующие и построить новые современные энергосети. Это также необходимо для снижения зависимости региональных энергосистем от внешних поставок энергоносители. В связи с этим трудно переоценить важность возобновляемых источников энергии для энергетической безопасности. Как энергия, основанная на возобновляемых источниках, она может, во-первых, снизить зависимость региональных энергосистем от внешнего энергоснабжения и, во-вторых, обеспечить диверсификацию энергосистемы. Определение приоритетных направлений и мероприятий по развитию потенциала использования местных видов возобновляемой энергии, разработка и реализация целевых программ будут способствовать развитию территории.

Несмотря на большой потенциал использования возобновляемых источников энергии, ее доля в общем объеме энергии составляет менее 2%. В то же время из-за социально-экономических, географических и климатической специфики, регионы отличаются друг от друга и объемом и технологией использования возобновляемых источников энергии. В некоторых регионах доля произведенной электроэнергии с использованием гидроэнергетики является значительной. Так в Республике Карелия этот показатель достигает 70% от всей генерируемой в регионе электроэнергии.

В некоторых случаях для периферийных регионов, в том числе северных, со слабо развитой энергетической сетью, следует использовать децентрализованную систему энергоснабжения. Ее значительное преимущество состоит в том, что децентрализованная система снабжения конечных потребителей энергоресурсами могут быть установлены и введены в эксплуатацию в кратчайшие сроки в любом месте, независимо от удаленность от централизованных сетей электроснабжения.

Одной из особенностей децентрализованного энергоснабжения является то, что в местной генерации (преобразовании) энергии, большое значение придается нетопливной энергии и энергии на основе возобновляемые источники энергии, присущие этой территории. Преимущество возобновляемой энергии уже высоко оценены в ЕС, Китае, США и других странах, в которых государственные программы по развитие возобновляемых источников энергии и переводу зданий на «условно пассивный и пассивный уровни» с годовым энергопотреблением 10-30 кВтч/м². В то же время снижение удельного расхода энергии позволяет снизить затраты на обеспечение объектов необходимой энергетической инфраструктурой. Это особенно важно для северных периферийных территории так как организация топливоснабжения и энергоснабжения характеризуются высокими затратами, что в первую очередь связано

со значительным удалением от основных энергетических линий и центров. Низкое удельное энергопотребление позволяет почти полностью покрывать потребность конечных пользователей в энергоресурсах из возобновляемых источников энергии.

Таким образом, основными факторами развития возобновляемой энергетики являются следующие: истощение традиционных источников ископаемого топлива, в то время как их производство связано с удорожанием их производства; значительное негативное воздействие на окружающую среду при использовании ископаемых источников энергии. В результате эти два фактора приводят к более высоким ценам на энергию на основе ископаемого топлива. Для конечного потребителя это выражается в ежегодном увеличении тарифа на энергоресурсы в среднем на 15-25%. При этом стоимость оборудования для преобразования возобновляемых источников энергии сокращается. В некоторых случаях применение определенной технологии преобразования возобновляемой энергии более экономически целесообразно, в сравнении с традиционной энергетикой на основе ископаемого топлива. Например, в США, по состоянию на 2013 год стоимость солнечной энергии составляла 0,056 доллара США за киловатт-час, и энергия ветра 0,014 доллара США. При этом стоимость киловатт-часов энергии из газа и угля стоит 0,061 и 0,066 соответственно.

Учитывая особенности северных периферийных регионов, наиболее перспективными источниками возобновляемыми источниками энергии на данный момент являются энергия биомассы, низкопотенциальная энергия земли, и ветер, и вода, и солнце.

Список литературы

1. Макаров А., Галкина А., Грушевенко Е., Грушевенко Д., Кулагин В., Митрова Т., Сорокин С. Перспективы мировой энергетики до 2040 г. // Мировая экономика и международные отношения. 2014. № 1. С 3-20.
2. Порфирьев Б.Н. «Зеленая» экономика: новые тенденции и направления развития мирового хозяйства // Научные труды: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН. 2012. С. 9-33.
3. Пургин С.А. Энергия ветра – неисчерпаемый потенциал России // Инвестиции в Приволжском федеральном округе. 2006. С. 30-38.
4. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2016: стат. сборник / Росстат. М., 2016. 900 с.
5. Тишков С.В., Щербак А.П. Направления развития возобновляемой энергетики и её роль в социально-экономическом развитии регионов сев.-зап. федерального округа // Тренды управления 2019. №2. С. 11-18 (DOI: 10.7256/2454-0730.2019.2.29408)
6. Щербак А.П. Предпосылки создания технологической платформы «биоэкономика и устойчивое развитие» в Республике Карелия // Проблемы современной науки и образования. 2019. № 8, С. 31-33 (DOI: 10.24411/2304-2338-2019-10801)

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- Александрова
Ольга Аркадьевна* д-р экон. наук, заместитель директора по научной работе Института социально-экономических проблем народонаселения ФНИСЦ РАН, профессор Департамента социологии, Финансовый университет при правительстве РФ (г. Москва)
- Алексеева
Галина Гаврильевна* старший преподаватель, ФГБОУ ВО «Чурапчинский государственный институт физической культуры и спорта» (Республика Саха (Якутия), с. Чурапча)
- Афонькина
Юлия Александровна* канд. психол. наук, доцент, заведующий кафедрой специальной педагогики и специальной психологии, Мурманский арктический государственный университет (г. Мурманск)
- Блынская
Татьяна Анатольевна* канд. с.-х. наук, старший научный сотрудник лаборатории социокультурной динамики развития Арктических регионов Российской Федерации, ФГБОУН Федеральный исследовательский центр комплексного изучения Арктики имени академика Н.П. Лаверова РАН (г. Архангельск)
- Борковская
Екатерина Игоревна* студентка магистратуры, 1 курс, факультет социологии и политологии, Финансовый университет при Правительстве РФ
- Брушкова
Людмила Алексеевна* канд. социол. наук, доцент, доцент Департамента социологии, истории и философии, Финансовый университет при Правительстве РФ (г. Москва)
- Бубликов
Василий Валерьевич* канд. социол. наук, доцент, Белгородский государственный национальный исследовательский университет (г. Белгород)
- Бурцева
Александра Вячеславовна* канд. пед. наук, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра великого (г. Санкт Петербург)
- Веселов
Юрий Витальевич* д-р социол. наук, профессор, заведующий кафедрой экономической социологии, Санкт-Петербургский государственный университет (г. Санкт-Петербург)
- Винокурова
Ульяна Алексеевна* д-р социол. наук, канд психол. наук, доцент, ФГБОУ ВО «Арктический государственный институт культуры и искусств», руководитель научно-исследовательского центра циркумполярной цивилизации (г. Якутск)
- Волков
Александр Дмитриевич* Институт экономики Карельский научный центр РАН (г. Петрозаводск)
- Гайдунко
Юрий Анатольевич* канд. пед. наук, профессор, Череповецкое высшее военное инженерное ордена Жукова училище радиоэлектроники (г. Череповец)

- Геринг
Алексей Эдуардович** заместитель начальника управления социальной защиты, опеки и попечительства Министерства труда и социального развития Мурманской области (г. Мурманск)
- Голованова
Дарья Владимировна** бакалавр социологии (экономическая социология), студентка магистратуры, Финансовый университет при Правительстве РФ (г. Москва)
- Гончарова
Наталья Петровна** канд. социол. наук, доцент, заведующий кафедрой государственного и муниципального управления, Алтайский филиал РАНХиГС (г. Барнаул)
- Глухова
Мария Евгеньевна** студентка магистратуры, 2 курс, программа «Европейские общества», факультет социологии Санкт-Петербургского государственного университета
- Гребняк
Оксана Валерьевна** канд. техн. наук, доцент, Алтайский филиал РАНХиГС (г. Москва)
- Гужавина
Татьяна Анатольевна** канд. филос. наук, доцент, ведущий научный сотрудник ФГБУН ВолНЦ РАН (г. Вологда, г. Череповец)
- Дудина
Ольга Мухаметшевна** канд. филос. наук, доцент, Финансовый университет при Правительстве РФ (г. Москва)
- Дупак
Анна Андреевна** студентка магистратуры, 2 курс, факультет социологии, направление подготовки «Международная социология»
- Ермишина
Анна Вениаминовна** канд. экон. наук, доцент, Южный федеральный университет (г. Ростов-на-Дону)
- Жигунова
Галина Владимировна** д-р социол. наук, доцент, заведующий кафедрой философии, социальных наук и права социального обеспечения, ФГБОУ ВО «Мурманский арктический государственный университет» (г. Мурманск)
- Зубок
Юлия Альбертовна** д-р социол. наук, профессор, Институт социально-политических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (г. Москва)
- Захарова
Ангелина Сергеевна** студентка 2 курса магистратуры факультета социологии, направление подготовки «Международная социология», Санкт-Петербургский госуд. ун-т (г. Санкт-Петербург)
- Зубок
Юлия Альбертовна** д-р социол. наук, профессор, Институт социально-политических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (г. Москва)
- Каргинова-Губинова
Валентина Владимировна** канд. экон. наук, научный сотрудник, ФГБУН ФИЦ «Карельский научный центр Российской академии наук» Институт экономики (г. Петрозаводск)
- Карпикова
Ирина Серафимовна** канд. экон. наук, доцент, ФГБОУ ВО «Байкальский государственный университет», доцент кафедры социологии и психологии (г. Иркутск)

- Катаев
Дмитрий Валентинович** д-р социол. наук, профессор кафедры философии, социологии и теологии ФГБОУ ВО Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского (г. Липецк)
- Кисляков
Павел Александрович** д-р психол. наук, доцент, Российский государственный университет (г. Москва)
- Ковалева
Олеся Михайловна** студентка, Финансовый университет при Правительстве РФ (г. Москва)
- Кононов
Алексей Александрович** аспирант 1 курса кафедры истории и философии, Череповецкий государственный университет (г. Череповец)
- Костюков
Константин Иванович** канд. экон. наук, доцент, заведующий кафедрой «Экономика, управление, финансовое право и информационные технологии», Ставропольский филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Московский педагогический государственный университет» (г. Михайловск)
- Короткова
Алена Александровна** канд. социол. наук, доцент кафедры психологии и социологии управления, Алтайский филиал РАНХиГС (г. Барнаул)
- Кришталь
Михаил Игоревич** канд. геогр. наук, научный сотрудник, ФГАОУ ВО «Балтийский федеральный университет им. И. Канта» (г. Калининград)
- Круглова
Елена Леонидовна** канд. социол. наук, доцент, Финансовый университет при Правительстве РФ (г. Москва)
- Курочкин
Александр Вячеславович** д-р полит. наук, доцент, ФГБОУ ВО Санкт-Петербургский государственный университет (г. Санкт-Петербург)
- Кутявина
Елена Евгеньевна** канд. социол. наук, доцент, доцент кафедры общей социологии и социальной работы факультета социальных наук Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского (г. Нижний Новгород)
- Ластовкина
Дарья Александровна** старший лаборант с высшим образованием, ФГБУН Вологодский научный центр РАН (г. Вологда)
- Левашов
Виктор Константинович** д-р социол. наук, руководитель Центра стратегических социальных и социально-политических исследований Института социально-политических исследований ФНИСЦ РАН (г. Москва)
- Любутов
Александр Сергеевич** канд. техн. наук, старший научный сотрудник, Институт социально-политических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (г. Москва)
- Макарова
Светлана Павловна** канд. социол. наук, ст. преподаватель, Череповецкое высшее военное инженерное ордена Жукова училище радиотехники (г. Череповец)

Маковский

Андрей Андреевич

Малинина

Кристина Олеговна

канд. полит. наук, старший научный сотрудник, ФГБОУ ВО «Псковский государственный университет» (г. Псков)
канд. социол. наук, заведующий лабораторией социокультурной динамики развития Арктических регионов Российской Федерации, ФГБОУН Федеральный исследовательский центр комплексного изучения Арктики имени академика Н.П. Лаверова РАН (г. Архангельск)

Марков

Дмитрий Игоревич

студент, 4 курс, факультет Социологии и политологии; специалист учебно-научной социологической лаборатории департамента социологии, истории и философии, Финансовый университет при Правительстве РФ (г. Москва)

Махаматов

Таир Махаматович

Медведева

Наталья Владимировна

д-р филос. наук, профессор, профессор, Финансовый университет при Правительстве РФ (г. Москва)
канд. социол. наук, доцент, доцент кафедры менеджмента и административного управления, Российский государственный социальный университет, (г. Москва)

Меньшакова

Мария Юрьевна

канд. биол. наук, доцент, заведующий лаборатории мониторинга и сохранения природных экосистем Арктики, ФГБОУ ВО «Мурманский арктический государственный университет» (г. Мурманск)

Недосека

Елена Владимировна

канд. социол. наук, доцент, старший научный сотрудник Социологического института РАН – филиала ФНИСЦ РАН г. Санкт-Петербурга (г. Санкт-Петербург)

Новоженина

Ольга Петровна

Орлова

Ольга Александровна

Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН, (г. Москва)

канд. биол. наук, доцент кафедры психологии образования, Амурский гуманитарно-педагогический государственный университет, Комсомольск-на-Амуре (г. Комсомольск-на-Амуре)

Панкратов

Сергей Анатольевич

д-р полит. наук, профессор, заведующий кафедрой международных отношений, политологии и регионоведения, Волгоградский государственный университет (г. Волгоград)

Панкратова

Лилия Сергеевна

канд. социол. наук, доцент кафедры социологии культуры и коммуникации, Санкт-Петербургский государственный университет; старший научный сотрудник, Социологический институт РАН – филиал ФНИСЦ РАН (г. Санкт-Петербург)

Пашкова

Елена Юрьевна

канд. ист. наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления, Алтайский филиал РАН-ХиГС (г. Барнаул)

Петошина

Светлана Игоревна

канд. филос. наук, доцент кафедры философии, социальных наук и права социального обеспечения, Мурманский арктический государственный университет (г. Мурманск)

- Петровская
Юлия Александровна*** канд. социол. наук, зам. зав. кафедрой социологии и социальной работы, Петрозаводский государственный университет (г. Петрозаводск)
- Проданцов
Константин Сергеевич*** студент 1 курса магистратуры по направлению «Социология», старший лаборант социологической лаборатории, ФГАОУ ВО «Балтийский федеральный университет им. И. Канта» (г. Калининград)
- Разов
Павел Викторович*** д-р социол. наук, профессор, Финансовый университет при Правительстве РФ (г. Москва)
- Рогач
Ольга Владимировна*** канд. социол. наук, доцент, доцент кафедры менеджмента и административного управления, Российский государственный социальный университет (г. Москва)
- Родионова
Марина Евгеньевна*** канд. социол. наук, доцент, Финансовый университет при Правительстве РФ (г. Москва)
- Сауткин
Александр Александрович*** канд. филос. наук, доцент, доцент кафедры философии, социальных наук и права социального обеспечения, Мурманский арктический государственный университет (г. Мурманск)
- Свечинская
Татьяна Алексеевна*** канд. социол. наук, доцент кафедры «Экономика, управление, финансовое право и информационные технологии», Ставропольский филиал ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет» (г. Ставрополь)
- Серегина
Татьяна Николаевна*** канд. филос. наук, доцент, Финансовый университет при Правительстве РФ (г. Москва)
- Сивашенко
Мария Николаева*** студент 3 курса направления «Социология» Института гуманитарных наук, ФГАОУ ВО «Балтийский федеральный университет им. И. Канта» (г. Калининград)
- Силласте
Галина Георгиевна*** д-р филос. наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, научный руководитель департамента социологии, истории и философии, руководитель научной школы «Гендерная и экономическая социология» Финансовый университет при Правительстве РФ, член Научно-экспертного совета при председателе Совета Федерации РФ (г. Москва)
- Силаева
Ольга Александровна*** соискатель, Российский государственный университет (г. Москва)
- Ситяева
Снежана Михайловна*** канд. биол. наук, доцент, доцент кафедры психологии образования, Амурский гуманитарно-педагогический государственный университет, Комсомольск-на-Амуре (г. Комсомольск-на-Амуре)
- Слобожникова
Валентина Сергеевна*** доктор полит. наук, профессор, заведующий кафедрой истории, политологии и социологии, ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия» (г. Саратов)

- Смирнов
Максим Валерьевич** соискатель ученой степени кандидата наук по социальной философии при Череповецком государственном университете (г. Череповец)
- Смирнова
Ольга Вениаминовна** канд. филос. наук, профессор, профессор кафедры истории и философии, Череповецкий государственный университет (г. Череповец)
- Суслов
Иван Владимирович** канд. социол. наук, доцент кафедры истории, политологии и социологии, ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия» (г. Саратов)
- Тишков
Сергей Вячеславович** канд. экон. наук, Институт экономики Карельского научного центра РАН (г. Петрозаводск)
- Тихомирова
Татьяна Михайловна** д-р экон. наук, профессор, профессор кафедры математических методов в экономике, ФГБОУ ВО «Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова» (г. Москва)
- Тихомиров
Николай Петрович** д-р экон. наук, профессор, профессор кафедры математических методов в экономике, ФГБОУ ВО «Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова» (г. Москва)
- Ткаченко
Ирина Леонтьевна** старший преподаватель кафедры философии, социальных наук и права социального обеспечения, Мурманский арктический государственный университет (г. Мурманск)
- Тузова
Ольга Николаевна** канд. психол. наук, доцент кафедры психологии, Мурманский арктический государственный ун-т (г. Мурманск)
- Туркулец
Светлана Евгеньевна** д-р филос. наук, доцент, профессор Дальневосточного государственного университета путей сообщения (г. Хабаровск)
- Уваров
Игорь Алексеевич** канд. юрид. наук, доцент, доцент кафедры криминалистики, Ставропольский филиал ФГКОУ ВО «Краснодарский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации» (г. Ставрополь)
- Филиппова
Дария Николаевна** СВФУ, Финансово-экономический институт, выпускник аспирантуры (г. Якутск)
- Фомин
Максим Витальевич** канд. полит. наук ведущий научный сотрудник, Институт социально-политических исследований (ИСПИ) ФНИСЦ РАН (г. Москва)
- Филиппова
Елена Владимировна** магистр социологии (г. Мурманск)
- Цылев
Виктор Рюрикович** канд. филос. наук, доцент, доцент кафедры философии, социальных наук и права социального обеспечения, Мурманский арктический государственный университет (г. Мурманск)
- Чернова
Надежда Владимировна** консультант управления социальной защиты, опеки и попечительства Министерства труда и социального развития Мурманской области (г. Мурманск)

- Шарова
Екатерина Николаевна** канд. социол. наук, доцент кафедры философии, социальных наук и права социального обеспечения, Мурманский арктический государственный университет (г. Мурманск)
- Шипилов
Игорь Викторович** заместитель министра Министерства труда и социального развития Мурманской области (г. Мурманск)
- Шмелева
Елена Александровна** доктор психол. наук, доцент, Ивановский государственный университет, Ивановская пожарно-спасательная академия ГПС МЧС России (г. Иваново)
- Шушпанова
Ирина Сергеевна** канд. социол. наук, доцент, Центр стратегических социальных и социально-политических исследований Института социально-политических исследований ФНИСЦ РАН (г. Москва)
- Щекотуров
Александр Вячеславович** канд. социол. наук, заведующий социологической лабораторией Института региональных исследований, БФУ им. И. Канта (г. Калининград)
- Щербак
Антон Павлович** канд. экон. наук, Институт экономики Карельского научного центра РАН (г. Петрозаводск)
- Яковлева
Ольга Александровна** канд. филол. наук, доцент, Университет Марии Кюри-Склодовской в Люблине (Польша)
- Ясников
Николай Николаевич** магистр социологии, инженер-исследователь, ФГБУН Вологодский научный центр РАН (г. Череповец)
- Яремчук
Светлана Владимировна** канд. психол. наук, доцент, доцент кафедры психологии образования, Амурский гуманитарно-педагогический государственный университет, Комсомольск-на-Амуре (г. Комсомольск-на-Амуре)
- Allemann
Lukas Felice Otto** PhD, научный сотрудник, Арктический центр Лапландского университета, г. Рованиеми (Финляндия)
- Huber
Milosh** канд. минерал. наук, доцент кафедры геологии и охраны литосферы, Университет Марии Кюри – Склодовской в Люблине (г. Люблин, Польша)
- Carrillo Julián,
Miguel Angel** бакалавр циркумполярных исследований, Национальная ассоциация Арктики и Антарктики, специалист по российской Арктике (Испания)
- Mankova Petia** PhD, доцент Арктического университета Норвегии, факультет гуманитарных, социальных наук и образования, кафедра археологии, истории, религиоведения и теологии (Норвегия)
- Moroniak-Wawryszuk
Dorota** магистр, Университет Марии Кюри – Склодовской в Люблине (г. Люблин, Польша)
- Vladimirova Vladislava** PhD, доцент, доктор философии Университета Уппсалы, старший преподаватель (г. Уппсала, Швеция)

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ (Г.В. Жигунова).....	4
О.А. Александрова ОТ СОЦИАЛЬНОГО БЛАГА К БИЗНЕС-МОДЕЛИ: СОЦИАЛЬНЫЕ РИСКИ ГЛОБАЛЬНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ.....	6
Г.Г. Алексеева ВЗАИМОПОМОЩЬ КАК ФОРМА ДОБРОВОЛЬЧЕСТВА (НА ПРИМЕРЕ С. ЧУРАПЧА).....	10
L. Allemann PROSPECTS AND WISHES OF YOUTH IN ARCTIC SINGLE-INDUSTRY TOWNS IN RUSSIA AND FINLAND	14
Ю.А. Афонькина ПРОБЛЕМНОЕ ПОЛЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ ОБУЧАЮЩИМСЯ С ОВЗ В УСЛОВИЯХ ИНКЛЮЗИВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ	18
Е.И. Борковская ЕСТЬ ЛИ SHARING ЗА ПРЕДЕЛАМИ МЕГАПОЛИСА?.....	21
Л.А. Брушкова ЛЕГАЛИЗАЦИЯ САМОЗАНЯТОСТИ МОСКОВСКОЙ МОЛОДЕЖИ: ФАКТОРЫ ДЕМОТИВАЦИИ.....	25
В.В. Бубликов БИЭТНИЧНЫЕ РУССКО-УКРАИНСКИЕ МИГРАНТЫ-«СЕВЕРЯНЕ» В СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ СРЕДЕ ЮЖНЫХ РЕГИОНОВ РОССИИ (НА ПРИМЕРЕ БЕЛГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ)	29
А.В. Бурцева ВРЕМЯ ПО МУРМАНСКУ	34
Ю.В. Веселов ДОВЕРИЕ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ КАК РЕШЕНИЕ ПРОБЛЕМЫ РИСКА	40
У.А. Винокурова ПРИНЦИПЫ СТРАТЕГИИ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ САХА (ЯКУТИЯ).....	44
V.K. Vladimirova TRADITION OR STATE CARE? SECURITY STRATEGIES OF INDIGENOUS WOMEN IN NENETS AUTONOMOUS REGION.....	49

<p>А.Д. Волков ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ В СИСТЕМЕ РЕСУРСНЫХ ОГРАНИЧЕНИЙ РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ КАРЕЛЬСКОЙ АРКТИКИ: МЕТОДОЛОГИЯ ПРОВОДИМОГО ИССЛЕДОВАНИЯ В УСЛОВИЯХ НОВЕЙШИХ РЕАЛИЙ</p>	54
<p>Ю.А. Гайдунко, С.П. Макарова СРЕДСТВА, ИСПОЛЬЗУЕМЫЕ СОЦИАЛЬНЫМИ ПЛАТФОРМАМИ, ДЛЯ УПРАВЛЕНИЯ БОЛЬШИМИ МАССАМИ ЛЮДЕЙ</p>	58
<p>А.Э. Геринг РАЗВИТИЕ СИСТЕМЫ КОМПЛЕКСНОЙ РЕАБИЛИТАЦИИ ИНВАЛИДОВ КАК РЕШЕНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ ИНВАЛИДНОСТИ</p>	62
<p>М.Е. Глухова РОЛЬ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ПРОЦЕССЕ ПЕРЕЖИВАНИЯ ДЕПРЕССИИ: НА ПРИМЕРЕ СТУДЕНТОВ ИЗ УНИВЕРСИТЕТОВ ХЕЛЬСИНКИ</p>	65
<p>Н.П. Гончарова, А.А. Короткова ОТНОШЕНИЕ К ЖИЗНИ В РЕГИОНЕ КАК ФАКТОР ТРУДОВОЙ МИГРАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ АЛТАЙСКОГО КРАЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)</p>	69
<p>О.В. Гребняк ЦИФРОВИЗАЦИЯ ПОСТПАНДЕМИЧЕСКОГО ПЕРИОДА КАК ФАКТОР СОЦИАЛЬНОЙ ТРЕВОЖНОСТИ РОССИЯН</p>	73
<p>Т.А. Гужавина, Д.А. Ластовкина ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ В РЕГИОНАЛЬНОМ СООБЩЕСТВЕ</p>	78
<p>Т.А. Гужавина, Н.Н. Ясников ВЗАИМОСВЯЗЬ ИННОВАЦИОННЫХ ПРАКТИК И СОЦИАЛЬНОГО КАПИТАЛА НЕЗАНЯТОГО НАСЕЛЕНИЯ КРУПНЫХ ГОРОДОВ ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ (НА ПРИМЕРЕ ВОЛОГДЫ И ЧЕРЕПОВЦА)</p>	82
<p>А.А. Дупак ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ПРАКТИКАХ ЗАБОТЫ О ЗДОРОВЬЕ В СОЦИОЛОГИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ</p>	87
<p>А.В. Ермишина СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ РИСКИ РОССИЙСКОЙ МОДЕЛИ ОРГАНИЗАЦИИ КАПИТАЛЬНОГО РЕМОНТА МНОГОКВАРТИРНЫХ ДОМОВ</p>	92
<p>Г.В. Жигунова РИСКИ ФОРМИРОВАНИЯ ИНКЛЮЗИВНОГО ПРОСТРАНСТВА АРКТИЧЕСКИХ ТЕРРИТОРИЙ</p>	69
<p>А.С. Захарова ЦИФРОВОЙ СЕЛФ-ТРЕКИНГ В ПРАКТИКАХ ЗАБОТЫ О ЗДОРОВЬЕ: РОССИЙСКИЙ КОНТЕКСТ</p>	101

СОДЕРЖАНИЕ

Ю.А. Зубок, А.С. Любутов РИСК В САМОРЕГУЛЯЦИИ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ МОЛОДЕЖИ	105
И.С. Карпикова ПРИЕМНАЯ СЕМЬЯ ДЛЯ ПОЖИЛОГО ЧЕЛОВЕКА: ОЦЕНКА ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ В АСПЕКТЕ СОЦИАЛЬНЫХ РИСКОВ	108
М. А. J. Carrillo DISAPPEARANCE OF THE INDIGENOUS BRIGADES IN THE RUSSIAN ARCTIC AS A CONSEQUENCE OF SOCIAL DEVELOPMENT POLICIES	112
Д.В. Катаев УСКОРЕНИЕ КАК ПРОБЛЕМА ОБЩЕСТВА РОСТА	117
А.А. Кононов СПРАВЕДЛИВОСТЬ ПРАВА КАК ОСНОВА СТАБИЛЬНОСТИ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА	119
Н.А. Костко ИССЛЕДОВАНИЕ СОЦИАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА УМНОГО ГОРОДА: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ И ПРИКЛАДНОЙ АСПЕКТ	123
К.И. Костюков, Т.А. Свечинская ЦИФРОВАЯ ГРАМОТНОСТЬ ПОДРОСТКОВ И МОЛОДЕЖИ В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМАЦИИ ОБЩЕСТВА: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ	128
М.И. Кришталь, К.С. Проданцов ВОЗРАСТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ ЖИТЕЛЯМИ КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ РИСКОВ, СВЯЗАННЫХ С КОРОНАВИРУСОМ	132
Е.Л. Круглова ГЕНДЕРНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РЫНКА ЗАНЯТОСТИ, ЕГО ДИНАМИКА И ЭВОЛЮЦИЯ	137
А.В. Курочкин ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ТЕХНОЛОГИЙ «УМНОГО ГОРОДА» В УСЛОВИЯХ АРКТИЧЕСКИХ ТЕРРИТОРИЙ	141
Е.Е. Кутявина РИСКИ ЧЛЕНОВ СЕМЬИ, УХАЖИВАЮЩИХ ЗА ТЕРМИНАЛЬНЫМИ БОЛЬНЫМИ	145
В.К. Левашов, О.П. Новоженина СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ РИСКИ ПАНДЕМИИ КОРОНОВИРУСА И ИМПЕРАТИВЫ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ	149
А.А. Маковский КОНФИГУРАЦИИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ВЛАСТИ С РЕЛИГИОЗНЫМИ ОРГАНИЗАЦИЯМИ В НИЖНЕМ ПОВОЛЖЬЕ	153
К.О. Малинина, Т.А. Блынская ТРАЕКТОРИИ ПОВЕДЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ АЗРФ В ПЕРИОД САМОИЗОЛЯЦИИ	156

Р. Mankova	
EVERYDAY RISKS ON SVALBARD: THE CASE OF POLARKLOKKEN: CHANGING PERCEPTIONS FROM A FEMINIST PERSPECTIVE	160
Д.И. Марков	
ОПАСЕНИЯ МОСКОВСКИХ СТУДЕНТОВ В ОТНОШЕНИИ СИСТЕМЫ НЕГОСУДАРСТВЕННОГО ПЕНСИОННОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ.....	162
Т.М. Махаматов	
ПРОБЛЕМЫ ИДЕНТИЧНОСТИ, ТОЛЕРАНТНОСТИ В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛЬНОЙ МИГРАЦИИ.....	166
Н.В. Медведева	
РАЗВИТИЕ ТУРИСТИЧЕСКОЙ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТИ РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ.....	170
Е.В. Недосека	
ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ РИСКИ МОНОГОРОДОВ АРКТИЧЕСКОЙ ЗОНЫ РФ НА ПРИМЕРЕ (МУРМАНСКОЙ ОБЛАСТИ).....	174
С.А. Панкратов	
ИНСТИТУТЫ ВЛАСТИ И ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В ПУБЛИЧНОМ ПРОСТРАНСТВЕ РЕГИОНОВ РФ: ПРОЕКТНЫЙ ПОДХОД К РАЗРЕШЕНИЮ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ (НА ПРИМЕРЕ ВОЛГОГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ)	178
Л.С. Панкратова	
СЕМЕЙНО-БРАЧНЫЕ И СЕКСУАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ.....	182
Е.Ю. Пашкова	
АНАЛИЗ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ АЛТАЙСКОГО КРАЯ	185
С.И. Петошина	
О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ СОЦИАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ ПОДРОСТКОВ БАРЕНЦЕВА ЕВРО-АРКТИЧЕСКОГО РЕГИОНА В КОНТЕКСТЕ ЭЛЕКТРОННОГО ЗДОРОВЬЯ (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ МЕЖДУНАРОДНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ).....	189
Ю.А. Петровская	
ТРАНСФОРМАЦИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ЦЕННОСТЕЙ МОЛОДЕЖИ В ОБЩЕСТВЕ ИННОВАЦИОННОЙ ЭКОНОМИКИ	194
П.В. Разов, О.М. Дудина, Д.В. Голованова	
ИЗМЕНЕНИЕ СИТУАЦИИ НА РЫНКЕ ПОСТОЯННОЙ ЗАНЯТОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ФРИЛАНСА ПОСЛЕ ПАНДЕМИИ	201
О.В. Рогач	
КЛЮЧЕВЫЕ ФОРМЫ КОНВЕРТАЦИИ СОЦИАЛЬНОГО КАПИТАЛА МЕСТНЫХ СООБЩЕСТВ В РАЗВИТИЕ ТУРИСТИЧЕСКОЙ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТИ МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ РФ	206

СОДЕРЖАНИЕ

М.Е. Родионова СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И ПРОГНОЗЫ РАЗВИТИЯ ЖЕНСКОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В РОССИИ	210
А.А. Сауткин, Е.В. Филиппова МЕЖКУЛЬТУРНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ И КУЛЬТУРНЫЙ ОТБОР: «ИНФОРМАЦИОННАЯ ДИЕТЕТИКА» КАК КОНЦЕПТ И ПРАКСИС	213
Т.Н. Серегина ГЕНДЕРНЫЕ ПРОЦЕССЫ В ГОРОДСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ	217
Г.Г. Силласте СМЕНА ГЕНДЕРНОГО ПОРЯДКА И ЕГО СОЦИАЛЬНЫЕ РИСКИ	222
Г.Г. Силласте, О.М. Ковалева ПЕНСИОННАЯ РЕФОРМА И ЕЕ СОЦИОГЕНДЕРНЫЙ РАКУРС В ВУЗОВСКОМ СООБЩЕСТВЕ	228
С.М. Ситяева, С.В. Яремчук, О.А. Орлова ВЗАИМОСВЯЗЬ СУБЪЕКТИВНОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ И ЭКСТРЕМИСТКИХ УСТАНОВОК УЧАЩЕЙСЯ И РАБОТАЮЩЕЙ МОЛОДЕЖИ	234
В.С. Слобожникова ОТНОШЕНИЕ К НАСИЛИЮ В МЕЖРЕЛИГИОЗНЫХ ОТНОШЕНИЯХ (НА МАТЕРИАЛАХ НИЖНЕМ ПОВОЛЖЬЯ)	239
М.В. Смирнов МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОГО ОТЧУЖДЕНИЯ	243
О.В. Смирнова РИСКИ РЕГИОНАЛЬНЫХ ВУЗОВ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ	247
И.В. Суслов (ДЕ)СЕКУЛЯРИЗАЦИЯ КУЛЬТУРНОЙ СФЕРЫ КАК ФАКТОР ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДЕСТАБИЛИЗАЦИИ НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ	251
Т.М. Тихомирова, Н.П. Тихомиров УСЛОВИЯ ПЕРЕХОДА ОТ ДЕПОПУЛЯЦИИ К РАСШИРЕННОМУ ВОСПРОИЗВОДСТВУ НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ	255
И.Л. Ткаченко РИСКИ СОЦИАЛЬНОЙ ЭКСКЛЮЗИИ ИНВАЛИДОВ (НА ПРИМЕРЕ МУРМАНСКОЙ ОБЛАСТИ)	260
О.Н. Тузова РЕЖИМ САМОИЗОЛЯЦИИ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ КАК ГЛОБАЛЬНЫЙ СОЦИАЛЬНЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ	264
С.Е. Туркулец РОЛЬ СТИГМАТИЗАЦИИ В ПРОЦЕССЕ ФОРМИРОВАНИЯ ЖИЗНЕННОЙ СТРАТЕГИИ МОЛОДЕЖИ	268

<p>И.А. Уваров ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ РИСКИ В СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЕ СОТРУДНИКОВ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ: СИНДРОМ ВЫГОРАНИЯ</p>	273
<p>Д.Н. Филиппова УДОВЛЕТВОРЕННОСТЬ ЖИЗНЬЮ В АРКТИКЕ: ВЗГЛЯД СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ УНИВЕРСИТЕТОВ АРКТИКИ</p>	277
<p>М.В. Фомин ПРОСТРАНСТВЕННОЕ РАЗВИТИЕ РЕГИОНОВ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РОССИИ: МНЕНИЕ ЖИТЕЛЕЙ</p>	281
<p>М. Huber, О.А. Яковлева, Д.Е. Мороняк–Ваврышук, Г.В. Жигунова, М.Ю. Меньшакова ВОЗМОЖНОСТИ РАЗВИТИЯ ГОРОДСКОГО ПРОСТРАНСТВА МУРМАНСКА. ПЕРСПЕКТИВЫ, ПРИМЕРЫ</p>	286
<p>В.Р. Цылев СОЦИАЛЬНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЧЕЛОВЕКА И ПРИРОДЫ: РИСКИ И ВОЗМОЖНОСТИ СОГЛАСОВАНИЯ ДЕЙСТВИЙ</p>	293
<p>Е.Н. Шарова ЖИЗНЕННЫЕ СТРАТЕГИИ МОЛОДЕЖИ АРКТИЧЕСКОГО РЕГИОНА (НА ПРИМЕРЕ МУРМАНСКОЙ ОБЛАСТИ)</p>	298
<p>И.В. Шипилов, Н.В. Чернова РОЛЬ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ МУРМАНСКОЙ ОБЛАСТИ В РЕШЕНИИ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ ГРАЖДАН С МЕНТАЛЬНОЙ ИНВАЛИДНОСТЬЮ</p>	303
<p>Е.А. Шмелева, П.А. Кисляков, О.А. Силаева СОЦИАЛЬНОЕ ВОЛОНТЕРСТВО МОЛОДЕЖИ: ИНСТИТУТЫ И ИНИЦИАТИВЫ</p>	306
<p>И.С. Шушпанова СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ РИСКИ ТРАНСФОРМАЦИИ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ</p>	310
<p>А.В. Щекотуров, М.Н. Сивашенко ГЕНДЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПРАКТИК САМОИЗОЛЯЦИИ В СИТУАЦИИ COVID-19 (НА ПРИМЕРЕ КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ)</p>	315
<p>А.П. Щербак, С.В. Тишков, В.В. Каргинова-Губинова ЭНЕРГОЭФФЕКТИВНОСТЬ ЭКОНОМИКИ АРКТИЧЕСКОЙ ЗОНЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ</p>	319
<p>СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ</p>	322

Научное издание

СОЦИАЛЬНЫЕ РИСКИ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Материалы Всероссийской научно-практической онлайн-конференции
с международным участием
«Социальные риски в современном обществе»
г. Мурманск, 3-4 декабря 2020 г.

Корректор *К.А. Коробцева*

Компьютерная верстка, обложка *Р.В. Орлов*

Издано в авторской редакции.

Доступ к сборнику – свободный.
Режим доступа: <http://nkras.ru/arhiv/2020/SRMS2020.pdf>
Сборник содержится в едином файле PDF.

Дата выхода в свет 30.11.2020.
Свободная цена. Заказ SRMS/20.

По вопросам приобретения и издания литературы обращаться по адресу:

Издательство «Научно-инновационный центр»

ул. 9 Мая, 5/192, г. Красноярск, 660127 Россия

тел. +7 (923) 358-10-20

Электронная почта: monography@nkras.ru

Дополнительная информация на сайте: www.nkras.ru

